18+

Михаил Маришин

За три войны до...

Реинкарнация Победы – 4

Михаил Маришин

За три войны до…
Реинкарнация Победы – 4

«Издательские решения»

Маришин М.

За три войны до… Реинкарнация Победы – 4 / М. Маришин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-518498-6

Семён Любимов может быть доволен собой. В малых войнах конца 30-х — начала 40-х гг. СССР демонстрирует военный и политический потенциал много выше «эталонного». Такой, что после окончания Советско-Финской, в высшем партийном и советском руководстве побеждает мнение, что Гитлер не посмеет. Но… Но и Германия тоже далеко не та!

ISBN 978-5-00-518498-6

© Маришин М.
© Издательские решения

За три войны до… Реинкарнация Победы – 4

Михаил Маришин

© Михаил Маришин, 2020

ISBN 978-5-0051-8498-6 (т. 4)
ISBN 978-5-0051-6750-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лучшие друзья девушек или небо в алмазах.

Эпизод 1.

«… считаю оправданным первоочередное принятие к производству именно осколочно-штурмовых бомб с готовыми поражающими элементами в гексоген-тротиловом снаряжении, несмотря на их более высокую стоимость. Их применение на начальном этапе большой войны, или в малых войнах, сулит выгоды в отношении нанесения противнику наибольшего урона в короткий промежуток времени. Чугунный вариант, снаряжённый плавленым тротилом или суррогатными ВВ предлагаю считать мобилизационным.» Число. Подпись. Пробежав глазами ещё раз текст записки на имя Кулика, вздохнул и отложил её в папку исходящих документов. Ничто не отбирает столько времени, как «пробивание» принятия нужных решений. Как например с этими ОШАБ. Испанская кампания показала, что советские 50-килограммовые бомбы частенько просто не взрываются, раскалываясь при ударе о твёрдый грунт. И у меня на это готов был ответ. Детальное проектирование бомбы, оснащённой тормозным парашютом и взрывателем разгрузочного типа, группой в составе пяти человек заняло всего две недели, включая выпуск полного комплекта чертежей. Ещё месяц ушёл на изготовление опытных образцов и испытания. Фактически, для штурмовиков было создано идеальное оружие, позволявшее бомбить с высоты всего полусотни метров без угрозы для носителя. У бомбы цилиндрической формы, сразу после сброса, открывался парашют, резко её тормозивший и обеспечивавший вертикальный подход к поверхности. Одновременно из носка выпадал каплеобразный грузик на тросе, взводивший боевую пружину взрывателя, который и подрывал боеприпас на высоте полутора метров над землёй. Точно, безопасно в обращении, эффективно. Что ещё нужно? Даже чугунная 50-кг бомба превзошла по площади сплошного поражения обычную «сотку», а «банка», снаряжённая роликами двух калибров из закалённой ТВЧ рубленой арматуры и мягкой стальной проволоки, была опасна и для легкобронированной техники. Любой из вариантов ОШАБ был дешевле 100-киллограммовых бомб, но вызвал яростное сопротивление как авиаторов, столкнувшихся с проблемой перепроектирования бомбоотсеков перспективных штурмовиков, так и ГАУ, которое желало иметь только самое-самое дешёвое и соглашалось лишь на пару тротил-чугун. Но ведь применение самых совершенных боеприпасов, пусть несколько более дорогих, именно в самом начале войны имело огромное значение! Растрепать противника сразу, шокировать его потерями, убить волю к победе – уже значило пройти до неё полпути. А в ходе войны, когда действительно нужно всего и много, при этом, как можно дешевле, любое чугунолитейное производство и самые примитивные механические цеха могут печь «мобилизационные» бомбы как пирожки. И вот, весь март и половину февраля 1938 года я переругиваюсь, доказываю, убеждаю, но чувствую, что всё равно придётся

выносить сор из избы и подключать, через моего непосредственного начальника, наркомат. А то и выше прыгать, если у Берии влияния не хватит.

– Тащ капитан, там на КПП женщина пришла, говорит в ваше распоряжение! – из коридора штаба, через открытую дверь доложил дежурный и остался стоять, ожидая распоряжений.

– Женщина? Что за напасть? – в моём островном мирке, не считая жён комсостава, представительниц слабого пола отродясь не бывало. – Сам схожу разберусь, что за птица к нам прилетела.

Дежурный скрылся, а я, пользуясь случаем размяться, по уложенным в качестве тротуаров плетёным из лозы матам, спасавшим «островитян» от весенней грязи, не спеша пошёл к контрольно-пропускному пункту. Первоапрельское солнышко припекало, вызывая бурную радость пернатых, которые, казалось, щебетали на всех ветвях, сплетая свои голоса с журчанием талой воды. Ещё чуть-чуть и лёд с реки сойдёт, вновь пойдут через шлюзы баржи и пароходы, а лётчики гидроаэродрома возобновят полёты, перейдя с лыж на поплавки. С каждым шагом пока ещё прохладный ветерок выдувал из головы все заботы и проблемы, настраивая мысли на «амурный» лад.

Ожидавшая меня особа, шикарно одетая по современным меркам в синее пальто, подчёркивавшее стройную фигуру с узкой талией, стянутой широким поясом, казавшаяся выше своего роста из-за сапожек на высоком каблуке, тоже поначалу заставила думать о чём угодно, но только не о работе. Её лицо было скрыто прикреплённой к шляпке вуалью и мне на миг показалось, что она вот-вот скажет что-то вроде:

– А помните, вы к нам в командировку приезжали и мы с вами очень близко познакомились? Вот, приехала к вам жить!

Хотя нет, уж слишком она для меня молода на вид. Может, представится нажитой на стороне дочерью? Вот это будет подстава! Не то, что бы я мог где-то нагрешить, знал, что ничего подобного не было, да и быть не могло, но мысли, наверное, из-за нестандартности ситуации, интуитивно вызывавшей опасения, повернули именно в эту сторону. Могли ведь недоброжелатели изобразить подобное? Почему нет?

Но реальность оказалась ещё более неожиданной, хотя и более прозаичной.

– Ой, здравствуйте, товарищ капитан! – чуть ли не подпрыгнула она от радости, когда я вошёл в помещение. – А я вас сразу узнала!

– Здравствуйте! Чем обязан? – ответил я, стараясь не расплыться в глупой улыбке и удержать себя в руках.

– Вот, пришла садиться в тюрьму… – развела она руками.

– Чтооо?! – непосредственно отреагировал я на такой обескураживающий ответ на простой вопрос.

– Что, что? Всё просто. В ноябре был суд, дали полгода за антисоветскую агитацию, с отсрочкой исполнения приговора до мая месяца. Но три дня назад участковый принёс предписание явиться в Москву по вот этому адресу для отбытия наказания и поступить в ваше распоряжение. Неудачно всё получилось, мне ведь диплом защищать. Теперь до следующего года всё отложить придётся, – она тараторила, а я тупо смотрел на врученную мне бумагу, где чёрным по белому было написано: «Сарсадских Наталье Николаевне. Приговор Кировского районного суда г. Ленинграда №567 от 14.11.1937 вступает в силу 01.04. 1938. Для отбытия наказания явиться по адресу…»

– Товарищ Любимов? Вы меня слышите? – дёрнула девушка меня за рукав. – Меня из комсомола отчислили. Но если вы мне хорошую характеристику напишете, то я, как исправившаяся, восстановлюсь. Вы ведь напишете?

– Так! Стоп! – прервал я поток красноречия. – Гражданка Сарсадских, ваша специальность?

– Горное дело. Геохимик, учусь, вернее, заканчиваю ЛГУ… – заметно упавшим голосом ответила девушка.

– Понятно… Точнее, не очень, но разберёмся. Пройдёмте со мной, – сказал я, начав осознавать, откуда на этот раз привалила беда.

Берия уже не раз упрекал меня в том, что я зациклился на войне. Всё, чем я занимался, было так или иначе завязано именно на неё. А, в связи с тем, что роковой рубеж неумолимо приближался, решаемые задачи становились всё мельче, сроки их реализации всё короче, при значительном увеличении числа. Но ведь, рассматривая каждую работу в отдельности, начальник делал вывод, что я растрачиваю себя попусту. Начав с моторов с перспективой на многолетнее их использование, как в армии, так и в народном хозяйстве, я скатился к сугубо оборонным темам, зачастую одноразовым. Первый раз нарком только намекнул на неудовольствие, распекая за спектакль, который я разыграл, явившись в Военную Академию к Карбышеву с завершённым проектом «вертикальной фортификации». Инженеры в армии составляли особую касту, ценную и даже незаменимую, поэтому любые внутренние веяния, репрессии, обходили их стороной. Чтобы меня приняли в их среде в серьёз, я выбрал авторитетную фигуру, чьё одобрение фактически автоматически обеспечивало принятие моего проекта для реализации и пустил пыль в глаза, явившись не только с двумя телохранителями, но и десяток вооружённых бойцов на полуторке сопровождения с собой прихватил. С таким эскортом, да с портфелем, пристёгнутым к запястью цепочкой, меня было чрезвычайно трудно проигнорировать. А уж, начав разговор, заинтересовать и представить своё детище в выгодном свете – дело техники. Как бы то ни было, но желаемого результата я достиг, а издержки в виде перепуганных москвичей и нелепых слухов не значили для меня ровным счётом ничего.

Зато я одним махом заведомо выиграл даже ещё не объявленный официально конкурс на УРовское вооружение. КБ бывшего начальника ГАУ Ефимова, севшего с моей подачи, отложило на время сверхтяжёлый 240-миллиметровый миномёт и взялось за безоткатки и автоматическую мелкокалиберную мелочь. 25-ти и 45-ти миллиметровые пушки были поименованы именно безоткатными, путать с динамореактивными их не следовало. Просто обе они были спроектированы по жёсткой схеме, гася энергию отдачи всей массой фортсооружения. Их полуавтоматика работала благодаря отводу пороховых газов из канала ствола, как в стрелковом оружии. Зато в отношении простоты производства, компактности, защищённости и скорострельности они давали фору в сто очков обычным артсистемам. Меньшую из пушек можно было даже монтировать в амбразурах существующих пулемётных ДОТов, спаривая с Максимами.

Малый проект, превращавший советские УРы а противотанковые, дополнялся устанавливаемыми в бетонных колодцах автоматическими 60-мм миномётами, огнемётами и пистолетами-пулемётами, причём последние имели кривые стволы. Всё оружие было спроектировано с упором на простоту, дешевизну и надёжность при полном пренебрежении к весу. Оба автомата, несмотря на разницу в калибре, работали на принципе отдачи свободного затвора. Роднили их и гладкие стволы. Для ПП ради экономии даже спроектировали спецпатрон на основе заготовок гильз ТТ, снарядив их вместо пуль 8,5-миллиметровыми стальными шариками. Всё в комплексе, основные огневые сооружения с пушками и нормальными пулемётами, вспомогательные колодцы, обеспечивающие его самооборону, составляли штурмобезопасную от пехоты позицию. Связки таких позиций образовывали противотанковый рубеж. Были и перспективы в отношении более крупнокалиберных безоткатных пушек и полноценных кривоствольных пулемётов, работы по которым сдерживались тем, что подходящий базовый образец до сих пор не был принят на вооружение.

Карбышев мою затею оценил, особо отметив, как инженер, что сооружения, по большей части, собираются из стандартных деталей, колец и плит, которые можно выпускать промышленным способом, а защитные толщи располагаются исключительно горизонтально и имеют

небольшую площадь. Это был выигрыш в простоте и темпах постройки. Больший же расход материала на такой куст компенсируется их меньшим потребным количеством, так как взаимное прикрытие опорных пунктов необходимо лишь артиллерийским огнём. В общем, можно считать, что благословение проект получил. Рабочей силы для реализации хватало, оставалось лишь найти мощности под выпуск конструкций и вооружения.

Зато с заводами для постройки подвижных огневых точек для таковых же УРов было всё в порядке. После модернизации в Харькове Т-34 под стандартную башню оставались невостребованными тысячи запланированных на заводе имени Калинина 60-калиберных танковых сорокапяток. Их можно было бы использовать в бронебашнях в рамках «вертикальной» фортификации, но я нашёл лучший выход. Спроектированная в моём отделе десятитонная наследница бронекаретки Шумана являла собой тракторную телегу с установленным на ней вращающимся боевым отделением, подобным по компоновке салону какой-нибудь легковушки конца 20-го века, где сидя размещались расчёт из трёх человек и боекомплект. В ней не было ничего, с чем не мог бы справиться любой вагоностроительный завод. Узкий внутренний погон, не шире диаметра колеса стандартной железнодорожной пары, для размещения в нём «люка героев», черновой внешний, с подпружиненными, либо обрезиненными роликами, балансирная подвеска четырёх сдвоенных, заимствованных у ЯГа, колёс.

Исключением была лишь сама 75-миллиметровая броня и её сварные соединения. Здесь я перестраховывался заранее. Хоть и наворотил уже в этом мире столько, что имел все основания надеяться избежать масштабной эвакуации промышленности в начале войны, но, на всякий случай, посчитал не лишним сделать «мобилизационную прививку» Магнитогорскому комбинату и Уралвагонзаводу. Неохваченные до сих пор оборонными заказами, пусть набивают руку, проще потом будет, если события будут развиваться вопреки моим оптимистичным ожиданиям, переходить на выпуск полноценных боевых машин.

Карбышев, хоть и отнёсся к «телегам» скептически, упомянув их заведомую уязвимость по сравнению с «настоящими» ДОТами и неполноценность по отношению к настоящим танкам, всё же согласился меня и в этом вопросе поддержать, коли уж я изыскал резервы и мощности. Берия же, после выволочки, когда мы перешли к сути вопроса, лишь заметил:

– Хорошо, но в этой работе нет ничего выдающегося, за что спецконтингент вашего отдела стоит поощрить. С этим может справиться любой. И вы, и отбывающие наказание специалисты, должны иметь в виду, что награда следует лишь за действительно исключительные достижения. За то, что никто не смог сделать. Вы не хотите принять участие в конкурсе на малый мотор? Это ведь именно по вашей части, – продемонстрировал нарком свою осведомлённость в делах НКТП.

– Но у меня сейчас нет специалистов этого профиля… – развёл я руками.

– А вы на что? Идите, товарищ капитан госбезопасности, работайте. Сами, если других организовать не можете.

Приказ наркома, даже если он выражен в полувопросительной форме, игнорировать нельзя. Но раз задача поставлена лично мне, то и свобода маневра некоторая появляется. Вместо того, чтобы начать судорожно «организовывать» хоть кого-то, кто мог заняться двигателем в моём отделе, я обратился на ЗИЛ, с которым поддерживал постоянные связи на почве использования опытного цеха для создания экспериментальных образцов самых различных изделий. Моторный отдел КБ завода, с передачей в производство «вертикальных» моторов, имел избыточный потенциал. Новых двигателей более не создавалось, осталось только совершенствование технологии и сопровождение серии, народ, откровенно, заскучал. У меня же, как всегда, нашлось, чем их занять. О малом двигателе, из профессионального интереса, я задумывался и ранее, но, не имея реальных возможностей приступить к детальной разработке, относился к теме, как к упражнению для ума. Как создать малый мотор с высокими удельными параметрами и, при этом, несложный в серии, работающий на низкооктановом отечествен-

ном бензине? Пожалуй, самый простой движок – одноцилиндровый мотоциклетный двухтактник. Но он недостаточно мощный. А если приспособить его под цикл Кушуля, добавив второй цилиндр ради повышения степени сжатия, а следовательно, КПД? Но в этом двигателе смесь сжимается обратным движением поршня в картере, а ведь нам ещё нужен чистый воздух. Тогда картеров должно быть два! Установить сверху вместо общей головки второй коленвал с парой поршней! Тогда из одного картера сверхбогатая смесь будет поступать в «горячий» цилиндр с низкой степенью сжатия, а чистый воздух пойдёт в напарника с абсолютной. Схема Юнкерса с противоположными поршнями позволяет при тех же средних скоростях последних вдвое увеличить обороты, что даёт огромный выигрыш, намного превышающий возросшие потери от трения. К тому же отпадает нужда в клапанном механизме и его приводах. Продувка становится продольно-щелевой, с завихрением заряда. С такими теоретическими выкладками, подразумевавшими использование последних достижений отечественного моторостроения от сварных чугунных коленчатых валов до алюминиевых поршней с жаропрочными накладками и внешней силовой рамы мотора, как у Киреева, я и заявился на ЗИЛ. Но вот с реализацией на практике как раз возникли проблемы. Вернее с моим личным в этом участием. На очередном докладе наркому мне вновь пришлось оправдываться:

– Товарищ комиссар госбезопасности первого ранга, кроме задачи по моторам, которую вы мне поставили, у меня множество групп, разбросанных по разным городам и все их надо контролировать. Кроме того, надо следить за смежниками из НКТП, ведь я не могу этапировать, к примеру, одного-двух специалистов из ленинградского КБ на Волгу для присмотра за постройкой сторожевых кораблей. Получается, что большую часть времени я провожу в разъездах, а оставшуюся посвящаю бумажной работе и переписке с заказчиками. На ЗИЛ я, фактически, тоже заезжаю лишь понаблюдать за процессом.

– И это приводит к тому, что ваш мотор уже не ваш! – закончил за меня мысль Лаврентий Павлович. – Ему даже обозначение уже своё присвоили!

– Всего лишь добавили заводское. Был «БЛ», стал «БЛ ЗИЛ», «Берия Лаврентий, выпуска завода имени Ленина». С учётом вклада в работу, считаю, более чем справедливо.

– Да? А мне, между прочим, докладывают, что на заводе аббревиатуру «БЛ» расшифровывают как «бензиновый Любимова» и сам мотор между собой именуют «Любимчиком», – усмехнулся нарком и пояснил. – Меня не тщеславие волнует, а дела наркомата. НКТП выдаст разработку, в случае удачи, за свою. И будет, с учётом вклада, как вы сказали, полностью прав. И это ставит под сомнение существование в структуре нашего наркомата вашего отдела! Помнится, вы с Косовым выступали за то, чтобы ЗК не висели на шее у народа, а самоокупались? И где ваша самоокупаемость? Вы работаете на войну, не давая народному хозяйству ничего! Едите и тратите, при этом, каждый день! Напрягитесь и дайте что-то, что дало бы эффект уже сейчас, чтобы народному хозяйству не приходилось вас содержать. Война, конечно же, рано или поздно придёт и ваша работа не пропадёт даром, но на текущий момент ситуация именно такова. Да и в деле обороны вы распыляетесь, не доводя, при этом, дело до конца. Вам известно, что Шпагин представил на конкурс свой двуствольный пулемёт, пошутив, что выкинул из ПЛ всё лишнее?

Мне оставалось лишь кивнуть в ответ на упрёки. Шпагин действительно утёр мне нос, всего лишь применив более тяжёлые, связанные через серьги и коромысло стволы и новый лентоприёмник своей конструкции с индивидуальными механизмами для каждого. Схему с перезаряжанием на выкате ствола и единой пластиной-затвором он оставил без изменений. Как и вспомогательный лафет. При этом получил практически те же габариты и вес, избавившись от сложного замедляющего механизма. Техническая скорострельность при этом выросла незначительно, до тысячи выстрелов в минуту и ПШ сейчас выходил в фавориты конкурса.

Берию, с его желанием показать НКВД в лучшем свете, я понять могу. На наркомат сейчас давят, причём, со всех сторон. И виноват в этом, поневоле, именно я. Провозглашённая

верхушкой партии, с моей подачи, стратегия концентрации коммунизма в одной стране была принята народом далеко неоднозначно. Ведь одно дело – нести свет учения на чужие земли. А делиться своими с пришлыми людьми – уже совсем другое. Настроения у значительной части общества были сродни тем, что царили в кажущиеся такими далёкими времена коллективизации. Своим, кровным, делиться не хотелось, пусть это хоть сто раз правильно и разумно. Но сейчас процесс затрагивал буквально каждого, все слои общества, уже нельзя было опереться на городской пролетариат, чтобы принудить крестьянство, приходилось уповать на расчётливых и дальновидных и давить на жадных. В связи с масштабами явления борьба шла по всем фронтам, и в плоскости агитации, мне, к примеру, как «застрельщику», даже в постановочных рекламных короткометражках с разъяснениями, воспроизводящих сценарий «Сталиградской речи», сниматься пришлось, и, чего греха таить, репрессивными мерами. Видно, у 37-го и 38-го годов карма такая. Что в эталонной реальности они отметились массовыми арестами, что здесь. ЦК партии выдал установку на максимально жёсткую борьбу с болтунами. Любая критика «стратегии концентрации» приравнивалась к антисоветской агитации с обязательным осуждением на шесть месяцев по соответствующей статье. Если в компании заводили речь на эту тему и в ней находился хоть один стукачок, то он и первый сознавшийся проходили как свидетели, а остальные, вне зависимости от взглядов, получали срок. Хотя бы за то, что не донесли. Сажать принялись так ретиво, что тюрьмы к концу осени 37-го года оказались переполнены.

Массовые посадки с выдёргиванием из трудовых коллективов значительного количества людей, обходились недёшево советской экономике, упали темпы роста, что восстановило Госплан и хозяйственные наркоматы против НКВД. Шесть месяцев – слишком малый срок, чтобы «болтуны» могли быть востребованы в структуре моего отдела, да и в ГуЛаге не могли такую массу «короткосидящего» народа перемещать в направлении всесоюзных строек и обратно. Слишком накладно выходило и давало большую нагрузку на транспорт. Верховный Совет ввёл «предварительную» поправку об отсрочке исполнения приговора. Временно наступило облегчение. Суды работали не покладая рук, но люди возвращались домой до весны, когда их можно было бы содержать хоть в палатках и найти подходящее занятие. Вздохнуло свободнее хозяйство, во-первых потому, что за выдающиеся достижения человеку приговор можно было и вовсе отменить, а во-вторых отсрочка давала время, чтобы найти в коллектив замену. Нашёл свои выгоды и НКВД. Срок небольшой, проще тихо отсидеть, чем пытаться снова агитировать или сбежать, усугубляя свою вину. Если ты, конечно, просто болтун, а не непримиримый враг советской власти! Так рассуждали в моём наркомате и не без оснований. В общем, принцип простой – дать врагу проявить себя, а потом покарать без скидок и по всей строгости. Статьи о таких пойманных или уличённых повторно «рецидивистах», с приговорами на много лет за участие в антисоветской организации и побег, печатали на первых полосах газет, в назидание.

Неудивительно, что Лаврентию Павловичу, которым недовольны были все, и простой народ, за то, что чекисты не слишком-то разбирались в деталях, и Совнарком, за то, что НКВД изымал кадры и срывал планы, и ЦК партии, за то, что заткнуть всех говорунов полностью, несмотря на все усилия, не получалось, нужен был успех. Причём успех громкий, такой, о котором можно было заявить во весь голос. И это не могло быть раскрытием какого-либо масштабного заговора, поскольку, во-первых, арестов и так хватало, а во-вторых, даже если нарушить принцип «Сила в правде» и перегнуть палку, давление на высоких партийных функционеров второго и третьего ранга, большинство из которых идею «концентрации» или не разделяли, или пока принимали с трудом, могло совсем их оттолкнуть от сталинской команды и вот тогда заговор уже мог стать суровой реальностью. Да и потом, если всех посадить и охранять, то кто тогда будет работать? Успехи во внешней разведке, какими бы великими они ни были, нельзя оглашать. Оставался только мой отдел, но всё портила исключительно оборонная тематика. Ну

не бомбами и ДОТами же хвалиться, в конце-то концов? Намекнув на малый двигатель, Берия сделал попытку подтолкнуть меня в нужном направлении, но я это дело провалил. И вот теперь нарком, у которого и так забот полно, приказал мне решить проблему самому.

Что я ему мог предложить? Текучка отпадала сразу, лично прилагал усилия, чтобы на мои работы ставили гриф «секретно». К тому же, на что ни взгляни, на всесоюзный масштаб не тянет. Может, забабахать атомный проект, хоть и познания мои в этой области самые смутные? Тоже не подходит. Долго и дорого. К тому же, в одну из ленинградских командировок я пытался навестить Курчатова и предложить ему своё содействие в продвижении атомной темы, но оказалось, что Игорь Васильевич уже больше года, как арестован. Причём я об этом, не смотря на то, что ко мне стекались сведения обо всех ЗК специалистах, ни сном, ни духом. Из этого можно было сделать единственный вывод – работа идёт. По этой причине я больше не пытался лезть в эту тему, но Берия, которому видимо доложили о моём интересе, намекнул мне, чтобы я не лез и слово «атом» вообще забыл.

Какие ещё были в двадцатом веке эпохальные прорывы? Космос? Но ракетчиков в моём отделе мало и все они заняты, работают в команде Курчевского по гранатомётам. Да и, на текущий момент, запустить на орбиту в разумные сроки хоть лабораторную мышь – слишком оптимистично. Штурмовщиной здесь ничего не решить, нужен опыт, который потихоньку нарабатывает РНИИ. И нечего у него под ногами путаться. ЭВМ тоже не очень годится. Слишком трудно объяснить для начала, чем электрический калькулятор, размером с комнату, лучше механического арифмометра, размером с пишущую машинку. Да и не моё это всё совсем.

Нечем мне было порадовать Лаврентия Павловича, разве что копи царя Соломона с несметными сокровищами на территории СССР найти. Вот это был бы повод для того, чтобы раструбить в газетах и прославить наркомат! Подумав об этом в шутку, я вдруг встрепенулся. А ведь алмазы-то в СССР есть! Надо их только найти и наладить добычу. Всего лишь. Если бы кто-то узнал, с какого именно конца я взялся за это дело, то меня точно сочли бы сумасшедшим. Ну представьте, сидит целый капитан госбезопасности и гипнотизирует карту Восточной Сибири. Спросишь у него:

– Что делаешь?

А он в ответ:

– Алмазы ищу!

Анекдот, да и только. А я всего лишь пытался вспомнить, обладая неплохой зрительной памятью, где примерно находился в моём времени город Мирный. К сожалению, район я для себя отмерил плюс-минус Франция, да и карты оставляли желать лучшего. Кстати, наиболее точные оказались у авиаторов в Аэрофлоте, но и у них было достаточно «белых пятен», где предполагаемые течения рек обозначались пунктиром. Тем не менее, кое-что мне выудить получилось. Взгляд зацепился за название реки Вилюй и память, будто под действием катализатора, начала выдавать казалось, давным-давно позабытую информацию. Её оказалось немного, но и не мало. Всё ограничивалось отдельными ключевыми моментами прочитанной когда-то в детстве брошюрки о героях-геологах, нашедших Якутские алмазы. Ни названия, ни автора на подкорке не сохранилось, зато я был уверен, что искать нужно в бассейне реки Вилюй методом Попугаевой, то есть пироповой съёмкой. Кроме того, в брошюре говорилось об аномалиях магнитного поля над кимберлитовыми трубками и о том, что алмазы светятся в рентгеновских лучах. Это был весь мой багаж и воспользоваться я им был намерен на полную катушку.

Во время очередного доклада наркому, в самом конце, я, понимая, что придётся лукавить про первоисточник и заранее к этому готовясь, как бы между прочим сказал, подражая Сталину:

– Есть мнение, что СССР располагает богатыми промышленными запасами алмазов, которые очень нужны нашей индустрии. Прошу разрешения поручить моему отделу их поиск.

– Этим уже занимается ГУ лагерей, – отмахнулся Берия, – не лезьте в это дело, оно не ваше.

– Вы знаете об алмазах в Якутии? – я не смог скрыть изумления.

– В Якутии? – переспросил нарком не менее удивлённо.

– А где же вы их ищете?!

– Где надо, там и ищем! – вспылил Лаврентий Павлович, вскочил со своего места и, подойдя сбоку, опершись одной рукой на длинный стол за которым я сидел, а второй на спинку моего стула, глядя на меня в упор, спросил. – Откуда вам известно об алмазах в Якутии?!

– От заслуживающих доверия людей…

– Кто они? Имена, фамилии, быстро!

– Ну, – отодвинулся я от наркома, насколько было возможно, – это никакого значения уже не имеет. У них уж не спросишь, померли давно.

– Рассказывайте по порядку и во всех подробностях, – вперился в меня взглядом нарком, будто чувствуя какой-то подвох.

– Да что рассказывать. В том отшельническом ските, где я жил до того, как к людям вышел, был человек, немало по Восточной Сибири походивший. Он и показал мне вот такие камешки, – я достал из портфеля «взятый на прокат» в Московском геологоразведочном институте кроваво-красный образец. – Это пироп. Точно такие же он находил во множестве в бассейне реки Вилюй, где-то в верхнем или среднем его течении. А недавно я зашёл в минералогический музей при МГРИ и увидел эти самые пиропы в кимберлите! Они – спутники алмазов! Причём, в отличие от последних, гораздо более многочисленные и легко находятся визуально. Чем больше пиропов и чем они крупнее, тем ближе их источник – кимберлитовая трубка. Я специально по этому поводу проконсультировался и вот справка, что означенные камни действительно присутствуют в образцах южноафриканских синих глин, – положил я на стол бумагу, – Беря пробы грунта в руслах рек и на их берегах, идя по пиропному следу, мы рано или поздно обнаружим искомое. То есть коренные месторождения алмазов!

– Так-так-так, – Берия стал торопливо мерить свой кабинет ногами, рассуждая на ходу, – То есть вы, на основании вот таких камешков, считаете, что в Якутии есть алмазные месторождения, подобные южноафриканским?

– Да!

– А что по этому поводу говорят специалисты?

– Не спрашивал, – пожал я плечами, – Какая разница, что они говорят? У нас что, есть кто-то с реальным опытом?

– Вы считаете себя умнее всех? – резко остановился Берия.

– Товарищ комиссар госбезопасности первого ранга! – я резко встал со своего места, повысив голос, – Я уверен в своей правоте и готов взяться за дело под личную ответственность! Оно того стоит!

Мой резкий ответ заставил Лаврентия Павловича ненадолго задуматься.

– Хорошо, – сказал он, вздёрнув нос, – но пока, до моего личного распоряжения, никому ничего об этом не говорите. Вы уже подумали, что вам для дела потребуется?

– Конечно, товарищ генеральный комиссар первого ранга, – кивнул я головой. – Вилюй имеет длину две с половиной – три тысячи километров. Чтобы охватить разведкой его верховья и среднее течение, предлагаю высаживать партии в устьях притоков, чтобы сразу отсеять бесперспективные. На первом этапе нужно только много людей с самым простым инструментом старателей и геологи. Всё это я надеюсь найти в ГУ лагерей. Тем более, что последнее время недостатка в рабочей силе нет. Крайне желательно иметь хотя бы несколько рентгеновских аппаратов. Вдруг уже в самом начале удача повернётся к нам лицом!

– Не с того конца берётесь, товарищ капитан, – сказал Берия, садясь на своё законное место. – Вам, в первую очередь, нужен штаб, чтобы всё чётко организовать. Этим и займитесь. Доложите через неделю.

Начальник был прав и мне следовало это признать. Мой отдел, фактически, управлялся в ручном режиме, имея минимум «центральных» ступеней. Я ставил задачу спецКБ, в каждом из которых, за исключением тех, что были на острове, имелись свои подразделения, отвечающие за финансирование и снабжение, замкнутые на непосредственных кураторов. В центр стекались лишь доклады и отчёты, которые мы и переправляли наверх, в соответствующие отделы наркомата. Единственным исключением было отделение подбора кадров, но и оно, в основном, лишь выбирало из списков специалистов тех, кто был нам нужен и направляло соответствующие запросы с адресами, куда этих людей следовало этапировать. Непосредственным размещением и конвоированием спецконтингента это отделение не занималось. Фактически, я работал в отделе как Ванька-взводный, зная всех подчинённых в лицо и держа все дела в голове. Ну, может быть, если вообще подобное сравнение уместно, как командир роты. А выбранная тема предполагала переход на новый уровень. Хотя бы из-за множества людей, которых надо было собрать, поставить задачу и контролировать её выполнение, на огромные расстояния перемещать, кормить, одевать, снабжать инструментом, охранять, чтоб не разбежались и держать с ними связь. И всё с нуля. Это уже, придерживаясь аналогии, батальонный, если не полковой уровень. Тут без штаба не обойтись.

Через неделю я докладывал наркому свои соображения. Берия, хитро прищурившись, слушал меня, часто задавая уточняющие вопросы.

– Значит, своими силами вы провести операцию не сможете?

– Так точно, товарищ генеральный комиссар первого ранга. У меня каждый сотрудник на счету и даже простая болезнь единственного человека грозит срывом текущей работы. Где уж мне выделить хотя бы «штабную» группу человек в двадцать-двадцать пять. Прошу людей прикомандировать на время из промышленного отдела ГЭУ. Ранее мы неплохо работали вместе. Вот список желательных кандидатур.

– Промышленный отдел, товарищ Любимов, тоже не баклуши бьёт. У него своя работа есть и столько человек оттуда я дать не могу. Но вопрос мы решим. Назначим вашим заместителем по операции товарища Саджая. Опыт организации и хозяйственной работы имеет богатый, возвращается в наркомат с должности замначальника Колхидстроя. Он, кстати, вам не знаком? Был начальником Батумского погранотряда в год мятежа и хорошо себя проявил.

– Не встречались… – уклончиво ответил я, размышляя, стоит ли сопротивляться столь настырному втюхиванию в мою операцию бериевских людей.

– Будет исполнять обязанности начальника штаба, можете на него положиться, – поставил точку Лаврентий Павлович, дав понять, что альтернативы не рассматриваются.

– Хотелось бы верить, товарищ народный комиссар. Сегодня уже двадцатое марта, а у нас ещё конь не валялся.

– Подумали уже, где разместите базу?

– Да, товарищ нарком. Судя по аэрофлотовкой карте, вблизи посёлка Мухтуя на Лене могут садиться без ограничений любые гидросамолёты, вплоть до гигантов Калинина. Этот посёлок к предполагаемому району поисков ближайший. Там и разместимся. Привлечём на время, как во времена эвакуации из Бизерты «Невского», флотские К-7 или суда из состава «Дирижабльфлота» и перебросим на эту точку и людей и всё необходимое. А там уж развозить и снабжать поисковые партии будем малой авиацией.

– А по воде не получится? Привлекать посторонних непосредственно в районе поисков крайне нежелательно. Преждевременная утечка может сильно повредить.

– Зачем же посторонних? Неужто среди «болтунов» не найдётся десятка-двух лётчиков и штурманов? И всех остальных, вплоть до последнего землекопа, я предполагаю наби-

рать именно из этой категории. Причём, не из местных. Бежать и безобразничать им никакого смысла нет.

– Хотите сэкономить на конвое? – поддел меня Лаврентий Павлович, усмехнувшись.

– И это тоже. Места глухие, каждый лишний рот – обуза. К тому же, по осени наши кладоискатели освободятся и разнесут вести по всей стране.

– Это в случае успеха операции… – с сомнением проговорил Берия.

– Я в нём не сомневаюсь, товарищ нарком, – ответил я твёрдо. И у меня были основания. Если в эталонном мире трубку в первый же полевой сезон методом пироповой съёмки нашла всего одна малочисленная партия, то сейчас к поискам могли быть привлечены сотни, может быть тысячи человек. Такой подход просто не мог не дать результата.

– Хорошо, что вы так уверены, товарищ Любимов. Работайте, – кивнул нарком, соглашаясь, – Но помните, что вы взяли на себя личную ответственность. Когда планируете выехать на место?

– По правде говоря, товарищ генеральный комиссар первого ранга, я бы не хотел надолго упускать текущую работу отдела, поэтому не планировал присутствовать в Мухтуе постоянно. Вылечу в начале июня, когда предварительная подготовка будет уже проведена, чтобы запустить процесс. И в дальнейшем вмешиваться буду только по необходимости. Думаю, для выполнения заранее подготовленного плана товарища Саджая достаточно.

– Значит, не боитесь, что все лавры могут достаться другому? Тем более в деле, в котором вы так уверены? Или, может, готовите громоотвод на случай неудачи? – прямо в лоб спросил меня Берия. – Имейте ввиду, такие хитрости у нас не пройдут!

– Даже не думал. Тем более, важно не то, что говорят, а что написано в документах. А критерием успеха для меня будут выплаты процентов от эксплуатации месторождений. Вы же не думаете, что я забуду застолбить за собой место начальника и откажусь от такого источника дохода? – ответил я, слегка усмехнувшись.

– Не пытайтесь скрягу из себя разыгрывать, не верю. Раньше этот номер проходил, но сейчас вам уже имеющихся средств девать некуда. Не совсем понимаю ваши мотивы, но это уж точно не личное обогащение. И, к сожалению, не стремление построить справедливое коммунистическое общество, которое вы своими начинаниями постоянно стремитесь извратить. – проворчал нарком.

– Это, наверное, потому, товарищ генеральный комиссар первого ранга, что мотивы не мои, а государственные и общество должно быть жизнеспособным, а не догматическим. И эффективность такого подхода раз за разом подтверждает партия, соглашаясь, как вы выразились, с извращениями. Сейчас Советскому Союзу для развития собственной промышленности критически нужны алмазы. По Марксу мы должны бы были освободить трудящихся Южной Африки, чтобы их получить. Я же всего лишь предлагаю более простое, осуществимое и менее затратное решение. Жизнь вскоре покажет, кто из нас прав.

– Практика, как вы, товарищ капитан, любите повторять, есть критерий истины, – сказал Лаврентий Павлович только ради того, чтобы не молчать. – Идите. Доказывайте правоту на практике. Это у вас лучше получается, чем демагогию разводить. – Понятно, что уклонился в сторону глава НКВД не ради того, чтобы прояснить мой «политический портрет». Просто оценивать успех предприятия он мог сейчас только исходя из моей в нём убеждённости и репутации. И то, что он решил таки рискнуть, не скрою, мне польстило, поэтому ушёл я от него в приподнятом настроении.

Алексей Николаевич Саджая, вернувшись в органы, сразу получил звание майора госбезопасности, но то, что он оказался в подчинении у капитана, его нимало не смущало. Уяснив перспективы, он с энтузиазмом принялся за дело, да так, что в формируемом им штабе совсем не оказалось «моих» людей, за исключением «кадровиков». Тем не менее, работа спорилась. В первые же дни, подняв картотеку, мы выяснили, что геологов, в том числе и недоучек, без

практического опыта, в распоряжении наркомата ровным счётом пятьдесят восемь человек. Значит, мы могли сформировать полсотни, с небольшим, поисковых групп, учитывая, что кто-то из специалистов должен остаться в штабе. Начав плясать от этой печки, изучив опыт геологоразведки Северо-Западного региона, Саджая начал прикидывать состав партий, лавируя между желанием иметь в каждой побольше рабочих рук и сложностью их снабжения в глуши. Для последнего наркомат выделил нам от своих щедрот целых четыре корректировщика Яковлева, двухмоторной версии АИР-5, которые были заказаны в патрульном варианте для погранвойск. Эти машины с двумя новейшими 250-сильными Д-100-2А с алюминиевыми поршнями, вмещали семь пассажиров. Остальную нашу авиацию выбивал лично Берия за счёт «испанских» заказов. Дюжину ночных бомбардировщиков У-2 срочно ставили на поплавки. Эти машины хоть и не могли похвастаться пассажировместимостью, но зато поднимали до полутонны груза и были незаменимы для доставки продуктов и имущества, пока нет вертолётов. Но главной проблемой всё же оказались специалисты. Легко было с землекопами, нашлось достаточное число лесников-охотников, медиков, даже люди для работы на всех трёх выделенных нам рентгенаппаратах нашлись, а вот с радистами была беда. Наверное потому, что они концентрировались в основном в армии и на флоте, где комиссары бдительно следили за морально-политическим обликом личного состава. Так или иначе, но обеспечить каждую партию связью «с наскока» не получалось, хватало меньше чем на половину. Но нет таких крепостей, которые не смогли бы взять большевики! Саджая, проконсультировавшись у специалистов наркомата, взялся организовать до начала полевого сезона интенсивные двухмесячные курсы подготовки, направив туда любых людей, хоть как-то касавшихся радиотехники, и обеспечить к началу поисковой операции по два радиста на группу. В целом же в деле должны были участвовать более полутора тысяч человек из числа осуждённых и две роты войск НКВД.

Что и говорить, предприятие по моим меркам нешуточное. До сих пор я с таким количеством людей дела не имел. И мне было немного даже завидно, как всё спорится у Саджая. Но теперь, возвращаясь в штаб, я внутренне улыбался тому, что у меня появился повод уесть сосватанного мне организатора.

– Одеты вы, Наталья Николаевна, не по случаю. Уж не знаю, найдётся ли у нас что-то на ваш размер… – заметил я, мысленно добавив «пунктик» в претензию, которую я выкачу своему заму.

– Мне что, в Москву в лохмотьях что ли надо было ехать? Вот ещё! – вздёрнула нос новоявленная зечка.

– Положим, красоваться вам здесь совсем необязательно и даже вредно для общего морального состояния. Лагерь мужской. А в тайге и подавно не до этого будет. Разве что шляпка с вуалью, чтоб гнус не досаждал, может оказаться полезна.

– Я что, здесь не останусь? В Сибирь отправите? За что? Что я такого вам сделала? Меня вообще по ошибке осудили! Мы в ресторане с подругой ужинали, когда к нам эти двое подошли познакомиться. Поначалу вели себя прилично, а потом этот Лёня напился и целоваться полез. Я ему пощёчину влепила, а он на нас донос накатал, дружок его, Васька, свидетелем записался! А я, между прочим, только рада, если к нам из-за границы геологи-иностранцы приедут! У нас даже не белые пятна на карте, а чистое поле с редкими отметками! Это ещё когда мы свою страну исследуем! Следователь даже слушать меня не стал! Все мужики – козлы! – всхлипывая, сделала заключение «геологиня».

Её слова меня сильно задели, всколыхнули злость на то, что всё получается у нас так коряво, совсем по-другому, нежели представлялось изначально. И, конечно, на осознание того, что именно я являюсь первопричиной вот таких случаев.

– Отлично! Будешь при мне экономкой! Ночевать – в ШИЗО! Жена на работу – ты в дом! – остановившись, я резко развернул девчонку за локоть и прямо в лицо бросал фразы от которых она оторопела и отшатнулась назад.

– Вы не можете… – пролепетала в ответ чуть слышно.

– Конечно не могу! – я резко отдёрнул руки, отчего Наташа, освободившись, чуть не упала. – Поэтому в Сибирь поедешь как миленькая!

– Власть сменилась, а сатрапы и каторга как при царе остались, – чуть придя в себя, показала спутница свою интеллигентную сущность, вечно состоящую в контрах с любой властью.

– Напрасно вы, заключённая Сарсадских, на следователя и суд грешите, – заметил я уже спокойно. – Заслужили. А не научитесь язык за зубами держать, впаяем срок не в пример нынешнему. Найдём за что, уж поверьте.

Последнюю мысль я вывел, в основном, успокаивая себя «по Жеглову», мол, наказания без вины не бывает. Между тем, мы подошли к штабу и, пройдя по коридору мимо дежурного, я, без предупреждения распахнул дверь кабинета своего нового заместителя. Майор сидел с карандашом в руке и подчёркивал что-то на бумаге, но при моём появлении отложил всё в сторону и встал.

– Вот, товарищ Саджая, полюбуйтесь – наш первый геолог! Да какой! Студентка! Комсомолка! Спортсменка! И наконец, просто красавица! Прямо скажем – глаз не оторвать! Посмотрел?! Хватит, хорошего понемногу! Дежурный! Выведи гражданку Сарсадских в коридор и присмотри за ней, пока мы разговариваем! – я сыпал словами, не давая никому ни шанса, вставить свои пять копеек. – Алексей Николаевич, ты что творишь?! Ты как себе это представляешь, забросить эту мадмуазель и два десятка мужиков в тайгу месяца на три-четыре?! Вот свою дочь ты бы так отправил?!! – спросил я, когда мы остались наедине.

– Это какая-то ошибка… – растерянно развёл руками майор, живо напомнив мне героя Этуша, которого я только что цитировал.

– Конечно ошибка! Твоя ошибка, Алексей Николаевич! – между собой мы договорились, чтобы не зацикливаться на званиях, общаться по имени-отчеству.

– Вы же сами списки утвердили… – от такого моего «наезда» Саджая перешёл на «вы» и в подтверждение своих слов достал из ящика стола папку и извлёк из неё соответсвующую бумагу. – Вот, Сарсадских Н. Н. и ваша подпись.

– Да из этой бумажки не поймёшь, мужик или баба! Или ты хочешь сказать, что это для тебя не сюрприз?! – прищурился я подозрительно, добивая заместителя, и продолжил выволочку. – Я что, проверять всё за тобой должен?! Товарищ Берия рекомендовал мне тебя как знающего и перспективного сотрудника! Боюсь, мне придётся его разочаровать!

Саджая молча насупился, не найдя слов в ответ. Видя, что заместитель дошёл до нужной кондиции и мой авторитет ещё долго не будет ставиться под сомнение, я сбавил обороты.

– Ладно, поиск виноватых отложим, – с этими словами я сел на стул и жестом побудил заместителя к тому же самому. – Что будем делать? Не отправлять же эту Сарсадских восвояси? Представляю её глаза, скажи мы ей, что из-за отсутствия кое-чего, отбывать наказание в советской исправительной системе она недостойна.

– У нас ведь каждый геолог на счету. Может женскую поисковую партию создать? – задал майор вопрос, которого я только и ждал.

– Хорошая мысль! Никаких накладок, всё шито-крыто! Вот только отвечать за это ты будешь полностью сам, лично. Чтоб ни единого мужика в партии, включая конвой! Мне только трагедий на амурной почве не хватало! В конце концов, мы подопечных должны исправить, а не искалечить им жизнь. Познакомлю тебя с товарищем Артюхиной, может, она кадров каких подбросит. А в остальном, ищи, учи, но сделай. Помни о сроках! И сегодня же отгороди под баб один барак, чтоб ни одна мышь не проскочила! Мадмуазель же пока со мной побудет, а то знаю я вас!

– Места может не хватить. Сюда к маю и так набьются, как сельди в бочке, – подумав, ответил зам.

– Значит надо чернорабочих раньше отправить поездом в какой-нибудь временный лагерь на Байкале. Вообще всех, кого только можно. Здесь задержать только геологов, пусть между собой опытом обменяются, пока время есть, да радистов. Да чего я тебя учу, сам сообразишь.

Эпизод 2.

Варясь в собственном соку, я мало уделял времени международным новостям и, скорее всего, любой мой боец, регулярно посещая политинформацию, мог бы утереть мне нос своей осведомлённостью. Но понятно, что такое масштабное событие как Аншлюс Австрии, я пропустить не мог. Не знаю, насколько совпадают с эталонной историей конкретные даты, но мне показалось, что всё идёт «точно по расписанию» и при тех же международных раскладах. Западные демократии начали потихоньку скармливать хищнику, чтобы тот вошёл в тонус, европейских слабачков. СССР не постеснялся выступить в защиту независимости альпийской республики на дипломатическом поле, но вес и влияние его в этом вопросе были столь малы, что ноты МИДа попросту проигнорировали. Внутри страны возмущались, клеймили на партсобраниях фашизм и Гитлера, но для меня событие было ожидаемо и ничуть не тронуло. Повод поволноваться появился несколько позже, когда, увидев в прессе фотографию немецкого танка-«двойки», я сделал запрос на все доступные снимки вошедших в Австрию немецких войск. Интересовала меня именно техника и чутьё меня не подвело. Пересмотрев всё, до чего мог дотянуться, в том числе и скупленные советскими «дипломатами» любительские кадры, я не нашёл ни единого портрета танка «панцердрай». «Единички», «двойки» – сколько угодно. И, неожиданно, «панцерфир», причём, в одном месте их запечатлели не менее десятка. Обратившись к разведке, я получил подтверждение, что да, в немецкой армии массово эксплуатируются только эти три типа танков. «Уклонение» было налицо, сам собой напрашивался вывод, что в панцерваффе учли именно испанский опыт относительно массового применения одного типа танков с короткоствольными трёхдюймовыми пушками – Т-26М. Наверняка, будущие подчинённые «быстроходного Гейнца» и на трофеях повоевать успели, и оценить их по достоинству. Новость была крайне неприятной. Ведь если у противника будет только один тип основной боевой машины с 75-мм пушкой, пусть пока и с «окурком», то они и выпустить их успеют к 41-му году заметно больше. Не говоря уже о модернизации, направления которой фашисты тоже могут у нас подсмотреть и внедрить гораздо раньше. Наши-то Т-126 уже с длинными пушками выпускаются! И, уж если в Германии так уважительно отнеслись к советскому опыту, то чего ждать после публичной демонстрации КВ?

Первым моим побуждением стало приложить все усилия, чтобы не допустить традиционной демонстрации новинок на первомайском параде. Но куда бы я ни обращался, с кем бы это дело не обсуждал, мои аргументы не встречали понимания. Буржуи должны видеть мощь СССР! Чтоб и тени мысли не возникло попробовать прочность наших границ! Более того, напомнив о себе, я спровоцировал Сталина возложить на меня организацию демонстрации первого экземпляра сверхтяжёлого танка, который вместо модели и тактического номера имел, подобно кораблю, собственное имя «Карл Маркс», набранное бронзовыми буквами на корме башни. Танк был моим детищем и я по прежнему курировал его постройку. Но протащить 230-тонного мастодонта через город на глазах всех его жителей – совсем другое дело! Конечно, Ленинград, поскольку доставить «Маркса» в первую столицу с Кировского завода было абсолютно невозможно из-за сроков. На переброску танка в центр по водным путям требовалось до двух недель, а реки и каналы даже в середине апреля ещё не полностью очистились ото льда. К тому же машина ещё была в работе и не являлась боеготовой. Не хватало внутреннего оборудования, приборов наблюдения, средств связи и системы пожаротушения. Её, так или иначе, пришлось бы возвращать обратно, поэтому перевозку посчитали нецелесообразной.

Но и в Ленинграде было не всё так просто. Горсовет был готов идти на жертвы, демонтировать провода и ремонтировать улицы после прохода танка, но сразу было ясно, что мосты «Маркса» не выдержат, поэтому вариант доставки машины к площади Урицкого своим ходом отпадал. В субботу тридцатого апреля ленинградцы, гуляющие в парке имени Горького и на площади Декабристов у Медного Всадника увидели, как бригада рабочих принялась разбирать парапет набережной и вбивать в землю, за пределами мостовой, сваи, грохоча на всю округу дизель-молотами. Объяснение такого варварства в украшенном к Первомаю городе пришло ночью, когда развели мосты. Тяжелогружёный железнодорожный паром, обычно ходивший на Балтийский завод и обслуживавший построенную в 1928 году Василеостровскую ветку, с пришвартованными к обоим бортам баржами-кессонами, чтобы обезопаситься от опрокидывания, аккуратно уткнулся носом в импровизированный причал. Суета палубной команды и вот уже взревели, выпустив клубы, казавшегося белым в электрическом свете дыма, мощнейшие дизеля. Мехвод «Маркса», следуя командам, осторожно подал бронированного монстра вперёд. Паром под тяжестью груза сидел в воде слишком глубоко, поэтому танку пришлось преодолевать «поребрик», зацепившись за берег только передними ведущими колёсами. Посыпалась гранитная крошка, но машина уже приподнялась и первые катки сошли на грунт. Толстые стальные тросы, закреплённые на импровизированных кнехтах, натянулись и, показалось, загудели как струны, не давая «Марксу» оттолкнуть паром от берега. Ещё немного и тяжёлая машина продвинулась вперёд, встав неподалёку от памятника Петру, который по сравнению с ней уже не казался таким внушительным.

Рано утром, пройдя по Большой Морской, танк вышел на площадь Урицкого и пересёк её, стараясь не приближаться ни к зданию Главного штаба, ни к Александровскому столпу, и занял отведённое ему место с восточной стороны, чтобы возглавить механизированную колонну. Больших разрушений, если, конечно, не считать поцарапанной гусеницами мостовой, удалось избежать, но впереди ещё было самое главное.

Перед началом парада, по настоянию первого секретаря ленинградского обкома, я занял место на главной трибуне под плакатом «Вперёд к новым победам коммунизма!», обрамлённым по сторонам огромными портретами Маркса-Энгельса и Ленина-Сталина. И не абы где, а по левую руку от Жданова, став здесь, на короткое время, третьим человеком в иерархии после стоящего справа Кузнецова. Андрей Александрович перед началом действа произнёс речь, уже традиционную, но очень примечательную. Отдав должное всяческому восхвалению советского строя, рабочего класса и трудового крестьянства, рассказав о достижениях и планах на будущее в Северо-Западном районе, он в самом конце обратился к «доктрине концентрации».

– … Как же нам достичь намеченных рубежей, товарищи? Для этого должны быть соблюдены два условия. Первое – мир! Не секрет, что и в Европе и в Азии всё поднимают голову поджигатели войны. Примеров хватает. Захват Германией Австрии при полном попустительстве Лиги наций, захватническая война Японии против Китая. Буржуазный мир бьётся в агонии, не в силах справиться со своими врождёнными уродствами и всё больше скатывается к новой разрушительной бойне. Именно это предсказывали в своих трудах великие Маркс и Энгельс. Наша задача – не дать буржуям ни малейшего шанса втянуть нас в свару. Мы – государство победившего пролетариата, трудового крестьянства, государство трудящихся! Нам чужды бесконечные войны за передел старого мира. Мы строим новый мир, пусть пока лишь на одной шестой части суши! Мы добудем, создадим богатства, обеспечим достойную жизнь советскому человеку своим трудом, а не грабежом других стран! Мы не хотим чужой земли! Но если кто-то посягнёт на нашу! То Красная Армия и Красный флот, опираясь на растущую индустрию, на передовое сельское хозяйство, на наших советских людей, дадут такой отпор зарвавшимся хищникам, что мало не покажется! И это не просто слова! Военную мощь СССР мы сегодня гордо демонстрируем миру!

– Да уж, – подумал я про себя, – хоть первые КВ и отправили на парад в Москву, но здесь и одного «Маркса» хватит, чтобы призадуматься. Посмотрим, как отреагирует на него сумрачный тевтонский гений.

– Но мы должны помнить заветы великих Маркса-Энгельса-Ленина! Победа коммунизма возможна только в мировом масштабе и достигается она полным освобождением трудящихся от гнёта эксплуататоров. Как же этого достичь, если мы отвергаем войну? Верные пролетарскому интернационализму, мы должны принять на свою, освобождённую от буржуев территорию, под защиту Красной Армии и Красного Флота, трудящихся тех стран, в которых не хватило сил свергнуть власть капиталистов. И спасти их от мировой бойни, от новых Верденов. В которых гибнут именно лучшие представители пролетариата, а не богатеи, подло отсиживающиеся в безопасности. Мы должны помнить, что СССР – страна победившего социализма, страна трудящихся. И каждый труженик из-за границы точно такой же наш товарищ. Вы знаете, что двадцатого января Верховный Совет принял предварительный закон о трудовой иммиграции, в котором закреплены именно эти положения. Вид на жительство в СССР может получить только человек, не запятнавший себя эксплуатацией других людей в течение десяти лет. И претендовать на получение гражданства, со всеми правами и обязанностями, которое предоставляется по решению особой комиссии, лишь после пяти лет безупречной жизни в нашей стране. Такой закон – прочный заслон против проникновения через наши границы отживших своё элементов капиталистического мира. Но сегодня, в День международной солидарности трудящихся, мы здесь, в СССР, должны дать решительный отпор пособникам мирового империализма, пытающимся вставлять нам палки в колёса! Они пытаются представить вопрос в узконационалистическом виде, что является прямым проявлением фашизма. Нетрудно понять, какие силы являются вдохновителями этих пособников! Так сплотимся же вокруг партии, вокруг наших любимых вождей, товарищей Сталина и Кирова в борьбе против фашистской заразы! Выполним второе необходимое условие – соединим все здоровые силы мира под флагом СССР!! Вперёд к победе коммунизма товарищи!!!

Момент, когда Жданов закончил свою речь, сказал об обстановке внутри СССР больше, чем могли бы нарыть все вражеские разведки мира вместе взятые. Народ молчал. Никаких «ура» или иных приветственных криков. Мир – это, конечно, хорошо. Но партия сказала однозначно: кто против трудовой иммиграции и курса на концентрацию – тот фашист. Не пускать же чужих на свою территорию – подсознательный животный инстинкт, с которым почти невозможно бороться. И переломить ситуацию в обществе может только реальный положительный опыт. А с ним пока было туго. Среди воспользовавшихся январским законом в большинстве своём преобладали бывшие русские эмигранты, жизнь которых за рубежом не сложилась. Их, как правило, не размещали на территории Союза группами, а стремились распределить поодиночке, сообразно прежнему месту жительства, либо по родственникам, остававшимся в стране, либо в соответствии с профпринадлежностью или специфическим жизненным опытом, но обязательно под надзор участковых. Были и счастливые исключения, такие, как Константин Васильевич Шиловский, на пару с Ланжевеном создавший ещё в годы Первой мировой войны действующий гидролокатор. В последние дни мне удалось с ним пообщаться и он был в полном восторге от советских экспериментальных данных по прохождению ультразвука в кильватерном следе кораблей. Поэтому вскоре следовало ждать прорыва как в сонарах, так и в головках наведения торпед. Но Шиловского, из-за оборонного характера деятельности, нельзя было использовать в целях агитации. Вот и выходило, что народ, не сопротивляясь, выжидал, чем очередная затея большевиков обернётся.

Между тем, действие продолжалось, послышались команды, оркестр заиграл военные марши и по площади Урицкого пошли маршем коробки парадных расчётов Ленинградского военного округа и Балтфлота. Обычно, вслед за пехотой, выступала кавалерия, но год назад единственный окружной кавкорпус перевели в Белоруссию, поэтому на сцену вышла техника,

возглавляемая «Марксом». Огромный танк, с демонтированным в эстетических целях бульдозерным отвалом, как корабль, казалось, плавно скользил по площади, но при этом в здании Эрмитажа позади нас отчётливо слышались, даже сквозь грохот моторов и траков по брусчатке, дребезжащие стёкла. Вот от такой наглядной агитации народ был в полном восторге и с трибун, и из толпы зрителей, неслись несмолкающие крики «ура!» Наверное, следовало бы выкатить его чуть позже, на сладкое, ведь после такого дебюта, Т-28 строевых частей, тяжёлая артиллерия, влекомая тягачами «Ворошиловцами», мотопехота на грузовиках, уже не производили особого впечатления. Пройдя вдоль фасада Зимнего, сверхтяжёлый танк остановился на специально выделенной для него площадке ближе к зданию Адмиралтейства. Здесь он останется до вечера и любой желающий сможет подойти и прикоснуться к громадине, осмотреть её со всех сторон. Экипажу лишь придётся следить, чтобы самые активные не пытались забраться к ним наверх. Конечно, с одной стороны – техника секретная. Но сейчас её всё рано не эвакуировать сквозь заполненные людьми улицы. Пусть смотрят и гордятся. А шпионы, которые, несомненно, воспользуются случаем, смогут оценить лишь наружные сварные стыки навесной 45-миллиметровой брони. Четыре гусеницы же и 130-миллиметровую пушку всё равно никак не спрятать, это и издали хорошо видно. Любопытно, как отреагируют на это изделие Кировского завода наши ближайшие соседи.

Эпизод 3.

– Опять уезжаешь? – грустно спросила меня Поля, увидев, что я побыв дома едва неделю, снова стал собираться в путь.

– Да. Иначе никак, сама знаешь, – сказал я, складывая «Сайгу» и убирая её в чехол. – Надо дать старт экспедиции, а перед этим ещё в Сормово заскочить, «подлодочникам» хвоста накрутить, да Грабина проведать. Что-то он не очень наши договорённости по пушкам соблюдает. Ведь условились, что серия – в первую очередь. А он ишь, раскидался! А потом в Зеленодольск, смежников по сторожевикам проконтролировать. Знаешь, как у нас бывает без контроля, чертежи выслали, а построили, как Бог на душу положит. Я один на все руки мастер, из Ленинграда спецов не пошлёшь. Боюсь и не успеть со всем к началу июня.

– Волнуюсь я, сердце не спокойно, – положив ладошки на колени, Поля с грустным лицом присела на сундук, стоявший у стены. – На восток едешь, а там видишь, что творится…

Что творится на востоке… Я и сам бы это хотел знать. Похоже, умыла меня история. Как говорится, хочешь рассмешить Бога – расскажи ему о своих планах. Кожанов сводный усиленный батальон сорвиголов из Батумской и Потийской бригад перебросил к Владивостоку, якобы для ознакомления с ТВД. Собственной морской пехоты ТОФу не полагалось. Силёнок нет куда-то высаживаться, тут бы своё отстоять. Зато в Амурской военной флотилии батальон, в составе двух десантно-штурмовых и разведывательной роты, укомплектованный с учётом самого свежего опыта, имелся. Не в пример другим флотилиям, где больше роты не набиралось. Вот, по моей наводке, эти силы, с приданной для обозначения вероятного противника подвижной батареей береговых «стотридцаток», и будут учиться под присмотром самого «шефа» в заливе Посьет, откуда до озера Хасан рукой подать. Мои навязчивые рекомендации избрать именно этот район для маневров, по прибытии на место, не вызвали у Кожанова никаких вопросов. И пограничники отряда моего знакомца, капитана Седых, которые регулярно вступали в настоящие перестрелки с ползущими через кордон нарушителями, и военные новообразованного Дальневосточного фронта под командованием Рокоссовского, видели, что там что-то затевается. «Звоночков» было хоть отбавляй. И, каждый по своему, тоже собирали силы, готовились.

Но пока у Владивостока лишь сгущались тучи, на Халхин-Голе с начала мая загремели настоящие бои. Японцы и в прошлые годы частенько лезли туда крупными бандами, но сей-

час, после того, как Монголия вошла в состав СССР на правах особой республики, граница между СССР и марионеточным Маньчжоу-го на этом участке оказалась, по мнению Микадо, не демаркированной. Сосед всерьёз намеревался настоять на том, чтобы она проходила непосредственно по реке. СССР, якобы незаконно, занял 20-километровую полосу восточнее Халхин-Гола. На самом деле, конечно, советские заставы стояли именно там, где до того были монгольские. Удобных мест не так уж и много и все они были привязаны к колодцам. Вообще, с самого начала, этот конфликт назвали «войной за воду». В степи и полупустыне влага на вес золота и кто контролирует источники, тот контролирует территорию. Понятно, заняв колодцы в одном переходе от реки, советские пограничники не допускали к ним баргутов, поэтому всё пространство у границы было безлюдным, что очень облегчало работу. Что делать обычному пастуху вблизи застав, если здесь нечем напоить овец и лошадей? Редкий всадник, показавшийся на горизонте, являлся в приграничную зону явно не просто так. Конечно японцев, лишённых возможности засылать на нашу территорию подрывные элементы, такое положение не устраивало. Ещё раньше они начали тянуть к Номонгану железнодорожную ветку. И единственным разумным объяснением этого строительства было желание обеспечить снабжение войск, поскольку эта бедная провинция никогда не смогла бы окупить затраты с экономической точки зрения. Так, строя дороги и продвигая военные базы вперёд, самураи, возможно, надеялись дотолкать русских до Урала.

В понедельник девятого мая, явившись на обычный доклад к Берии, я получил приказ не докучать и заниматься своими делами. Опешив от того, что алмазная экспедиция резко перестала интересовать Лаврентия Павловича я забеспокоился и стал терзать вопросами секретаря наркома.

– Не до вас сейчас, товарищ капитан, японцы в Монголии атаковали нашу заставу, – отмахнулся от меня как от назойливой мухи порученец, бывший со мной в равных званиях. – Я позже сообщу, когда вам явиться.

С тех пор прошло уже два дня и окольными путями, я выведал подробности. Шпионского таланта тут не требовалось, события на Лубянке обсуждали открыто, разве что газеты пока ничего не сообщали. Воскресным утром банда около трёхсот человек напала на заставу, на которой всего-то было восемьдесят два бойца. Наши, с потерями, но отбились, однако, агрессора это не остановило. Видя, что наскоком не взять, противник подтянул артиллерию и батальон пехоты. Тут уже обошлось без маскарада и лишних формальностей. В дело вступила Японская Императорская армия, как и положено, в своей форме. Против «правила Наполеона», несмотря на то, что подошла резервная застава, не попрёшь. И ночью, немногие выжившие пограничники, оставили рубеж и отошли вглубь советской территории.

Положение требовалось восстановить. После вхождения особой республики в состав Союза на её территории, по примеру Восточно-Туркестанского, который в боях с басмачами показал себя очень хорошо, был сформирован Монгольский бронекавалерийский корпус. Но в отличие от «прототипа» в его состав вошли не только советские части, но и соединения прежней армии, куда собрали весь хоть сколько-то понимающий по-русски командный состав. На три советские бронебригады из одного моторизованного стрелково-пулемётного, четырёх автобронебатальонов и самоходного артиллерийского полка, приходилось четыре «туземных» кавдивизии, силой примерно в один нормальный стрелковый полк каждая. Вообще, вся техника была новой, только что с заводов. Каждый из шести сотен БА-11, в отличие от прежних машин, имел длинноствольную пушку и «боевые» односкатные гусматики «ярославского» размера. С собственно корпусными частями структура выглядела тяжеловесной, но её задачей в переходный период был просто контроль территории. В дальнейшем, с образованием нового военного округа, корпус планировали разделить на два, по три бригады и пару дивизий в каждом. Но сейчас, весной 38-го года, части корпуса были разбросаны на огромной территории и ближайшая, 6-я автобронебригада располагалась в трёхстах километрах от места

событий. Совершив ночной форсированный марш, облегавшийся тем, что дорог, как таковых не было, существовали лишь направления, и можно было идти развёрнутым строем в предбоевых порядках, она с рассветом переправилась через Халхин-Гол и утром в понедельник атаковала и выбила противника с советской территории. При этом фланговые бронебатальоны, окружая неприятеля, пересекли границу и опрокинули позиции вражеской артиллерии, захватив или уничтожив орудия. В этом бою подавляющее огневое превосходство было на советской стороне. Две сотни трёхдюймовых орудий БА и двадцать четыре установленные на тумбах в кузовах полубронированных ЗИЛ-6 122-мм старые гаубицы не оставили японцам, не ожидавшим такого скорого подхода подкреплений и фактически не имевшим эффективных противотанковых средств, никаких шансов.

На границе наступило затишье, но по линии погранвойск в НКВД шли сообщения о концентрации сил противника, который подтягивал пехоту, артиллерию и танки, на участке восточнее Халхин-Гола. Москва гудела слухами о войне, а в «Правде», после маленькой победы, во вторник утром вышла статья о произошедших событиях. Помня, как порезвились самураи в том краю в «эталонной» истории, я не сомневался, что это была лишь завязка и моё настроение явно передалось Полине.

– На вот, возьми с собой, – встав с сундука и открыв его, жена протянула мне необычный ватник-безрукавку, застёгивающийся почему-то на боку.

– Что это? – спросил я с интересом.

– Использование служебного положения в личных целях, – невесело усмехнулась Поля. – Бронежилет из арамидной ткани, про который ты мне говорил. Завтра будет показ твоему начальству. Буду хвалиться, на пару с дядюшкой Исидором. Жаль тебя не будет.

– Ай, забыл! – хлопнул я себя по лбу. – Совсем закрутился. Погоди, а чем хвалиться то, если мне его отдаёшь? И, вообще, как ты это потом объяснишь?

– Не смеши. Это первый образец, его забраковали. Завтра смотреть другие жилеты будут, со стальными вставками-нагрудниками. А этот просто тряпошный, но от пистолетной пули спасёт. Подкладка шёлковая, можно под гимнастёркой носить. Или, если хочешь, поверх. Ни петлицы, ни шевроны на рукаве не закрывает.

– Да на что он мне? Я что, на войну еду? Да я от Монголии на север на тысячи километров буду. И куда мне его класть? – стал я отнекиваться, в основном из желания хоть как-то успокоить жену. Но эффект получился прямо противоположный.

– Возьми и носи! – сказала она твёрдо, самим тоном дав понять, что возражений не потерпит. – Он мягкий, в этот свой рюкзак к спине запихнёшь, пока по заводам мотаться будешь. А за Уралом наденешь обязательно! Я туда кое-что зашила и мне спокойнее будет…

Я молча взял подарок и, вытряхнув пожитки, стал по новой перекладывать вещмешок. Привычная работа руками освобождает голову для того, чтобы подумать и я, поразмыслив над словами жены, после того, как дело было сделано, пошёл в оружейку, чтобы прибавить к своему полному арсеналу из ТТ, «Сайги» и легендарного меча, ещё и наган-носорог с глушителем. Этот револьвер принят на вооружение разведчиков, но прототипы с разной длиной ствола и конструкцией ПБС, оставались у меня. Выбрал я самый габаритный, но зато абсолютно бесшумный. Лёгкого ветерка в поле, волнующего травы, было достаточно, чтобы скрыть звук выстрела из него и только лёгкий щелчок, который можно было принять за что угодно, выдавал. Но и он терялся днём в стрекотне кузнечиков.

Когда я вернулся, дома было тихо. Подойдя к детям, я тихонько, чтобы не разбудить, поцеловал сонные моськи и, раздевшись, залез в постель к Поле, которая лежала, отвернувшись к стене.

– Спокойной ночи, малыш, – сказал я, обняв её и легко прикоснувшись губами к шее. – Я люблю тебя и всё у нас будет хорошо.

– Теперь да, – чуть повернув голову тихо сказала супруга и, обхватив мою руку своей, прижала к груди.

Эпизод 4.

Наутро, подумав, что ограниченный вооружённый конфликт – лучший способ испытать некоторые образцы вооружений, чтобы проверить их в деле и потом с фактами на руках отстаивать свою точку зрения, я отдал необходимые приказы и написал несколько писем в другие заинтересованные организации, в частности, в РНИИ. Посчитав свою функцию на данном этапе выполненной, я с чистой совестью улетел на аэроклубовском «такси» в Сормово. Первым пунктом программы стало спецКБ по подводным лодкам. Много воды утекло с тех пор, когда я был там последний раз. Перемены бросались в глаза и, в первую очередь, в настроениях людей. Они сдали проект «электролодки» класса «С» с быстроходными дизелями, по «американской схеме» не связанными механически с гребными валами. Модификация исходного немецкого проекта была настолько серьёзной, что фактически можно было говорить о новой лодке. Как и на «Малютках», чтобы спасти аккумуляторы от перегрузок при зарядке, увеличили их количество, что повлекло за собой увеличение водоизмещения. Обводы в носу и корме стали более полными и лодка в плане уже перестала напоминать веретено, приближаясь к торпедообразной форме. Надводную скорость при этом надеялись сохранить на достаточно высоком уровне за счёт более мощных гребных электродвигателей, которых страховали, к тому же, «моторы подкрадывания». Пять лодок по этому проекту заложили на днях. И сейчас КБ трудилось над размещением на базовом корпусе дополнительного вооружения в виде четырёх внешних ТА в лёгком корпусе, размещавшихся попарно в полубаке и надстройке позади рубки. Это должно было принести прирост мореходных качеств в надводном положении и обеспечить носовой залп в восемь торпед, что выводило ПЛ по этому показателю на уровень эсминцев и повышало шансы при стрельбе по маневрирующим боевым кораблям. Бросалось в глаза, что работа спорится, люди трудятся на подъёме и в предвкушении того, что их деятельность будет по достоинству оценена. Однако, похвалив спецконтингент, я напомнил, что цыплят считают по осени и выводы будут сделаны лишь после того, как лодки, минимум, пройдут сдаточные испытания. А пока, чтобы не расслаблялись, поставил им в план проект крейсерской ПЛ своей концепции. Точнее, она должна была копировать «Курск» «эталонного» мира с той поправкой, что вместо ракет «Гранит» в лёгком корпусе наклонно размещались ТА. Несмотря на то, что такая лодка могла дать залп в десятки торпед, в НК ВМФ её забраковали из-за того, что стрелять неминуемо приходилось с глубины, руководствуясь лишь данными акустики, а шумопеленгаторов, которые могли бы обеспечить достаточную дальность и точность обнаружения цели, пока на вооружение не принято. Соответствующий приказ бывшего наркома Кожанова действовал, но я всё же решил рискнуть.

Закончив дела на судоверфи, я заглянул в Новое Сормово на артиллерийский завод с твёрдым намерением вставить Грабину «фитиль». Вместо того, чтобы заниматься серией 107-милиметровых дивизионных гаубиц-пушек, он увлёкся новыми проектами и дело дошло до того, что выпуск Ф-22 перевели на УЗТМ. Это грозило тем, что армия к 1941 году скорее всего успеет перевооружиться, но вот мобзапас для формируемых по мобилизации войск под вопросом. И это при том, что старые «царские» гаубицы из дивизионных артполков уже успели полностью изъять для вооружения самоходок! Но едва попав в заводоуправление и ощутив царящую там атмосферу, понял, что мои претензии к Василию Гавриловичу есть сущие пустяки, по сравнению с «зубом», который точил на него директор завода Радкевич. Оценив, как смотрят друг на друга два главных и, фактически, обладающих равным влиянием на заводе человека, я ощутил даже не неприязнь, а неприкрытую ненависть. Причины конфликта были всё теми же самыми. У Радкевича горел план. С принятием Ф-22 на вооруже-

ние он, было, расслабился, возомнив, что в третей пятилетке Новое Сормово будет загружено одной относительно простой, конструктивно приближающейся к прошлому поколению, артсистемой. А вместо этого – целый букет! Танковые, «будённовские» конные пушки, разборные горные Ф-24 с коротким стволом, хоть и имели множество общих узлов, но всё же сильно различались и на одном конвейере собираться не могли. И что прикажете делать, если серийных стволов три, в 20, 30 и 40 калибров, а долбёжных станков для разделки окон под клин затвора только два? Маневрировать? Но всё равно ритмичной работы не получается. То одна линия встанет, то другая. И это при том, что эта операция со стволами и так является узким местом и сама по себе сдерживает выпуск. То ли дело 107-миллиметровки Ф-22 с поршневыми затворами! В общем, пришлось мне вместо ругани, «бугров» между собой мирить. А что делать, если каждый из них на своём месте? Что будет, если один медведь, безразлично кто, выживет из берлоги другого?

– Мне кажется, товарищи, что вы подходите к заводу с неправильной, с точки зрения большевистской сознательности, позиции, – заключил я, пользуясь ролью постороннего наблюдателя, которому и погулять-то тут разрешили исключительно по старой дружбе. – Вы пытаетесь всем сестрам по серьгам дать, поделить станки между моделями на потоке. Это буржуазный подход, отнимать да делить. Мы же пролетарии, созидатели! Если технология не позволяет достигнуть желаемой цели, значит надо создать новую технологию и дать то, что ждёт от вас Советский народ! Товарищ Радкевич, как директор завода, просто обязан поставить такую задачу товарищу Грабину, как главному конструктору заводского КБ, коли уж тот запустил в серию сразу столько моделей пушек и Новое Сормово с заказом не справляется. Вот, скажем, для меня в опытном цеху на ЗИЛе пулемётные стволы нарезали протяжкой. Почему бы вам не попробовать заменить ей долбёжные станки? Почему вы, товарищ Грабин, создаёте всё новые и новые пушки, но не создаёте технологии, чтобы завод мог эти пушки в запланированных объёмах выпускать?

Я чуть не рассмеялся, глядя, как у них от моих слов, под которые я умудрился подвести идеологическую основу, отвисли челюсти. Теперь уже оба смотрели на меня, как Ленин на буржуазию. Василий Гаврилович опомнился первым и, резко развернувшись, стал уходить быстрым шагом, бросив через плечо:

– Я к главному инженеру.

– Вы не правы! – с вызовом ответил мне Радкевич. – Мы с товарищем Грабиным много работаем над усовершенствованием технологии. Он со своей стороны, я со своей. Мы унифицировали пушки насколько возможно, освоили технологию точного литья и множество рацпредложений внедрили! То, что протяжкой разделывать окна под клин не додумались, так не охватить всего и сразу! За совет вам спасибо. Если из этой идеи что-то путное выйдет, то и её внедрим! Так что обвинять нас в отходе от пролетарских принципов неправильно!

– Простите, Леонард Антонович, вижу, поспешил, – примирительно улыбнулся я в ответ, радуясь, что товарищи вновь ощутили себя в одной упряжке. – Сами знаете, с коня узнаешь лишь то, что люди сами о себе скажут. Однако, я бы ещё хотел с товарищем Грабиным парой слов переброситься, пойду его догоню.

Легко сказать, да сделать непросто. Грабин, прибежав к главному инженеру как ужаленный, мигом организовал совместное совещание и вытащить его из круговерти не было никакой возможности.

– Довольны? – хмуро спросил он меня, когда всё закончилось, мнения выслушаны, ресурсы учтены, задачи поставлены.

– Это ваши дела, Василий Гаврилович, – открестился я от своего интереса. – О другом хотел намекнуть. Дело в том, что немцы по боям в Испании учли наш танковый опыт. Сейчас их машины, которые поступают на вооружение, минимум, не хуже Т-26М. Но наши танкостроители уже сделали следующий шаг, усилив бронирование. Надо думать, что немцы

тоже не дураки. Понимаю, что лезть сейчас в ГАУ с инициативными проектами мощных противотанковых пушек бесполезно. Там у них голова болит, чтоб армию вооружить. Причём, однообразно, а не букетом разных конструкций. Но когда вдруг окажется, что наши пушки немецкую броню не пробивают, я хочу, чтобы у вас был готов ответ. – говоря это, я опирался на те соображения, что «сорокапятки», даже 60-калиберные, которые в «эталонной» истории появились только в 1942 году, так и остались против немецких танков малоэффективными. А ведь панцеры, в основной своей массе, кроме малочисленных «Тигров» и «Пантер», были теми же самыми. Значит, фашисты в состоянии нарастить, по крайней мере, лобовую броню «четвёрок» свыше шестидесяти миллиметров, которые гарантированно бьют нынешние советские полковые и дивизионные ПТП, не говоря уж о батальонных 25-миллиметровках. – Мне кажется, вам стоит взглянуть на опыт перестволивания КПТ на 57 миллиметров и прикинуть этот калибр для Ф-24.

– Мы думали об этом. Теоретически, – кивнул Грабин. – На пределе можно до ста миллиметров брони прошивать, но тогда ствол будет чрезмерно длинным и потребуется дульный тормоз. Радкевич, конечно, будет против. Если же быть поскромнее и не лезть за три с половиной метра длины ствола, то миллиметров восемьдесят пробития брони можем гарантировать. Опять таки, ещё одна модель.

– Но к исходной «конной» Ф-24 очень близкая, – заметил я и тут же забросил ещё один крючок. – И подумайте о наложении ствола 87-миллиметровой зенитки на лафет Ф-22.

– Вы полагаете?.. – приподняв густые брови спросил меня главный конструктор.

– Мало ли чего… – сказал я неопределённо. – Ленинградские КВ во лбу все 120 миллиметров брони имеют. Их уже бронебойно-фугасным не возьмёшь, только из корпусных пушек бить. Как на флоте, борьба снаряда и брони. И она только начинается.

Оставив Василия Гавриловича в состоянии глубокой задумчивости, я уехал в гостиницу отдыхать, а на следующий день вылетел по намеченному маршруту. До конца мая я успел побывать на судоверфи в Зеленодольске, где строились тысячетонные сторожевики по проекту ленинградского спецКБ. В Уфе, на заводе комбайновых моторов, с целью определить его пригодность к переориентации на «малый» двигатель, который проектировался на ЗИЛе. На Уралмаше и в Нижнем Тагиле, на вагоностроительном заводе, которые, по моему замыслу, должны были кооперироваться на выпуске подвижных ДОТов. Каждая точка, чтобы вникнуть в дела досконально, отнимала по нескольку дней, а с перелётами, так и неделя целиком уходила, но, наконец, всё закончилось и меня ждал Байкал.

Эпизод 5.

Добравшись до Иркутска регулярными рейсами «Аэрофлота», я пересел на зарезервированный специально под мою персону почтовый «Амбарчик» МБР-2 и, полюбовавшись с воздуха красотами Байкала, с промежуточной посадкой в Нижнеангарске, к вечеру пятницы 3-го июня прилетел в Мухтую, довольно большой по местным меркам посёлок, раскинувшийся вдоль Лены. Впрочем, это касалось только территории. Насколько я видел сверху, избы стояли широко, на большом расстоянии друг от друга и вряд ли их общее количество сильно превышало то, что можно было увидеть в любой глухой деревеньке где-нибудь в Европейской части страны. На восточной окраине располагалась моя цель – базовый лагерь экспедиции, состоящий из двух больших, белевших свежеошкуренными брёвнами бараков, пристани и палаточного городка, в виде формальности обнесённого забором из жердей, вдоль которого, как и положено, прохаживались часовые. Не поскупился майор Саджая на колючую проволоку только в одном случае – чтобы отделить «женский уголок».

Дождавшись, когда к «Амбарчику» подойдёт лодка, я самолично взялся за вторую пару вёсел и стал грести в такт, любуясь поросшими тайгой сопками правого берега, которые подсве-

чивало розово-красным заходящее солнце. Чуть ниже по реке и почти у берега стоял на якоре гигантский шестимоторный ВМЗ, поплавковый К-7, доставивший нам сразу двадцать тонн продовольствия и других необходимых припасов. Этот самолёт, который я «выцыганил» у Кузнецова, будет прилетать из Нижнеангарска каждую неделю и снабжать поисковиков свежими продуктами, которые будут переправляться в глухую тайгу дюжиной У-2 и четырьмя «Стрекозами», стоявшими сейчас на берегу, рядом с выстланным досками спуском к воде. Между ВМЗ и пристанью, на коротком плече, сновали лодки. Шла разгрузка и люди спешили завершить её до темноты. Майор Саджая, лично дирижировавший этим действом, при моём приближении сам схватил багор и придержал лодку у низкого причала, пока я сходил на берег.

– Товарищ капитан госбезопасности, в базовом лагере происшествий нет, спецконтингент, назначенный в поисковые партии на месте, заболевших не выявлено, идёт приёмка последних припасов. Подготовка проведена по графику и завтра можно переходить к второму этапу операции. Докладывал майор госбезопасности Саджая!

– Вольно! – скомандовал я, убрав ладонь от козырька.

– С прибытием, товарищ капитан!

– Однако, поработали изрядно! Молодцы, – громко похвалил я людей, не делая различия между чекистами и ЗК.

– Мы то молодцы… А вот что в мире-то творится? Два дня газет не было! – азартно блестя чёрными, расширенными от возбуждения зрачками, спросил меня майор.

– Почту я привёз, а так, на пальцах, всё как обычно, – улыбнулся я проявлению «информационного голода» у человека, всего лишь месяц просидевшего в тайге. – Советская страна процветает, империалисты бесятся.

– Да это понятно! А детали, детали? Что там с японцами?! Мы тут на карте каждый день флажки переставляем!

– Большая война с ними не началась и, думаю, не начнётся. Не в том они положении, чтоб ещё и на нас лезть. В Китае крепко завязли. Но бои на границе, как вы знаете, идут. И нешуточные, раз до применения авиации дошло. На Халхин-Голе туго, судя по тому, что «Правда» пишет про плацдарм, наших прижали к реке. Позавчера у озера Хасан пытались напасть, но советские войска были готовы и ничего у самураев не вышло. На западе – очередной кризис в Испании. После того, как португальский флот попытался блокировать «коммунистические» порты и был обстрелян из береговых пятнадцатидюймовок, снаряды которых упали поблизости от какой-то британской калоши, англичане подняли хай и потребовали от правительства в Мадриде взять батареи на подступах к Гибралтарскому проливу под свой контроль. Долорес Ибаррури пускать республиканцев на свою территорию наотрез отказалась, до перестрелок дошло. В общем, разругались в пух и прах. Товарищ Сталин заявил, чтобы погасить распрю, что СССР и впредь будет поддерживать все антифашистские силы на Пиренеях при условии, что они не будут враждовать между собой. Коммунисты и республиканцы стрелять друг в друга перестали, но готовы сцепиться в любой момент. Удерживает только то, что на мадридское правительство давит Франко, начавший большое наступление, а у коммунистов проблемы в Лиге наций. Англичане попытались признать их там пиратами и бандитами, со всеми вытекающими последствиями в виде морской блокады, а может быть и не только. Тогда Советское правительство заявило, что выкупает у кадисских коммунистов береговые пушки и вопрос безопасности судоходства в Гибралтарском проливе этим снимается. Пока на этом всё.

– Про Испанию не знал…

– Так война-то там давно идёт, да и далеко от нас, вот и пишут скупо. Вот Япония – другое дело. Не журись, Алексей Николаевич, сладим. Это присказка, сказка впереди с немцами будет, – приободрил я задумавшегося заместителя. – Давай лучше к нашим делам. Что местные геологи?

– Мало их и работают «в общем и целом», исследуют Сибирскую платформу, карты составляют. Но кое-какой толк есть. Наши красные камешки действительно на реке Вилюй нашлись. Дойдём до штаба, на схеме покажу. Я уж и план подкорректировал, куда поисковиков забрасывать.

– Женщин в первую очередь отправляем, помнишь? От раздражителя избавиться надо, мне ещё тут беспорядков из-за баб не хватало.

– Да, помню, помню. Всё как договорились, будет у них в тайге своя делянка, на отшибе от других. Я и пару сопровождающих в юбках им подобрал, чтоб вообще всё чисто было.

– Добро, – кивнул я и, остановившись перед крыльцом, ведущим в барак, к которому подвёл меня Саджая, предложил, – ну, веди, показывай свои хоромы.

Майор широким жестом пригласил меня внутрь и показал большую комнату, в которой стояли столы, висела на стене карта и, как и положено, сидел дежурный. Это был штаб. Далее, разделённые центральным коридором, располагались две маленькие комнатушки, одна из которых предназначалась мне, а вторая заместителю. Все остальные жили в палатках. Но на этом мои привилегии и заканчивались. К примеру, туалеты типа «расширенный сортир» стояли на улице, для чекистов, спецконтингента и женщин отдельно. Так же как и столовые, дощатые столы с лавками по двускатными навесами и без стен. С другой стороны штабного барака был сделан собственный вход в лазарет, отделённый от основного помещения глухой перегородкой. В другом бараке был организован склад.

– Не понял, а баня где? – развёл я руками, найдя к чему прицепиться. – Рядом с рекой в тайге да без бани?

– Руки не дошли, в ближайшее время поставим, пока, временно, в палатке организовали, – оправдался майор, времени у него, действительно, было немного. – На ужин сегодня пшённая каша с мясом, наверное, ещё не остыла, – намекнул он мне, заодно съезжая с темы поиска недостатков и недоделок.

– Хорошо, пойдём, а то жизнь наша, Алексей Николаевич, волчья. Целый день носишься на голодный желудок, а вечером брюхо набьёшь и спать.

Ужинали вдвоём. Я больше молчал, уплетая пусть простую, но вкусную пищу, которую, здесь, кстати, готовили на всех без различия, а Саджая, рассказывал, с упором на подготовку кадров. Два месяца интенсивного обучения радистов дали свои плоды и пусть не вся их когорта смогла уверенно сдать итоговый зачёт, но людей набрали с запасом, их хватит. А неумехи пока останутся на базе в качестве резерва. Геологи также получили возможность обменяться опытом, конечно те, у кого он был, для наилучшего решения поставленной только по прибытию в Мухтую задачи. Они выработали общую схему поиска и ознакомились, глазами и руками, со всеми образцами пород, как Сибирской платформы, так и Южноафриканского алмазоносного района, которые только можно было достать в СССР. Алексею Николаевичу пришлось погонять своих подручных по коллекциям минералов и кое-что даже доставить из-за границы. Рентген-аппарат у нас оказался в рабочем состоянии один единственный, но использовать его предполагалось лишь для проверки найденных по «пиропному следу» трубок на наличие алмазов, поэтому я не особо беспокоился. Зато дизель-генераторов было только два и оба тяжёлые, с Харьковскими тракторными движками. Их берегли, пользуясь только при особой нужде, обходясь всюду, даже в штабе, свечами. Это означало, что придётся держать на особом контроле, чтобы аккумуляторы радиостанций были в рабочем состоянии и постоянно доставлять поисковикам свежие. Лётчиков-залётчиков и штурманов Саджая подобрал опытных, были среди них лично мне знакомые, из аэроклуба в Кожухово, но в полётах над бескрайней тайгой, при картах, в основном состоящих из белых пятен, остро встал вопрос ориентирования. Чтобы упростить эту задачу, пришлось каждую машину оборудовать радиополукомпасами, которыми поделился ВМФ, показывающими направление на расположенный в базовом лагере радиомаяк. Предварительные облёты, для ознакомления с районом и проверки работоспособ-

ности системы, на дальность до трёхсот километров уже провели. Заодно и осмотрели с воздуха места предполагаемых посадок. Выходило, что мы готовы, но внутренне мне в это не верилось, слишком уж всё шло гладко.

– Алмаз – камень драгоценный и редкий. Геологи говорят, что один такой приходится на тонны других камней, – стал к чему-то рассуждать майор, достав оплетенную бутыль, видно из родных запасов и налив мне красного вина. – Так выпьем же за людей, которые как алмазы! За товарища Сталина и за нашу великую партию!

Под такой тост, разумеется, нельзя было не выпить, чем Саджая и воспользовался, даже не спросив меня, входили ли в мои планы на вечер возлияния, или нет. Уж не знаю, зачем это он затеял, может для укрепления взаимоотношений или хотел проверить мою преданность делу марксизма, но дальнейший банкет, имея в виду внушительный литраж сосуда и то, что завтра надо было до рассвета вставать, я пресёк самым решительным образом и объявил отбой.

Эпизод 6.

– Граждане и гражданки антисоветские агитаторы и пропагандисты! Товарищи чекисты, бойцы и командиры! Сегодня для нас великий день! Сегодня мы переходим к активной фазе операции, к которой готовились два с половиной месяца! – кричал я, стоя в алом свете утренней зари на плацу, на котором построилось почти полторы тысячи человек. – Думаю, что всем вам известно, что мы ищем алмазы. Алмазы – самые ценные из всех камней, достояние нашей страны! Но нужны они нам не для того, чтобы пускать пыль в глаза жителям буржуазных стран их блеском, а для нашей растущей советской промышленности, как резцы и абразивы. Большинство из вас попали сюда, потому, что думали, что богатство нашей земли должно принадлежать только тому советскому народу, который на ней уже живёт. Зачем пускать коммунистов, говорящих на других языках, ведь они не открывали, не обживали этих земель, не застолбили их за собой и не защищали их? Вот с сегодняшнего дня, на деле, а не на словах, вы на собственной шкуре узнаете, каково оно, взять алмазы у сибирской тайги! И подумаете ещё раз, не лучше ли уступить это дело тем, кто бежит из капиталистических стран к нам, в Советский Союз! Поймёте, что трудящиеся стремятся к нам не потому, что хотят мёд ложками жрать! Посмотрите на необъятные просторы, незаселённые и неосвоенные! Представите, сколько потребуется людей, труда, времени, чтобы обжить Сибирь, правильно, по-коммунистически распорядиться тем, что дала нам природа! Может тогда вам станет стыдно за то, что кривились, когда партия большевиков провозгласила курс на концентрацию коммунизма и окончательно порвала с гнилым троцкистским наследием, ведущим к войнам и разрушениям. Поймёте всю мудрость партии и её вождей, товарищей Сталина и Кирова! Верно, до самой глубины, помёте нашу историческую задачу граждан первого в мире Советского государства, свободного от эксплуатации человека человеком: спасти трудящихся всего мира, истинных коммунистов, от гнёта капиталистов и помещиков!

Закончив свою речь, а вместе с ней и торжественную часть, я кивнул майору Саджая и тот стал командовать, разводя людей на работы, первым делом, отправив авиагруппу, лётчиков и техников, а также женскую партию Натальи Сарсадских, на погрузку. Вообще, мы планировали управиться за месяц, разделив свою авиацию пополам и забрасывая по две поисковые группы в день в два этапа, всего сорок человек, включая четырёх бойцов конвоя. В первую очередь, на двух «стрекозах» в сопровождении двух У-2 с подвесными грузовыми контейнерами Гроховского, вылетать должны были специалисты, а потом к ним уже перебрасывали чернорабочих. Но сегодня, чтобы не нагружать лётчиков сразу полётами по 8—12 часов в день, отправляли в район посёлка Крестях на Вилюе только женщин. Одним эшелоном, используя все пригодные к перевозке пассажиров самолёты.

Всё то время, пока спускали самолёты на воду, прогревали их моторы, грузили снаряжение, я присутствовал на берегу. Наконец, всё было готово, пилоты и штурманы заняли места в кабинах, а передо мной выстроилось два десятка одетых в штаны, в которые были заправлены куртки-энцефалитки, с упрятанными под плотно повязанные косынки волосами, обычные русские бабы, родом, в основном, из окрестностей столицы. С ними, во избежание, даже местных проводников не отправляли, но у двух молодых девчонок, бойцов конвоя, были винтовки и тут же сидела на поводке одна единственная собака-лайка.

– Ну, с Богом, вы знаете, что надо делать, – сказал я просто, совсем не по-партийному. – Грузитесь и вылетайте. Будем ждать от вас сообщения о прибытии на место.

Женщины, тихо переговариваясь между собой, спустились к лодкам и поплыли к слегка покачивающимся на мелкой речной волне «стрекозам», блестящим в лучах появившегося над тайгой солнца своим остеклением. Самолёты, приняв пассажиров, взревели двигателями и один за другим, по очереди, пошли на взлёт, собрались в группу и все вместе взяли курс на север. Теперь оставалось только ждать.

Ждать. Никогда не думал, что буду так волноваться, но время шло, три, пять часов, а вестей всё не было. Воображение уже рисовало всевозможные катастрофические картины в виде врезавшейся в облаках в сопку сборной эскадрильи, как наконец, почти через шесть часов ожидания пришла радиограмма. Как оказалось впоследствии, натаскав за пару месяцев «курсантов» на приём и передачу, шифрование им объяснили «на пальцах», что в реальной практике обернулось задержками сообщений. Сарсадских со своими людьми высадилась благополучно и разбила лагерь у посёлка Крестях, в нескольких километрах выше по реке, где впадающий приток образовал косу. Ещё через час в небе послышался воющий звук моторов Чаромского и мы с майором Саджая вышли встречать авиаторов.

– Один, три семь… Вроде все, – пересчитал тёмные, на фоне безоблачного неба, силуэты мой зам.

– Хорошо, – кивнул я в ответ. – Теперь бы на самочувствие лётчиков посмотреть и послушать, что они скажут насчёт двух таких вылетов в день.

– Послушать то можно, – усмехнулся Саджая, – только летать они будут всё равно. Разумеется, если позволит погода. Ну, а кто вдруг не захочет, то мы ж не звери. Заменим на запасных. А отказникам инструмент в руки и вперёд на хозработы. Вот, опять таки, без бани никак нельзя. Да и в палатках жить как-то несолидно.

– Вижу, умеешь ты людей убеждать, Алексей Николаевич.

– Ну, в нашем деле, Семён Петрович, без этого никак, сам знаешь, – взаимно ответил на шпильку в свой адрес Саджая. – Наслышан, как ты при нужде в своём отделе управлялся. Кстати, пытать бездельем и дразнить делом, как Киреева, кроме тебя никто не пробовал. А не запретить ли нам, в виде эксперимента, постройку бани? Нет, я серьёзно, – видя мою недоверчивую физиономию, заверил зам. – Заготовить материал, а потом сказать, что есть более насущные работы. Как думаешь, скоро добровольцы найдутся поработать сверхурочно?

– Нет уж, Алексей Николаевич, над живыми людьми, пусть и временно заключёнными, опытов ставить не будем. Понимаю, что дел в лагере невпроворот и тебе бы не хотелось заставлять, ведь делать будут спустя рукава, пусть и для себя же. Но если хочешь, чтоб и ночью строили, то будь добр убеди людей, а не хитри с ними. Ведь мы же хотим выпустить на свободу честных граждан СССР, не так ли? Какой же мы им пример подадим своим лукавством? – зарезал я инициативу зама, сославшись на моральные принципы, исключительно из вредности и в ответ на его «прощупывания» моей персоны.

Так, переговариваясь на отвлечённые темы, мы дождались докладов авиаторов и убедившись, что они, несмотря на усталость, готовы выполнить два вылета на следующий день, утвердили график. Но, человек предполагает, а Бог располагает, гроза, разразившаяся после обеда пятого июня, заставила внести коррективы. В воскресенье мы смогли забросить только одну

партию. Следующие пару дней дело наладилось, мы вышли на расчётный темп и я уже было, удостоверившись, что всё идёт как надо и моё непосредственное участие вовсе необязательно, наоборот, я явно стеснял своего зама, собрался уезжать, как от женской группы пришла шифровка: «Нашли алмазы. Пришлите рентген». Я, признаться, не мог в это поверить. Сарсадских работает всего три дня и уже результат? Это было похоже на сказку и я решил вылететь к ней лично и разобраться на месте. Восьмого числа дождь зарядил с утра и моё отправление было перенесено на вторую половину дня. При этом, чтобы не занимать «стрекозы» и успеть перевезти хоть одну поисковую партию, мне пришлось использовать пару У-2. Понятно, что место штурмана во второй кабине занимать было нельзя, поэтому я уравновесил оператора рентгенаппарата, лёжа в контейнере под правым крылом «кукурузника». Второй самолёт вёз сам прибор и ещё кое-какие пожитки, вроде палатки и аккумуляторов. Конечно, путешествовать так в закрытом объёме, да ещё когда из щелей поддувает, не слишком приятно. Особенно на взлёте и посадке, когда брызги от поплавков бьют в стенку контейнера и ты, зная, что находишься всего в полутора десятках сантиметров от воды, испытываешь непередаваемые ощущения. Первый час в воздухе показался мне сущим мучением, но потом я незаметно заснул и очнулся, только когда У-2 плюхнулся на реку. Ещё немного и в стенку контейнера постучали и я, не дожидаясь помощи, открыл изнутри крышку, после чего ползком, но отчаянно пытаясь не уронить авторитет и не корчить рожи от боли и покалывания в затёкших конечностях, перебрался в лодку.

– Уже пять алмазов нашли! С булавочную головку и больше! – возбуждённо блестя глазами, сразу набросилась на меня Сарсадских. – Двенадцать кубометров грунта просеяли и пять алмазов!

– Погоди, Наталья батьковна, налетела, дай-ка на вёсла сяду разогреться, а то закоченел весь, – ответил я, пристраивая свою пятую точку на банку. – Где нашли?

– Да прямо здесь, на косе!

– А пиропы?

– Ну да, и они есть. Но мелкие, почти песок.

Оглядываясь через плечо я увидел, несколько раскопов по длине галечной косы, на которых кипела работа. Посчитав по головам, тех, кто работал в ямах лопатами, вычёрпывал просачивающуюся воду, промывал поднятый грунт, я убедился, что здесь практически все. Даже повариха и медичка вон, ковыряются в лотках.

– И что, выше по реке и на ручье даже не начинали искать?

– Так здесь нашли же! Да и когда нам, только слой пустой породы вскрыли и до пиропов дошли, как алмаз! И заметили случайно, подумали что пузырь, Дашка на него пальцем, а он твёрдый! Сейчас всё до крупинки перебираем, пять штук уже!

– Ладно, посмотрим, – ответил я, более-менее начав понимать, в чём дело.

На косе моё появление не то, чтобы осталось незамеченным, но работу не прервало. Женщины, не прекращая своего занятия, только поворачивали головы и здоровались.

– Ой, только вы, пожалуйста, вниз в ямы не смотрите, – смутившись, схватила меня Сарсадских за рукав на подходе. – Вода сочится, девчонки босые копают и без порток.

– В общем, и так понятно… Гражданин Ложкин, – крикнул я вылезающему из лодки помятому оператору, которого доставила на берег конвойница, – как скоро сможете развернуть аппарат?

– Часа полтора-два, гражданин капитан госбезопасности, – без энтузиазма ответил тот и неопределённо добавил, – наверное. Если не сломалось, пока летели, ничего.

Ожидание монтажа, запуска и обработки первой пробы заняло, на самом деле, часа два с половиной и я уже начал скучать.

– А не постелять ли вам здесь волков, красавицы? – спросил я, не обращаясь ни к кому конкретно, погладив «Сайгу».

– Тю, так мы их на второй день уже съели! – хохотнула в ответ бойкая молодуха. – Ты бы, гражданин начальник, медведя из леса, что за рекой, пострелял! Выходит охальник каждое утро, когда мы портки скидываем, чтобы в яму лезть, встаёт на задние лапы и пялится. Боимся, насмотрится, переплывёт.

– Это ему вас бояться надо, – пошутил я в ответ. – А уж Ложкина я вам здесь и подавно не оставлю.

– Что там этот Ложкин? Худоба одна! Хотя на безрыбье и рак рыба. То ли дело вы, гражданин начальник, мужчина видный, – отозвалась другая.

– А ещё женатый и лесть на корню пресекаю, как проявление несознательности.

– Алмаз! – вышел из палатки и хмуро буркнул Ложкин, прекрасно слышавший разговор.

– Шестой! Что я говорила! Да их здесь куча! – Сарсадских бросилась внутрь, чтобы пощупать камень руками.

– Но кимберлитом ведь и не пахнет? – спросил я, входя следом и глядя на девушку, разглядывающую выложенный на чистый носовой платок испачканный в грязи минерал.

– Да, кимберлита нет, – отозвалась, думая при этом о чём-то своём, бывшая студентка.

– Стало быть, это месторождение, пусть, может, и богатое, но рассыпное?

– Нет, гражданин капитан! Пусть рассыпное, но богатое! – сместила она акценты, но я не согласился и принял волевое решение.

– Это всё не то! Сворачивайте здесь всё, косу целиком вам не перемыть, драга, как минимум, нужна. И действуйте, как раньше планировали, по пиропам. Пока на коренное месторождение не выйдете. Вы представляете, сколько там, если на этой косе в таких количествах отложились? То то! Так что хватит копать и до завтра отдыхайте, а потом за дело. Разумеется, заслуг ваших, всех, кто в этом открытии участвовал, никто не отнимет. Сегодня вылетать уже поздно, а с утра отправлюсь в Мухтую, оттуда в Москву и буду докладывать наркому внутренних дел, а то и выше! Гражданин Ложкин, сворачивайте аппаратуру. Боец Ларичева, давайте мне кисет! – потребовал я и, присовокупив последнюю находку к другим камням, спрятал вещественное доказательство во внутренний карман.

Эпизод 7.

– Рейсов на запад нет и не будет! Все машины мобилизованы на эвакуацию раненых! Слыхали, что в Монголии происходит? Сами всё должны понимать! Поездом езжайте. А если уж так спешите, то летите в Монголию, оттуда курьерские прям в Москву отправляют, с оказией и доберётесь. Вам, товарищ Любимов, не откажут. Сейчас как раз АНТ-9 на аэродром Борзя медикаментами грузится. Попроситесь в попутчики, – посоветовал мне начальник аэродрома аэрофлота в Иркутске, к которому я пришёл «качать права», убедившись, что нужные мне рейсы все отменены.

Подумав, что по железной дороге я буду добираться недели три, а самолётом дня четыре-пять, я пошёл к единственному на стоянке «авиалайнеру». Самолёт был не новый, даже при взгляде снаружи бросалось в глаза, что он явно не дотягивает до стандарта международных линий аэрофлота, а внутри вообще оказалось что вместо кресел в нём простые лавки вдоль бортов, которые сейчас были подняты и пристёгнуты, чтобы дать больше места для груза. Но зато он прошёл модернизацию и получил пару акимовских 16-х моторов. Представившись и переговорив с экипажем, состоящим из пары пилотов, штурмана и техника, я получил разрешение присоединиться к компании, но с условием, что разместят меня «по возможности». Я было засомневался, но груз из медицинских носилок, коробок с лекарствами, мягких тюков с ватой и бинтами, оказался таким удобным для путешествия, что лучшего, в моём случае, не надо было желать. *Оставив пожитки под присмотром техника, я сбегал в здание аэропорта и оттуда отбил в Москву телеграмму, сообщив, что вылетаю кружным путём. Вер-*

нувшись, я бросил сверху шинель, пристроив в голове рюкзак и оружие, припомнив наказ Полины в свете того, в какую сторону отправляюсь, надел бронежилет и удобно улёгся во весь рост от борта до борта в нише под самым потолком сразу за кабиной экипажа. Иллюминаторов, конечно, здесь нет, темновато и в морской бинокль, подарок Кожанова, на необъятные просторы великой страны не посмотришь, но это всё же гораздо лучше, чем подвесной контейнер У-2! И не беда, что сервис хромает и девчонки-стюардессы, как в далёком будущем, не кормят прямо в полёте, зато с голодом можно успешно бороться с помощью сна! Да и с собой, из таёжных деликатесов, было кое-чего перекусить.

Грех, как говорится жаловаться, доставили меня на аэродром Борзя со всеми возможными удобствами. Там мы и заночевали в свободной палатке госпиталя-приёмника, развёрнутого недалеко от лётного поля, чтобы размещать доставленных авиацией раненых, которые плохо перенесли полёт и их нельзя было сразу отправить на станцию в санитарный поезд. Из-за того, что я провёл в объятиях морфея весь день, меня стала мучить бессонница. Стоны, то и дело раздававшиеся в ночи, не давали отключиться, но я избегал ворочаться в темноте и шуметь, чтобы дать отдохнуть экипажу моего самолёта, который отнюдь целый день не филонил, как я. Шесть часов непонятных страданий, подъём до зари, плотный завтрак из полевой кухни и вновь наш АНТ-9, догруженный по настоянию коменданта аэродрома тремя ящиками РГО, которые я по привычке именовал Ф-1, вылетел на Халхин-Гол. Тут уж я, под монотонный гул, принялся навёрстывать упущенное.

Резкий порыв холодного воздуха, треск, стук и звон разбитого стекла вырвали меня из забытья и заставили, со всей возможной поспешностью, вывалиться из своей норы в кабину. При попытке сделать первый шаг, я спросоня споткнулся об почему-то лежащего в проходе техника и упал через него вперёд, едва удержавшись рукой за кресло правого пилота. Врывающийся в кабину ветер гудел в ушах, слепил, заставляя смежать веки, да и соображал я в тот момент неважно, поэтому удар по шасси застал меня врасплох и я всё же грохнулся на пол. Ещё пара ударов послабее, тряска и резким разворотом машины меня прижало вправо, к ногам второго пилота, который почему-то при каждом вдохе сипел, а при выдохе из его горла вырывались хрипы. Вскочив, я увидел, что он уходит на глазах, которые уже застыли и подёрнулись плёнкой.

– Эй, братишка, держись, не умирай! – бросился я обратно, в забитый оказавшимся сейчас как нельзя кстати грузом, салон самолёта. – Я сейчас!

Но начав судорожно разрывать бумажные упаковки в поисках бинта, я вдруг понял, что позади меня воцарилась тишина. Обернувшись через плечо, крадучись, я вернулся в кабину, уже окончательно включившись в суровую реальность. Прикосновение к шее лежащего в коридорчике техника показало отсутствие пульса. Растекавшаяся под телом лужица крови сказала о причине смерти практически всё. Мёртв был первый пилот, привалившийся кургузо к боковому стеклу, прикрыв правой рукой простреленную грудь. Мёртв был и штурман, с головы которого сорвало кожаный лётный шлем, а сама она, зияла огромной раной, в которой был виден ничем не защищённый мозг. Тело правого лётчика сотрясали последние предсмертные судороги. Я остался один, совершенно не понимая, как такое могло произойти.

Сквозь разбитое остекление снаружи, до самого горизонта простиралась монгольская степь, тишину которой нарушал только ветер, шорох низкой травы, в которой не спрятать и копыто коня, да стрекотание саранчи. Ни шума моторов, ни иных посторонних звуков. Значит, истребителям на зуб мы не попались, эти бы не успокоились и сожгли бы торчащий у всех на виду беззащитный самолёт. Стреляли с земли, подумал я, разглядывая множество маленьких, аккуратных, круглых дыр во внутренней переборке. Судя по всему, из пулемёта и прямо в лоб. Но как? Как нас могли достать? Не летели же мы, в самом деле, на бреющем прямо через линию фронта? Ладно, не время загадки разгадывать, решил я, внимательно осматри-

вая и ощупывая себя на предмет ран, которые я мог в горячке и не почувствовать. Вроде цел. И дымом не пахнет, уносить ноги подальше от самолёта пока рано.

Прислушавшись ещё раз, я через форточку высунулся чуть-чуть наружу и посмотрел в сторону хвоста. Ни души. И всё та же пустынная степь. Честное слово, окажись там японцы, я бы только обрадовался. По крайней мере, было бы понятно, в какую сторону бежать. А так поди гадай, куда меня занесло и как отсюда выбраться. Вздохнув, я убрал в кобуру ТТ и развернулся, чтобы вытащить свои пожитки, и замер. Вдалеке, там откуда шли следы шасси, по степи, развернувшись цепью, передвигались какие-то точки. Метнувшись за биноклем, из глубины кабины, я принялся их разглядывать, сразу определив, что между нами больше двух километров и, по крайней мере, минут пятнадцать форы у меня есть. Не понять с такой дистанции, наши или японцы. Расходятся грамотно, выслав вперёд и на фланги парные дозоры. Всего четырнадцать человек. Но что-то показалось мне неправильным. Какая-то инвалидная команда. Еле-еле ковыляют, не говоря уже о беге, почти треть хромает, опираясь на винтовки. Ну, хоть какое-то мизерное у меня преимущество, окажись они врагами. А вот в остальном… С моими-то пистолетами да «Сайгой» на открытой местности против винтовок много не навоюешь. Ага, один остановился, руки к лицу поднял, наверное, тоже меня сейчас в бинокль разглядывает.

Передо мной со всей остротой встал вопрос, что делать? Если бежать, то прямо сейчас. Опознать, к какой армии эти бойцы принадлежат, я смогу только на расстоянии выстрела, тогда сматываться по-пластунски придётся и даже от калек я так не смогу скрыться, расстреляют. С другой стороны, если не светиться, то их явная цель – самолёт. Экипаж весь внутри, может, меня и искать не станут. В кабине, конечно, прятаться глупо. А вот снаружи… Выглянув ещё раз в сторону хвоста, так, чтобы мою голову не увидели спереди, я внимательно ощупал взглядом местность, цепляясь за малейшие бугорки на дальности полёта гранаты. Степь только казалась здесь идеально ровной, вон, мы левым колесом в конце пробега в немаленькую яму угодили, отчего самолёт и развернуло. Можно и рискнуть. Лимонок у меня, слава коменданту аэродрома Борзя, целых шесть десятков, в ближнем бою весьма существенный аргумент. Подожду. Если наши – хорошо. Японцы – дождусь, когда они наморадёрничаются и уйдут.

Убедившись, что наблюдатель вновь двинулся в мою сторону, один за другим, я выбросил из кабины гранатные ящики, свой рюкзак и, осмотрев тела экипажа, с сожалением покачал головой.

– Как можно безоружных на войну посылать? – спросил сам себя вслух, чтобы рассеять тоскливое ощущение одиночества, – Кроме ракетницы и перочинного ножа, ничего. Даже паршивой рогатки. Вон у техника в инструменте топор с ножовкой, даже лопата есть, а завалящего нагана не сыскалось. В таких случаях, наверное, в рукопашную полагается идти?

Карту штурмана я решил, ради сохранения натурального вида, не трогать. Да и, посмотрев на неё, так и не понял, в какой точке нанесённого пунктиром маршрута нахожусь. Если выкарабкаюсь, пойду на север. Мимо СССР промахнуться практически невозможно.

– Молодец, сэкономил время, – саркастически похвалил я сам себя. – Теперь месяца два только до старой границы топать будешь. Если вообще живым останешься. Хомо сапиенсы к тебе как раз с севера и чешут.

Ползком, ползком, я в три захода, разными маршрутами, чтобы не мять траву, перетащил своё барахло в небольшую ямку, как раз метрах в сорока сбоку от самолёта, прямо по оси левого крыла. Пока занимался этим, заметил, что летать воздушное судно в ближайшее время не сможет. Из под капота мотора капала вода, система охлаждения явно пробита. На одном движке поднять его нечего и думать, даже если весь груз здесь вывалю. Не та у меня квалификация. Знал бы, что так сложится, учился бы в аэроклубе. Ага, и прототип ПЛ вместо «носорога» из оружейки бы прихватил. Пусть думают, что хотят. Поля как чувствовала. Хотя, если

колесо из ямы вытащить, то катиться на одном моторе по полю, пожалуй, можно. Благо площадка для тренировки немеряная. Жаль, что умные мысли приходят в голову слишком поздно.

Так, рассуждая сам с собой на отвлечённые темы, я взрезал по периметру ямки тощий дёрн и пока откинул его в сторону. Затем проверил ещё раз свой стреляющий арсенал и затем принялся вскрывать упаковку и приводить в боеготовое состояние «карманную артиллерию», выкладывая гранаты перед собой. Когда дело было сделано, я затащил на проплешину пустую тару, рюкзак, улёгся сам и накрылся «бутербродом» из мешковины и дернины, как одеялом, чуть-чуть приподняв голову, чтобы сквозь редкие, уже начавшие желтеть стебли впереди, сохранить обзор. Была ямка, получился бесформенный бугорок. Главное, когда гости пожалуют, от пыли не чихнуть. Ну, да я не дурак, бандана и вместо фуражки, и вместо респиратора сойдёт.

Отмеренные мной «безопасные» пятнадцать минут давно прошли, часовая стрелка успела совершить почти полный оборот, когда показались разведчики, которых, судя по внешнему виду, однозначно следовало считать вражескими. Драные лохмотья, поверх которых у каждого из них были намотаны грязные бинты, могли в лучшие времена быть и советской, и японской формой. Вот только в РККА не могли быть все поголовно азиатами. При приближении глаз выхватывал и более мелкие детали, вон торчит рукоять японского меча на боку у, видимо, офицера, вон клинковые, а не игольчатые штыки. Да и, будь это бойцы Монгольского бронекавалерийского корпуса, у них должен был быть РПШ, а не какое-то неопознаваемое уродство на сошках. Уродство то уродством, но всё же ручной пулемёт. Тяжко.

Основная цепь окончательно остановилась, со стонами и кряхтением опустившись на землю метрах в трёхстах от АНТ-9, а непосредственно к самолёту осторожно подошли только двое из головного дозора, охватывая свою цель с флангов. Один из них, ободрённый тишиной, открыл дверь в кабину и спустя минуту что-то оттуда сипло зарычал, а второй, подойдя к подтекавшему мотору, подставил ладонь, под падавшие на землю капли. Лизнув руку, он споро схватился за винтовку и ткнул штыком, расширяя дыру, отчего вода, блестя на солнце, потекла уже тонкой струйкой. Японец, запрокинув голову, подставил под неё свой рот и стал жадно глотать. Тем временем второй, видимо, не дождавшись ответа от товарища, выскочил наружу и увидев, чем тот занимается, оттолкнул его в сторону, тоже бросившись пить. Между двумя японцами завязалась драка. Увидев это, остальные, забыв обо всём, тоже бросились к самолёту со всей возможной скоростью, которую позволяли их раны. Пулемётчик, сделав десяток шагов, просто избавился от мешавшего ему оружия. Драка стала уже групповой и офицер, ковылявший самым последним, не мог унять её командой, поэтому выхватил пистолет и пальнул в воздух, что, впрочем, никого не остановило.

Момента удобнее, когда враги сбились в кучу, и желать-то грешно, надо было решаться, но я медлил, скованный ощущением ледяного холода в животе, будто там *в пустоте* свободно гуляла февральская позёмка. Страшно… Наедине с собой можно это признать. Страшно… Но и только. Других разумных аргументов, оправдывающих бездействие нет. Выдернув чеку, я отпустил рычаг и, посчитав про себя «ноль-раз», привстал, замахнулся, сбрасывая маскировку, и, что есть сил, бросил. Первый разрыв, как я и рассчитывал, произошёл в воздухе, задев, наверное, многих. А уж потом, как автомат, я бросал и бросал, и в кучу, и по сторонам, пока не заболело плечо. Не меньше полутора десятков лимонок ушло прежде, чем я, почувствовав, что это последняя, бросился вперёд вслед за гранатой, сжимая «сайгу». Да, я оказался в радиусе, где осколки «эфки» сохраняют свою убойную силу, но, во-первых, на мне какой-никакой «броник», наповал не убьёт и дело своё я успею сделать, а во-вторых, чтобы поймать осколок на тридцати метрах от взрыва, до которых я успел сократить дистанцию, надо быть очень невезучим человеком. Подбежав, я принялся расстреливать, распластавшиеся как попало тела картечью, не разбирая, живой или мёртвый. Шесть выстрелов, магазин весь. Отбросив ружьё, выхватил ТТ и принялся довершать начатое. Один, получив пулю, всё же попытался перевер-

нуться и пришлось потратить на него вторую. Всё, затвор в заднем положении, патроны вышли. Остался тот самый офицер, который так и не успел доковылять до своих и сейчас валялся мешком на правом боку. Пистолет бросать на землю я не стал, а убрал его аккуратно в кобуру и даже застегнул её клапан, потянув из ножен меч. Конечно, добивать благородным оружием лежачего некрасиво, но в пустыне патроны следовало поберечь. К тому же, этот японец, наверное, самурай, ему, может быть, даже приятно.

– Умри, собака!!! – отвалившись на спину, хрипло крикнул офицер на чистом русском и тут же наказал меня за то, что я отвлёкся. *Чёрный зрачок ствола уставился мне прямо в грудь, но за считанные мгновения, что потребовались чтобы нажать на спуск, я успел чуть качнуться вправо и немного развернуть корпус*. Пистолет дёрнулся в его руке и я, не услышав выстрела, почувствовал, как пуля по *касательной ударила в «броник» и застряла*. Бывало, попадало в меня и раньше, ещё в той жизни, было с чем сравнивать. Слабовато. Меч, порхнув слева направо, *ударил плашмя по кисти, ломая пальцы* японца, который, карикатурно, сверх меры расширив от удивления глаза, даже не смог пальнуть ещё раз. В следующую секунду я вырубил *его* ударом сапога по голове.

– Раз по-русски понимаешь, поживёшь ещё у меня, – ворчал я себе под нос, перевязывая его раны, – Вишь, испятнало тебя, одна рука цела и оставалась, да теперь, из-за вредности своей, *полным калекой* будешь. Нет, чтобы сразу сдаться, обязательно из пугача своего палить надо было.

Потрепало уцелевшего японца действительно сильно. К старым ранам в левой ягодице, обоих бёдрах, правой разорванной пятке, прибавились новые. *Осколки искромсали в трёх местах левое плечо и руку, пробили её кисть.* Повезло ему в том, что сразу не убило и упал он в яму, подальше от других. Как говорят врачи в таких случаях, жизненно важные органы не задеты. Хотя и придётся его теперь с ложечки кормить. Надеюсь, выкарабкается, я сделал всё, что мог, хоть и не хирург и антибиотиков у меня, *кроме спирта,* здесь нет. *Раздевшись и осмотрев себя, я увидел на левой грудной мышце огромный синяк, болевший при любом прикосновении. Хорошо, что рёбра вроде бы целы. Спасибо Поле, спасла её броня, хотя я и узнал по собственному опыту, почему её забраковали. Свинцовую пулю ТТ или Люгера тряпочный бронник может и остановит, но вот от серьёзной травмы не гарантирует.*

Закончив с «неотложкой», я забрался с биноклем на самого пострадавшего от моей «арт-подготовки» – самолёт АНТ-9. Похоже, покататься на нём мне не светит. Оба колеса основных стоек шасси сдулись, из крыльев вовсю капала уже не только вода, но и керосин. Отлетался. Хотя, послужить возвышенным наблюдательным пунктом ещё может. Встав на крышу фюзеляжа во весь рост, я осмотрел горизонт, который оказался чист. Похоже, если кто видел или слышал бой местного значения, то или вмешаться не мог, или посчитал, что себе дороже и спрятался подальше от греха. Можно без опаски было заняться оприходованием трофеев.

В качестве добычи мне достались самурайский меч, напоминавший «парабеллум» пистолет «намбу», одиннадцать винтовок, большей частью побитых, с расщеплёнными ложами, одна из которых, к счастью целая, была с оптикой, «коленный» миномёт-уродец, калибром миллиметров пятьдесят и шесть гранат к нему. Ещё два десятка почти таких же, но без переходников с метательными зарядами, нашлось у стрелков. Собрав всё оружие вблизи, я не поленился сходить и за пулемётом, оснащённым оригинальной системой питания из бункера, снаряжаемого винтовочными обоймами. Пальнув из него короткой очередью для пробы по хвосту самолёта, я убедился, что дыры получаются точно такие, какие я видел на переборке. Неужто сбили вот из этого? Тогда дохлый пулемётчик – ас! Но в то, что он уложил в кабину практически весь свой оперативный боезапас из бункера, мне не верилось. Значит, где-то здесь есть ещё такие же пулемёты или машинка посерьёзнее. Придёт в себя японец – спрошу.

С самого начала я решил, что когда снимусь с этого места, тяжёлый пулемёт с собой не потащу. Снайперская винтовка предпочтительней. Осмотрев её внимательно, я подивился

тому, что прицел не имеет вообще никаких регулировок. Взглянув на прицельную марку, я увидел шкалу горизонтальных и вертикальных поправок, с нанесёнными на ней цифрами 6, 8, 10, 12, 14. Они явно означали сотни метров, ярдов, футов, или каких-то иных национальных единиц измерения. Определить цену деления я решил просто – отошёл на сотню шагов и, наведя верхнее перекрестье на киль самолёта с нанесённым на нём красным флагом, в самую его середину, сделал три выстрела. Моя догадка подтвердилась, попадания во флаг легли кучно, вписавшись в круг в три сантиметра диаметром. Стало быть, сетка размечена до полутора километров, неплохо. Винтовка мне понравилась. Мягкая отдача, полное отсутствие вспышки и отличная меткость. Только прицелу бы кратности побольше, у этого два или два с половиной, что сразу заметно человеку, привыкшему к стандартному четырёхкратному ПСО.

Впереди было гораздо менее приятное занятие – похороны. *Оттащив пока трупы японцев подальше, я собрал амуницию, один ранец, личные документы и письма, которые всё равно не мог прочитать, присмотрел себе китель размером побольше да форменную кепку. Потом, выкопав неглубокую, метра полтора, братскую могилу, забрав документы, я положил туда* экипаж советского самолёта, по-людски завернув каждого в нашедшиеся среди груза чистые белые простыни. *Вырубив топором из обшивки АНТ-9 лист гофрированного дюраля, я накрыл им павших, чтобы не разрыли падальщики. Другой лист* согнул в трёхгранную пирамиду, увенчанную большой пятиконечной звездой, на которой и выбил, с помощью молотка и отвёртки имена и фамилии авиаторов, не забыв указать сегодняшнее число.

– *Земля вам, ребята, пухом и Царствие небесное,* – сказал я последние слова и, по обычаю, хлопнул граммульку крепчайшего спирта из медицинских запасов, запив его тут же ягодным морсом уже из своей личной литровой фляги. – Будешь? – предложил я самураю, заметив, что тот пошевелился.

– Воды! – сипло потребовал тот.

– Из системы охлаждения пополам с керосином? – спросил я шутя. – Вот до чего человек дойти может, такую гадость пить! Животом же болеть потом, задница устанет! На-ка лучше ледку из термоса-холодильника пососи, рядом с лекарствами грязи быть не должно, – предложил я, сбегав до самолёта и обратно.

Японец принялся моё подношение рассасывать, а я, радуясь свободным ушам, принялся рассуждать.

– Воды у нас с тобой маловато будет, не протянем долго. Раз уж ты в плен попал, то, может, скажешь, в какую сторону путь направить, чтобы к людям выйти? Ведь засохнем насмерть!

– Убей меня, – отозвался тот абсолютно равнодушно. – Сэкономишь воду.

– Здрасти приехали! А с кем я тогда разговаривать буду? Помереть от жажды – это понятно и непредосудительно. А вот со скуки… Нет, Танака, будешь жить!

Эпизод 8.

Незаметно за делами, на степь опустился вечер и солнечный диск клонился на северо-западе к горизонту. Пожевав мелко наструганной бастурмы с хлебом, поделился с японцем, которого пришлось кормить с рук. Голова, между тем, была занята оценкой положения. Вот что бы я сам сделал, послав разведку к сбитому самолёту, где она и сгинула? Конечно, то, что сперва наведались ко мне только раненые, наводило на размышления. Может, в «главных силах», если они вообще есть, нет больше ходячих? Какой-нибудь госпиталь… Нет, там, по крайней мере, врачи должны быть. С другой стороны – полтора десятка рыл на экипаж АНТ-9, да с пулемётом, миномётом и снайперской винтовкой, должно было хватить за глаза. Нельзя исключать, что инвалидная команда ещё не вся сточилась. Понятно, что теперь, когда, как в анекдоте, у медведя пулемёт и снайперская винтовка, днём ко мне не попрут. Даже я, здо-

ровый, на пару километров на брюхе не подписался бы, пузо сотрёшь. А вот ночью… Ночью, когда нишиша не видно, по степи можно ходить в рост и незаметно сблизиться. Главное – не шуметь. Приходится признать некую вероятность повторного визита непрошенных гостей. И ведь не уйдёшь. Бросить всё лишнее – жаба душит. Не говоря уже о японце. По-русски он говорит неспроста. Наверняка какой-нибудь разведчик. Такого ценного языка крайне желательно сберечь.

Приняв решение остаться на месте, я, первым делом, уложил японца под стабилизатором АНТа, где земля не пропиталась вытекшим керосином, на накрытые простынёй упаковки с ватой, накрыл плоскость сверху холщовым полотнищем, в которое было завёрнуто бельё, пришпилив его к земле согнутыми из полосок дюраля скобами. Палатка получилась так себе, но всё же не под открытым небом ночевать. А по моим меркам – вообще сервис и комфорт, отель пять звёзд. Связывать бедолагу я не стал, всё равно он ни руками, ни ногами ничего не может, но на всякий случай, чтобы не уполз, я приковал его за пояс к фюзеляжу тягой управления хвостовым оперением. Без отвёртки даже здоровый не освободится, а перетереть жёсткий многожильный стальной трос за ночь – перетиралка устанет.

Покончив с этим делом, стал, пока светло, разбираться с гранатами. Задумав понатыкать вокруг растяжек, я хотел понять, сколько «эфок» я могу пустить на это дело. Если научусь пользоваться японскими, коих аж двадцать шесть штук, то можно все РГО использовать. А если нет – то штук шесть-восемь придётся себе оставить. Осмотрев внимательно ребристый цилиндрический корпус с ввинченным в него запалом без предохранительного рычага, как на советских гранатах, и с верёвочной петлёй вместо кольца, я аккуратно вывинтил взрыватель. Экспериментировать на снаряжённой гранате я не собирался. Зажав последний пассатижами, отведя подальше руку от тела, я с силой дёрнул за верёвку. Предохранительная вилка отделилась от запала, но никаких эффектов вроде хлопка наколотого капсюля за этим не последовало. Положив опасный предмет, я отошёл и выждал пятнадцать секунд. Взрыва не последовало. Значит, надо сделать что-то ещё или я имею дело с инерционной машинкой мгновенного действия, срабатывающей от удара. Попытавшись вставить вилку на место, сделать этого я не смог, что-то внутри уже сместилось, поэтому я привязал к взрывателю длинный шнурок и, размахнувшись как кистенём, с силой приложил его об землю. Никакого эффекта. Чёрт, придётся разбирать… Стащив сверху штампованный колпачок, удерживаемый зажимами, я увидел пробку с выемкой, которая просто выпала, когда я перевернул её вниз. Посмотрев внутрь, я увидел там на небольшой глубине пружинку и капсюль. Остальной объём запала, надо полагать, занимал замедлитель и детонатор. Поискав в траве пробку, я поднял её и увидел ввинченный ударник. Приблизительно понятно. Аккуратно собрав всё как было, уперев взрыватель донцем в землю, я тюкнул по колпачку обухом топора. Хлопок! Есть! Выбросив запал, стал считать. Взорвалось секунд через восемь. Многовато. Хотя… Они же этим же и из миномёта пуляют, поэтому замедление такое большое.

Так, «японок» осталось двадцать пять. Корпус ещё одной я примотал испачканными бинтами к «эфке» для усиления эффекта и, наряду с другими, установил её по окружности лагеря, на расстоянии около ста метров или чуть больше, оставив свободный проход строго по продольной оси самолёта. Жидковато, сорок шесть растяжек на шестьсот с лишним метров, но если толпой попрут, кто-то обязательно вляпается. Хоть предупреждён буду, что гости припожаловали. А чтобы зверьё не полезло, так я трупы с внешней стороны периметра сложил. Незачем всяким падальщикам к самолёту соваться, от которого железом да керосином разит так, что у меня даже глаза щиплет. Сам же я, взяв пулемёт, «сайгу», снайперку и все пистолеты, закинув гранатомёт и винтовки в кабину АНТа, ушёл ночевать подальше, на полкилометра. Насторожённый «будильник» всяко оттуда услышу, можно и вздремнуть одним глазком.

Но, вопреки моим ожиданиям, ночь прошла спокойно и я, продрав глаза, осторожно вернулся в лагерь, не заметив издали ничего необычного и убедившись, что «маячки» нетронуты.

– Доброе утро, Танака! Как спалось? – отодвинул я штыком винтовки полог импровизированной палатки. – Видишь, не хотят твои тебя спасать. Как жаль. Придётся самому к ним идти. Где они? Сколько? Вооружение?

– Я не буду отвечать на вопросы! – с вызовом прохрипел в ответ японец, злобно уставившись на меня исподлобья.

– Это мы ещё посмотрим! – сказал я многообещающе и скорчив свирепую рожу, схватив нож, бросился на японца. Тот заверещал, но отбиться от здорового мужика вероятному кандидату в гости к предкам, было немыслимо. Вспоров ему штаны вдоль шва и ширинки от пояса до пояса, я прижал его коленом к постели вниз лицом и принялся развинчивать зажим троса.

– Всё, теперь можешь отойти оправиться. Знай полупортки раздвигай. Не всё же мне тебе ширинку держать, – прокомментировал я свои действия, отдуваясь в перерывах между фразами. – Хотя погоди, сортир тебе изображу.

Я установил возле стойки шасси торчком три ящика из под гранат так, чтобы на них можно было сесть.

– Готово! Чуть позже ямку тебе вырою, если не лень будет. Мне ещё дружков твоих хоронить, а то валяются неприкаянные, того и гляди на жаре завоняют.

Дав самураю время, вновь посадил его на трос, отмерив его так, чтобы он сам мог свободно перемещаться между палаткой и туалетом, после чего принялся его кормить.

– Скажи, Танака, как вы нас сбить умудрились? Я, видишь ли, всё самое важное как раз проспал. Только не надо зарекаться, что отвечать не будешь. Это же сущая ерунда. А вот если я расстроюсь, могу и бубенцы тебе отрезать. От этого ты не умрёшь, зато хрипеть перестанешь.

– Вы летели очень низко, – скупо отозвался японец. – Сначала мимо, но потом повернули прямо на нас.

– И что, вот из этого вот пулемёта? – изобразил я недоверие. – Да в самолёте дыр больше, чем у него боезапас. Не может быть.

Пленный замолчал.

– Ну, как хочешь, можешь не отвечать. Не калечить же тебя в самом деле, – миролюбиво удовлетворился я его «знаком согласия». – Спроси ты у меня тогда что-нибудь. Не в молчанку же нам играть.

– Почему вы меня так называете? – стараясь обращаться ко мне уважительно, он намекал, что хотел бы того же по отношению к себе.

– Танака? Ты, японец, говорящий по-русски, офицер, и не читал роман «Порт-Артур»? – искренне удивился я.

– Первый раз слышу, – пробурчал самурай.

– Ну ты даёшь! Да служи я в вашей армии, затёр бы до дыр и надулся бы как дирижабль от гордости!

– Я много русских книг прочёл, но о такой слышу впервые! – повысив голос, повторил пленный. Тут уж я прикусил губу, подумав, что Степанов мог свой роман на текущий момент и не написать.

– Интересный?

– Да, – ответил я коротко.

– Про осаду?

– Да.

– А Танака?

– Был там один ваш разведчик, – кивнув нехотя, спросил уже сам. – Ведь ты тоже из этого племени?

Японец промолчал. Молчи-молчи, мне даже кивать не надо.

– И в разведке, стало быть, здесь? – решил я поднажать.

В ответ тишина.

– Смотри, солёного мяса ты уже налопался, будешь артачиться – воды не дам.

– Да, в разведке, – отозвался самурай, не понаслышке знакомый с муками жажды.

– Ладно, воду заслужил. Смотри, я бутылку на шнурке подвешу, в любой момент сможешь наклонить и пару глотков сделать. Но учти, это тебе на целый день. И есть мы только вечером будем.

Убедившись, что пленный в состоянии сам о себе позаботиться, я не стал больше к нему приставать. Всё равно, если там, откуда он пришёл, есть пулемёт, то днём соваться нельзя. Светлое время я решил потратить с толком, занявшись доставшимся мне хозяйством. В первую очередь, я выполнил своё обещание и выкопал выгребную яму. Нагадить он много не успеет, пока отсюда не уйдём, а чтобы не воняло, землёй присыпать буду.

Теперь на очереди были мёртвые. Чтобы выкопать им могилу, такую же как вчера, я потратил большую часть дня, хоть и укладывал в неё японцев в два слоя, точно так же прикрыв дюралем и оставив табличку. Этак я аэроплан совсем раздену. Оставшиеся светлые часы я убил на «инвентаризацию» своих богатств. Медицинский груз состоял, по большей части, из белья и перевязочного материала, но было там два ящика с препаратами и два заполненных льдом бачка-термоса со склянками внутри, на ярлыках которых значилось: «мазь от ожогов». Сейчас лёд уже растаял и, перераспределив содержимое бачков, я получил литров шесть воды, которую можно было пить. Но главные запасы жизненно необходимой жидкости я обнаружил в «заначке» техника в двадцатилитровой фляге в отсеке ВСУ, в самом хвосте самолёта. В той же кладовке нашлась и вместительная банка с моторным маслом, которое, смешав с остатками керосина из баков, разлил по четырём склянкам из под раствора морфина, изобразив импровизированные «коктейли Молотова». Что ждёт меня впереди, я не знал и подумал, что хоть какое-то противотанковое оружие всё же лучше, чем ничего.

Содержание оставшихся склянок я трогать не стал, отложив для себя те, где значилось «эфир», «спирт», «йод», «глюкоза», «новокаин». Ревизия сухих лекарств пополнила мою походную аптечку стрептоцидом, кодеином, кофеин-бензоатом, аспирином. Остальные препараты, вроде пирамидона или фенацетина, назначения которых я не знал и не имел о нём даже предположений, я трогать не стал.

За целый день вокруг ничего не происходило и даже характерного шума войны не было слышно. Только раз мне показалось, что где-то на севере послышалось жужжание, будто ветер донёс, но осмотр горизонта ничего не дал. А ведь залпы в степи на двадцать-тридцать километров вокруг слышны. Минимум один переход до людей, значит. А скорее всего и больше.

– Держишься молодцом, – подошёл я, уставший, к Танаке. – Поедим?

Пленник, лежавший с открытыми глазами, кивнул в ответ и попытался сесть, отчего его лицо, там, где было видно через бинты, покрылось испариной.

– Не дури, а то умрёшь позорно, в постели, – остановил я его и, построгав вяленое мясо, кроме которого у меня ничего больше и не было, если не считать стремительно уменьшавшейся краюхи ржаного домашнего хлеба, стал кормить.

– Вот сидим мы с тобой, Танака, в степи, один хлеб жуём. И, скажи пожалуйста, какого лешего ты полез на меня воевать, а? Чем тебе дома не сиделось? Молчишь? Говорить не хочешь или сказать нечего? Ну, молчи, молчи, – стал я рассуждать, присев разведчику на уши с мыслью, что если вдруг со мной что случится, то всё-таки гадость узкоглазым напоследок сделать успею. – Всё таки вы какие-то дураки, японцы. Ведь со всеми соседями перессорились! С англичанами союз потеряли, американцы оружие китайцам поставляют, с которыми вы воюете, на нас тянуть стали. В дружках же – Гитлер за тридевять земель, который и помочь-то вам ничем не может. Что, думаете всех победить?

– Мы не воюем с Англией и с Американскими штатами, – возразил японец.

– Это армия не воюет. До поры. А флот сверхлинкоры с восемнадцатидюймовками, которые сильнее нынешних настолько, насколько «Нагато» сильнее «Дредноута», надо полагать,

для круизов императора строит, – посеял я семена дракона. – И не делай вид, будто не понимаешь о чём речь. Об этом, наверное, уже даже в борделях Амстердама перешёптываются. Думаешь, с такими амбициями великие державы мириться будут? Наивный…

Самурай опять мне ничего не ответил, сосредоточенно разжёвывая жёсткие мясные волокна.

– А вы-то, наверное, думаете, что циновками всё завесили и всё шито-крыто? Ну, это потому, что вы англичан совсем не знаете. Кто с ними связался – считай замазан. Вы когда флот свой строили, с них ведь пример брали, корабли у них же заказывали, своих людей на учёбу отправляли, их инструкторов приглашали? А ведь британцы – мастера шпионажа и всяких тёмных делишек. Убедить самого честного человека предать, да так, что он будет уверен, будто действует в истинных интересах своей Родины – проще простого. Не сумев с первой попытки к суперлинкору подобраться, они просто купили все сведения у ваших же адмиралов!

– Я в это не верю, – спокойно сказал самурай.

– Отчего же? Вот ведь странно, Геббельс у Гитлера утверждает, что чем чудовищнее ложь, тем легче в неё поверить. Скажи я, что марсиане ваш линкор из космоса «срисовали» и британцам продали, поверил бы? А как правду скажешь, так сразу как страусы голову в песок. Ну, да ладно, не верь, не настаиваю. Вам же хуже.

– Если бы мы действительно строили суперлинкоры, британцы уже предприняли ответные действия, – резонно возразил мне пленник.

– Ты так думаешь, потому, что опыта маловато у вас в большой политике. Англия – не даром кузница мира и величайшая держава, до которой вам как… – тут я запнулся, понимая, что японцы уже в Китае и моя метафора может быть не понята, – медному котелку до ржавчины. – Она всю свою мощь на шпионаже и техническом превосходстве построила. Вы же только на них глядите и копируете, своего собственного не изобретая. Они на шаг всегда впереди. Американцы, кстати, тоже. Зачем, скажи мне, строить дорогущие корыта по семьдесят тысяч тонн, если вдвое меньший авианосец, на котором сидят пикировщики и торпедоносцы, утопит их из соседнего моря, даже не входя в радиус досягаемости артиллерии? Хотя, у вас тоже умные люди есть, но вы им хода не даёте, вот они и ищут, кто их оценит. Ямамото Исороку понял, что время линкоров прошло, но его не слушают, вот он и поступил так, как посчитал лучшим для Японии. Ему бы сообразить, что в выигрыше остаться, связавшись с Альбионом, всё равно нельзя, да уж ничего не поделаешь. Вот и выходит, что все против вас, а союзники на другом конце мира и ничем помочь не могут.

– Зачем вы мне всё это рассказываете? – перестав прятать глаза, прямо спросил самурай.

– Затем, друг мой ситный, что умирать тебе теперь никак нельзя. И вынести тебя отсюда могу только я. К русским. А там уж, в виде благодарности за помощь, постараюсь обменять тебя на кого-нибудь из наших как можно скорее. Надеюсь, понимаешь, если на твоих соплеменников вдруг наткнёмся, первым делом тебя пристрелю. Поэтому, давай сначала. Где твои дружки? Сколько?! Вооружение?!!

– На север, километра три, ложбина, там оставалось три десятка солдат при четырёх пулемётах. Все раненые, сами ходить не могут.

– Где русские, как к ним выйти?!!

– Фронт на востоке, километров сто или больше. На север от нас русская трасса по которой идут караваны.

– Погоди, так мы с тобой в нашем тылу?

– Да.

– Трасса далеко?

– Около тридцати километров.

– Как тебя занесло-то сюда… – пробурчал я себе под нос, но японец всё-таки расслышал и с готовностью ответил и на это.

– Отряду была поставлена задача нападать на караваны, но ваши самолёты выследили нас, как мы ни маскировались. Наверное, по следам машин. Нас разбомбили, много убитых, ранены почти все. Кто был в состоянии ходить, отправились к трассе, чтобы захватить транспорт, но не вернулись.

– Отдыхай, завтра у нас трудный день, – пообещал я самураю, запахивая полог палатки.

Эпизод 9.

Конечно, верить японцу на слово было бы глупо. Поэтому, оставив пленника внутри минного поля, я, навьючившись оружием, попёрся таки в разведку. С собой взял только самое необходимое, пистолеты, «носорога», «сайгу», «арисаку» с оптикой, четыре гранаты, ракетницу, немного еды и воды. Всё это хозяйство никак не хотело на мне «уживаться», несмотря на все мои старания, то и дело постукивая и позвякивая, поэтому я старался идти как можно осторожнее, но получалось медленно. Имея ввиду наводку японца, я с самого начала отошёл, считая шаги, на километр, или около того, восточнее, после чего, посматривая на компас, двинул свои стопы строго на север. Не идти напрямик, а делать такой большой крюк пришлось потому, что, как на зло, вчера было полнолуние, а сейчас, в ночь на 14-е июня, чуть уменьшившийся диск маячил в безоблачном небе, заливая степь холодным светом, отчего трава казалась серебристой. Фигура человека должна была бы бросаться в глаза издалека, если бы Луна не убивала цвета, делая мир чёрно-белым, монохромным. Под своей импровизированной накидкой из серого упаковочного полотна я наверняка сливался с фоном на выбранной мной до предполагаемой лёжки японцев дистанции, но всё равно, часто останавливался, приседал, даже ложился, как встарь, прижавшись ухом, слушал землю. Она гудела, то сильнее, то глуше, донося отзвуки далёкой битвы, в то время как воздух оставался мирным, будто и не было всего в ста километрах на восток никакого сражения.

Пройдя после поворота полторы тысячи шагов, заметил на проплешине, где песок не был прикрыт тощим дёрном, осыпавшиеся глубокие следы машин, двумя колеями уходящие на северо-запад. Если Танака не врал, то, скорее всего, именно по ним наши лётчики и вычислили диверсантов. Достав бинокль, я посмотрел вдоль дороги, удивившись тому, что она просто кончалась, не теряясь из виду из-за расстояния и не доходя до горизонта. При этом, ничего, что хоть чем-то напоминало машины, на которых передвигались японцы, на абсолютно плоской равнине не было. По видимому расстоянию между следами колёс, я оценил дистанцию до «обрыва» в полтора-два километра. Идти по «указке» напрямик я не рискнул и, осмотревшись, заметил, что местность к северу, пусть почти незаметно, но повышается. Сверху же можно было рассмотреть нечто, что от меня сейчас было скрыто.

Сорок минут спустя мои ожидания полностью оправдались. Хоть я и потерял колею почти сразу, как только сместился от неё в сторону, зато теперь раскрыл её тайну. Она вовсе не обрывалась, а уходила вниз так, что на фоне лежащей дальше местности получался вот такой обман зрения. Длинная ложбина с очень покатыми склонами протянулась в широтном направлении на несколько километров. Во всяком случае, до остовов сгоревших машин было чуть меньше двух, а дальше я, из-за отсутствия ориентиров, оценивать не мог. Было похоже, будто в стародавние времена с запада прилетел метеорит и оставил на лике Земли морщину, которая потом оплыла и выровнялась, но не стёрлась совсем. Сейчас я прилёг в самом её конце, если принять мою космическую гипотезу, там, где небесный посланец потерял последние силы, упершись в грунт, который сам и нагрёб.

Отсюда открывался великолепный вид, но поначалу я не заметил ничего, что нарушало бы покой ночной степи. Чёрные скелеты четырёх грузовиков и единственного бронеавтомобиля казались стоящими здесь вечно. Мурашки, пробежавшие по спине к затылку, выбили

из головы глупую мысль сократить дистанцию. Вместо этого я решил противника спровоцировать. Дистанция безопасная и путь отхода за пригорок имеется.

Зарядив ракетницу, я выпалил вдоль лощины, тут же откатившись в сторону. Секунд пять-семь ничего не происходило, но потом в мою сторону длинной очередью ударил пулемёт. Стрелок, конечно же, меня не видел, пули сыпались на землю с большим недолётом и рассеиванием по направлению. После того, как он смолк, я расслышал и несколько одиночных винтовочных выстрелов, но не увидел их вспышек. Зато место, где сверкала «сварка», я засёк точно. Ободрённый тем, что дотянуться до меня не смогли, потратил минут сорок на то, чтобы попластунски, держась северного ската, по самому краю, сократить дистанцию вдвое.

На самом гребне южного склона был вырыт окоп, то ли совсем без бруствера, то ли так искусно замаскированный. Отсюда, чуть сверху и в хорошую оптику, он воспринимался как короткая горизонтальная чёрная полоска, которую давала неосвещённая вертикальная внутренняя стенка. Если бы дело было днём, при ярком солнце, я бы, пожалуй, его не рассмотрел бы, но сейчас, на контрасте чёрного и белого он проявился. Пулемёт казался чёрной точкой на фоне освещённой луной степи и, показалось мне, был установлен слишком высоко. Рядом маячила более светлая голова наблюдателя, явно волновавшегося и то и дело привставшего на секунду повыше, чтобы дальше осмотреть местность. Определившись с характерными демаскирующими признаками, я принялся шарить глазами дальше и вскоре обнаружил в сотне метров ниже по лощине от первого, ещё одно пулемётное гнездо. Между ними не было никаких ходов сообщения, но на полпути имелись зачатки фортификационной деятельности в виде щелей. По словам Танаки пулемётов оставалось всего четыре. Я предположил, что два остальных установлены на моём склоне и я их просто не вижу с поверхности земли. Это было вполне логично в случае, если японцы заняли круговую оборону. При этом, я оценил их маленькую хитрость. Лагерь свой они разбили по лощине метров на триста выше места побоища. До ближайшего пулемёта от меня было приблизительно шестьсот шагов.

Прислушиваясь и приглядываясь, приготовив на всякий случай бесшумный «носорог», я пролежал на месте ещё с полчаса, но не обнаружил никаких признаков разведки. Никто не шёл по степи, не полз туда, откуда я стрелял из ракетницы. Скорее всего, пленный самурай не врал и те, кто сидел сейчас у пулемётов, попросту были на это не способны. Что ж, связываться с инвалидами не стоит, коль скоро я могу просто обойти их стороной. Повалявшись для очистки совести ещё какое-то время, тем же путём, каким я добрался сюда, вернулся к самолёту и со спокойной душой завалился спать, намереваясь с толком использовать оставшиеся пару часов тёмного времени.

Эпизод 10.

– Вы убили их? – встретил меня вопросом пленник, хоть и медленно, но вполне самостоятельно уплетая завтрак.

– Нет. Зачем без нужды? – выразил я своё отношение к проблеме.

Танака кивнул и, больше не обращая на меня внимания, сосредоточился на работе челюстями. Такое отношение к моей персоне меня слегка задело. Я целое утро не появлялся, солнце уже высоко, часов девять утра, а этот даже не забеспокоился, что я сгину и он здесь один останется, как собака на цепи.

– Заканчивай скорей, мне твоё место нужно.

– Что делать будете? – настырно «выкнул» мне японец, строго придерживаясь выбранной линии поведения.

– Карету для тебя, не переть же на горбу.

В ответ самурай только кивнул, будто мои намерения стали для него абсолютно понятны, в чём я лично сильно сомневался. Между тем, план мой был далеко не очевиден. Чтобы

не тащить на руках всё своё абсолютно необходимое на переходе богатство и японца, который хоть и был мал ростом, да и отощал в пустыне, но весил не меньше шестидесяти килограммов, мне нужен был какой-то транспорт. К счастью, АНТ-9 при капитальном ремонте с заменой моторов пережил и кое-какой «тюнинг». Обычный для этого типа самолётов хвостовой костыль был заменён на дутик, который уцелел в ходе прошедшего здесь боя. И этим, единственным, уникальным колесом никак нельзя было пренебрегать! Приподняв хвост уже почти полностью разгруженного мной самолёта и подставив под него всё те же многофункциональные ящики из под гранат, я вооружился ножовкой и топором, с твёрдым намерением его отчекрыжить. Первым делом я развернул самоориентирующееся колесо в сторону носа и, забив в шарнир обрубков дюраля, намертво зафиксировал его в этом положении. Потом настал черёд обшивки и силового набора, раскраивал которые я почти до обеда. В итоге я получил тачку, пусть не суперудобную, но которой можно было пользоваться. Чтобы конструкция не потеряла жёсткости, кроме днища оставил часть бортов фюзеляжа, которые, сходясь к килю, образовали кузов, куда можно было, прикладами назад, сложить оружие, боеприпасы, лекарства и еду. Поперёк тачки сверху я стал приматывать бинтами дерево, всё, что нашлось в самолёте. Туда с избытком пошли и лавки, и декоративные рейки из-под потолка салона. Так у меня получилась площадка полтора на полтора метра. Перекинув через неё ремни из японской амуниции, с одной стороны я подвесил канистру с водой, а с другой недоиспользованное дерево и японский пулемёт, который всё-таки пришлось взять в качестве противовеса. Застелить тачку упаковками с ватой и накрыть серым полотнищем, было и вовсе минутным делом.

– Всё, ваше самурайское величество, карета подана, – подняв японца на руки я положил его на помост. – Извольте обживаться, пока я весточку о своих проделках намалюю.

Сказав это, красной краской из запасов бортмеханика намалевал на бортах фюзеляжа и на отогнутом вниз с одной из плоскостей листе «Мины». Искать растяжки и снимать их я поленился, да и время терять было жать.

– Всё бы вам, захребетникам, на горбу у трудового народа выезжать, – проворчал я, берясь за обмотанные бинтами рукоятки тачки и тронул её с места.

– Мой отец был кузнецом, – отозвался японец.

– Будешь, значит, Танака Кузнецов. Так на могиле твоей и напишу, если вдруг помереть по дороге вздумаешь.

– Если сами меня на этой тележке не растрясёте, не умру, – всё так же ровно заверил меня самурай.

– Ишь, ещё привередничает! Да это лучшая тачка на день пути вокруг! Рессора, пневматик, причём, низкого давления! Вообще, Танака, будешь себя так вести, пристрелю тебя ко всем чертям.

– У нас был договор, – напомнил мне пленник, понизив голос, видимо, приняв угрозу всерьёз.

– Конечно, пользуйся тем, что русские всегда договоры соблюдают. Не какие-нибудь там англичашки, которые слово держат, только пока выгодно. Для тех вообще правил никаких не существует. Слыхал про судетский кризис? Помяни моё слово, ни Англия, ни Франция защищать Чехословакию не будут, хотя по договору и должны, гарантии давали.

– Не знаю, о чём вы говорите.

– Не беда, узнаешь ещё. Может, своим мозги вправишь, чтоб знали, с кем дело можно иметь. То ли дело русские! Сказал товарищ Сталин, что любой агрессор по шапке получит, значит, так и будет. Ох, и достанется вам сейчас на орехи за все ваши шалости!

– Не говори гоп, пока не перепрыгнешь. Так русская пословица звучит? Ещё неизвестно, чья возьмёт. Вы только отбиваетесь от ударов доблестной Императорской армии. Обороной же войны не выигрываются.

– Дай срок, прочувствуете, как русские наступают. А то вон гонору сколько, пока вас по роже никто не бил. Утрётесь как миленькие. То не беда. У нас и другая пословица есть. За одного битого, двух небитых дают.

– Это только слова. Вы не сможете по Транссибирской магистрали перебросить достаточно войск, чтобы нанести поражение Квантунской армии. И сколько бы вы подкреплений не посылали, из Японии морем они будут прибывать быстрее.

– Вас полтора десятка было, а я один. Сильно тебе это помогло? – принизил я «стратегию» до уровня «тактики». – Решает не численное превосходство, а огневая мощь. И она была на моей стороне.

– Это был не честный бой! – японец явно был задет за живое.

– Согласен, четырнадцать рыл на одного совсем не честно! – не остался я в долгу и, понизив тон, уже спокойно сказал. – Просто я оказался умнее и с гранатами. Но я тебе о другом толкую. У СССР промышленность уже первая в Европе по многим показателям и вторая в мире после США. А у вас? Сможете вы столько оружия и боеприпасов произвести, чтоб превосходство в огневой мощи получить? И не надо на железную дорогу кивать. Медленно возим? Так мы и подождать в обороне можем, поднакопить. Обороняться мы умеем, сам знаешь. Как там в Порт-Артуре было? Каждый русский сразился с четырьмя японцами и двух из них убил? Ваше счастье, что та война быстро кончилась. Сейчас же у нас запас есть, научены. Нет нужды долго обороняться и силы копить, чтоб потом врезать! К тому же, дальним бомбардировщикам не так уж много и надо, чтоб ваши города и заводы с землёй сравнять. Вы у нас полностью под бомбовым ковром. А вы до наших городов и заводов дотянуться можете? Кто будет бить, а кто отбиваться? И с каждым нашим ударом вы будете выпускать всё меньше, слабеть. Возить из Японии, хоть быстро, хоть медленно, нечего будет. Только вопрос времени, когда мы вас раскатаем.

Танака замкнулся. Конечно, он мог бы что-то возразить, но тогда пришлось бы говорить о планах завоеваний аж до самого Урала, чего он благоразумно делать не стал. Некоторое время мы шли молча, но потом, от скуки, то он, то я возобновляли разговор, который я постепенно сдвигал с темы «Как мы будем воевать?» на «Как хорошо было бы дружить». Начали, как водится, с признания исключительных боевых качеств русских и японских солдат, которых я всячески хвалил за доблесть, бесстрашие и верность своему долгу. Потом, через оружие и национальные боевые искусства, познаниями в коих я немало удивил собеседника, перешли на культуру и пришли к выводу, что у наших народов очень много общего. Я исправно поддакивал японцу, когда он критиковал Толстого за непротивление злу насилием, признался, что видел сакуру в цвету, но в Подмосковье. Конечно, умолчав о том, что было это полсотни, а то и больше, лет вперёд. По мере нашего путешествия, перестал ему «тыкать» и даже перешёл на обращение «уважаемый Танака», стремясь всячески произвести благоприятное впечатление. Разумеется, пользовался я тем, что сама обстановка сближала меня и японца, вовсе не ради того, чтобы поразглагольствовать. По моему разумению, к разведчику, принесшему вести, что «Ямато» ни для кого давно уже не секрет, должны были прислушаться самым внимательным образом. Хоть какая-то попытка исключить угрозу нашим границам с восточного направления. Конечно, если он выкарабкается. А для этого надо было добраться до наших.

За остаток дня я прошёл километров восемь. Но за счёт того, что пришлось делать широкий крюк, обходя японских недобитков, к трассе я приблизился от силы на три-четыре. Сделав привал ради ужина, я продолжил путь ночью, при свете луны, благо в это время не припекало солнце, и окончательно остановился, только полностью выбившись из сил. Толкать тачку, вес которой, как мне казалось, тянул больше, чем на полторы сотни килограмм, пусть и по ровной местности – занятие не из лёгких.

– Уважаемый Танака, лучше уж самурай без штанов, чем без меча. Вы продемонстрировали мне живой интерес к моей Родине, чем завоевали моё уважение. Позвольте вам вернуть

ваше оружие с условием, что вы не будете им пользоваться, находясь в плену, – сказал я перед сном, держа катану в руках.

– Я обещаю, – заверил меня японец, после чего я положил меч рядом с ним и накрыл раненого краем полотнища, чтобы ночью не замёрз. Сам же, завернувшись в шинель, устроился на земле рядом.

Поздним утром, проснувшись, я услышал пересвист какой-то живности и, подняв голову, обнаружил, что расположился на ночлег очень удачно, рядом с колонией тарбаганов, до которых было всего полсотни метров. Вот и сейчас степной сурок, стоя столбиком на земляной горке, внимательно наблюдал за чужаками, пока его сородичи шастали вокруг в поисках пищи. Упускать момент было нельзя и, немного посомневавшись в выборе оружия, я использовал «арисаку». Подумал, что выковыривать дробь из тушки, а тем более наглотаться свинца, не хочу. Конечно, винтовочный патрон для такого зверька через чур, но если хорошо прицелиться… Пуля попала куда надо, размозжив голову, но оставила большую часть добычи нетронутой. Подобрав её, я осмотрелся вокруг в поисках камней и, не обнаружив таковых, пожалел про себя, что боодог на завтрак нам не светит. Пришлось жарить кое-как прямо на костре, использовав вместо вертела винтовочный штык-тесак. Мясо степного сурка считается у монголов целебным. И действительно, и я, и мой пленник, проглотив его, ощутили прилив сил. Пока мы завтракали, тарбаганы успокоились, что дало мне шанс подстрелить нам и ужин. К сожалению, наученные горьким опытом, зверьки больше не высовывались и целый час, проведённый потом в засаде, пропал зря.

Выступив дальше на север уже ближе к обеду, я шёл с короткими остановками только ради перекура, мысленно уже прокляв всё на свете. Казалось, что мерить степь шагами можно бесконечно, пока не сотрёшь *ноги* до места, откуда растут. С какой скоростью передвигался, я не знал, но оценивая вечером пройденный путь, прикинул, что одолел километров восемьдесять. Значит, ещё день, может два, и я достигну трассы, где нас могут подобрать.

Но судьба распорядилась иначе. На следующий день, часов около одиннадцати, я сначала услышал далёкий звук авиамоторов, а потом, обшарив небо глазами, увидел на севере две малюсенькие чёрточки. Подняв к глазам бинокль, я стал их рассматривать. Пара истребителей, идут на юг в стороне от меня. В таком ракурсе трудно однозначно определить, но похожи на «ишаки». Во всяком случае, не «Зеро», у тех хвосты длинные. Других японских самолётов я не знал, поэтому продолжал наблюдать. Наконец, самолёты вошли, разворачиваясь, в широкий вираж и приблизились ко мне, показав снизу свои плоскости на которых на голубом фоне красовались красные звёзды. Наши! Заорав, что есть сил, будто пилоты могли меня слышать, я схватил ракетницу и принялся стрелять раз за разом, привлекая к себе внимание. Истребители изменили направление виража и, спикировав, прошли на бреющем недалеко от меня, рокоча движками на малом газу, после чего взревели и вновь стали набирать высоту. Подумав, что меня сочли слишком малозначительным, чтобы обращать внимание, я вновь разразился фейерверком. Пара разделилась. Ведомый остался кружить в небе, а ведущий явно нацелился совершить посадку, отойдя подальше и развернув на меня нос. Спустя минуту-две я уже бежал к подкатывающемуся «ишаку», что было сил.

– Семён Петрович, свет Любимов? Какими судьбами? – громко проорал сквозь шум мотора пилот, откинув вбок фонарь кабины и одарил меня широкой чкаловской улыбкой.

– Тоже не ожидал вас увидеть, Валерий Павлович! Как видишь, потерпел крушение! Вон, всё, что от самолёта осталось!

– Истребители?!

– Нет, с земли!

– Чёрт! – шеф-пилот фирмы Поликарпова был явно расстроен. – А это кто?!

– Как раз из зенитчиков! Ценный пленный! Разведчик! По-русски говорит!

– Жди здесь! Приведу помощь! Как нас увидишь, ракету давай!

Сказано – сделано. Через два часа нас с Танакой подобрал санитарный самолёт, сопровождаемый всё той же парой «ишаков».

Эпизод 11.

С воздуха трасса, или как её называли уже обжившиеся здесь люди, тракт, оказалась совершенно не похожа на обычную дорогу. Полоса степи шириной приблизительно километров пять была сплошь перечерчена с запада на восток колеями, которые беспорядочно изгибались, сливались и пересекались. Сейчас она была пуста, но лётчик санитарного самолёта заверил, что только наступит ночь, пойдут по ней колонны машин, военных и гражданских, из состава «предприятия» дядюшки Исидора, повезут подкрепления, оружие, боеприпасы и продовольствие на фронт. Днём же, чтобы не попадаться на глаза японским разведчикам, или того хуже – истребителям, порой залетавшим сюда поохотиться, караваны отстаивались в промежуточных пунктах, спрятавшись под масксетями. Служил тракт и путеводной нитью для *лётчиков*, которые в отличие от шофёров, ночью ориентироваться по нему не могли. *Пилоты «Аэрофлота»* летали днём, при приближении к линии фронта снижаясь до бреющего, ведь единственной защитой от воздушных разбойников у них была маскировка. Самые хитрые и осторожные прокладывали маршрут в стороне, параллельно, только изредка «навещая» тракт, чтобы убедиться, что он никуда не делся. Только на конечном участке маршрута, который определяли по времени, на самом подходе к Тамцак-Булаку, над которым постоянно крутились советские истребители, борта «Аэрофлота» шли строго по «компасу» и набирали высоту, давая себя опознать.

Ирония судьбы, но экипаж, который меня вёз, получается, перехитрил сам себя. Как говорится, кому суждено быть повешенным, тот не утонет. Да, что уж о том говорить, когда и в воздухе, и на земле такая карусель разворачивается. Как назло, начало «войны за воду» застало советские ВВС в стадии переформирования. Вместо прежних авиабригад формировались полки и дивизии. По большому счёту это было вызвано в равной степени и испанским опытом и нуждой дать подросшим в чинах за годы пятилеток авиаторам адекватные должности. Была эскадрилья, стал полк. Машин 50—60 как было, так и осталось, зато теперь есть управление, штаб и наземные службы, руководящие и сопровождающие лётчиков на любых площадках, а не стационарные базы, которые сами по себе. В идеале. На деле же пока получилось, что от одной титьки оторвали, а другой взамен не дали. Не хватает всего и на всех. В Монголию в прошлом году перебросили эскадрилью истребителей, которую переформировали в 70-й полк, да штурмовую эскадрилью на Р-5, пережившую такую же метаморфозу, усугублённую перевооружением на СБ. И отшлифовали всё включением в их состав бывших монгольских ВВС, насчитывавших десятка два устаревших штурмовиков Поликарпова. Истребители, можно сказать, отделались легко. А вот бомбардировщиков «привели в чувство», только перебросив из Европейской части страны личный состав полка, уже освоившего новую технику. «Старички» же продолжали летать на Р-5. Но летать и бомбить мало, надо увернуться от огня с земли и уцелеть в небе, где крутятся вражеские истребители. Поэтому и единственным крупным успехом был разгром колонны диверсантов в тылу, да и то с помощью каких-то «секретных» бомб. Пилот санитарного самолёта был почему-то уверен, что применили именно химическое оружие.

70-й истребительный полк оказался большей частью вооружён старыми самолётами с 850-сильными моторами М-25, лишь одна эскадрилья *и управление имели* последнюю модификацию «ишаков» с М-62. Старые машины могли развить на расчётной высоте 445 километров в час, что примерно соответствовало новейшим японским И-97 и было на полсотни километров в час больше, чем основной истребитель врага биплан И-95, но вот лётчики и тактика у самураев оказались явно лучше. Их машины оказались легче и маневренней, поэтому выиг-

рывали и на виражах и в восходящих фигурах на вертикальном маневре, наши имели преимущество в долгом пикировании, что, по крайней мере, позволяло в любой момент выйти из боя и удрать. Переброшенный в первые недели боёв с коренной территории Союза 22-й истребительный полк был братом-близнецом 70-го и, несмотря на увеличении числа истребителей вдвое, превосходство в небе оставалось за японцами, которые уже успели подбить четыре десятка «ишаков», треть всех сил. Только в последние дни, с прибытием пополнения из лётчиков-ветеранов, успевших повоевать в Испании, новых самолётов и моторов на замену старых, команд испытателей на экспериментальных машинах, которым, правда, было запрещено пересекать и даже приближаться к линии фронта, дело стало налаживаться.

Тут мне пришлось говорливого лётчика одёрнуть. Танака, хоть и делал вид, что спит, но мог наш разговор подслушать, что делало его обмен проблематичным. Провоцировать охоту за советскими опытными самолётами я не собирался. Приблизив разговор к земле, я выяснил, что хоть Монгольский бронекавалерийский корпус и имел подавляющее превосходство в бронетехнике, но малочисленная пехота и артиллерия сводили его на нет. В чистом поле японцам нечего было нам противопоставить, БА-11 сметали всё на своём пути. Попытавшись наступать буром в первые дни враг понёс тяжёлые потери, особенно в танках. Но потом, изменив тактику, добился того, что на восточном берегу Халхин-Гола в наших руках остался лишь небольшой плацдарм, обороняемый стрелково-пулемётными батальонами корпуса и срочно переброшенными сюда транспортной авиацией *двумя* воздушно-десантными бригадами. Местность за рекой была сильно изрезана балками, песчаными дюнами. Японцы, действуя осадными методами и продвигая вперёд опорные пункты, подтягивая следом артиллерию, за полтора месяца заняли её полностью. Днём по-пластунски, ночью *под покровом темноты*, они выдвигались к очередной высоте и окапывались. БА-11, броня которых в лоб почти не пробивалась противотанковыми средствами противника, не могли их выкурить оттуда без пехоты, а в ближнем бою страдали от мин, гранат и бутылок с огнесмесью. Попытки самоходных батарей корпуса расстреливать такие опорные пункты полупрямой наводкой очень скоро стали заканчиваться плачевно. Дивизионная артиллерия врага имела много трёхдюймовок, большей частью по ТТХ аналогичных нашим образца 1902 года, но были и более современные образцы с раздвижными станинами, способные бороться с бронетехникой, *а также горные пушки*. Их японцы очень быстро распределили по важнейшим направлениям *мелкими группами не более дивизиона*. Но и без того занявшая позицию батарея представляла собой неподвижную мишень, доступную и для старых пушек, которые самураи искусно маскировали на прямой наводке. Был случай, когда единственное попадание в САУ, взорвавшее боекомплект, уничтожило всю гаубичную батарею. При этом, на маневрирующие гораздо ближе броневики японские наводчики не обращали внимания. Наши пушкари перешли на стрельбу с закрытых позиций, чему не только не были обучены, но даже не имели элементарных средств связи вплоть до полевых телефонов. Даже без того, чтобы снести один опорный пункт, надо было сосредоточить всю артиллерию корпуса и израсходовать прорву дефицитных снарядов, а враг за это время сооружал пять других. «Обжав» плацдарм, японцы завели ситуацию на фронте в позиционный тупик, не в силах выбить пулемётчиков и десантников с позиций либо переправиться на западный берег, обороняемый бронебригадами и монгольской кавалерией. Обе стороны стали подтягивать подкрепления.

На подлёте к Тамцак-Булаку, по местным меркам считавшемуся городом, я увидел с воздуха лишь несколько больших сараев, множество разбросанных по степи юрт и армейских палаток, с отрытыми кое-где щелями. Они группировались кучками, подобно кочевым родам, а вся степь между ними была одним большим лётным полем, таким большим, что на нём даже не засыпали воронки от японских бомбёжек, а лишь отмечали их флагами. По направлению к одному из таких лагерей, назначение которого легко угадывалось по красным крестам на полотнищах палаток, мы и стали заходить на посадку. Чкалов с ведомым, покачав на проща-

ние крыльями, отвалили в сторону. Лёгкий толчок. Земля. И мы уже катимся по полю к встречающей делегации в лице двух санитаров с носилками. Я, признаться, ожидал много большего, но как оказалось, никто о моей персоне не был предупреждён. Просто санитарный АИР больше одного лежачего раненого не поднимал и использовался, в основном, для эвакуации сбитых лётчиков. Встречали «как обычно», просто увидев садящийся борт. В госпитале, который оказался лётным, пленным японцам, тем кому довелось сесть или выброситься с парашютом над советской территорией, была отведена отдельная палатка, охраняемая часовым. От главного врача я получил заверения, что «мой» самурай в ней и останется, если, конечно, выживет после операции. Правда меч у него снова отняли, несмотря на то, что я подтвердил обещание Танаки. От него, может, безобразия и не будет, но другие японцы, чувствующие себя гораздо лучше, никакого доверия не внушали.

Пообедав в столовой, я навёл у раненых летунов справки о ближайшем начальстве и выяснил, что недалеко, всего в каких-то пяти километрах, расположен штаб авиагруппы и её командир, комкор Смушкевич, должен быть там. Если не улетел, по своему обыкновению, в полки. Поскольку я не был здесь никому интересен, никакие строгие особисты по мою душу не явились, я, вооружившись до зубов, так как мой арсенал некому было сдать, потопал пешком в указанном направлении. По пути я пересёк лагерь стрелкового полка, получив массу негативных впечатлений. Никто меня на подходе не окликнул и не спросил, какого чёрта я шляюсь здесь с японским пулемётом. Бойцы и командиры с интересом поглядывали на меня, когда я проходил мимо, рассматривали необычное оружие и драный броник, но ничего не спрашивали и отводили глаза, когда я смотрел на них, видимо, не желая связываться с человеком у которого на воротнике петлицы капитана госбезопасности. Личный состав бездельничал, прячась от солнца в палатках, составив оружие в пирамиды без всякого присмотра. Проходя мимо одной такой, я заметил, что стоящий рядом на сошках РПШ с пристёгнутым диском не поставлен на предохранитель и, остановившись, исправил оплошность. Никому до этого не было никакого дела! Взяв в руки первую попавшуюся мосинку я открыл затвор и убедился, что винтовка лет сто не чищена. Что за бардак! Не армия, а лежбище моржей! Закинуть в ствол миномёта японскую гранату, чтобы при попытке выстрелить расчёт отправился если не на небеса, то надолго в госпиталь, не составило бы мне никакого труда! Впрочем, не лучше дела обстояли и в штабе авиагруппы. Там, на вопрос «Где Смушкевич?» исправно отвечали, не интересуясь кто я, и какого лешего мне от комкора надо. Так и получилось, что застал я ветерана боёв в Испании, конечно, не со спущенными штанами, но в рабочей обстановке.

– Сколько у тебя на земле?! Поднимай третью и четвёртую на помощь семидесятому полку!! Японцы подходят, уже над переправой!! Не дать разбомбить!!! Сам лети!!! – орал в трубку полевого телефона в углу комкор, раскрасневшись и смахивая обильно выступивший на лбу пот. Лицо раскраснелось, ворот кителя расстёгнут, сразу видно – человек при деле, изо всех сил старается. Тут же рядом ещё трое у стоящего в центре раскладного стола с расстеленной на нём картой и радист в наушниках со своим хозяйством.

– Всем лежать! Руки за голову!! Это ограбление!!! – входя, я передёрнул затвор пулемёта. – Лежать я сказал!!! – от моего пинка в сторону отлетел лёгкий столик и короткая очередь над головами наделала дыр в полотнище. Авиаторы попадали на землю. – Без глупостей! У меня тут мешок гранат и бутылки с огнесмесью!! Дёрнитесь – не опознают!!!

Выждав пять секунд, чтобы прочувствовали всю свою беспомощность, я приказал:

– Отставить! Встать!! – и, дождавшись, когда команда была выполнена, уже спокойным тоном, давя в себе клокочущую ярость, сказал. – Ну и бардак у вас здесь, товарищи. А окажись я на самом деле диверсантом? Тьфу! Детский сад с барабаном! Даже на пионерлагерь не тянет…

– Кто вы, ик, и по какому праву срываете, ик, боевую работу?!! – пережитое волнение не прошло для Смушкевича даром. – Немедленно опустите оружие! Вы арестованы!!

– Капитан госбезопасности Любимов, выполняю секретное задание наркомата внутренних дел, – представился я с усмешкой, давая понять, что резкие действия в отношении меня будут иметь последствия. – А арестовать меня, товарищ комкор, у вас кишка тонка. Я вам не подчинён. Более того, это я вас должен был бы арестовать за безобразное выполнение возложенных на вас обязанностей. Ответьте на звонок, поди волнуются, – кивнул я в сторону надрывающегося «тапсика».

– Недоразумение! Нормально!!! – сначала буркнул, а потом крикнул Смушкевич, выслушав вопрос с того конца провода.

– Это точно, недоразумение, – кивнул я, соглашаясь, – но нормального в этом ничего нет. Заходите, товарищ, не стесняйтесь, – пригласил я осторожно заглядывающего внутрь командира с пистолетом наготове, за спиной которого бестолково толклись бойцы, вооружённые чем попало. – И не надо в живого человека пистолетом тыкать, а то один такой безобразник мне уже жилетку порвал. Здесь все свои. Смотрите, вот моё удостоверение, – опустив ствол пулемёта к земле я левой рукой залез через подмышку под броник и достал корочки. – Капитан государственной безопасности Любимов. А вы кто?

– Военинженер первого ранга Прачик, начальник инженерно-технической службы авиагруппы, – неуверенно представился «главчумазоид».

– Я вас, товарищ Прачик, наверное, от дел отвлёк? – спросил я всё так же с усмешкой и показным превосходством. – Идите, занимайтесь работой. Если понадобитесь, вас вызовут. Не волнуйтесь, прямо здесь вашего комкора я не буду расстреливать. Конечно, если он мне объяснит, почему над трактом сбивают самолёты «Аэрофлота», а он никаких мер к обеспечению безопасности маршрута не принимает! И сбитые борта не ищет!!! – последние слова, произнесённые повышенным тоном, были больше адресованы Смушкевичу.

Комкор смолчал, видно не зная, что сказать наглому чекисту. Мне же только того и надо было. По крайней мере, в данный конкретный момент понятно, кто тут из нас главный.

– Немедленно вызовите сюда вашего начальника особого отдела! – потребовал я резко, намереваясь продолжить выволочку «за халатность, граничащую с вредительством».

– Нет у нас начальника особого отдела, – хмуро ответил Смушкевич, посмотрев на своих подчинённых, не поднимающих глаз от пола. – И самого отдела тоже нет.

– То есть как?! – опешил я от такого известия.

– Не укомплектовали! Мы здесь всего неделю как! И от нас это не зависит, это недоработка вашего наркомата! В полках отделы есть, а у нас нет! Обещали, ждём! Но, видно, руки не доходят, мобилизация же! – похоже, я передавил и Смушкевич, слетев с катушек, орал на меня в голос.

– Дайте связь с Москвой! Срочно! – приказом я попытался восстановить «статус кво».

– Связь есть с Читой. С штабом командующего фронтом. Связными самолётами. С Москвой прямой связи нет, – скупыми короткими фразами, но уже сбавив обороты, ответил командующий авиагруппой.

– Не понял. А радио? – немало удивившись, задал я вопрос, кивнув на аппаратуру в углу.

– Командующий армейской группой пользоваться им запретил, – совершенно «высадил» меня своим ответом комкор.

– Что, вообще? Но почему?

– Есть большое подозрение, что японцы слушают наши сообщения. Им несколько раз удавалось упредить наши войска без видимых причин, – утвердительно кивнув в ответ на первый вопрос, второй командующий авиагруппой пояснил более развёрнуто.

– А вы их шифровать не пробовали? Да и без того, что толку, например, если японцы слышат наших лётчиков в бою? Когда упреждать уже поздно? Как же вы руководите воздушным боем? Как посылаете связные самолёты по трассе, над которой охотятся вражеские истребители? Да у вас же связи, в сухом остатке, ни вверх, ни вниз нет!!! Как такое в РККА вообще

возможно! – на этот раз я не спрашивал, а откровенно ругался, давая выход переполнявшему меня негодованию, но Смушкевич стал оправдываться, хотя я этого и не ждал.

– С депешами в Читу посылаем СБ, японцы их не догоняют. С передовыми наземными постами у меня проводная связь. Как только противник появляется в небе, сразу поднимаем истребители на перехват. А в бою радио вообще бесполезно. Оно только на дизельных машинах хорошо работает, а у нас их нет. Бензиновые же моторы дают помехи, сквозь которые ничего не слышно. Лётчики вообще снимают станции, облегчая машины.

– Знаете, товарищ комкор, я всегда критиковал маршала Ворошилова за непорядки в РККА, но то, что сейчас вижу, переходит все границы, которые только можно вообразить. Вы же ветеран, комкор! Не ожидал от вас такой никчёмности…

– Вы забываетесь! Меня, лётчиков авиагруппы!! Товарищ Сталин лично!!! – Смушкевич вновь закричал в голос, не в силах в крайнем возбуждении даже сформулировать свою мысль и внятно её донести.

– Ну да, вероятно, он вас переоценил. Придётся разочаровать его, рассказать, как вы здесь ведёте дело, – я и сам уже от такой перспективы, от всего увиденного и услышанного, находился в полном расстройстве. – Надеюсь, хоть в моём деле вы сможете оказать необходимое содействие и не напортачить.

– Что вам надо? – по-деловому спросил Смушкевич, осознавая, что перед ним не «какой-то Любимов», а «тот самый капитан Любимов», который в силах исполнить обещанное и стараясь набрать очки.

– Перво-наперво, доставить пакет в Читу, в особый отдел. Во-вторых, обеспечить сохранность пленного, которого я притащил. Сейчас он в лётном госпитале. Мне надо, чтобы он живым и говорящим оказался по ту сторону фронта. Много наших лётчиков сбито над территорией, занятой японцами?

– СБ можем послать завтра же с утра. Сегодня вылетать уже поздно. А насчёт сбитых, – тут комкор явно смутился, – доложу чуть позже. Надо в полках уточнить.

Я только покачал головой, имея в виду учёт потерь и отсутствие всякого интереса к судьбе собственных пилотов, не говоря уже о службе эвакуации.

– Хорошо, по крайней мере, рапорт успею написать. Есть здесь у вас, где можно в тишине подумать? – согласился я, обращаясь с вопросом уже не к командующему, которого вновь требовательно позвал телефон, а к штабистам. Один из них вызвал лейтенанта Сомова и тихонько, чтобы я не слышал, что-то ему приказал. Летёха пригласил следовать за собой, но, буквально у соседней палатки, перепоручил старшине, который и отвёл меня с стоящую невдалеке юрту. Зайдя внутрь, я в центре, как и положено, увидел очаг, но дальше у противоположной стены, на застланном войлоком полу, стояли два армейских набора «железная кровать – тумбочка – табурет», один из которых был обжит.

– Здесь располагайтесь, товарищ капитан. Соседом воентехника первого ранга будете, – без пиетета перед званием «прописал» меня видавший виды усатый сверхсрочник. – Разрешите идти?

– Не разрешаю, – не отпустил я. – Заберите пулемёт. Принесите бумагу, конверт и прибор. Распорядитесь, чтобы у входа выкопали щель для укрытия от бомбёжек. Вот теперь идите.

Через полчаса, вытащив тумбочку с табуретом на улицу и расположившись на них, я сочинял рапорт на имя наркома, наблюдая, между делом, как два красноармейца махают лопатами. Может, мой пример ещё кого вразумит. А то у нас без синяков и шишек, набитых противником, ничего не делается. Ничего, повоюют, прочувствуют почём фунт лиха. У меня сейчас совсем другая проблема. Собирался в считанные дни в Москву попасть, а оно вон как получается. Пока ответ придёт, пока японца обменяю, если нарком ещё «добро» даст, а не прикажет его пристрелить. Похоже, придётся мне тут обживаться надолго.

Эпизод 12.

– Кхм, поужинать не хотите, товарищ капитан? – привлёк мой внимание Смушкевич в конце дня, когда я всё ещё мучил бойцов, заставляя и показывая личным примером, как оборудовать убежище и маскировать его по всем правилам. В песчаном, осыпающемся грунте это было не очень-то легко. Приходилось исхитряться, укреплять его досками, добытыми из бомбовой тары.

– Не откажусь, товарищ комкор. Мы уже почти закончили, – оглядел я творение и своих, в том числе, рук. – Не хочу лезть с советами, но надо бы вам приказать щели на весь личный состав отрыть. Не ровён час, японец налетит. Воронки-то на поле не сами же собой появились? А уж технику рассредоточить и капониры для неё оборудовать – святое дело. Каждый самолёт, сожжённый противником на земле вне укрытия – акт вредительства и виновный подлежит строжайшему наказанию. Я бы таких в пехоту, в штрафные роты отправлял, раз лётчиками быть не умеют. На земле закон простой: остановился – окопался. Хотя, тот полк, что я днём видел по пути к вам, в пример ставить грешно. У вас хоть какие-то единичные укрытия есть. А в пехоте вообще полные раздолбаи. Непонятно, как оружие им доверили.

– Что вы от них хотите? Добровольцы… – с каким-то пренебрежением отозвался о пехоте командующий авиагруппой, будто в добровольчестве скрывалось что-то плохое. Меня это заинтересовало, а ответ обескуражил. Долго же я в тайге сидел, да по степям шатался! В мире-то вон, что творится! Верховный совет СССР в мае, одиннадцатого числа, всего два дня спустя после первого нападения японцев, по совместному представлению НКВД и НКО разразился указом о замене в случае добровольного согласия и со многими оговорками, тюремного заключения на срок не свыше двух лет службой в РККА на такой же срок! Показательно, что нарком ВМФ вывел флот за скобки этого указа. Я об этом ничего не знал, так как уже вылетел на восток и мотался по заводам, не до того мне было, чтобы все мелкие заметки в газетах просматривать. По факту же под указ попали, в основном, «болтуны», согласия которых особо и не спрашивали. Берия избавился от перегрузки ГУ лагерей, а Ворошилов пополнил ряды в условиях разгорающегося на Дальнем Востоке и в Забайкалье конфликта. Но, как водится, гладко это было лишь в теории, а на практике получились вот такие «штрафные» полки и дивизии, полностью укомплектованные новобранцами до сорока пяти лет включительно, не имевшими никакой военной подготовки. Мало того, командный состав, взятый с «курсов переподготовки», тоже не блистал. Казалось бы, могли подобрать командиров и получше, но… Но пятого июня 1938 года в СССР был принят «предварительный» закон о всеобщей воинской обязанности, по которому немедленно стали призывать всех, кто ранее не служил, до двадцати семи лет включительно. Армия становилась многомиллионной, полки развёртывались в дивизии, дивизии в корпуса, и тут уж было не до каких-то там штрафников, кадровый запас «курсов переподготовки» был исчерпан полностью. В довершение ко всему, как изюминка на торте, после полного завершения посевной двенадцатого числа, началась мобилизация Забайкальского и Дальневосточного округов. 1-я и 2-я Краснознамённые армии развёртывались во фронты, на базе монгольской группы войск, ядром которых был бронекавалерийский корпус, также формировалась армия. Пожалуй, реши я добираться до Москвы поездом, застрял бы где-нибудь на полустанках, бесконечно пропуская на восток воинские эшелоны.

Всё это Смушкевич мне обстоятельно рассказывал, пока мы шли в столовую и ели и под конец, когда пили чай, спросил:

– Понимаете теперь, почему нет у меня особого отдела? Не только в НКО кадров не хватает, да и сидим мы на отшибе. А вы сразу с упрёками, товарищ капитан государственной безопасности. Тут и японцы наседают, и организоваться надо, за всем не уследишь. Кстати,

вы у нас, наверное, пока задержитесь? Может, согласитесь, временно, исполнять обязанности начальника особого отдела авиагруппы?

– Вы человек военный, товарищ комкор, должны понимать, что на такие должности назначают. И это не в вашей власти. Особые отделы подчиняются НКВД, – прикрылся я законом, интуитивно стараясь избежать сомнительной чести самому на деле исправлять всё то, что я так ругал на словах.

– Так нет вопросов! Назначить вас, временно, может начальник особого отдела армейской группы, которой мы подчиняемся. Он, кстати, тоже ИО, совмещает с должностью командира погранотряда.

Игру Смушкевича разгадать было не сложно. Жаловаться на командира авиагруппы Сталину, согласись я с предложением комкора, уже не получится. Усатый кремлёвский горец сразу спросит, куда я сам смотрел.

– Вы хорошо понимаете, товарищ комкор, чего хотите? – не отвечая ни «да», ни «нет», сказал я, прямо посмотрев Смушкевичу в глаза. – Лёгкой жизни у вас при мне не будет…

– У нас, товарищ капитан, такой роскоши никогда не бывает, не страшно, – открыто улыбнулся командир авиагруппы, чувствуя, что почти добился своего. Я кивнул, разделяя мнение насчёт трудностей бытия, но этот жест был расценен как знак согласия на основное предложение.

– Отлично! Солнце уже садится, мне на КП делать нечего. «Ночники» сами отработают как надо. Едем в штаб армейской группы, будем представлять вас командующему. Прямо сейчас!

Несмотря на явное желание Смушкевича обделать делишки как можно быстрее, я заартачился. В первую очередь, узнав, что тот хочет ехать на обычном «гражданском» ГАЗ-40, да ещё без конвоя, потребовал заменить машину на грузовик, из которого, в случае чего, можно хотя бы быстро выскочить, и принести мне трофейный пулемёт. Пока комкор «организовывал» транспорт, я успел сбегать в юрту и притащить весь свой арсенал. Но и после этого, погрузившись в видавшую виды старую «полуторку», я настоял, чтобы мы дождались, когда двинется к фронту вытягивающаяся колонна стрелкового батальона из состава расположившегося недалеко полка, чтобы ехать в ней.

– Что вы на воду дуете! Тут всего-то сорок километров до КП армейской группы! Час езды! В колонне полночи будем тащиться! – ворчал Смушкевич.

– Никаких вопросов, товарищ комкор, – только подначивал я командующего авиагруппой, – вот разживётесь хотя бы взводом охраны, а лучше ещё и броневиком сопровождения, будете летать с ветерком.

– Может самолётом? Возьмём У-2?

– В подвесном контейнере не полечу.

– Зачем? Я пилот, вы в кабину штурмана.

– Уже летали так на КП армейской группы?

– Нет.

– Ну, тогда и суда нет, по земле поедем.

– Вам не угодишь, – не смог скрыть раздражения лётчик.

– Привыкайте. Помните, лёгкой жизни я не обещал, – напомнил я ему в ответ.

Выдвигающийся перекатами на передовую стрелковый полк производил странное впечатление. Он не был моторизован, но сейчас, чтобы преодолеть последние полсотни километров до противника, его перевозили на автомашинах из резерва группы. Точно так же, как до Тамцак-Булака по тракту везли автобатами и бригадами Исидора Любимова, подчиняющимися командованию направления. Бросалось в глаза, что не меньше половины людей в кузовах машин не имеют военной формы, а лошади из артиллерийских упряжек, которых гнали небольшим табуном рядом с батальонной колонной, были местной монгольской породы. Моби-

лизация. Мобилизация значит война. Слова Шапошникова, который сейчас возглавляет Генштаб и явно понимает, что делает. Судя по всему, руководство СССР, воспользовавшись поводом который дали японцы, решилось на маленькую победоносную войну, чтобы отвлечь народ и снизить внутриполитическую напряжённость. Но оно явно переоценивало РККА, судя о ней лишь из докладов маршала Ворошилова. Снизу же виделась совершенно иная картина. В лучших традициях, Красная Армия влезала в драку неподготовленной.

Укрепилось осознание этого факта после того, как мы добрались до КП армейской группы на горе Хамар-Даба, с которой просматривался весь район боевых действий за рекой. Майор погранвойск Булыга сразу же вручил мне письменный приказ о назначении меня «уполномоченным особого отдела армейской группы при авиагруппе комкора тов. Смушкевича» и стал вводить меня в курс дела, пока сам комкор был занят в штабе командующего. Он развернул карту и стал показывать на ней. Советские войска занимали неглубокий плацдарм, уцепившись за песчаные бугры и уперев фланги в реку севернее высоты Дунгур-Обо и южнее высоты Нурен-Обо, возле которых были наведены переправы. Ещё один понтонный мост располагался в центре, напротив занятых противником высот Зелёная и Песчаная. С первого же взгляда бросалась в глаза чересполосица на восточном берегу. Участки десантных бригад и стрелково-пулемётных батальонов перемежались и прерывались отметками каких-то отрядов с кратким указанием их сил. Например, отряд капитана Садыкова насчитывал две роты, батарею противотанковых сорокапяток, взвод полковых пушек и миномётную батарею, занимая позицию как раз напротив КП 1-й авиадесантной бригады, уперев фланги в подразделения десантников. Получалась какая-то куропатковщина, чехарда отрядов, которая, кроме всего прочего, стала причиной поражения ещё в ту, первую Русско-Японскую войну при Мукдене. Глядя на карту, нельзя было точно сказать, что такая-то бригада занимает фронт от сих до сих. Отдельные подразделения были хаотично разбросаны по всем плацдарму. Вообще было непонятно, как комбриг или иной старший начальник умудряется ими управлять.

На флангах, уже на западном берегу, держали оборону, вернее, наблюдали, чтобы японцы не переправились, две бронебригады, лишившиеся всей своей пехоты и артиллерии и четыре монгольские кавдивизии, около тысячи человек в каждой, вооружённые полковыми пушками 27-го года, которых уже не было в нашей армии и эскадроном «антикварных» по нынешним меркам БА-6. В резерве числились 6-я бронебригада без пехоты, понесшая наибольшие потери, подходящие 57-й стрелковый корпус и 3-я бронебригада из состава Восточно-Туркестанского бронекавалерийского корпуса. После сосредоточения все силы в составе 57-го СК, 1-го и 2-го Монгольских бронекавалерийских корпусов, двух авиадесантных бригад и авиакорпуса Смушкевича, должны были составить отдельную армию, управление которой формировалось на базе управления БКК и за счёт присланных из центра кадров.

Заговорив о состоянии войск, монгольскую кавалерию Булыга ругал за то, что конники, в силу каких-то там своих обычаев, очень не любили закапываться в землю. Чтобы заставить цирика вырыть окоп, командир должен был лично стоять у него над душой и наблюдать за процессом. Впрочем, командиры были ничуть не сознательнее рядовых. Поэтому, при артобстреле, монголы неизменно совершали маневр, обычно в сторону тыла. Но трогать их, особому отделу армейской группы было запрещено по соображениям политического характера.

– Да и наши, зачастую, не лучше. Вон, полюбуйся, сколько трусов и предателей под трибунал пошло, – кивнул Булыга на стопку картонных папок и, взяв верхнюю, подал её мне. – Вот, это теперь по твоей части. Взгляни.

Открыв дело, я обнаружил внутри всего два листка, рапорт и расстрельный приговор «за трусость, проявленную перед лицом врага». А в рапорте было указано: «лётчик-истребитель лейтенант Зайченко вместо того, чтобы вступить в бой с врагом, бомбившем переправу, трусливо бежал от него и во время бегства был позорно сбит над КП армейской группы Хамар-Даба». И резолюция за подписью комкора Жукова: «Арестовать. Судить. Расстрелять».

– Хм, бой был сегодня, рапорт сегодня и приговор тем же числом. Оперативно работаете! – выразил я своё удивление, пока не понимая, в чём дело.

– А то ж! Надо в ежовых рукавицах держать! И другим в назидание! – приосанился Булыга.

– Наверное, расстреляли уже? – спросил я, приподняв бровь.

– Нет пока, – чуть смутился пограничник, – ждём назначения постоянного начальника особого отдела армейской группы. Чтоб всё чин по чину было. Пока никого не расстреливаем.

– И где он?

– Допросить хочешь? Изучить портрет труса и предателя? Узнать врага, так сказать, в лицо? Молодец, капитан, круто за дело берёшься! – похвалил меня майор и крикнул в сторону завешенного плащ-палаткой входа в блиндаж, – Часовой! Зайченко из арестантов сюда срочно!

Через десять минут привели лётчика, в одной гимнастёрке, без ремня и петлиц.

– Вы хоть в полк сообщите, что я у вас, – остановившись, сказал летун. И в словах его чувствовалась воля и злость. – Там, наверное, думают, что я погиб.

– Сообщим, – с угрозой произнёс майор. – Перед строем приговор зачитаем и исполним. Будь спокоен.

– Присаживайтесь, лейтенант Зайченко, рассказывайте, как дело было, – вежливо предложил я, подумав, что с ролью «злого следователя» Булыга справляется отлично.

– В который раз! Что толку? Вы всё равно слушать ничего не хотите! – с нескрываемым раздражением и без всякого страха заявил летун.

– Рассказывайте, рассказывайте. Я вас внимательно слушаю, – с этими словами я встал и, положив руку истребителю на плечо, мягко надавил, усаживая его на табурет, а сам отошёл к столу и пристроил свою пятую точку на него.

– Наша эскадрилья была поднята по приказу с КП полка, чтобы перехватить бомбардировщиков, шедших к центральной переправе. Японцев прикрывали истребители И-97. Комкор Смушкевич ввязываться в бои на горизонталях запретил, потому, что самураи маневреннее и имеют преимущество. Вверх после атаки уходить тоже было запрещено, у японцев скороподъёмность лучше. Атаковать сверху и уходить вниз, после чего в стороне набирать высоту и вновь атаковать сверху. Как они в Испании делали. Мой самолёт во время атаки был подбит. Стрелок японского одномоторного бомбардировщика повредил мотор и он перестал тянуть. За мной увязался И-97, догнал и сбил, как я ни крутился. Выбросился с парашютом. Повезло, сказали, фонарь после отстрела прямо по японцу попал, он испугался и смылся, а то бы расстрелял меня, пока я как сосиска болтался. Приземлился прямо на голову Жукову, а он на меня с матюками! Всё!

– Точно всё? – спросил я с упором.

– Всё! – зло ответил лейтенант.

– Уведите арестованного! – приказал я и повернулся к Булыге. – Соедините меня со Смушкевичем. Скажите, капитан Любимов, немедленно.

Озадаченный моим недовольным и властным тоном, майор, тем не менее вызвал коммутатор и протянул мне трубку полевого телефона. Смушкевич, раздражённый тем, что я дёргаю его во время совещания, тем не менее, полностью подтвердил свой приказ истребительным авиаполкам.

– В чём состав преступления лейтенанта Зайченко? – в упор спросил я начальника особого отдела. – В том, что он выполнял приказ командира? Причём, приказ абсолютно правильный?

– Комкор Жуков распорядился! У него особые полномочия! Ему их сам товарищ Сталин дал! – отвечая сразу на всё, перешёл в контратаку Булыга.

– Что? Товарищ Сталин дал комкору Жукову полномочия чихать на советские законы? Товарищ майор, я у вас здесь временно и скоро буду в Москве, где обязательно лично спрошу у товарища Сталина об этом.

Булыга сник и глядел на меня, как побитая собака.

– По уму, майор, я сейчас и тебя и военюриста, и дивкомиссара, как их там, фамилии запамятовал, что приговор вынесли, арестовать должен. Вы же на всё, на закон, на следствие, на правосудие наплевали! Понимаешь ты это? Понимаешь… Потому и не расстрелял ещё никого под благовидным предлогом. Остальные дела такие же? Давай сюда, смотреть будем.

Действительно, из двенадцати арестантов оказалось только двое «самострельщиков», остальные были «оприходованы» по прямому приказу Жукова «Судить! Расстрелять!», который такими методами укреплял дисциплину в войсках. В оправдание командующего пограничник признал, что последняя, действительно, на обе ноги хромала.

– Знаешь, Булыга, если я тебя сейчас смещу, то мне самому в твоё ярмо влезать придётся, – сказал я, спустя три часа допросов, наведения справок и телефонных переговоров с отдельными частями. – Давай сделаем так. Я тебе даю сутки, чтобы всё привести в нормальное состояние по этим расстрельным делам. Как уж ты будешь выкручиваться и приговоры отменять – твоё дело. Надеюсь, что в дальнейшем мы сработаемся. И ещё. В одно лицо работать в авиагруппе мне тяжело будет. Людей бы подкинул, а?

– Нет у меня людей. Три сотни пограничников у меня всего осталось, две трети из которых охраняют переправы и штаб командующего. Остальные лазутчиков ловят.

– Кстати, километров полсотни на запад по тракту и около тридцати южнее недобитки сидят, надо бы зачистить, – вспомнил я об оставшихся в степи калеках.

– Это тот отряд, что лётчики разбомбили?

– Да.

– Так посылали же бронероту на той неделе туда, доложили, что уничтожили всех.

– Недоработочка, товарищ майор. А потом самолёты «Аэрофлота» в Тамцак-Булак не долетают. Исправляй. Хотя погибших уже не вернёшь… – сказал я с горечью в голосе.

– Товарищ майор! – перебил меня вбежавший в блиндаж возбуждённый пограничник. – Стрелковый батальон оставил позиции! Бежал! Командующий группой требует немедленно найти и навести порядок! Восстановить положение! Комбата арестовать, он нового уже послал!

– Где? – вскочил Булыга с места.

– Напротив Песчаной!

– Сообщите на переправу, никого с восточного берега не пускать! И пусть не зевают, японцы могут на плечах прорваться! – начал командовать майор. – Едем!! Резервное отделение, в ружьё!!!

Захваченный поднявшейся общей суетой я тоже во всеоружии заскочил в кузов грузовика. Через двадцать минут, уже на той стороне, мы в темноте едва не врезались в толпу бредущих по степи людей.

– Что за часть? Где командиры?! – закричал вылезший из кабины на подножку Булыга. – Стоять!!!

Человеческое стадо, иначе не назовёшь, остановилось, стрелять для острастки не пришлось. Паническая истерика была уже позади и люди просто уныло шли в том направлении, в котором раньше бежали, не думая зачем и куда, лишь бы подальше.

– Командиры где, я вас спрашиваю?!! – ещё раз проорал во всю глотку, стараясь казаться как можно более грозным, начальник особого отдела. Пограничники в кузове демонстративно передёрнули затворы винтовок и пулемётов и направили стволы на людей. Те, конечно, могли бы ответить тем же, но у большинства руки оказались пустыми, а другие, кто не бросил оружия, были подавлены и осознавали свою вину, потому и не сопротивлялись. Толпа в одном

месте колыхнулась и из её глубины на голос майора стал пробираться человек. Подойдя вплотную он, стараясь говорить твёрдо, мальчишеским голосом представился:

– Лейтенант Порушин, командир противотанкового взвода.

– Где остальные, лейтенант?!! – продолжал «наезжать» Булыга. – Где комбат? Командиры рот?!

– Мы с марша! А нас в атаку! Ночью! Без огня! Без разведки! Кто так воюет?! – будто не слыша майора, глядя себе под ноги, рычал от бессильной злости лейтенант, размазывая по лицу текущие из глаз слёзы.

– Где комбат, курва, я тебя спрашиваю?!! – соскочив с подножки, Булыга схватил Порушина за плечо и стал трясти, пытаясь таким образом привести в чувство, но эффект оказался прямо противоположным.

– Убиты все! Все, кто впереди шёл!! А они вели!!! Слышите?!!

– Отставить!!! – видя, что толпа от воплей заводится, я вмешался, хоть это и могло подорвать авторитет начальника особого отдела в глазах подчинённых. – Товарищ майор, надо бы разведку провести в направлении позиций батальона. Своих забирайте, а я уж пока тут сам разбираться буду.

Булыга смерил на меня долгим взглядом, но не стал спорить и, оставив мне грузовик с водителем, скрылся в темноте на северо-востоке.

– Кто из первой роты? Есть такие?

– Я из первой… – подал голос здоровяк в гражданском костюме, возвышавшийся над основной массой на добрых полголовы.

– Фамилия? Звание?

– Рядовой Круглов.

– Модный пиджачок, хоть жени тебя сейчас, – попытался я шуткой разрядить обстановку. – Хорошо, что оружие не бросил, – не забыл я похвалить, поддерживая авторитет человека, «который не побоялся».

– Какой есть пиджачок. Я ж не виноват, что размеров на складе нет и вся форма на детей? – пробурчал Круглов, показывая, что об уставе и субординации слыхом не слышал.

– Это временно, – успокоил я его и взял официальный тон. – Рядовой Круглов, поздравляю вас с назначением командиром роты! Будете дальше так же самоотверженно бить врага, к концу года маршалом станете! Слушай приказ! Собрать бойцов роты, разбить на десятки. Десятки по три объединить во взводы. Назначить командиров, составить списки. Действуйте! Вторая рота?!

Мало помалу, дело пошло, люди расходились по подразделениям. Через полчаса в моём распоряжении было около трёхсот организованных бойцов при ста двадцати трёх винтовках и шести ручных пулемётах, из них около тридцати ходячих легкораненых, которым оказали помощь и оставили в строю. Правда, при единственном летёхе, который, как выяснилось только-только выпущен из училища и взводом своим успел покомандовать всего три дня. От ушедших вперёд пограничников не было никаких вестей, но ночь в направлении позиций не разразилась боем, царила тишина, особенно заметная на фоне вялых перестрелок на соседних участках.

– Слушай мою команду! Развернуться в цепь! Идём к позициям, собираем брошенное оружие! Кажется, вы добровольцы? Языком трепали, что чужаков на нашу землю пускать нельзя? Вот теперь партия даёт вам шанс подтвердить вашу жизненную позицию делом. За мной, вперёд!

Свой арсенал я раздал бойцам, кто успел на бегу «облегчиться». И снайперскую винтовку тоже, хоть меня жаба и душила. Остался с тем, с чем вылетел на восток – «сайгой», пистолетом, бесшумным револьвером да мечом. Правда, нового хозяина для «арисаки», кажется, выбрал хорошего. Охотник, как увидел оптику, сам попросил «махнуться» на «мосинку», которую

не бросил, как многие другие, уверяя, что только чуть поиграет и сразу же вернёт. Но даже то, как он оружие принял, приложился на пробу, говорило о многом.

Вообще-то, командир батальона должен видеть поле боя и из тыла управлять движением рот, но сейчас не та ситуация. Топаю впереди в сопровождении снайпера-охотника и пулемётчика с трофейным «типом», чтоб бойцы, хотя бы ближайшие, видели. Остальные… Надеюсь, что «чувство локтя» не подведёт. Ну, а тех кто всерьёз решил «пятки намазать», на переправе задержат. Идём, подбираем брошенные «мосинки» и РПШ. Спустя километра полтора попалась противотанковая «дегтярёвка», значит передовая уже близко, с такой дурой не побегаешь.

– Порушин… – тихо позвал я новоназначенного мной комбата. – Твоё хозяйство? Подбирай!

– Товарищ капитан, тут правее уже окопы миномётчиков, может вниз и ходами сообщения? – высказал тот предложение в ответ, передавая ПТР бойцам.

– Бежали по ходам?

– Нет, по верху… Да шут разберёт, кто как.

– Значит, поверху и пойдём, или ты надеешься, что посеянные винтовки по весне пулемётами взойдут? Миномётная рота! Живо к своим «самоварам»! Если стрельба вдруг начнётся, дадите перед нами дымовыми, а потом осколочными сыпьте, не жалея! Ближе пятисот метров не бить! – подумал я, что мои приёмные окопные артиллеристы навряд ли «профи». – Как продвинемся, посыльного пришлю с новой ближней границей огня.

Перевалив через песчаные бугры добрались до второй, считая с переднего края, траншеи. Там я оставил третью, оказавшуюся самой многочисленной, почти два с половиной взвода, и пулемётную роты, у которой на позициях, правда, оказалась только треть станковых «максимов».

– Остальные где? – спросил я у принявшего командование сержанта.

– Нам последний приказ был прикрывать. А второй и третий взводы должны были с атакующими перекатами на флангах идти, – ответил тот.

– Оставь расчёты к наличным стволам, остальных вперёд! Будем ваших потеряшек на нейтралке искать.

Наконец, добрались и до первой траншеи, где нас поджидал майор Булыга с тремя погранцами.

– Привёл? – спросил он, быстро повернув ко мне голову, после чего вновь вперился взглядом в полосу ничейной земли, будто там можно было что-то ночью разглядеть.

– Привёл. Твои-то остальные где?

– Вперёд в разведку послал и на фланги. Слышишь, раненые стонут?

– Сейчас распоряжусь, чтоб боевое охранение выставили и санитаров послали.

– Нашёл я комбата, – тихо проговорил Булыга, проигнорировав мой ответ. – Ступня раздроблена, но сюда дополз. Застрелился в блиндаже. Я это место хорошо знаю. Тут наша застава оборонялась, после того, как нас с Песчаной выбили. Уж потом моих здесь десантники сменили. До японцев около полукилометра. Там, за нашей колючкой, впереди минное поле. Если б не оно, в мае и не удержались бы. Шестьсот метров фронта, считай, ротой обороняли. Повезло, что тогда нам вовремя ПМД-шек да ОЗМ-ок подбросили. Понатыкано их там, и нажимных, и растяжек, что мака на булке. Мыслю я, что комбату про мины никто не сказал, когда задачу ставил на наступление. Пошли вперёд, начали рваться, японцы всполошились и пулемётным огнём причесали. Наши горе-вояки побежали. Занавес.

– Ох, и кто бы это мог быть, а товарищ майор? – спросил я вздохнув, имея в виду отдавшего приказ.

– Не сейчас… – буркнул Булыга, – Командуй пока, у тебя получается.

Спустя десять минут вернулись дозоры с флангов, доложив, что по сторонам десантники, но из разных бригад. Ещё через пятнадцать минут приползли разведчики с передка и при-

волокли старлея, раненого и без сознания. Бойцы первой и второй рот, тем временем, видя уверенность командиров и осмелев, сами уже вовсю лазили по нейтралке, собирая оружие, убитых и раненых. Хозяйство налаживалось. Взвод связи, подобрав катушки и «тапсики», соединил КП батальона с ротами. В целом, в огневой мощи мы практически ничего не потеряли. На месте были все миномёты, батальонные и ротные, пулемёты, ручные и станковые, противотанковые пушки и ружья. Но вот в людях потери были ощутимые. С теми, кого подобрали по пути, кого нашли на позициях, набиралось едва 450 человек, из которых около сотни раненых. Батальон из стрелкового превратился в пулемётно-артиллерийский, так как «штыков» в ротах после переформирования на скорую руку, осталось очень мало. До соплей обидно, что большинство «двухсотых» образовалось из-за того, что не была вовремя оказана медпомощь, тяжелораненые, кто не мог сам себя перевязать, просто истекли кровью. Лишился батальон и всех средств тяги, стреноженные лошади, для которых не успели вырыть укрытия, разбрелись в темноте и поиск их отложили до рассвета. Полуторка чекистов, уже четвёртый раз ходившая с ранеными на западный берег, вернувшись, привезла нового комбата капитана Толоконникова, назначенного из кадрового резерва армейской группы. Оказалось, что его в оперативном отделе штаба армейской группы отправили в ночь искать свой полк просто по направлению, без карты, но он его нашёл. Представившись командиру, с удивлением узнал, что на месте лишь один батальон и специальные части, а тот, командиром которого он назначен, вообще неизвестно где. Пришлось возвращаться к центральной переправе, где была связь со штабом армейской группы, но тут он, на своё счастье, встретил нашу полуторку.

– Беда с этой 82-й дивизией, – сказал Толоконников, после того, как я ему передал дела. – Сформировали за две недели из кого попало по временным штатам, да ещё две недели везли с Урала. 57-й корпус от Борзи идёт пешим маршем, отправив всё, что можно на машинах вперёд. Неужели нельзя было другой, кадровый полк автотранспортом перевозить? Так нет, пермяки, видите ли, к степным условиям не приспособлены, к лесам привыкли и не готовы длительные пешие марши совершать! Тьфу!

Ранним утром, когда предрассветные сумерки рассёк первый луч встающего между горбами Песчаной и Зелёной солнца, я с особистами уехал с передовой. Добравшись до КП на горе Хамар-Даба, уснул в обнимку с «сайгой» мёртвым сном в блиндаже пограничников, и даже начавшаяся артиллерийская канонада мне не могла помешать.

Эпизод 13.

– Капитан, капитан Любимов! Просыпайся же, чёрт!! – меня кто-то тряс как плюшевого мишку, стараясь привести в чувство.

– Времени сколько? – спросил я, позабыв про все правила русского языка, рывком сев и сбросив ноги с земляной лежанки.

– Девять, – со злостью ответил майор Булыга, выспавшийся не более, чем я.

– А число какое?

– Шестнадцатое! Месяц июнь!! Год тридцать восьмой!!! Потерялся? – бесился особист, думая, что у меня глаза открыты, а мозг всё ещё спит.

– Странно, судя по предчувствию должно быть тринадцатое, – промямлил я, думая про себя, что сапоги-то перед сном, пожалуй, надо было бы снять.

– Почему это?!

– Потому, что у вас чертовщина творится! Уставшим людям выспаться, может в последний раз, не дают! Что, японцы наступают, что ли?!

– Хуже! У меня в блиндаже сидит капитан Свиридов. Очередной комбат того батальона, что мы ночью в чувство приводили. С письменным приказом Жукова капитана Толоконникова за невыполнение приказа арестовать, судить, расстрелять! Что делать будем?

– Булыга, у тебя совесть есть? Или устава и обязанностей своих не знаешь? – пробурчал я, натягивая на плечи шинель. Земля, прогревавшаяся под солнцем за день, ночью вытянула из тела, казалось, последние остатки тепла. – Нет такой формулировки «за невыполнение приказа». «За отказ выполнять приказ в боевой обстановке» есть, а всё остальное – отсебятина. Так Жукову и напиши и с этим же Свиридовым отправь восвояси.

– Тебе легко говорить! – вскочил на ноги и нервно забегал по блиндажу только секунду назад присевший рядом со мной майор. – Ты завтра или послезавтра улетишь, а мне тут оставаться и разгребать! Понаехало с указивками умных, не продохнуть!

– И что ты от меня хочешь? – спросил я, зевнув от души и потянувшись.

– С Жуковым надо что-то делать, пока он дров не наломал! Я шифровку в Читу отправлю, пусть меняют его! Но я хочу, чтобы ты, когда будешь в Москве, меня прикрыл и доложил обо всём, что здесь видел, как есть! – Булыга с этими словами опустил свою пятерню мне на плечо. Быстро он понял, откуда ветер дует и перековался! Подумать только, каких-то десять часов назад заливал мне про комкора с особыми полномочиями…

– И о тех, вчерашних приговорах трибунала тоже? – резко встал я, забеспокоившись, что Жукова из-за меня действительно могут отозвать и маршал Победы медным тазом накроется. – Командующий армейской группой – это тебе не командир батальона! Пришлют комиссию, будут разбираться и тогда-то и вскроется, что комкору предъявить можно самодурство и только, ведь, по факту, приговоры-то не он выносил! Жуков рулит всего ничего, дай ему время осмотреться, поправь и объясни, что касается твоей работы, чтоб у него заворотов не было. А то вы тут все, и ты, и Жуков, как в пятнашки играете, этот плох, давай другого! Не завалялось у советского народа для вас Кутузовых да Суворовых, чтоб каждый взвод ими укомплектовать. А те, что есть, не проявили пока себя.

– Всего ничего? Комкор здесь, между прочим, с октября. В войсках болтают, что его в Монголию за какие-то художества во время больших маневров сослали с глаз подальше. Явно не Суворов, да и на Кутузова не тянет! – понизив голос, Булыга опустился до сплетен, которые, впрочем, являлись частью его работы. Для меня же известие, что Жуков здесь «коренной», стало сюрпризом. Сработал стереотип «эталонной» истории. Странная и непонятная она всё-таки сущность. Год не тот, а война и действующие лица те же. Видно, как говорят, на роду написано.

– Стоп! Жуков командир неплохой. Я на тех маневрах был и сам всё видел. Комкор, тогда ещё комдив, в заведомо неблагоприятной обстановке нашёл решение, принесшее в итоге победу. Правда, не той стороне, которой она была предназначена по плану маршала Ворошилова. За что и поплатился, точно так же, как и Рокоссовский. То, что сейчас здесь происходит, конечно, ни в какие ворота не лезет. Но давай не будем горячку пороть, её и так хватает. Представишь меня Жукову, как вновь назначенного уполномоченного в авиагруппу. Я с ним поговорю по душам обо всём наболевшем. Вот если не послушает, тогда и будем уже дёргаться. Хорошо бы комиссаров к этому делу подключить, но не уверен я, что из-за них хай до небес не поднимется. У них вся работа языком, опасно. Свиридова пока придержи до выяснения обстоятельств.

– Вот и хорошо, – с облегчением выдохнул майор Булыга и приземлил свою пятую точку рядом. Мне подумалось, что именно такого моего решения он и добивался, стремясь вывернуться между наковальней советских законов, которые и должен был охранять, и молотом прущего напролом комкора, которого сам Сталин «благословил» на подвиги.

– Как насчёт пожрать? – осведомился я, вспоминая, что приём пищи, несмотря на обстоятельства, должен быть «по расписанию». – И сообщи в штаб авиагруппы, что я у тебя, а то, наверное, меня уж потеряли.

– Пойдём, – пригласил за собой майор и заметил. – Тебе, капитан, побриться бы не мешало. Смушкевич в курсе, где ты. Сам разыскивал уже. Как пойдём к Жукову, заодно и ему на глаза покажешься.

– Что, командующий авиагруппой к себе не уехал?

– Как сказать. Он, ради более оперативного управления и взаимодействия, а также, чтоб некоторые ретивые к нему с пулемётами не врывались, за ночь перенёс свой КП к нам на Хамар-Даба.

– Вывернулся значит, – усмехнулся я, мотнув головой. – Хитёр Смушкевич, не отнять…

Сорок минут спустя, налопавшись рисовой каши с чаем и приведя себя после ночных приключений в порядок, я шёл вслед за майором Булыгой по отрытым в плотной, глинистой земле ходам сообщения на КНП командующего армейской группой. На самом гребне высоты красноармейцы, стоя в траншее, махали лопатами, расширяя её и выводя боковые отростки, в концах которых потом построят блиндажи.

– Здесь КНП Смушкевича будет. Обзор на все триста шестьдесят. Командующий чуть ниже обосновался, чтобы на фоне неба не светиться, – пояснил Булыга, когда мы поднялись с обратного ската. Вид отсюда, действительно, открывался отличный. Если, конечно, не пытаться разглядывать что-то внизу у подножия высоты и за рекой. Для этого пришлось бы сильно высовываться, демаскируя свою позицию для вражеских наблюдателей. Впрочем, расстояние до противника позволяло некоторые вольности. А вот для управления авиацией место было просто идеальным. К тому же, совмещая КП, Смушкевич мог немедленно, даже без полевого телефона, получать заявки Жукова. Пока шло строительство, оба комкора и вовсе сидели рука об руку на обустроенном на тактическом гребне КНП командующего армейской группой. До него пришлось идти вниз и в сторону ещё полторы сотни метров.

Невысокий, лобастый, с орденом Красного Знамени на гимнастёрке, в окружении многочисленных командиров РККА и бойцов в ушастых касках-будённовках, комкор, занятый разговором с каким-то военачальником, с которым он был в «равных весовых категориях», не обратил на наше с Булыгой появление абсолютно никакого внимания. Пришлось ждать, пока Жуков, говоривший до того тихо, повысил голос и завершил беседу приказом:

– Выполняйте, товарищ Фекленко.

Майор Булыга, тут же воспользовавшись паузой, подскочил к собиравшемуся уж было отвернуться в сторону фронта Жукову, козырнул, поздоровался и представил меня:

– Товарищ командующий армейской группой, капитан государственной безопасности Любимов из Москвы временно назначен уполномоченным особого отдела авиагруппы, – «из Москвы» особист постарался, как мог, выделить и я чуть не рассмеялся, несмотря на неподходящую ситуацию, глядя на его попытки мимикой изобразить, что «да, именно тот самый». То ли Жуков не понял, то ли ему было глубоко начхать, но на «семафор» Булыги он никакого внимания не обратил, всё же отвернулся и бросил через плечо:

– Построже там, капитан. Лётчики начали немного выправляться, но до чёткого выполнения приказов ещё далеко. Вы посмотрите что творят! – указал он на идущий на подходе к переправе воздушный бой. – Куда? Куда?!! Трусы!!! – «Ишаки» в этот момент пикировали тройками сквозь истребительный заслон на полтора десятка одномоторных бомбардировщиков, которых пытались защитить истребители-бипланы, и, проскочив их на скорости, уже поодиночке разлетались в разных направлениях. Комкор Смушкевич! Почему твои соколы бегут от японцев?!!

– Мои лётчики не трусы и не бегут, а бьют врага, – спокойно произнёс в ответ на обвинения Жукова, подошедший к нам командующий авиагруппой, указав на дымные факелы выбитых из строя бомберов, протянувшиеся к земле.

– Они должны драться, а не бежать! – настаивал, хоть и не так уверенно как прежде. – Вчера на переправе последнюю шестиствольную зенитку разбомбили из-за вас!

– Авиагруппа выполняет приказ защищать переправы, а не зенитки. Переправы целы. К тому же, японцы разменяли дюжину пикировщиков, сбитых истребителями и с земли, на одну пушку. Наверное, они были последние, сегодня в небе бомбардировщики уже другого типа. Выбьем и этих, устраним угрозу наземным войскам, – терпеливо стал обяснять Смушкевич свою стратегию воздушной войны.

– А сами, почему не используете бомбардировщики и штурмовики, не помогаете оборонять плацдарм? – Жуков любым способом пытался доказать свою точку зрения о том, что «лётчики не очень», видимо, исходя из принципа, что командир всегда прав и возражать ему нельзя.

– Вы же знаете, бомб мало. Да и что бомбить-то? Окопы? Атаковать надо решающие цели, аэродромы и склады врага, а они все за линией государственной границы, куда нам летать запрещено. Даже разведчиков послать не можем, – Смушкевич вовсе не был склонен позволять Жукову самоутверждаться за свой счёт.

Неизвестно, куда бы зашёл спор двух комкоров, но в этот момент на бруствер вскочил командир с тремя кубиками в петлицах и «комиссарской» звездой на рукаве. Встав во весь рост, он принялся как ни в чём ни бывало фотографировать командующего, стараясь поймать в объектив как можно больше народу из его окружения.

– Политрук, какого чёрта?!! – взбеленился я, заметив, что стал что-то слишком часто поминать бесов, – вернитесь в окоп!!!

– Товарищ капитан, почему вы вмешиваетесь в политическую работу? Не надо так резко на неё реагировать, мы всего лишь делаем фото для центральных газет. Товарищи прибыли к нам из Москвы, чтобы рассказать всему Советскому Союзу о подвигах Красной Армии, защищающей наши рубежи. Не надо скромничать, страна должна знать и уважать своих героев, – попытался мягко, но, по моему мнению, крайне неудачно пошутить присутствующий здесь же дивизионный комиссар.

– Слезай или пристрелю на хрен! – переживания последних дней не прошли для меня даром и у меня не возникло ни тени сомнения насчёт того, чтобы церемониться с дураком. – Ты бы ещё флагом помахал или плакат вывесил, что ставка командующего здесь! – резко повернувшись к дивкомиссару, я, опустив формальности вроде звания и «товарищеского» обращения, спросил, – Вы рехнулись? Какие снимки для газет?! Чтобы на следующий день они у японцев в распоряжении оказались и те не только установили пофамильно, кто против них, но и вычислили расположение КП по рельефу на заднем плане?!! С такими комиссарами никаких предателей не надо!!! Верно, майор Булыга?

Обернувшись, я обнаружил, что особист тихо испарился, бросив меня одного. Хоть моё звание и относилось к старшему начсоставу, но у окружающих ромбов в петлицах тоже хватало с перебором, поэтому поняв, что привлёк к себе нежелательное внимание с явно негативным оттенком, я по-военному решил, что если нельзя обороняться, надо атаковать.

– Немедленно засветите плёнку! Товарищ комкор, – обратился я к Жукову, – я нахожусь здесь в связи с заданием наркомата, которое держит на контроле сам товарищ Сталин! Требую, как уполномоченный особого отдела армейской группы, прекратить всякие попытки разглашения сведений, являющихся государственной тайной! Отойдёмте, нам есть, что обсудить!

С этими словами я легонько подтолкнул в спину растерявшегося от такого поворота Жукова и увлёк его в слепой отросток траншеи, обернувшись напоследок с «свите» и грозно нахмурившись, чтоб отбить всякое желание следовать за нами.

– Товарищ Жуков! – обошёл я в тесной траншее комкора так, чтобы видеть подходящих к нам, если такие найдутся. – Поскольку я, сделав своё дело, в скором времени вернусь в Москву, то мне придётся там докладывать не только комиссару госбезопасности первого ранга товарищу Берии, но и товарищам Сталину, Кирову, Ворошилову, обо всём, что я здесь видел. И что же мне доложить? Что товарищ Жуков, которому вверена, фактически, армия, так

и не перерос уровень командира кавдивизии и отдаёт приказы через голову непосредственных начальников отдельным ротам, батальонам, создаёт временные отряды, дезорганизуя части РККА? Что вся эта каша, в которую он превратил армейскую группу, с трудом отбивает натиск японцев, вместо того, чтобы вышвырнуть их с советской земли? Что части армейской группы неуправляемы, так как использование радиостанций товарищем Жуковым запрещено? Что товарищ Жуков превышает свои полномочия, приказывая расстреливать командиров РККА по любому поводу? Что он бросает необстрелянные и необученные батальоны в ночные атаки без всякой подготовки, даже не снабдив комбатов картой минных полей, отчего он несут ничем не оправданные потери, не причиняя никакого вреда врагу?

Под тяжестью обвинений комкор ссутулился, совершенно позабыв про недавние потуги «поставить себя» перед лицом других высших военачальников РККА, волею судьбы ставших его подчинёнными. Он насупился и молчал, став похожим на двоечника у доски, который не выучил домашнее задание. От былой самоуверенности не осталось и следа. То, что ему задавал неудобные вопросы всего лишь капитан госбезопасности, фактически, полковник, не имело в данный конкретный момент никакого значения. Сейчас всё решал вес тех, кто стоял за моей спиной. Тягаться со мной связями Жуков не мог.

– Вы приказали капитану Свиридову принять батальон Толоконникова, назначенного вами же только ночью. А вы знаете, что комбат, что водил батальон ещё раньше, застрелился, подорвавшись на нашей же мине, после того, как его солдаты разбежались, оставшись без командиров? Вы знаете, сколько стоит советскому народу выучить и воспитать, многие годы кормить и одевать одного единственного командира батальона в звании капитана? И вы, за несколько часов, угробили одного и приказали расстрелять второго! Как это называть? Вы думаете, на этом всё? Нет, у комбатов есть жёны и дети, которых трудящиеся всего СССР будут кормить, растить, воспитывать! Советский народ не для того содержит армию, чтобы такие как вы, комкор, её бездарно про… ли, – тут я не постеснялся грязного слова, чтобы морально просто раздавить собеседника, превратить его волю в элементарное тесто из которого потом буду с нуля лепить то, что мне надо, по собственному разумению. – Ваше счастье, что перед вами какие-то японцы, а не немцы. Те вас давно бы с таким руководством войсками окружили и разгромили. И ещё то, что выучить комкора ещё дороже, чем комбата. И комкорами, даже такими, как вы, Советский народ разбрасываться не может себе позволить! Скажу больше, нам важна жизнь каждого бойца! Поэтому, к тому моменту, как я завершу здесь свои дела и улечу, ваша армия, как минимум, должна быть приведена в состояние организованной силы, способной выполнять поставленные перед ней задачи. Вам понятны мои слова?

– Мне приказали выбить японцев за границу. Товарищ Сталин сказал, что я могу использовать для этого любые необходимые для этого меры. Но не дал ни пехоты, ни артиллерии, ни пространства для маневра, чтобы использовать подвижность бронекавалерийского корпуса! Подкрепления, которые мне присылают, ни на что не годны! Нет даже достаточно снарядов, авиабомб и топлива! Что может заставить войска драться в таких условиях?! Политическая работа не даёт результатов! Нужны только самые решительные меры по борьбе с трусами, под разными предлогами не выполняющими приказ! – попытался то ли пожаловаться, то ли оправдаться Жуков.

– Ну и ушлый вы народ, ажно оторопь берёт! Всяк другого мнит уродом, несмотря, что сам урод! – процитировал я Филатова и, чтобы комкор не принял на свой счёт, пояснил. – Это сказка такая в стихах, «Про Федота-стрельца, удалого молодца». Не слыхали, товарищ комкор? Как-нибудь расскажу на досуге. Но сказка – ложь, да в ней намёк. Толоконников не выполнил приказ, понимаю, поставленный ещё раньше прежнему комбату? Атаковать высоту Песчаная? И что? Под расстрел? Но комкор Жуков тоже не выполнил приказ и не выбил самураев за границу! Ах, комкору Жукову не дали того, второго, пятого, десятого? А комбату Толоконникову дали хоть что-то, хоть достаточно времени организовать атаку? У комкора Жукова

плохие войска? А у комбата Толоконникова, любо-дорого, сплошь «добровольцы»! Хватит, товарищ комкор! Вы не хуже меня знаете, что Советский народ прилагает все усилия, чтобы дать Красной Армии всё, что ей необходимо! Давайте уж думать, как выигрывать у врага теми фигурами, которые у вас сейчас есть! Может, вас приободрит исторический пример Шереметева, который в Петровские времена, после Нарвской конфузии воссоздал армию, ставя перед ней достижимые цели, создавая условия, чтобы поставленные задачи могли быть выполнены? Понимаю, гнилое самодержавие и всё такое, но война, комкор, в сути своей с тех пор ни капли не изменилась, может, только в худшую сторону. Я понимаю ваше состояние. Вижу, что японцы, обладая преимуществом в подготовленной и дисциплинированной пехоте, навязали вам свою войну. Они атакуют то там, то сям, а вы выдёргиваете подразделения с пассивных участков для парирования ударов. На следующий день японцы атакуют в этих, ослабленных местах и вы опять тасуете, батальоны и роты, дезорганизуя войска. Окончиться это может только общим японским наступлением, которого ваша сборная солянка не выдержит. С этим надо кончать. Пора вести свою войну, навязать противнику свою волю. Сегодня ночью я был на передовых позициях, как раз приводил в чувство батальон Толоконникова. Местность благоприятствует, чтобы для отражения японских ударов использовать бронеавтомобили. Песчаные бугры хорошо укроют их корпуса от вражеского огня, а каждый БА-11 – это трёхдюймовка и три пулемёта, два из которых можно спешить. Полтораста пулемётов на бронебатальон! Сколько у вас осталось батальонов БА в резервной, шестой бригаде?

– Три, фактически два с половиной, – хмуро ответил Жуков, понимая, что потери есть, а с успехами туго, – Но техника сейчас эвакуирована в тыл и восстанавливается, через две недели доведём численность бригады до восьмидесяти процентов.

– Хорошо, но сейчас неважно. Вместо того, чтобы раздёргивать части, для отражения атак используйте 6-ю бригаду побатальонно и поротно, в зависимости от масштаба атак, выводя её, после того, как дело сделано, вновь в резерв как единое целое. Думаю, это отучит японцев от локальных атак, которые, фактически, являются разведкой боем. С подходом 57-го корпуса займите плацдарм пехотой и выведите находящиеся там сейчас части, чтобы привести в порядок. Сколько это займёт времени?

– Корпусу в составе двух дивизий, «коренной» 57-й стрелковой и 82-й «добровольческой» для полного сосредоточения надо ещё десять дней. Подвозим машинами по мере сил, забирая части с пешего марша. Ещё одна дивизия сейчас развёртывается по мобилизации, подойдёт позже. В настоящий момент прибыли два стрелковых полка 82-й, один из которых уже на плацдарме, оба разведбата без кавэскадронов, 57-я корпусная танковая бригада, два гаубичных дивизиона по восемь орудий и зенитный дивизион.

– Что-то артиллерии негусто… – заметил я, выслушав комкора.

– Ну, вы же говорите, что советский народ даёт РККА всё, что может. Вот он и дал вместо гаубичного артполка из двух дивизионов Ф-22 и дивизиона М-10 в каждую дивизию, всего один дивизион в восемь лёгких гаубиц и батарею тяжёлых, образца девятого года, на конной тяге, которые сейчас тащатся где-то в степи. Как и лёгкие артполки, в которых вместо новых пушек, которых едва на кавалерию хватает, старые трёхдюймовки. Из-за этого в полках некомплект сорокапяток, потому, как ЛАП дивизий вместо противотанкового дивизиона использовать нельзя и его сохранили по старому штату. А в стрелковых полках вместо девяти сорокапяток всего шесть. Но обойдёмся и шестью, танков у японцев мало. Не немцы и не французы, в конце-то концов. На полковой комплект пушек, миномётов и пулемётов грех жаловаться, почти всё по штату. А вот с танками не очень. Не хватает у советского народа танков на всю РККА. По старому штату было по батальону на дивизию и по самоходному гаубичному дивизиону. А теперь по бригаде на корпус. Только в той бригаде всего два батальона танковых, да артполк, да пехоты чуток. Было по три батальона и дивизиона на корпус нормального состава, а стало по два. Корпусная артиллерия, опять же, сплошь из старых образцов.

– Но это, всё же не хуже, чем по старым штатам, когда на дивизию всего один артполк полагался? Да и с танками не так всё плохо, если держать их в кулаке, – постарался я представить ситуацию в ином свете.

– Так на так, только вместо старых лёгких гаубиц новые на мехтяге. На дивизион по два десятка грузовиков на две с половиной тонны. Ночью установят орудия на позициях, разгрузятся и в степь за пехотой уйдут.

– В любом случае, у японцев и этого нет. Однако ж они нажимают. Будем надеяться, с прибытием свежих войск, которые вы не будете бросать в бой побатальонно, на плацдарме будет порядок. А вы получите мощный подвижный резерв из двух бронекавалерийских корпусов. Чует моё сердце, скоро им откроется простор для маневра. И побольше доверия к подчинённым, комкор! Дайте им свободу самим командовать внутри своих корпусов, дивизий и бригад! Смотрите на вещи шире! Вот, вам, к примеру, не всё ли равно, как лётчики ведут воздушный бой, если они приказ о защите переправ успешно выполняют? Я бы им задачу ещё шире поставил, не только переправы и войска обеспечить от бомбардировок, но и завоевать общее превосходство в воздухе. И пусть комкор Смушкевич со своими орлами сами голову ломают, как это сделать. Кстати, товарищ Жуков, вы упоминали зенитный дивизион 57-го корпуса. Я так понимаю, что переправы противовоздушными средствами у вас как-то прикрыты? А войска зарылись в землю и их так просто уже бомбами не достать? Нельзя ли направить 57-й ЗДН на охрану аэродромов? Ведь там же вообще ничего нет, ни против воздушных налётов, ни против диверсантов!

– ПВО переправ жидкое, всего по батарее зениток образца 31-го года да по взводу счетверённых пулемётов на каждую. Было всего две шестиствольки, да японцы как с цепи сорвались на них, не успокоились, пока не выбили, не считаясь с потерями. Но, раз вы просите, товарищ капитан, пойду вам навстречу. Прикажу Фекленко, чтоб оставил дивизион в распоряжении Смушкевича. А насчёт диверсантов… В 82-й дивизии сверхкомплект личного состава. Что останется после восполнения потерь ночных боёв, отправлю в ваше распоряжение в Тамцак-Булак.

– Спасибо, товарищ комкор, жизнь прямо на глазах налаживается, – улыбнулся я, видя, что Жуков вновь почувствовал себя командармом, пока мы обсуждали практические вопросы, а просьба моя и вовсе вознесла его на пьедестал уверенности в своих силах и своём положении. – Ещё бы инженерно-сапёрные батальоны в Тамцак-Булаке задержать на время, пока капониры для самолётов не построют…

– Сапёры мне здесь нужны! – отрезал комкор, полностью придя в себя и вновь научившись говорить «нет». – Пусть «добровольцы», что вам выделил, роют. Всё равно ни на что больше не годны.

– Ладно, разберёмся… Товарищ комкор, а что насчёт радио? Почему вы его запретили?

– Потому, что от него никакой пользы, кроме вреда! Корпусная радиостанция до Читы не добивает, раз! Между бригадами и ниже, пока зашифруют, пока передадут, пока расшифруют, делегаты связи быстрее добираются, два! Если открытым текстом передавать, то японцы слушают, три! На плацдарме развёрнута проводная сеть, четыре! Достаточно?

– Допустим… Но как же танковым командирам с ротами, взводами, отдельными машинами в бою связь держать? Как лётчикам быть? У них там свои, технические проблемы, но всё же? Как артиллеристам корректировать огонь?

– Наверное, погорячился, – скрепя сердце признал Жуков, чем немало меня удивил. – Пожалуй, исправлю приказ. От батальона и ниже пусть говорят в боевой обстановке, когда это необходимо. В прочих случаях – соблюдают радиомолчание. А лётчикам – волю. Пусть сами со своей связью разбираются. Вы же хотели, товарищ капитан, чтобы я больше инициативы давал? Довольны?

– Не вполне. В таком виде всё хорошо ровно до тех пор, пока не началась маневренная война. Бросите вы, к примеру, подвижные корпуса в обход японцев, как ими руководить, координировать действия? – прищурился я с хитринкой.

– И как же? – вопросом на вопрос ответил Жуков, догадавшись, что ответ у меня уже готов.

– Японцы к войне подготовились хорошо, выучили русский язык. Одного такого говоруна я сам лично три дня назад в плен взял. Но что они будут делать, если передачи открытым текстом будут идти, к примеру, по-армянски? Да с примитивным шифром, вроде танк – баран, батальон – гурт, бригада – отара? У нас же многонациональный союз народов, товарищ комкор! Неужели в армейской группе не найдётся достаточно армян, грузин, осетин? И дублировать сообщения шифровками, для практики. Пока японцы с армянским радио разбираться будут, переводчиков искать, ваши связисты оперативно работать уже научатся.

– Ай да чекист, голова! – расхохотавшись, хлопнул меня Жуков по плечу так, что я даже пошатнулся. – Что ж я сразу то к вашему брату не пошёл с такой бедой? Ведь контттразведка же! Кому как не им знать, как с разведкой врага бороться! Армянское радио! Ха-ха! – через смех у комкора явно выходило всё недавно пережитое нервное напряжение и он всё никак не мог успокоиться. Оставшиеся поодаль в траншее командиры, до того делавшие вид, что всё нормально и мой разговор с командующим их не касается, стали оборачиваться. – Начальника связи ко мне! – чуть отсмеявшись громко крикнул Жуков, но не удержался и вновь стал хихикать.

– Товарищ комкор, только не сразу! – предупредил я. – Пока проводная связь есть, пусть она и будет! Вот когда всё в движение придёт, тогда…

– Да понимаю, не дурак, – комкор вновь испробовал своей дланью крепость моего плеча, но уже с другого фланга. – Лучше б вы у нас, товарищ капитан, подольше задержались. Приятно с вами работать. Что у вас там за секретные дела? – поняв, что перебрал и лезет не туда, Жуков тут же поправился. – В смысле, сколько времени займут? Какая помощь нужна?

– Не знаю. Жду команды из Москвы. А дальше надо будет организовать обмен пленными и вытащить с той стороны очень ценного человека, – соврал я совсем не много, но из-за этого акценты сместились так, что смысл операции поменялся полностью. – Разрешите идти, товарищ комкор? – видя, что подходит вызванный связист, я вытянулся, чтобы для всех кто наш разговор только видел, смысл его так и остался бы тайной.

– Идите, товарищ капитан, – напоказ благосклонно отпустил меня командующий, усвоив правила нашей с ним игры. Поняв, что «валить» я его не собираюсь, он мог строить любые предположения на мой счёт, вплоть до того, что я таким образом пытаюсь насолить маршалу Ворошилову, наша взаимная неприязнь для высшего комсостава армии не секрет. Но, конечно, ему невдомёк, что я жду того часа, когда из сегодняшнего, подающего надежды «комдива» вырастет маршал Победы.

Эпизод 14.

С КП армейской группы, предупредив Смушкевича и Булыгу, я уехал в тыл, в Тамцак-Булак. На этот раз, выкобениваться и отказываться от предложенной легковушки не стал, молча залез на заднее сидение и, едва тронулись с места, стал засыпать под неторопливые размышления о командующем. Правильно ли я поступаю, пытаясь направить энергию комкора в нужное русло? Может, действительно, стоило бы его «сдать» приехав в Москву. В «эталонной» истории о Жукове болтали всякое, навешивали ярлыки неумехи, проспавшего нападение немцев в 41-м году, и мясника, гнавшего солдат на убой. Порой, даже в предательстве обвиняли. Сталкиваясь с такими оценками «там», зачастую чрезмерно эмоциональными и слабо опирающимися на реальные факты, я интуитивно относился к ним очень осторожно. Понимая,

что через дискредитацию самого «раскрученного» советского маршала всего лишь пытаются бросить тень на Красную Армию, СССР и весь советский народ, несмотря ни на что всё же победивший в очередной Отечественной войне.

Советские военачальники, как и все обычные люди, имели каждый свой характер, наклонности, свой талант. У кого-то это была светлая голова и он побеждал умом, у кого-то деревянная задница и он побеждал дотошностью, прорабатывая операции до самых мелких мелочей, у кого-то интуиция и достаточно безбашенности, не бояться ей доверять. А у Жукова были железные яйца. Это тоже, скажу я вам, немаловажное для военачальника качество. На войне так бывает, что надо драться там, где стоишь, несмотря на то, какие враги перед тобой и сколько их, как под Ленинградом и Москвой, как в Сталинграде, или наступать в лоб на подготовленную эшелонированную оборону, как на Зееловских высотах, прорывая её танковыми армиями. Просто драться как умеешь там, где другие давно бы остановились, отступили или сдались. Слова Александра Васильевича Суворова о том, что солдату – бодрость, офицеру – храбрость, генералу – мужество, не пустой звук. Мужество генерала придаёт подчинённым сил и уверенности совершать невозможное. Уж так получилось, что советский народ победил в Великой Отечественной Войне именно железными яйцами. С этой точки зрения, «там» Жуков имел полное право называться маршалом Победы, являясь наиболее полным её олицетворением. Со всеми его недостатками и достоинствами.

Здесь же, столкнувшись с Георгием Константиновичем на Халхин-Голе, я встретил не парадный плакат «из будущего», а хорошо подготовленного комдива, к тому же опального, на которого свалилось командование армией. Комдива, который не умеет опускать руки и покоряться судьбе, даже в заведомо проигрышной ситуации, как было на Больших маневрах. Зная характеристику из «эталонного» мира, подтверждающуюся событиями, которым я сам был свидетелем, я имею железобетонную уверенность в том, что Жуков сделает всё возможное и невозможное, заставит работать на пределе сил всех, до кого сможет дотянуться, но добудет себе победу в этом забытом Богом уголке центральной Азии. «Топить» его, только-только осваивающегося в роли командарма, опираясь всего лишь на домыслы, было бы непростительной глупостью. Поддержать же человека, потенциально способного войти в тройку лучших советских полководцев, чтобы он смог подняться на очередную профессиональную ступень, чтобы к моменту столкновения с немцами мог уверенно командовать армией, а может быть и фронтом, было просто необходимо. Ведь свято место пусто не бывает, если «зарубить» Жукова, то кто придёт ему на смену? Может Кирпонос или Павлов? Из этой парочки я кое-что слышал лишь о последнем, засветившемся в Испании в роли военного советника. Вернувшись в Москву после отзыва, он делает успешную карьеру в АБТУ, не связываясь с командованием войсками, где можно погореть за профнепригодность. Расчищать путь таким деятелям я не собирался.

С такими мыслями я не заметил, как отключился, убаюканный урчанием мотора «Газика», летевшего по плоской как стол равнине. Не знаю, сколько прошло времени, когда я почувствовал сквозь, сон, что машина стала довольно круто поворачивать, не сбрасывая скорости, а потом и вовсе резко остановилась.

– Какого лешего надо? – заставил меня открыть глаза голос водителя, – Всю степь перегородили, не объедешь!

– Кто такие? – через ветровое стекло я увидел перегородившую путь полубронированную «полуторку» ГАЗ-ММД с счетверённой зенитной пулемётной установкой, стволы которой были направлены прямо на нас. С боков машину окружили бойцы, вооружённые самозарядными винтовками и пистолетами-пулемётами. – Документы!

С удовлетворением отметив про себя, что караульная служба в армейской группе налаживается, я отложил «сайгу», за которую с перепугу схватился, я вышел из машины и предъявил удостоверение и подписанный Булыгой приказ. Пока лейтенант в серой танкистской форме

смотрел мои бумаги, я с любопытством огляделся по сторонам. Передо мной, широким фронтом во взводных колоннах застыли Т-126, спрятавшись под натянутыми на шестах масксетями. Экипажи, открыв люки, копались в машинах, видимо, приводя их в порядок после долгого марша.

– Товарищ капитан! Капитан Любимов!

Обернувшись на крик, я увидел бегущего ко мне танкиста.

– Полупанов! Василий! Ого, уже лейтенант! – разглядел я петлицы в распахнутом вороте чёрного танкового комбеза. – И руки-крюки, смотрю, при тебе. Какими судьбами?

– Полине Сергеевне нижайший поклон, помогло её снадобье. А ведь под комиссию меня хотели… – неловко замялся ветеран-испанец встав прямо передо мной, поняв, что со стороны за нами смотрят бойцы и командиры и устав уже непоправимо нарушен.

– Ну, здравствуй, что ли, лейтенант, – я распахнул объятия танкисту на встречу и мы от души похлопали друг друга по спине, разом сняв все вопросы для посторонних. – Рад видеть тебя, обстрелянные ветераны здесь ой как нужны!

– Что, трудно там? – кивнул Полупанов головой в сторону фронта.

– Терпимо, пока на плацдарме бодаемся, – неопределённо ответил я, понимая, что истинные свои впечатления разглашать не имею права. – Но нам не бодаться надо, а ударить так, чтоб японцы зазвенели!

– Что ж, если надо, ударим, – не очень уверенно сказал лейтенант, отведя глаза в сторону. – За этим и летели сюда вперёд собственного визга, не жалея машин. Только технику в порядок приведём после марша. Сами-то вы давно здесь, товарищ капитан?

– Да несколько дней. Самолётом летел, но его диверсанты японские по пути сбили. Пришлось их за это дело наказать, даже пленного взял. Вчера меня только нашли и подобрали. Ночью вот на передовой побывал, надо было необстрелянному батальону 82-й дивизии помочь. Потому и обрадовался тебе, как родному.

– Да у нас с обстрелянными-то тоже не задалось, – очень тихо признался Полупанов. – Бригаде две недели, как боевое знамя вручили. Хорошо хоть личный состав кадровый, из западных округов, а не «добровольцы», как в 82-й. Водить-стрелять умеем, хоть на таких машинах и не учились. Воевавших в бригаде ровным счётом семь человек, и то, в основном старшие командиры, кто ещё Грузинскую застал. Но любую поставленную задачу выполнить готовы, – добавил он значительно громче и в качестве доказательства свих слов сослался на марш. – Восемьсот километров прошли за четыре дня в полном порядке и машины по пути не растеряли.

Тем временем, вокруг нас собралась уже довольно внушительная толпа любопытствующих, поддержавшая сказанное Полупановым одобрительным гулом.

– Это вы, конечно, товарищи молодцы, – сказал я как можно громче, чтобы все меня могли слышать. – Только что же вы танки выстроили как на параде? Думаете, хорошо спрятались под сетями? Поставьте себя на место японского лётчика и посмотрите его глазами! Что это за горбики, как по линеечке, посреди ровной как стол степи? А не кинуть ли туда бомбу, посмотреть, что будет? Василий, или ты забыл, как в Испании погорел? У японцев, между прочим, тоже пикировщики есть! Машины надо рассредоточить! А ещё лучше, рассредоточить и окопать! Тогда с воздуха даже горбиков не различить. Всё, товарищи, мирное время для вас кончилось, вы на войне. Привыкайте думать и за себя, и за противника! – посчитав на этом едва начавшийся митинг законченным, я крепко пожал Полупанову руку. – Прости дружище, не могу долго оставаться, служба. Обещаю проведать, если представится случай, посидим, поговорим о боях-пожарищах, о друзьях-товарищах. И вот ещё. Японцы дивизионную артиллерию используют как противотанковую, попадёшь под огонь – маневрируй! Большинство пушек у них старые, попасть не смогут. А меньшинство вы своим большинством задавите. Помнишь заветы Бойко? Бить только кулаком!

Сев в машину и немного отъехав, я посмотрел назад через малюсенькое окошко и с удовлетворением отметил, что в лагере танкистов поднялась суета. Конечно, это не лейтенант Полупанов своей властью её устроил, но то, что, минимум, танковый комбат слова лейтенанта воспринял всерьёз и сразу стал действовать, обнадёживало.

– Долго нам ещё? – спросил я у водителя.

– Если б раньше, то за пятнадцать минут доехали бы. А сейчас петлять приходится между лагерями, того и гляди остановят. О! Смотри, чего творит! Ну куда ты прёшь!?

Нам пришлось опять резко остановиться из-за ползущего поперёк пути ЗИЛ-5 с двумя прицепами, парой передков и 25-миллиметровой батальонной пушкой. Машина, настырно гудя двигателем, упорно ползла на низкой передаче, просев на рессорах в связи с явным перегрузом. Даже боюсь предположить, сколько там было напихано по весу, но кузовов вообще не было видно! Даже с краёв платформы были подвешены бочки то ли с топливом, то ли с водой. Сверху набросаны всевозможные мешки, тюки, палатки, но явно под ними что-то гораздо менее объёмное, но более тяжёлое, наверное, боеприпасы. Поверх барахла с комфортом расселось не менее роты красноармейцев и один монгол в традиционной одежде. Неподалёку неспешно рысил и конь под седлом.

– Наркома лёгкой промышленности хозяйство, – кивнул водитель на автопоезд. – Вот так они ещё до войны по всей Монголии и торговали. Водитель, экспедитор да местный проводник. В Союз шерсть, шкуры, зимой ещё и мясо, в степь промтовары, топливо, сено и даже воду. Путешествуют неспешно, тяжёлые. На подъём, бывает, прицепы по одному затаскивать приходится. Может, благодаря им монголы к нам и присоединились. Сейчас в любом стойбище хоть кто-то, но по-русски поймёт.

Проскочив между медленно идущими колонной машинами каравана, перебрасывающими всего четырьмя тягачами не меньше стрелкового батальона со всем вооружением, мы поехали дальше и через полтора-два километра наткнулись на лагерь ракетчиков. Издали, в окружении обычных грузовиков, были видны зачехлённые реактивные установки. Две самоходные БМ-28 на шасси ЗИЛ и две БМ-13 на шасси ГАЗ дополнялись четырьмя буксируемыми 13-ми на трёхосных прицепах. Разосланные в мае письма не пропали даром. Может быть, опыт реального боевого применения РС сломит упрямство Кулика и это оружие займёт подобающее место в системе артвооружения РККА. Плохо только то, что ракетчики, похоже, отнеслись к делу, как к очередным испытаниям и не прочувствовали пока, что прибыли на настоящую, пусть маленькую, но войну. Пришлось вновь останавливаться и наводить порядок. На месте я застал техника-интенданта 2-го ранга, который доставил экспериментальной батарее топливо и приказ штаба тыла армейской группы о разгрузке и отправке всех машин навстречу подходящему 57-му корпусу. Тут же я впервые встретился с молодым Королёвым, которого узнал в лицо по виденным «в той жизни» фотографиям. Конструктор упёрся рогом и заявил, что никакой Жуков ему не указ, машины выделены за счёт средств института и никуда не поедут. Если технику-интенданту угодно, то пусть забирает всех военных с батареи и топает навстречу корпусу пешком. А гражданские специалисты и сам Королёв вместе с машинами останутся на месте и будут заниматься тем, зачем в такую даль приехали.

– Товарищ капитан государственной безопасности! – обратился ко мне воентехник, не сокращая по обыкновению военных моего полного звания, видимо рассчитывая, что уж теперь, когда появился представитель грозного ведомства, властного не только над военными, но и над гражданскими, ему удастся настоять на своём. – Отказываются выполнять приказ!

– Да делайте, что хотите! – махнул Королёв рукой, поняв, что против органов переть себе дороже, и развернулся, чтобы уйти. – Говорил Клеймёнову, что это тупик и всё бесполезно. Нет, специально меня сюда услал, лишь бы работу по жидкостным ракетам затормозить! – пробурчал он себе под нос, но достаточно громко, чтобы я услышал.

– Сергей Павлович, подождите! – окликнул я его по имени-отчеству, чем вызвал немалое удивление.

– Мы знакомы?

– Нет, но сейчас познакомимся. Любимов, Семён Петрович, – представился я по-граждански. – Товарищ Королёв, вы целиком правы в отношении перспектив ракет с жидкостными двигателями, но согласитесь, до практической стадии их применения ещё очень и очень далеко. Пороховые же ракеты уже сейчас являются грозным оружием. И если вы сумеете раскрыть весь их потенциал в настоящем бою, то этим РНИИ сможет сломать сопротивление ГАУ и запустить ракетные установки залпового огня в серию. Думаю, не следует повторять очевидные вещи, что серия – это деньги, которые можно направить, в том числе, и на исследования по жидкостным ракетам. Но, чтобы показать ваши установки во всей красе, надо озаботиться и создать благоприятные условия. То есть, прикрыть их войсками, которые сейчас маршируют где-то по степи и остро нуждаются в автотранспорте. Поэтому приказываю оставить боевые машины на месте, окопать и замаскировать. Транспортные разгрузить и отдать, временно, в распоряжение воентехника второго ранга. А вам лично прибыть в штаб армейской группы в районе высоты Баин-Цаган и известить командующего о ваших возможностях. Боюсь, он даже не предполагает, что оказалось у него в распоряжении.

– Хорошо, – без энтузиазма отозвался вероятный кандидат в «отцы космонавтики» и, отойдя от меня к сгрудившимся неподалёку сотрудникам РНИИ, стал распоряжаться. Воентехник попытался было возмутиться тем, что я своей властью придержал машины со смонтированными на них направляющими, что прямо противоречило имеющемуся у него на руках письменному приказу, где было недвусмысленно указано изъять все машины, но получил от меня отповедь. Пришлось сказать ему, что командование армейской группой, тем более, штаб тыла, видимо, не подозревает, с чем имеет дело и гонять туда-сюда машины, залп каждой из которых превосходит залп целого артдивизиона, я не позволю. Поскольку оружие необходимо на фронте, где каждый ствол на счету, а не в тылу.

К счастью, больше в пути останавливаться не пришлось, хоть и появлялось иногда такое желание. С сегодняшнего дня порядок передвижений в тылу армейской группы резко изменился. Если раньше автоколонны шли исключительно ночью, то теперь их отправляли и днём. Что тому виной, мне предположить было сложно. Может быть Жуков хотел как можно скорее собрать в кулак все силы и ударить по японцам, может быть наоборот, разведка тревожные сведения принесла, но скорее всего, благодарить за лишние «безопасные» часы для перевозок следовало истребителей Смушкевича, которые стали успешно отражать вражеские налёты, встречая противника ещё над линией фронта. После первых обидных неудач, осмотревшиеся на войне, приноровившиеся к противнику, пополненные ветеранами и матчастью, два советских ИАП медленно, но уверенно склоняли чашу весов в свою пользу, реализуя своё техническое превосходство над японцами, воевавшими, в большинстве своём, на очень маневренных и лёгких, но тихоходных, слабо вооружённых и хлипких бипланах.

Глядя на спешащий навстречу дивизион 160-миллиметровых миномётов лёгкого артполка одной из дивизий 57-го корпуса, я подумал, что дай только срок и на земле превосходство тоже постепенно перейдёт к РККА. У японцев много пехоты и они зарываются в землю? Но по своему техническому оснащению их армия недалеко ушла от времён Первой Мировой, а тактика и вовсе осталась на «порт-артурском» уровне. Собрать под прикрытием артиллерии, бьющей по атакуемым позициям, как можно больше сил, подвести их поближе, пользуясь складками местности, а потом броситься всей массой в решительную атаку, доведя её до рукопашной. Это всё могло хорошо работать, если бы в Красной Армии не было миномётов. Но, к счастью, это было не так и даже десантники, имевшие только безоткатки Курчевского, лёгкие 25-миллиметровые ПТП и батальонные миномёты, срывали японские удары ещё на стадии подготовки, засыпая скопления противника сверху множеством мин. Обороняться мы сейчас

можем, а когда соберутся войска, пооботрутся на войне, накопят материальные запасы, нет сомнений, покажем самураям кузькину мать, как и было в «той» истории.

Эпизод 15.

В Тамцак-Булаке, в штабе тыла авиагруппы, я приступил к исполнению своих обязанностей с того, что официально встал на довольствие и отправился в столовую, где уже бывал со Смушкевичем, подкрепиться и заодно подумать, с какого конца браться за свалившееся на меня хозяйство. Время было обеденное, но подсаживаться ко мне командиры РККА не спешили, выбирая места за длинными столами подальше от выглядевшего здесь белой вороной чекиста. Нельзя сказать, что меня это особенно задевало, скорее наоборот, радовало, что никто не мешает планировать мои следующие шаги. А поразмыслить было над чем. Хорошо, что я числюсь всего лишь как уполномоченный при авиагруппе, а не полноценный начальник особого отдела этого временного формирования, тянущего на авиакорпус или очень большую смешанную авиадивизию. Всё-таки четыре полка, два истребителей, полк СБ и полк ночников на Р-5 и У-2, плюс ещё эскадрилья НИИ ВВС, связная и корректировочная. Да ещё ожидается прибытие пятого полка на лёгких пикировщиках Немана. Во всех этих частях, кроме эскадрильи испытателей, свои штатные особые отделы имеются и, по договорённости с Булыгой, по прежнему подчиняются ему. Если мне и потребуется отдать им какой-либо приказ, или наоборот, выехать для разбирательства на место событий, то вся эта деятельность также будет координироваться через особый отдел армейской группы. Таким образом на мне остаются части центрального группового подчинения, которых, впрочем, хватит, чтобы «зашиться». Поскольку подвижных авиаремонтных мастерских имеется только на два полка, если укомплектовать их по штату, то все ПАРМы Смушкевич приказал сконцентрировать на уровне авиагруппы в Тамцак-Булаке, подчинив их непосредственно своему зампотеху Прачику, моему соседу по юрте. В частях остался только мелкий ремонт и обслуживание, а если требовался более серьёзный, то самолёт грузили хвостом в грузовик и прямо в таком виде, не снимая крыльев, везли по степи на центральную базу. В общем, от чего стремились уйти, переходя на полковую структуру, к тому же и вернулись из-за временной недоукомплектованности техникой. С другой стороны, были в этом и положительные моменты. Например, полки рассредоточивались поэскадрильно, благо взлетать и садиться на западном берегу Халхин-Гола можно было практически где угодно, и не создавали «жирных» целей для вражеской авиации.

Зато на ремонтной базе были сконцентрированы десятки небоеготовых машин. Тут же были и групповые склады топлива, боеприпасов и продовольствия и распоряжавшийся ими штаб тыла группы. И всё это при малочисленных тыловых и ремонтных подразделениях, личного состава которых попросту не хватало, чтобы всё замаскировать и укрыть. Для меня же эта тема превратилась уже в идею фикс из-за понимания, что либо я добьюсь автоматического выполнения стандартных мероприятий, либо японцы воспользуются «приглашением» и мы придём к тому же самому, но понеся потери. Что поделать, обычай у нас такой, вообще делать что-либо только после волшебного пенделя со стороны начальства или того хуже – врага. Причём, начальник будет считаться самодуром вплоть до того момента, пока не придёт подтверждение из «второй инстанции».

На ловца, в соответствии с народной приметой, и зверь. Стоило только вспомнить о Прачике, как он появился в столовой во главе группы командиров с нашивками технического состава, бурно и весело что-то обсуждавших на ходу.

– Товарищ военинженер первого ранга, присаживайтесь, разговор есть, – пригласил я его занять место за столом напротив. Прачик, заметив меня, будто запнулся на ходу, но отказываться не рискнул, сопровождающие же замешкались.

– А вы, товарищи командиры, пока мне не нужны, дайте поговорить по душам в неслужебной обстановке, – разрешил я их сомнения, бросать или не бросать на съедение чекисту своего начальника. Замотех авиагруппы сел молча на лавку, остальные «чумазоиды» отошли чуть дальше и тоже заняли места за столом, изредка хмуро поглядывая в мою сторону. Веселье у них как рукой сняло.

– Претензии, скажем пока так, у меня к вам, товарищ военинженер первого ранга. И их много. Почему столько машин здесь скопилось? Стоят в куче прямо в степи! Ждёте японского налёта, который вас от забот по ремонту авиатехники избавит?

– Так бои же идут! Повреждённых машин много, восстанавливать не успеваем, работая не только от зари до зари, но и ночью! Какой смысл рыть капониры для них, если сегодня-завтра обратно в полки отправим? Да и нет у меня лишних рук.

– Кажется, со вчерашнего дня самолётов на площадке больше стало? Не вижу, чтобы вы их отправляли.

– Так говорю же, не покладая рук работаем! Но японцы, к сожалению, ломать успевают быстрее.

– Это очевидная мысль. Но я вам другую очевидную мысль выскажу. Как заместитель по технической части командира авиагруппы вы полностью упустили планирование порядка ремонта, чем создали скученность на центральной базе, которой может воспользоваться враг. И если это случится, то мои добрые, можно сказать, соседские замечания, могут превратиться в дело, главным обвиняемым в котором будете вы. Это не угроза, а дружеское предупреждение. У вас что, связи с полками нет? Не можете выяснить характер повреждений и соотнести с пропускной способностью базы? Пусть битые самолёты остаются в полках до тех пор, пока вы ими не сможете заняться. Ведь вы как главный врач в медсанбате, только тот спасает в первую очередь «тяжёлых», а вам наоборот выгоднее менее серьёзные повреждения исправить, чтобы быстрее машины ввести в строй. И большого количества капониров рыть не придётся, и работать будете эффективнее, разве нет? А вы чем занимаетесь? Вон, у вас масло в руки въелось, самолично в моторах копаетесь? Думаете в этом ваша задача? Вы командир и обязаны организовать работу, а не гайки крутить!

Возразить Прачику было нечего и он молча жевал кусок ржаного хлеба, уже не пытаясь оправдываться. Я же, подождав, пока боец-официант поставит перед военинженером обед и отойдёт, сменил тему.

– Товарищ военинженер первого ранга, скажите пожалуйста, что за ненормальная ситуация сложилась с бортовыми радиостанциями? До меня дошли слухи, что некоторые несознательные товарищи их вовсе снимают с самолётов.

– Бесполезный груз эти радиостанции, – хмуро заявил замотех. – Треск и шипение одно в шлемофоне из-за помех от мотора, вот и снимают.

– А вы, стало быть, со стороны наблюдаете, не пытаясь разобраться в причинах и наладить связь?

– А я тут причём? Радиостанциями начальник связи заведует, вот пусть он их и налаживает.

– Но вы же сказали, что причина в моторе, а это ваше хозяйство. К тому же, на машинах с дизелями радиостанции работают нормально.

– Ну да, работают! – со злостью замотех авиагруппы бросил ложку в тарелку, забрызгав супом стол. – Они и на И-16 работают, но по-разному и не на всех! Только нет у меня сейчас времени на это! Да и электриков всего пятеро, тут уж не до жиру, лишь бы мотор и приборы работали!

– Радиостанция, товарищ Прачик, ничуть не менее важна, чем пулемёты, – ответил я ровно, гася вспышку гнева собеседника, и без меня задёрганного свалившейся на него войной. – И комплектуют ею самолёты, тратя народные средства, не из пустой прихоти. В мои же

обязанности входит следить за тем, чтобы вверенное войскам оружие использовалось на сто процентов своих возможностей и не допускать вредительства и саботажа. Вы меня понимаете? Догадываетесь, кто первый под трибунал пойдёт?

– Что вы меня всё пугаете?! Пуганый уже! Под трибунал? Да пожалуйста! Хоть в рядовые разжалуйте! Это мне гайки крутить не помешает, машины возвращать в строй буду, как и раньше!

– А японцы, тем временем, будут их дырявить, как и раньше потому, что воюют в составе команды против наших одиночек, которые только на земле о чём-то договориться могут. Не в том вопрос, кто и в каком звании будет гайки крутить, а в том, как побеждать будем. А вы ещё и не большевистскую позицию занимаете, сбежать с порученного вам товарищем Сталиным поста даже через трибунал готовы. И не надо на меня волком смотреть! – впервые повысил я голос, чем привлёк внимание обедающих поодаль красных командиров, и без того уже оглядывающихся на Прачика. – Вы не на допросе, хотя причин нам с вами общаться именно в такой форме более чем достаточно! Просто для меня важно, в первую очередь, наладить дело, а не наказать виновных, которые ещё исправиться могут. Имейте это в виду!

– Да поймите вы! Ничего поделать с этой бедой я не могу! – в отчаянии зампотех развёл руки.

– Но выяснить, сколько самолётов со связью сейчас в авиагруппе вы ведь можете? До вечера? А ночью мы с вами этот вопрос, в более спокойной обстановке ещё раз обсудим, есть кое-какие мысли.

На том мы и порешили.

Остаток дня я посвятил шкурному интересу. Раз «мои» парашютные бомбы здесь уже успели применить, причём, успешно, следовало собрать как можно больше письменных отчётов об этом событии. Ведь одно дело на словах рассказывать, а другое дело – документ. К тому же у меня была уникальная возможность оценки со всех сторон. В госпитале я проведал Танаку, который, приобретя официальный статус военнопленного превратился в капитана Михаиру Исибаси из Нагасаки, крещённого в православии японца, чем и объяснялось, в некоторой степени, его знание русского языка.

– Я не обязан отвечать на вопросы, – заартачился разведчик в присутствии японских лётчиков на соседних койках. – И у меня отобрали меч. Вы не держите слово.

– Напрасно вы так думаете, капитан. Во-первых, вы уже не мой пленный и мы не вдвоём в степи. Во-вторых, вы сейчас не можете гарантировать, что ваши соседи не пустят его в ход. Как только это будет безопасно для всех, оружие вам вернут. Что касается обязанности отвечать на вопросы, то давайте будем рассматривать это как услугу. В ответ, я готов поделиться сведениями, подобными тем, что поведал вам раньше. Такая сделка вас устраивает?

– Говорите, – лаконично прохрипел японец, наклоном головы дав понять, что вариант сотрудничества ему подходит.

– И вы обещаете изложить письменно во всех подробностях то, как вас разбомбила наша авиация? – уточнил я.

– Писать будете вы. Я не могу. Но автограф поставить сумею. Говорите.

– Ладно. Из тех же источников нам известно о кислородных торпедах, калибр которых значительно превышает стандартный.

– И это всё?

– Побойтесь Бога, Михаиру, это один из самых охраняемых секретов вашего флота!

– Я в этом не уверен…

– Ну, конечно, откуда вам, сухопутному, знать о стратегии разгрома превосходящих линейных сил флота противника в ночном торпедном бою! – усмехнулся я в ответ. – Но вы, капитан, обещали, извольте выполнять.

Японец не стал пытаться выжать из меня ещё что-нибудь и детально описал воздушый налёт и эффект, произведённый бомбами ОШАБ-50. Записывать под диктовку и рисовать схемы мне пришлось более часа, подробностей хватало с лихвой, и я был сам уже рад тому, что Исибаси в конце фразы «с моих слов записано верно», насколько мог аккуратно, иероглифами изобразил свою фамилию.

Куда как легче было с лётчиками эскадрильи Р-5 ночного бомбардировочного полка, доехав в который, я просто поставил задачу, пообещав забрать отчёты позже. А пограничников, ездивших на повторную зачистку, превратившуюся за отсутствием боеспособного противника в обычный сбор трофеев, попросил озадачить рапортами Булыгу, связавшись с ВРИО начальника особого отдела армейской группы по телефону. Эх, самому бы съездить туда с фотоаппаратом! Прихватить какого-нибудь корреспондента, из тех, что отираются на Хамар-Даба! Вот тогда у меня будет полный комплект! Но увы, более насущные заботы не дают.

Солнце уже давно закатилось, когда военинженер Прачик, распаренный после полевой бани, вошёл в юрту.

– Ну и? – с порога встретил я его, понятным нам двоим вопросом.

– В целом, всё не так плохо, если смотреть по авиагруппе, – медленно, по-стариковски опираясь ладонями в колени, Прачик пристроил пятую точку на свою кровать. – В корректировочной эскадрилье на «стрекозах» все рации в строю. У ночных бомбардировщиков рации с самого начала были, в лучшем случае, по одной на звено Р-5. На У-2 раций нет и не было вовсе. В строю почти все, работают на приём и передачу нормально. «Почти» связано с поломками самих раций и отсутствием запчастей для старой модели. У полка СБ рации РСБ на всех машинах. Большинство в рабочем состоянии, причины «почти» те же, что и у ночников. Но так как эта аппаратура уже новая, обещали всё в ближайшее время наладить своими силами. У истребителей в двух полках есть тринадцать И-16, которые могут поддерживать связь в воздухе и ещё три в группе испытателей, два И-163 и один И-19 с мотор-пушкой АМ-38. На остальных пользоваться радиосвязью невозможно.

– Уже хорошо! На целую эскадрилью «ишаков» набирается, надо у Смушкевича это дело «провентилировать», чтобы он их в кулак собрал и применял, как полагается… Завтра же поеду на Хамар-Даба, лично поговорю.

– Я вот что думаю… И-16 со связью все с М-25. А с М-62 все глухие. С другой стороны, у испытателей с мотором М-63 нет проблем. Загадка… Выделю завтра электрика, прикажу разобраться… – последние слова измучившийся за день замотех сказал уже почти сквозь сон, свернувшись на кровати калачиком и укрывшись шинелью с головой.

Эпизод 16.

С самого утра семнадцатого числа, ни свет ни заря, с подвернувшейся оказией на У-2 я вылетел обратно на Хамар-Даба. Терять по четыре часа на переезд мне уже совсем не хотелось, да и выделенная мне машина ушла обратно ещё вчера. С войсками на перекладных добираться – вообще можно было целый день потерять впустую. Заняв место раненого во время ночных вылетов штурмана, которого пилот, не мешкая, доставил прямо в госпиталь, попросил сделать круг над тыловой базой авиагруппы, чтобы оценить с воздуха собственными глазами, выполняются ли мои приказы по маскировке. Позитивные перемены на земле были налицо, технику рассредоточили и тщательно укрыли сетями, приступили к рытью капониров, но при этом белые юрты, в которых частично жил личный состав, издалека притягивали взгляд, будто выпрашивая подарков с неба. Ругнувшись про себя на боящийся проявить разумную инициативу или перетрудиться наземный состав ВВС, я сосредоточился на наблюдении за воздухом. Всё равно штурман из меня так себе, да и пилот не заблудится, район знакомый, мимо Хамар-Даба не промахнётся.

Лететь предстояло около получаса и уже потому, что наш У-2, как только лёг на курс, сразу стал прижиматься к земле, можно было судить, что моя очередная авантюра была отнюдь не безопасной. Два раза я наблюдал, как в стороне, поднимая с земли тучи пыли, большими группами взлетали «ишаки» и, собравшись над аэродромами в эскадрильи, брали курс в сторону фронта. Сперва, увидев в воздухе истребители, я напрягся и предупредил пилота, но тот, не утруждая себя использованием переговорного устройства, просто помахал рукой, давая понять, что это наши. Я немного успокоился и в следующий раз, прежде чем отвлекать своего «извозчика», сперва разглядывал обнаруженные мной самолёты в бинокль.

И всё же, уже почти на подлёте к Хамар-Даба, до которой оставалось ещё минут десять, японцев я прошляпил. Вернее, обнаружил их, но поздно. Самураи выскочили, как чёртик из табакерки, оторвавшись от горизонта и быстро набирая высоту. Они летели с севера, точно также, как и мы, на бреющем, и пошли вверх только перед самой целью, которой, к своему несчастью, оказалась наша войсковая колонна. Десяток одномоторных бомбардировщиков в сопровождении эскадрильи истребителей-бипланов вывалили бомбы с первого же захода и вновь по прямой пошли к земле, стремясь как можно скорее скрыться с места разбоя. Мы, по закону подлости, оказались прямо у них на пути и, хотя мой пилот сразу же резко стал отворачивать к югу, тройка И-95, бросив своих подопечных, устремилась к нам. Проклиная недисциплинированность японцев, я схватился за турельный РПШ, отличавшийся от пехотного лишь прицелом и дополнительной рукояткой вместо приклада. Понятно, что самураям, вынужденным сейчас на своих бипланах лишь отбиваться от И-16, хотелось сыграть «первую скрипку», провести активный бой против слабого противника, но почему за мой счёт? Через несколько секунд мне было уже не до претензий к доле. Вражеское звено стало пикировать на нас плотным строем, а мой У-2 в последний момент, когда я, паля на расплав ствола, бешено заорал, шкурой чувствуя, что ещё мгновение и по мне будут стрелять, встал в крутой вираж. Попал я или нет – не знаю. Тем более, что остаток диска после резкого начала маневра уж точно ушёл в молоко. Может, И-95 слишком разогнались при снижении, может им помешал боевой порядок, или так они и задумывали, но встать за нами в вираж попытался лишь один истребитель, «левый пристяжной», два других проскочили почти прямо и скрылись у меня из виду. Мы же, едва не чиркая законцовками крыльев по земле, неслись в бешеной карусели. И-95 быстро сокращал дистанцию и я живо представил, хоть и не мог видеть из-за «козырька» верхнего крыла, будто на расстоянии вытянутой руки напряжённое от натуги, злобное лицо японца, пытавшегося хоть ещё немного, самую малость, довернуть внутрь круга, чтобы достать русских. Мне казалось, что если я перестану на него смотреть, охотнику всё удастся, что это именно я своим взглядом не даю ему навести оружие на цель, поэтому перезаряжать пустой пулемёт я бросился наощупь и, первым делом, отстегнул и выбросил из кабины расстрелянный магазин. Не до того мне было, чтобы сберегать имущество, засовывая его в укладку. Чёрный диск, кувыркаясь в воздухе, угодил в японца, попав в верхнее крыло прямо посередине и отскочил вниз, ударив по капоту. Попал ли я по кабине, или рука самурая дрогнула от испуга, или он просто допустил ошибку в пилотировании, но истребитель дёрнулся, резко увеличив крен и тут же, потеряв высоту, задел крылом землю и пошёл по ней огненным колесом, разбрасывая горящие обломки.

Я вновь заорал, но на этот раз не от испуга, а от охватившего меня неистового возбуждения. Он хотел убить меня! Но я оказался удачливее и теперь его, а не мой обгорелый труп валяется в поле! Оглянувшись на пилота, чтобы разделить с ним радость маленькой победы, я опять едва не наложил в штаны. Лётчик, с отвисшей челюстью, смотрел через левое плечо, а мы в это время всё так же виражили в считанных метрах от земли!

– Угробишь, чёрт!!! – крикнул я ему, тыкая пальцем в серо-зелёную, сливающуюся от скорости в сплошной поток и такую близкую степь. Он спохватился, выровнял машину и мы пошли в сторону Хамар-Даба, едва не чиркая колёсами по грунту. Попробуй, попикируй теперь

на нас! Пробовать-то можно, но в упор приблизиться не судьба, вмиг приземлишься вопреки желанию! Я бешено закрутил головой, пытаясь отыскать потерявшуюся пару. Она оказалась прямо над нами на параллельном курсе, выше метров на двести. И-95 разорвали строй, крутыми виражами гася скорость и расходясь в стороны, чтобы зажать У-2 в клещи. Каждый из них стал заходить в атаку с ракурсом в три четверти так, что уклоняясь от одного, мы бы обязательно подставили хвост другому. Тут нам было важно угадать, какой из охотников, правый или левый окажется к нам ближе и совершить резкий маневр в противоположную сторону. Тогда они могли стрелять на пересекающихся курсах, с упреждением, но всё же не продольным огнём в хвост. Враги быстро сокращали дистанцию и я стал стрелять по левому, ориентируясь по трассам, молясь и матюкаясь про себя, чтоб мой лётчик не ошибся. Над капотами И-95 в ответ тоже замерцало и в этот момент У-2 вновь резко вошёл в вираж из-за чего у меня из виду пропал один из истребителей. Второй же, видя, что не сможет так круто за нами довернуть, пошёл в верх, давая дорогу напарнику. В него-то, снизу в брюхо, я и всадил остаток диска. И-95 выпустил тонкую струйку белого дыма или пара и скрылся от меня за фюзеляжем нашего самолёта. В этот же момент полетели клочья и от нас. Поворачивая, мы должны были дважды пересечь линию прицеливания японца, идущего по более пологой дуге и он воспользовался моментом в полной мере. Пилот У-2 не угадал с направлением виража и теперь, сжавшись в комок, мне надо было эту атаку просто пережить. Стрелять в ответ я не мог, пулемёт пуст и мешал хвост моего собственного самолёта. Перезаряжаясь, я почувствовал, что что-то кольнуло меня в ногу ниже колена. И в тот же момент У-2 стал выравнивать крен. Японец проскочил вперёд над нами. А мой ночной бомбардировщик резко сбросил газ и плюхнулся на землю так, что затрещал весь набор, и покатился по ней, вихляясь и неуклюже подпрыгивая.

Самолёт остановился, заглушив двигатель, и я, подхватив свои пожитки, шустро выскочил из кабины и бросился бежать. Не услышав за спиной топота второй пары ног, обернулся и увидел, что пилот, попытавшись выбраться, повис на борту кабины. Бросив всё, я устремился обратно и, вскочив на крыло, стал вытаскивать лётчика, имени которого я даже не спросил, когда уговаривал его сделать крюк до Хамар-Даба. Вот судьба злодейка, если б не я, не попали бы мы в переплёт и молодой парень был бы жив и здоров. Хотя, на невезение грешить нечего. Ещё пару дней назад я отказывался ехать со Смушкевичем в легковушке, не говоря о перелёте, и правильно делал. Теперь же, стал рисковать, надеясь на авось. С этой дурью надо распрощаться, пока не поздно. Война легкомыслия не прощает.

Копаясь в себе, я оттащил лётчика, за которым тянулся кровавый след, на полсотни метров от самолёта и побежал назад, чтобы снять пулемёт. Истерзанный, но не загоревшийся У-2, из которого текло на землю дизтопливо, явно был приоритетной целью для добивания. Но после того, как он будет сожжён, настанет наш черёд и мне хотелось иметь хоть какой-то аргумент против. Только вернувшись к лётчику с оружием и парой запасных дисков я осмотрелся по сторонам и с облегчением понял, что японцам не до нас. Японские бомбардировщики обойдя Хамар-Даба с юга уже повернули на восток. Они использовали ту же тактику, что и мы, максимально прижимаясь к земле, чтобы не допустить атаку в незащищённое брюхо. На них наседали, пикируя с высоты, не меньше дюжины И-16, а японские истребители, в свою очередь, пытались их защитить, разворачиваясь навстречу атакующим и встречая их заградительным огнём. Драка шла свирепая и нельзя было сказать, что советские лётчики побеждали. Их боевой порядок давно распался на отдельные машины, которые бились, кто во что горазд, в то время как японцы координировали свои действия, явно предупреждая друг друга об атаках, уворачиваясь от них и прикрывая товарищей. Во всяком случае, на земле сейчас горело лишь три машины, одна из которых моих рук дело. Поодаль, в километре или полутора от меня на земле замер ещё один японский истребитель, к которому уже подъехал наш грузовик из состава одной из идущих к фронту колонн. Вскинув бинокль, я рассмотрел, что бойцы уже взяли в плен и разоружили лётчика. Уж не тот ли это охотник, которого я подстрелил? А где

третий? Третьему тоже не позавидуешь, два И-16, тех самых, необычных, с острыми носами, играли с ним сейчас в ту же игру, что и он с нами всего лишь две минуты назад. Самурай тоже не угадал, в какую сторону отворачивать, вернее, его обманули. Один из И-163, выбрасывая из выхлопных патрубков густую чёрную копоть, резко ускорился и оказался впереди. Манёвр, треск ШКАСов, и И-95 вспыхнул факелом. Туда тебе и дорога!

Убедившись, что мне непосредственная опасность не угрожает, я хотел было заняться лётчиком, но было уже поздно. Пуля, наверное та, что разорвала мне сапог и оцарапала голень, попала ему в спину чуть выше таза. Прикрыв парню глаза я встал и, прихрамывая, пошёл в сторону севшего на вынужденную И-95 за помощью. К счастью, долго топать мне не пришлось. ГАЗ-МД сам подъехал ко мне. Это была эвакуационная команда авиатехников, высланная к фронту, чтобы забрать подбитый ночью Р-5, не дотянувший до аэродрома и вынужденно севший на нашей стороне реки Халхин-Гол. В кузове, у ящика с инструментом, лежал спутанный по рукам и ногам пленный японец с разбитым носом, даже в таком незавидном положении, старавшийся выглядеть надменно. С трудом удержавшись, чтобы не приложить его ещё раз за всё хорошее, я спросил, только чтобы отвлечься от пережитого и прийти в норму:

– Кляп-то ему зачем впихнули? Нос же не дышит наверняка…

– Бойкий попался. Хотел свой самолёт спалить, весь бак из пистолета продырявил. Хорошо, что со спичками сунуться близко побоялся, захотел сперва факел смастерить и с ним замешкался. А тут уж и мы подоспели. Дрался и орал, как сумасшедший, пришлось прикладом слегка вразумить. Хорошо, что за сабельку, что у него в кабине была, не додумался схватиться, точно бы пристрелили. Так он и потом не угомонился, верещал, наверное матюкал нас по-японски. Вот и заткнули. Кому его охота слушать? – наперебой, радостно возбуждённые, рассказывали воентехники.

– Что у него с машиной? Сильно повреждена?

– Трудно сразу сказать… Система охлаждения пробита, вот он и сел. Двигатель обрезать в любой момент могло, а высота маленькая была, чтобы прыгать. Ну и он ещё дырок наделал, но то мелочи.

– Значит так. Меня подвезёте до Хамар-Даба, вернётесь сюда за И-95 и тащите его в Тамцак-Булак. Там же и моего пилота похороните по-человечески.

– Товарищ капитан, вас мы подвезём, но дальше у нас своё задание есть… – попытался возразить мне старший команды.

– Отставить! Р-5, одним больше, одним меньше, невелика разница! А из трофейного самолёта с радиостанцией много полезного можно извлечь! Я военинженеру Прачику записку напишу. Если вам нужен приказ прямого начальника, то легко организую от самого командира авиагруппы! – привёл я убойный аргумент, не сомневаясь, что Смушкевич встанет на мою сторону.

– Есть! Выполним, чего уж там, – пошёл на попятный старший команды, придавленный авторитетом. – Нам же проще, не искать тот Р-5 невесть где.

Час спустя я уже разговаривал с авиационным комкором, то ли жалуясь ему на пытавшихся меня убить японцев, то ли ругая лётчиков за плохую защиту собственных тылов.

– На грузовике надо было ехать. В кузове, – уел меня Смушкевич, припомнив нашу первую поездку. – Я вот так и делаю. До ближайшего аэродрома, где мой И-16 стоит.

– Был бы я лётчиком-истребителем, было бы подходяще. Но не все же у нас воздушные акробаты, кое-кто и по земле ползает, надо и о них заботиться. Мне вообще непонятно, как японцы смогли отбомбиться по нашим колоннам. При том, что у нас истребители лучше, а в числе мы не уступаем.

– Тайны великой в том нет. Они организовали несколько налётов на переправы небольшими силами. Как я сейчас понимаю, ложных. При появлении наших эскадрилий сразу же высыпали бомбы куда попало, в основном по нашему переднему краю, разворачивались и ухо-

дили на малой высоте. Мы же для отражения каждый раз поднимали не меньше эскадрильи, которая всякий раз, ввязывалась в бой с уходящим противником в невыгодных условиях. Они и зенитные засады против нас организовали, крупнокалиберных пулемётов уйма. Пока вся эта катавасия разворачивалась, основная ударная группа зашла с севера, от озера Буир-Нур, где у нас нет постов ВНОС, на бреющем. Засечь-то её мы всё равно засекли, но почти все машины были уже в воздухе, а те, что на земле, только из вылета вернулись, заправлялись и заряжались. Подняли в авральном порядке девять машин, но толку-то если пара атак и уже садиться надо. Троих сбили, троих потеряли. А всего за утро не меньше двадцати машин. У японцев и половины того нет. Я уж приказ отдал, чтоб за линией фронта не преследовали и атаковали только тех, кто ещё не отбомбился. Так что, на общем фоне, можно считать, вы, товарищ капитан, удачный бой провели. Два И-95 на У-2 разменяли, – мрачно сказал командующий авиацией.

– Вот что бы такого впредь не было, надо иметь в воздухе связь! – сказал я резко. – За тем сюда и летел. Прачик насчитал в двух истребительных полках самолётов со связью на эскадрилью. Машины, говорит, старые, с М-25, но попомните моё слово, товарищ комкор, толку будет больше, чем от новых. Если их в одну группу свести. И перенацелить после взлёта, и обстановку им дать, и между собой они договорятся. А то, как я сегодня видел, только первая атака организованно, звеньями, а дальше – рассыпались и кто во что горазд. Лезут по одному, а японцы их всем кагалом встречают, отсюда и потери. Да наша девятка распотрошить налётчиков должна была! А вместо этого что?

– Тяжело это будет. Старые машины у молодых лётчиков. Если комэска и командиров звеньев на них пересадить, то это, вроде как, понижение получается. Сразу спрашивать начнут, за что такая немилость, – с сомнением отнёсся к моей инициативе командующий.

– Мы в армии, или где? Есть такое слово – приказ! Кроме того, отношение лётного состава можно изменить, если дело обставить как надо. Сказать, что эскадрилья опытная, для отработки тактики управляемого, именно управляемого воздушного боя. И ещё. Морские лётчики давно уж парами в разомкнутом строю летают. Сегодня Чкалов с напарником меня выручили, тоже парой. Любо-дорого было смотреть, как они японца срезали. А вы что? Атакуете тройкой крыло к крылу, японцы развернуться всегда успевают и встретить заградительным огнём. И вы всем звеном под этот огонь влезаете, отсюда и потери. С одиночками ещё хуже. А если парой атаковать, то ведомый истребителей, что хотят ведущему помешать, как раз и срежет. Хотя бы одного, остальные впредь не полезут. И после атаки ведомому за ведущим куда как проще удержаться, чтобы снова потом парой атаковать.

– Морские парами летают, потому, что на их машинах в тройках летать опасно. Да и звено испытателей тоже тройка. Просто И-19 по ошибке солярой заправили вместо керосина и сейчас двигатель ремонтируют. Неизвестно, будет вообще летать или в ящик запакуют и восвояси отправят. Вот Чкалов с Сузи пока вдвоём и гусарствуют, управы на них никакой нет, – пожаловался комкор.

– Но ведь работает же! Почему не попробовать то же самое хотя бы в масштабе эскадрильи? – настаивал я на своём.

– Да ладно, не кипятись. Попробуем. Сам на старичка пересяду и эту эскадрилью в бой поведу, чтоб не роптали. Засиделся на земле, размяться охота. В конце концов, И-16 М-25 по скорости не хуже И-97 и лучше пикирует, а в бой на виражах ввязываться мы не будем. Если станет получаться лучше, чем по действующим наставлениям, распространим шире. Уговорил, – пошёл на попятный Смушкевич, как я подозреваю, именно из-за того, что нашёл для себя повод вырваться в воздух. – А ты, товарищ капитан, как уполномоченный особого отдела, пожалуйста, со Чкаловым разберись. У меня приказ, чтоб с его головы волос не упал, а он на рожон постоянно лезет. Запрещено ему Халхин-Гол пересекать, а он во все драки и в любом месте пытается влезть. И хоть бы предупреждал, что вылетает! Шишь! Узнаю, что испытатели в воздухе, только когда с НП собственными глазами пару остроносых вижу!

– Не понимаю, вы товарищ комкор, командующий авиагруппой или где? Понимаю, Чкалов фигура, но если он плюёт на приказы, то хоть на гауптвахту его заприте.

– Чкалов фигура! Вообще не понимаю, почему я, а не он здесь командует. А ты говоришь, на гауптвахту. Да он вообще мне не подчинён! Поговори с ним, прошу, пока беды не стряслось, – стал уламывать меня Смушкевич. – В конце концов, ты обязан следить, чтобы секретные образцы вооружения и техники врагу не попали. А они попадут, если всё так продолжаться будет.

– Ну, раз так, поговорю. Надо же его поблагодарить, второй раз уже меня выручает, – вздохнул я тяжело, понимая, что сладить с таким неуправляемым человеком как Валерий Павлович будет ой как не легко.

Эпизод 17.

Человек предполагает, а Господь располагает. Эта истина сразу же пришла мне на ум, когда я добрался до точки, где базировались испытатели. Всё-то здесь было по уму. Своя мастерская с выездной заводской бригадой и наблюдателями от КБ Поликарпова, свой тыл, со столовой и баней. Все три истребителя и прочая техника укрыты и замаскированы и даже охрана и ПВО в виде двух счетверённых Максимов присутствует. Но всё это благолепие сразу меркло при одном взгляде на мрачную физиономию самого знаменитого лётчика страны.

– Что невесел, Валерий Павлович? Я к тебе с благодарностью за очередное спасение моей шкуры, а ты вроде как и не рад? – полусерьёзно-полушутя подошёл я к нему, протянув для пожатия руку.

– Отлетался, мотор закоптил. А товарищ Сузи, будто не товарищ, свою машину уступать не хочет. Даже через вылет меняться. Говорил же, чтоб на форсажную кнопку пружину туже ставили!

– Вас, товарищ Чкалов, предупреждали, что пружина на строевых лётчиков рассчитана, а не на вас, – заметил, проходя мимо, невысокий кавказец с петлицами военинженера первого ранга. – Никто не виноват, что силы у вас много.

Сказано всё было вежливо, вот только так и тянуло после этих слов додумать: «в ущерб разуму». Чкалов нахмурился ещё больше, но пока инженер не отошёл, молчал и лишь потом, сплюнув в сторону, буркнул:

– Родственничек…

– Чей? – полюбопытствовал я, чтобы поддержать разговор.

– Микояна, наркома Внешторга. Военпредом был на первом авиазаводе, а как И-163 из серийной машины переделывать стали, так подсуетился, сейчас ведущий конструктор по самолёту и здесь, на выезде, всем заправляет.

– Зря ты его не ценишь, Валерий Павлович. Вон, как у вас здесь всё красиво устроено, даже придраться-то не к чему. Артём Иванович далеко пойдёт, хорошие самолёты делать будет.

– Конечно, с такой-то волосатой лапой! Постой, а вы что, знакомы?

– Нет, но сам понимаешь, где служу, сороки на хвосте приносят помалу.

– Вот ты мне тогда скажи, разве можно делать управление мотором так, чтоб лётчик его запороть мог? В бою-то за всем не уследишь! А он в сектор газа торцевую подпружиненную кнопку вмонтировал, с расчетом, чтобы её долго нажатой удержать нельзя было. Так у всех же руки разные! – стоял на своём испытатель. – К тому же, в моём 163-м именно в форсаже весь изюм! Это вредительство какое-то!

– Вредительство? Ну, раз я уполномоченный особого отдела, то это как раз по моей части. Ведите, товарищ испытатель, к самолёту, на месте будем разбираться, – сделал я вид, что проникся проблемой пилота и очень ему сочувствую.

– Только, Семён Петрович, ты не руби с плеча-то, машина экспериментальная на то и сделана, чтобы на ней все недоработки выявить, – изменился в лице Валерий Павлович, позабыв про свою досаду и опасаясь, как бы я не наломал дров, вернее судеб.

– Пойдём, пойдём, понять, в чём дело, всё равно надо. А выводы делать будем, только когда всех выслушаем, не волнуйся.

– Ну, раз так, то пошли…

Чкаловская машина стояла в капонире под масксетью, дававшей жидкую тень, облепленная механиками, уже снявшими винт, капот и возившимися с арматурой двигателя, чтобы снять его с самолёта. Сейчас, когда все внутренности были открыты обзору, было чётко видно внутреннее устройство и отличия от стандартного И-16. В первую голову в глаза бросался мотор М-63, трёхлучевая шестицилиндровая «К» -звезда, установленная в виде перевёрнутого Y. Слушая пояснения Чкалова, я понял для себя, что это было сделано для того, чтобы избавиться от беды всех советских и многих зарубежных звёзд – стекания масла в нижние цилиндры на холодном моторе. На М-22, 25, 62 и двухрядных М-85/87, масло на стоянке вообще нередко сочилось через головки наружу и его приходилось постоянно доливать. Не говоря уж о пуске и нагаре. Кроме того, в классических карбюраторных звёздах нижние цилиндры хуже питались топливовоздушной смесью. Швецов, поставив впрыск во впускные патрубки, избавился от дисбаланса питания, что сразу дало в прибавку мощности М-25 в сто лошадиных сил, но в большую серию эта модель мотора не пошла, став только ступенькой к М-62 на топливе с более высоким октановым числом и степенью наддува. На М-63 же вопрос был решён радикально. Новый мотор работал на том же топливе, что и предшественник, но, благодаря схеме Кушуля имел совокупную степень сжатия для пары цилиндров, равную двенадцати без учёта наддува. Что позволило получить ту же мощность при меньшем на треть объёме и расходе топлива. Выросшие на 30—40 процентов из-за сокращения внутренних потерь на трение обороты, заставили применить редуктор. Из-за этого, пришлось конструировать новый капот и «тюнингованный» И-16 своей мордой здорово напомнил мне растиражированный на фронтовых фотографиях Ла-5. Трёхлопастный винт изменяемого шага с острым, а не как прежде приплюснутым коком, добавлял сходства ещё больше. Минусом нового движка можно было считать вспомогательное высоконапорное этиленгликолевое охлаждение смежных поверхностей цилиндров, но как показали эксперименты, он сохранял работоспособность и без него на мощности, достаточной для удержания машины на горизонте. Небольшой радиатор, вместе с масляным, был установлен в промежутке между нижними лучами «звезды». К недостаткам также следовало отнести снизившиеся защитные свойства мотора из-за больших промежутков между блоками цилиндров и снизившуюся живучесть по сравнению с М-62. Пробоина в любом цилиндре выключала из работы сразу треть мотора, а если она пришлась в «холодный», то могла привести и к пожару двигателя. Зато вооружение, доведённое до целых шести синхронных ШКАСов, установленное поровну по сторонам от верхнего блока цилиндров, вызывало уважение.

– Но это всё ерунда, – махнул рукой Чкалов. – И-163 быстрее лучшего из И-16 за счёт нового капота и винта всего на тридцать километров. А вот этот, И-163Ф, за счёт форсажа набирает ещё полторы сотни лошадиных сил и два десятка километров скорости! Но больше пяти минут держать его нельзя, движок загадится и потеряет мощность до полного расстройства пилота. Я еле сел, хорошо, что рядом с домом всё случилось.

– Это получается, что И-163Ф до 540-ка разогнать можно? Неплохо… – уточнил я, ломая себе голову, что там за форсаж такой. Как-никак «К» -мотор в этом мире продвинул я и кому как не мне было знать принцип его работы, сильные и слабые стороны.

– Да, почти на восемьдесят километров быстрее, чем новейшие И-97 японские и, наверное, не хуже, чем лучшие европейские истребители последних моделей, – с нескрываемым

удовольствием широко улыбнулся Чкалов. – Правда, форсировать непрерывно можно минут пять, а потом мотору хана.

– Поясни! Не пойму, хоть убей, что там Швецов выдумал, – сдался я и признал своё поражение.

– Э-эх, а ещё инженер-двигателист! – шутя вздёрнул нос Валерий Павлович. – В «К» -моторе, кроме сверхвысокой степени сжатия, что хорошо и что плохо? Заряд сгорает полностью на любом режиме работы при небольшом избытке кислорода. Сколько моточасов его не гоняй, а внутри чисто, как в операционной. А в обычном моторе, на полной мощности, часть топлива сгореть не может из-за недостатка кислорода, да и время на процесс мало. Поэтому, и ресурс у М-63 по поршневой, да и в целом, побольше, чем у М-62 выходит. И экономичность почти как у дизеля. Но не всё от него было взято, не всё. Чтоб достичь потолка мощности, весь кислород сжигать надо, наплевав на нагар и расход топлива. Вот Швецов и поставил дополнительные форсунки на выходе из межцилиндрового канала. В «горячем» цилиндре всё так же сжигается переобогащённая смесь, а когда в него воздух из холодного начинает перетекать, на форсаже в этот поток впрыскивается дополнительная порция топлива. Бензина получается с избытком, перемешивается всё хорошо и кислород выгорает полностью, а вот топливо нет. Копоти! Расход, будто бак прохудился. Зато моща! Зверь машина! Но, долго держать нельзя, иначе межцилиндровый канал нагаром забьётся и наступит конец этому мотору «К», потому, как он никаким «К» уже не будет. А в остальном, всё обычно работает, форсунка впрыскивает чуть-чуть, только чтоб охлаждалась и не пригорала, а остальное сливается в дренаж. Прибавка мощности небольшая есть, но она вся на привод плунжеров и расходуется.

– Непосредственный впрыск, выходит?

– Не, питание комбинированное. Если полностью впрыск ставить, сложно получается. А так форсунка шариковая, нерегулируемый плунжер да дренажный клапан на пару цилиндров, ничего больше и не надо. Цветочки всё это, М-65, вот это ягодка! За полторы тысячи кобыл, тысяча шестьсот пятьдесят! А на форсаже и тысячу девятьсот! Ворота с таким мотором, и те будто ласточка полетят! Товарищ Поликарпов не дожидаясь двигателя уже И-165 вовсю рисует. Машина будет – загляденье. От прежней, считай, только похожее название. Если, конечно, этот самый форсаж одобрят. А я, видишь, получается, подвёл. Мы же сюда специально пару И-163 и 163Ф пригнали, чтоб в реальных условиях их сравнить со всех сторон. Товарищ Сузи теперь один остался. Екатову «головастика» солярой отравили, я двигло запорол, не знаю, смогут промыть или нет.

– В общем, дело, понимаю, не в самом моторе, а в органах управления? Можно в кабину заглянуть? – спросил я, пытаясь подбодрить приунывшего лётчика.

– Отчего нельзя? Залезай, – разрешил Чкалов и первый осторожно поднялся на крыло, прикрытое плетёным из мягких верёвок матом. – только парашют прихвати, вон, с краю лежит. А то сидеть неудобно будет.

Устроившись в показавшейся с непривычки тесной кабине, я нашёл сектор газа и погладил большим пальцем кнопку, торчащую из трубчатой рукояти.

– Можно нажать?

– Погоди, – остановил меня Чкалов и обернулся к механикам. – Управление мотором отстыковали?

Те ответили утвердительно и лётчик, в ответ на мой вопросительный взгляд, утвердительно кивнул, опираясь на борт кабины.

– Время засеки. Скажешь, на сколько меня хватит.

Чкалов глянул на часы, поднял руку и, когда он махнул ей, я стал давить. Кнопка, показалось поначалу, довольно легко провалилась, но чем дальше, тем держать её становилось трудней и трудней. Под конец у меня чуть кисть руки не свело и я решил, что больше не могу.

– Сколько?

– Четыре минуты сорок секунд.

– Я не Геракл, как ты, стало быть для среднего пилота рассчитано правильно. Но вот бороться с ней в полёте, наверное очень неудобно, – вынес я свой вердикт.

– Хуже того, порой так завертится, что вовсе её не замечаешь.

– А ты, товарищ мой дорогой, в отчётах об этом раньше писал?

– Какие отчёты? Я лётчик! Я летаю! Вот прилечу в Москву, там всё сразу и напишу, – отрезал Чкалов.

– Нет, Валерий Павлович, так дело не пойдёт! – возразил я, вылезая из кабины. – Пока ты до Москвы долетишь, у тебя такая каша в голове будет, что важные детали потеряются. А ну, пошли к Микояну.

– Это ещё зачем? – насторожился испытатель.

– У него спрошу, пишет ли он отчёты. Он ведь у вас здесь главный?

После разговора с военинженером я выяснил, что он таки ведёт кое-какие записи, но исключительно «для себя».

– Так дело не пойдёт, – повторил я ещё раз свою мысль. – Не только каждый вылет должен документироваться. Когда, по чьему приказу, с какой целью, погода, воздушная обстановка, действия, замечания по существу, расход топлива и боеприпасов. Всё это имеет огромное значение. Но и на земле, всё, что касается машин, должно фиксироваться. Снимаете сейчас, к примеру, мотор? Значит, пишите, какими силами и сколько времени затратили, опять таки, особые замечания. Всё должно быть на бумаге! Обслуживание машины, заправка, загрузка боеприпасов, сколько техников и оружейников надо на это, устранение, не приведи Боже, боевых повреждений. Как уполномоченный особого отдела я требую привести документы в порядок и ежедневно сдавать их в штаб авиагруппы.

– Да что же это такое! Это я не летать буду, а писаниной заниматься!

– Зато, товарищ Чкалов, сразу будет видно, где вы летали, когда, зачем и по чьему приказу. Пора вашу самодеятельность заканчивать. А то создаётся впечатление, что вы сюда порезвиться да развлечься приехали. За то, что выручил меня, конечно, спасибо. Но исполнения служебных обязанностей я буду требовать неукоснительно и без поблажек. Дружба, как говорится, дружбой, а служба службой. Уж извини, – развёл в стороны руки.

– Смушкевич натравил? – догадался испытатель.

– Он самый. И он прав. Здесь армия, дисциплина. Война, – последнее слово я произнёс отдельно, подняв вверх указательный палец. – Индивидуалисты и хулиганы здесь гибнут в первую очередь. А ответ держать другим приходится. И я не о начальстве говорю. Думал ты, Валерий Павлович, что будет, если М-63, хоть в каком виде, к японцам попадёт? А я тебе скажу. И-165 не ягодкой будет, а в лучшем случае «на уровне», вот так! И значит, не ты, другие, рядовые пилоты наши, реже будут побеждать и чаще гибнуть. На одной чаши весов твоё своеволие, а на другой жизни человеческие. Поэтому будет, как я сказал и точка!

Я развернулся и, не прощаясь, уехал в штаб авиагруппы на той же машине, которая вчера отвозила меня в Тамцак-Булак. День для меня выдался тяжёлый, поэтому я остался в гостях у Булыги. Не чуть не легче оказалось 17-е число и для советских лётчиков. Потери, понесённые утром, оказались не последними. Во второй половине дня японцы вновь произвели имитацию налёта с немедленным уходом за линию фронта при появлении советских истребителей. Эскадрилья И-16, поднятая на перехват, не стала преследовать, и начала патрулирование в воздухе, барражируя вдоль фронта в надежде на новую японскую атаку. Комэск ждал, ждал и дождался. Но в этот раз пожаловали не одномоторные бомбардировщики с эскортом бипланов И-95, а сразу больше двух дюжин новейших И-97, зашедших от солнца и сбивших в первой атаке сразу четверть наших самолётов. В начавшемся коротком, но яростном бою удалось сбить только одного самурая, потеряв ещё двоих «ишаков». С подходом срочно поднятых с аэродромов резервов, группа И-97 прервала схватку, избегая невыгодного для себя соот-

ношения сил, и на бреющем ушла на восток под прикрытием зениток. Наша побитая эскадрилья ушла на посадку, а её сменила свежая резервная. Казалось бы, только-только получен урок, но спустя двадцать минут всё повторилось в точности, только японцев в этот раз было ещё больше. Смушкевич, поднимая подмогу, в этот раз додумался приказать, чтобы возвращались все. Попробовав ещё раз выманить советских истребителей имитацией бомбового удара, и убедившись, что И-16, парировав угрозу, уходят, японцы вывесили другую приманку. Они начали патрулировать над линией фронта шестёркой бипланов И-95, всем своим видом показывая, что прогнали русских и могут летать свободно. Поднятая на перехват очередная наша эскадрилья, едва ввязавшись в бой, сама подверглась атаке превосходящих сил И-97, которые вновь слиняли, как только стало неуютно. Всего за день советские ВВС потеряли больше трёх десятков «ишаков», больше трети всего состава, сбив около десятка японцев. Размен был явно не в нашу пользу, о чём мне с горечью и рассказал Смушкевич.

– А что ты хотел? – спросил я у комкора. – У нас техническое превосходство, японцы на него ответили тактикой и сегодня победили. Потому, что у них связь есть и они координируют действия, а наши пилоты как слепые.

Смушкевич пожал плечами, покивал головой, и, встав, заверил меня:

– Эскадрилью с рациями соберём завтра же. Нет, отставить. Сегодня ночью! Сам поведу, иначе для нас никакого послезавтра в небе уже не будет.

Эпизод 18.

Дни шли за днями, уже начав отсчитывать третий десяток месяца июня 1938 года, а вестей из центра всё не было. Я уж пообвык на войне, занимаясь текущими делами. Жуков сдержал обещание и прислал мне для охраны тыловой базы советских ВВС сверхштатную роту 82-й стрелковой дивизии при единственном лейтенанте, зато численностью в две сотни бойцов, вооружённых одними винтовками. Воинство, конечно, из разряда «на тебе Боже…», даже командир этой сборной солянки Максимов, тоже «доброволец», но успевший закончить институт и получить петлицы лейтенанта запаса, был меньше всего похож на человека военного. Он имел практически одинаковые габариты во всех трёх измерениях и, как большинство людей с излишним весом, отличался покладистым и добродушным нравом. Улыбка, казалось, никогда не покидала его лица, наоборот, придать ему серьёзный вид, стоило лейтенанту Максимову серьёзных усилий. Ни командного навыка, ни авторитета среди подчинённых у него не было. Да и откуда, если он в армии месяц, а до неё работал технологом в пищевой промышленности? Повар, с которым на данном этапе кашу не очень-то сваришь. Пришлось лично браться за учёбу, приводя роту и командира в боеспособное состояние и самому организовывать охрану и комендантскую службу. С вооружением помог военинженер Прачик, приказавший своим техникам сварить из моторам битых списанных самолётов и дисков колёс импровизированные зенитные пулемётные установки из снятых с Р-5 крыльевых ШКАСов. На некоторых таких машинах их стояло аж по восемь штук, совершенно не нужных и даже вредных для действий ночью. Кольцевые прицелы для турельных пулемётов также нашлись в запасах базы. С двумя десятками спаренных ЗПУ, каждая из которых по огневой мощи превосходила счетверённый Максим, мы получили неплохую защиту от атак с малых высот, которые последнее время практиковали японцы.

Разобрался военинженер и со связью, накатав грандиозную рекламацию в Казань. Я, со своей стороны, также дал делу ход по линии наркомата внутренних дел. История по нынешним временам, к сожалению, типичная. В Москве единственный в СССР радиозавод, выпускающий и танковые, и самолётные и переносные радиостанции. В авиации, в первую голову, обеспечиваются машины НК ВМФ. Понятно, над морем без радиосвязи не особенно полетаешь. Им ещё и радиополукомпасы полагаются. А дальше начинают играть роль близость про-

изводителей и потребителей, личные контакты директоров предприятий. Пока И-16 строились в Москве, радиостанции, пусть далеко не в каждом случае, на борт попадали и принимались военной приёмкой, проверялись в работе. Но после переноса выпуска И-16 в Казань, поставок с Московского радиозавода туда практически не было. Самолёты стали принимать по критерию летает-стреляет, а связь уже никто не проверял и они так и шли в войска без раций, которые потом предполагалось установить непосредственно в полках. Освоение серии и без того вызывает проблемы с качеством, а здесь, на экранировании, которое никем не контролировалось, стали ещё и экономить, упрощая машину ради удешевления себестоимости. Рабочих Казанского авиазавода понять можно, это напрямую увеличивало их доход. Но когда, с началом конфликта с Японией, в полки срочно доставили рации и поставили их на истребители, пользоваться связью оказалось невозможно.

Тем не менее, одна эскадрилья со связью – это не так уж и мало, если ей разумно распорядиться. Сформировать её за ночь, перебросить машины между площадками, пересадить лётчиков, у Смушкевича за ночь не получилось. Поэтому восемнадцатого числа, пока шла реорганизация, японцы хозяйничали в небе, бомбя переправы и даже тыловые колонны. Зато девятнадцатого комкор лично преподал им подобающий урок. Направив «глухую» эскадрилью на перехват вывешенной с утра японской приманки, он не стал дожидаться развития событий, а практически сразу поднял в воздух все свои истребительные силы, собрав их в одну группу и, возглавив её, стал барражировать в отдалении на юге. Как только японцы попытались большими силами атаковать наш передовой отряд, тут же бросился на помощь. Самураи не ожидали такого быстрого подхода русских подкреплений и прозевали сокрушительный удар, сразу понеся большие потери. В последующем бою «старички» с М-25, которые в противоположность иным, и нашим, и японцам, дрались парами, прикрывая друг друга, также проявили себя очень хорошо, так расчихвостив японцев, что те до вечера больше не появлялись. Пошатнувшееся было, превосходство советской авиации в небе над Халхин-Голом было восстановлено. Борьба за него перешла из плоскости количества и качества машин, индивидуальной подготовки лётчиков в плоскость тактики. И здесь мне также удалось сказать своё слово, надоумив командующего авиагруппой эшелонировать силы по высоте, чтобы срезать наглецов, пытающихся поймать выходящих из атаки наших истребителей. Пришлись ко двору и «качели», которые в эталонном мире изобрёл Покрышкин во время воздушной битвы за Кубань. С применением этого метода контроля воздуха японцы, не имевшие превосходства в скорости даже над И-16 с М-25, которые, к тому же, не могли разгоняться на пикировании из-за слабой прочности своих машин, лишились вообще всякой возможности внезапно атаковать наши патрули. Что раньше частенько проделывали, пользуясь плохим обзором из кабины И-16 назад, усугублённым ещё и тем, что здесь, благодаря работам по теме «кабина», «ишаки» летали с закрытым фонарём, бывшим весьма тесным.

Не пропал даром и трофейный истребитель И-95. На нём, всего-навсего, оказался перебит патрубок от двигателя к радиатору и Чкалов, после исправления повреждений, не упустил возможности «подлетнуть», пока его собственный И-163Ф ремонтировался. Выявить сильные и слабые стороны противника, пощупать его технику собственноручно – большой шаг к пониманию, как его лучше бить. А вот разведку на «перебежчике» Смушкевич, опасаясь за жизнь знаменитого пилота, категорически запретил. Пошла в дело и снятая с истребителя радиостанция. Её, приставив переводчика, установили на КНП командующего авиагруппой, превратив в станцию радиоразведки.

На земле же на некоторое время установилось затишье. Особая армейская группа собрала практически все свои силы, не хватало только третьей бронебригады из состава Восточно-Туркестанского корпуса. Но трактора, конные обозы, всё ещё находились на марше. Не была подвезена значительная часть материальных запасов. Особенно это касалось артснарядов, авиабомб и топлива. Не имея, чем стрелять в достатке, средств тяги корпусной артиллерии, соляра и бен-

зина для широкого маневра, Жуков выжидал, заменив на плацдарме десантников и бойцов стрелково-пулемётных батальонов двумя дивизиями 57-го корпуса. 6-я бронебригада очень удачно «подпирала» их огнём и маневром на восточном берегу Халхин-Гола так, что японские локальные атаки, производимые частями противостоящей 6-й дивизии, практически прекратились. Но экипажи наших БА совсем не думали отлынивать от войны. Стрельба из-за укрытия с дальней дистанции по заранее разведанным целям стала любимым их развлечением. Выставив из-за бугра только пушку и верхнюю часть башни, они уничтожали пулемётные гнёзда, позиции противотанковой артиллерии, командные и наблюдательные пункты. Японцы пытались достать их из пушек прямой наводкой, но добивались лишь того, что «светили» свои огневые, а за бугром, вместо одной, поднималось сразу пять, а то и полтора десятка бронебашен, которые после каждого выстрела скрывались, чуть откатываясь назад и вниз на время перезарядки. Не зевали и наши миномётчики, дивизионная и бригадная артиллерия, в «тепличных» условиях постигая науку поражать малоразмерные цели с закрытых позиций. Японцы, видя, что проигрывают такие огневые дуэли и теряют в неравных схватках дефицитные орудия прямой наводки, нужные для отражения танковых атак, стали в ответ даже на одиночные выстрелы из БА-11 сразу накрывать весь участок за грядой песчаных валов огнём артиллерии, среди которой вдруг обнаружились и тяжёлые калибры. Одновременно, в отместку, японцы взялись обстреливать из дальнобойных пушек районы переправ через Халхин-Гол.

Всё это подняло войну в воздухе на новый уровень. БА-11 6-й бронебригады провоцировали японцев на открытие огня и теперь уже советские СБ, имевшие достаточно времени, чтобы попрактиковаться в тылу в бомбометании с пикирования, прорывались к батареям с целью их уничтожить. Японцы, лучшие истребители которых с трудом могли догнать гружёный СБ, сами теперь были вынуждены держать в воздухе патрули, чтобы атаковать советские бомбардировщики в лоб. На них, в свою очередь, охотились советские группы расчистки воздуха и всё та же радиофицированная эскадрилья, наводимая с земли, понемногу пополняемая за счёт бывших в ремонте и доведённых до ума в части экранирования помех машин. С началом действий советских бомбардировщиков днём, обозначила своё присутствие зенитная артиллерия, которой у японцев было довольно много. Но большинство этих средств было расположено во второй линии обороны с тем расчетом, чтобы габаритные орудия не были заранее обнаружены и могли встретить огнём советские танки. Батареи тяжёлых орудий, располагавшиеся дальше в японском тылу, оказались слабо защищены от ударов с воздуха. Если не считать всё тех же многочисленных зенитных пулемётов. Из-за них СБ, применявшие на маршруте для уклонения от огня 75-миллиметровок противозенитный маневр, пикировали с высот около четырёх километров не ниже, чем до двух. В целом, эффективность ПВО японцев оказалась довольно низкой, но и точность бомбометания у нас, из-за большой высоты сброса, оставляла желать лучшего. Подавить батареи получалось, а вот уничтожить орудия прямыми попаданиями – пока нет. Но 22-го июня позиционная война закончилась.

Эпизод 19.

К вечеру 21-го числа я получил в штабе армейской группы долгожданный ответ из центра. Вскрыв пакет, я прочёл на бланке телеграммы: «Капитану Любимову ничего не предпринимать. Ждать прибытия начальника ГУГБ, комиссара ГБ 3 ранга тов. Меркулова, для решения на месте». На том же посыльном самолёте привезли приказ, доведённый до личного состава армейской группы утром 22-го июня 1938 года. В нём говорилось, что с четырёх часов утра Советское государство объявляет войну Маньчжоу-Го, с территории которого ведутся неспровоцированные агрессивные действия в отношении Союза ССР. Армейской группе ставилась задача разгромить противостоящего противника и выйти двумя бронекавалерийскими корпусами в тыл Хайларской группировке и отрезать ей пути отступления через Большой Хинган.

В тот же день РККА в составе Приморского, Амурского и Забайкальского фронтов под общим командованием прибывшего из Москвы для руководства Дальневосточным направлением маршала Будённого, перешла в общее наступление, нанося удары вдоль железных дорог и реки Сунгари. За время мобилизации силы СССР на Дальнем Востоке, частью развёрнутые на месте из существующих дивизий методом «тройчаток», частью подвезённые из глубины страны, частью сформированные с нуля, значительно увеличились. Фактически, от Байкала и восточнее были призваны все способные держать в руках оружие, невзирая на военную подготовку или её отсутствие, за исключением имеющих «бронь» рабочих оборонных заводов. Одних только стрелковых дивизий было развёрнуто полсотни. Может, качество этих войск и оставляло желать лучшего, зато они были отлично вооружены. В трёх танковых корпусах насчитывалось 1400 танков Т-34 и БТ, в 20 корпусных танковых бригадах непосредственной поддержки пехоты имелось по сотне Т-26М и, как, например в 57-м СК, Т-126. Сюда же следовало посчитать и две тысячи бронеавтомобилей БА-11 в составе двух бронекавалерийских корпусов группы Жукова и бронерот разведбатов стрелковых дивизий. Ударные машины сопровождали 720 самоходных 122-миллиметровых гаубиц, в подавляющем большинстве гусеничных СУ-5 на шасси пехотных танков. Всего более шести тысяч бронеединиц. Если не считать двух бригад бронепоездов. Имелся и неубиваемый козырь в виде батальона в составе тридцати одного танка КВ-1 и десятка штурмовых орудий КВ-2. Эту стальную армаду с воздуха прикрывали три тысячи самолётов, треть из которых были истребителями И-16 и И-18, а среди бомбардировщиков было до пяти сотен СБ и СБ-М и полторы сотни ББ-1, одномоторных пикировщиков Немана. В «первой линии» также находились переброшенные с запада два полка дальней авиации, один на ТБ-7, второй, для сопровождения бомбардировщиков, на И-19. Остаток составляли самолёты устаревших типов, ТБ-3, ТБ-1, Р-5 и У-2, предназначавшиеся для решения транспортных задач и действий ночью. Артиллерия действующей армии превышала семь с половиной тысяч стволов от 76-мм и выше, вплоть до 203-миллиметровых Б-4 и 180-миллиметровых Бр-21, не считая морских орудий береговой обороны.

Квантунская армия тоже была значительно усилена. Число её дивизий с мая месяца увеличилось с восьми до двадцати одной, но это оказалось пределом по запасам вооружения. Экономика Японии была не в состоянии одновременно содержать и третий в мире флот и мощную сухопутную армию, воюющую, к тому же, ещё и в Китае, поэтому, даже имея людские резервы, нельзя было направить их на фронт. Разве что – в виде маршевых пополнений, вооружённых одними винтовками, да и то не всегда. Из пятисот бывших в распоряжении Квантунской армии самолётов, всего несколько десятков были новых моделей, да и те все были стянуты ещё с мая под Халхин-Гол, потому как на Хасане действовала советская морская авиация на И-18. Ветераны бывшей 24-й эскадрильи ЧФ, преобразованной в 7-й ИАП ВМФ СССР и переброшенной с началом конфликта на восток, играли там «первую скрипку», подтягивая за собой «коренные» авиачасти флота. Они с первых дней жёстко пресекли попытки японцев летать в Хасанском небе, не понеся при этом, совсем никаких потерь. Про японские же танковые части, насчитывающие после неудачных для них боёв едва ли сотню машин, которые не шли ни в какое сравнение с советскими, вообще нельзя было говорить всерьёз. Тем не менее, японское командование, видя сосредоточение советских сил, совсем не собиралось пассивно ожидать удара и предприняло действия с целью улучшения своего положения, которые и привели к большому сражению 22-го июня на реке Халхин-гол.

Приказ о начале войны и общем наступлении не застал комкора Жукова врасплох. Он уплотнил порядки наиболее подготовленной 57-й дивизии напротив высот Зелёная и Песчаная, намереваясь сокрушить мощным ударом центр японцев и выйти им в тыл. Замысел атаки строился именно на техническом превосходстве. В первом эшелоне должна была идти 57-я корпусная танковая бригада, вооружённая Т-126 с противоснарядной бронёй. Поскольку эта модель советского танка позволяла перевозить в десантном отсеке четырёх бойцов, то

вместо стрелково-пулемётного, в её составе было два танкодесантных батальона, численностью около двухсот человек каждый. Причём бойцы были вооружены ППШ вместо винтовок, поскольку с ними в танке было просто не развернуться. Около девяти часов утра, когда солнце поднялось повыше и ушло в сторону, не било своими лучами прямо в глаза атакующим, заговорила советская артиллерия, обрабатывая японский передний край. Запас снарядов был невелик, поэтому артподготовка продолжалась всего полчаса и завершилась залпом РС, после чего пушки и гаубицы, как по учебнику, перенесли огонь вглубь и на фланги, изолируя район атаки. 57-я ТБ, развернувшаяся в одну линию на двухкилометровом фронте, устремилась вперёд через проделанные проходы в минных полях. Впрочем, могли идти, не обращая на них внимания, поскольку мы противотанковыми минами не баловались, а японские, и противопехотные, и противотанковые, имели взрыватель с замедлителем и были неэффективны, срабатывали, когда цель уже ушла. Пройдя мины, танки врубили термодымовую аппаратуру, нейтралку стало затягивать непроглядной белой пеленой. Японцы, подумав, что за танками в дыму скрывается пехота, ударили из всех уцелевших стволов и поставили мощный заградительный огонь. Из окопов перед высотами, с их склонов, стреляло всё, что только могло, вплоть до 70-ти миллиметровых батальонных гаубиц, пытавшихся сбить гусеницы и, если не уничтожить, то хотя бы остановить русские танки. 57-я бригада в этом аду хладнокровно продвигалась, не слишком торопясь, чтобы не разрушать иллюзию и успеть поразить, в движении и с коротких остановок, как можно больше целей. Последнюю сотню метров до позиций самураев Т-126 шли уже выключив ТДА. Когда до японских траншей оставалось меньше пятидесяти метров, прорвав проволочные заграждения, машины приостановились и высадили десант, забросавший обороняющихся гранатами, некоторые из которых содержали четыре кило взрывчатки. В считанные секунды он оказался у самураев над головами, поливая всё вокруг очередями из ППШ. Для японцев, уж было подумавших, что пехоту удалось отсечь и приготовившихся встречать танки бутылками, это было полной неожиданностью, поэтому схватку за первую траншею они проиграли. В небо взвились сигнальные ракеты и в атаку, наращивая силы, поднялся полк 57-й дивизии, броском через ещё не развеявшуюся дымзавесу преодолевший расстояние до вражеских позиций. Танки, между тем, ушли вперёд, обходя высоты с флангов, прорываясь через седловину между ними, чтобы достичь огневых позиций врага и расправиться с его дивизионной артиллерией, но наткнулись на зенитки во второй линии обороны и впервые понесли чувствительные потери. До этого из строя было выведено всего четыре танка, только одному из которых 75-миллиметровый снаряд пробил щиток мехвода и разорвался внутри, остальные отделались сбитыми траками. А здесь расплатиться пришлось сразу десятком машин. Танковая бригада, прикрывшись дымом, отошла на соединение со своей пехотой. Чтобы продвинуться дальше, была необходима поддержка артиллерии. Пришлось почти до вечера ждать, отражая контратаки, пока 57-я дивизия не зачистит высоты и не разместит на их вершинах свои наблюдательные пункты.

Наступление Жукова развивалось как по нотам, но к вечеру стало понятно, что что-то пошло не так. Служба ВНОС, разжившаяся на днях телефонным кабелем, ещё с утра начала тянуть проводную линию на гору Баин-Цаган, чтобы развернуть там дополнительный наблюдательный пост. Эта высота располагалась на западном берегу реки на нашем левом фланге далеко за пределами плацдарма и должна была быть занята 3-ей Монгольской кавдивизией. На подходе к Баин-Цагану медленно едущая полуторка связистов с загруженной в неё большой катушкой, попала в засаду и была расстреляна из пулемётов и малокалиберной артиллерии. К счастью для Жукова, нескольким бойцам за дымом горящей машины удалось уйти и у них оказался телефонный аппарат, который был немедленно подключен к только что проложенной линии. Известие вызвало в штабе армейской группы переполох, но там успокоились, связавшись с 3-ей кавдивизией, шачштаба которой заверил, что всё спокойно и берег контролируется по-прежнему. Если бы не Смушкевич, поверивший своим связистам, что перестрелка была

именно с японцами, а не со «своими» монголами и пославший к Баин-Цагану воздушного разведчика, вообще неизвестно когда в штабе узнали бы, что японцы создали на западном берегу плацдарм. Летал И-163 из звена испытателей, поскольку СБ, все без остатка были задействованы для поддержки наступления. Сузи над Баин-Цаганом встретили интенсивным зенитным огнём, но он, отчаянно маневрируя, сумел рассмотреть в тени берега переправу и большие массы войск перед ней, о чём и доложил после посадки.

Жукову стало понятно, что продолжая своё наступление против старого противника – 7-й японской пехотной дивизии, он проспал подход свежих сил, которые укрепившись на западном берегу Халхин-гола, могли нанести удар вдоль реки, где всхолмлённая, заболоченная в низинах местность была неблагоприятна для маневра бронемашин, в направлении Хамар-Даба и отрезать 57-й корпус от тыловых баз. Поэтому он бросил на ликвидацию плацдарма, даже не разведав его, 1-й Монгольский бронекавалерийский, в командование которым вступил комдив Потапов, потребовав атаковать, невзирая на потери. Понятно, что горные склоны – не лучшее место для основной ударной силы корпуса, бронеавтомобилей, не говоря уж о японских окопах, но делать было нечего. Нельзя дать врагу прочно зарыться в землю. 1-й БКК, между тем, находился в весьма растрёпанном состоянии. 3-я бронебригада, шедшая из Синьцзяна, остановилась после дневного марша в пятидесяти километрах восточнее Тамцак-Булака. 4-я располагалась в степи севернее Баин-Цаган, ближе всего к объекту атаки. Но её стрелково-пулемётный батальон, недавно отведённый в тыл с нашего плацдарма, стоял в районе Хамар-Даба. 4-я Монгольская кавдивизия была ещё севернее бронебригады, а 3-я – вообще неизвестно где. Именно она должна была держать Баин-Цаган, но, как выяснилось позже, не имея окопов была обстреляна японской артиллерией и, понеся потери, отошла на запад. Такое случалось уже не в первый раз, но обычно цирики ночью возвращались на свои позиции. Именно в надежде на это комдив 3-ей и не стал докладывать в штаб корпуса о своём отходе. На монгольскую конницу надежд было мало, поэтому Жуков выдернул с южного фланга 5-ю бронебригаду, которая, проходя через район Хамар-Даба, должна была взять на броню выведенную туда с плацдарма пехоту, три стрелково-пулемётных батальона и две авиадесантные бригады, которые получили соответствующие приказы.

При такой подготовке атаки, по сути, полном её отсутствии, ночное сражение за Баин-Цаган вылилось в серию нескоординированных ударов по японцам с разных направлений. Самой первой, подсвечивая себе только осветительными ракетами, в японские траншеи, которые противник успел вырыть и хорошо замаскировать, влетела 4-я бронебригада. БА-11, конечно, мог пройти над окопом, но для этого водитель должен был быть виртуозом. Много машин нырнули передними мостами и потеряли способность двигаться. Их экипажи, частью вели огонь с места, частью спешились и приняли бой с вражеской пехотой. Другие машины или маневрировали под шквальным огнём противотанковой артиллерии, вынужденно подставляя борта, или всё же прорвались дальше, но подняться на склоны не смогли. Костры от горящих бронемашин послужили хорошим ориентиром для 3-ей кавдивизии, которая, спешившись, выручила попавшие в критическую ситуацию броневики. Японцы, стремясь вернуть утраченные позиции и восстановить положение, тут же предприняли мощную контратаку. Всё висело на волоске, но подоспела 4-я кавдивизия и в передовых траншеях у подножия, удалось удержаться.

Возможно, следующей контратаки 1-й Монгольский бронекавалерийский корпус и не выдержал бы, но во второй половине ночи с юга в атаку пошла 5-я бронебригада. Имея меньше полутораста БА-11, два десятка самоходных гаубиц и ни единого грузовика, она смогла взять на броню только мотострелков. Десантники же вынуждены были догонять пешком и прибыли к месту событий поздним утром, одновременно с 3-ей бронебригадой. За ночь вражеский плацдарм удалось только заблокировать, но с прибытием свежих сил, после бомбового удара Смушкевича, Потапов предпринял новый штурм высоты, с трудом продвигаясь к вершине.

Взятые пленные показали, что на Баин-Цагане дерутся два полка свежей 23-й пехотной дивизии, ещё один полк которой застрял на восточном берегу перед разбитой советскими лётчиками переправой. Воздушное сражение над горой развернулось грандиозное, японцы дрались отчаянно, не останавливаясь перед тараном, лишь бы не допустить наши бомбардировщики к целям. Зенитная артиллерия будто сорвалась с цепи, лупя прямо в клубок дерущихся истребителей, раздавая и своим и чужим.

К вечеру 23-го числа, благодаря численному и огневому превосходству, пять расчётных полков против двух и только танковых пушек под четыреста стволов, против полусотни всех японских, Потапову удалось подняться на вершину. Но сопротивление врага отнюдь ещё не было сломлено и вымотанные непрерывным 24-часовым боем войска остановились. В этот момент в штаб армейской группы пришло сообщение от командира 1-й Монгольской кавдивизии о том, что противник занял крупными силами Большую Песчаную высоту на южном фланге. История с 3-ей кавдивизией повторилась в точности, с тем только отличием, что тут комдив, попытавшись вернуть позиции и наткнувшись на врага, сообщил об этом сам. Для Жукова это был удар под дых. Если раньше он и надеялся ликвидировать фланговую угрозу и продолжить своё наступление, то теперь об этом нечего было и думать. В резерве оставалась 6-я бронебригада на плацдарме, машины которой использовались для буксировки дивизионной и корпусной артиллерии, поскольку все тягачи были брошены в степь на подвоз запасов. Она насчитывала немногим больше сотни БА-11 и шестнадцать самоходных гаубиц, что примерно соответствовало безвозвратным потерям техники, понесённым при штурме горы Баин-Цаган. Атаковать на южном фланге такими силами немедленно нечего и думать. Надо было выводить из боя танковую бригаду, снимать с плацдарма пехоту или ждать, когда высвободятся силы на севере. К тому же, захваченные на Баин-Цагане пленные и документы показали, что армейской группе противостоит не одна дивизия и не две, а целая 6-я армия генерала Огису, состав которой был неизвестен. Нужна была пауза для перегруппировки войск и подвоза боеприпасов.

Но японцы придерживались другого мнения. Переправив на западный берег элитную 1-ю дивизию императорской армии, с утра 24-го июня начали наступление вниз по течению во фланг и тыл советскому плацдарму. Они шли, держась в пойме и оставляя фланговое охранение по возвышенностям на её краю, чтобы не подставляться под удар советских бронебригад. Прошедшие накануне дожди превратили долину Халхин-Гола в сеть болот, небольших бугров и гряд, которые с помощью сапёров успешно преодолевала пехота, но совершенно непригодных для передвижений броневиков. В то же время в степи промокший песок уплотнился, не сыпался и не поднимался тучами пыли в воздух, делая езду лёгкой и приятной.

6-я бронебригада, насчитывающая около ста двадцати бронемашин, усиленная двумя разведбатами дивизий 57-го корпуса, имевшими и ещё три десятка БА-11, но не с 76-миллиметровыми пушками, а с «сокрокапятками», в ночь на 24-е переправилась на западный берег. Но остановить продвижение японцев по труднодоступной местности не смогла. Её наскоки на фланг всякий раз натыкались на организованный огонь прямой наводкой из укрытий противотанковой и дивизионной артиллерии. Жуков, чтобы перекрыть пойму на левом берегу, приказал снять с плацдарма стоявший во втором эшелоне полк 82-й дивизии, но Огису, предвидя такое развитие событий, приказал своей 7-й дивизии, получившей маршевые пополнения и восполнившей потери, атаковать и связать советскую пехоту боем. И, надо сказать, что положение на плацдарме сразу стало критическим. Боеприпасы у советской артиллерии и миномётов были на исходе, благодаря чему на первый план вышло стрелковое оружие и «устаревшая» японская тактика вновь стала работать не только вокруг высот Песчаной и Зелёной, где местность была изрезана траншеями и ходами сообщения вдоль и поперёк, но и правее, перед фронтом 82-й дивизии.

25-го числа, едва успевший занять позиции и кое-как окопаться 245-й стрелковый полк, перекрывший долину от левого берега немного выше по течению высоты Нурен-Обо до болот южнее озера Сумбурин-Цаган-Нур, был атакован. Со стороны японцев это была, по сути, разведка боем, действовало не более двух батальонов, но «добровольцы» справились с трудом. В этот же день, протащив через пойменные болота и переправив на левый берег Кунг-чулингскую танковую бригаду, Огису прикрыл ею степной фланг 1-й дивизии. Комбриг, генерал-майор Ясуока, имел в своём распоряжении в составе 3-го танкового полка 26 средних «Оцу», четыре «Чи-ха» и десяток танкеток, а в составе 4-го 35 лёгких «Ха-го», восемь средних «Ко» и три танкетки. Разведка бригады располагала двумя десятками броневиков. Всего, включая командирские машины, до 110 единиц. Конечно, японская броня не шла ни в какое сравнение с советской и могла повредить последней, разве что, подойдя в упор. Но противник сделал правильные выводы из первых неудачных боёв и нашёл решение проблемы. Кроме мотопехоты и собственного моторизованного артполка, бригаду сопровождал полк 75-мм пушек последней модели из резерва Квантунской армии. Всего 72 современных дивизионных орудия, способных вести огонь по подвижным целям прямой наводкой, не считая, собственно, противотанковых 37-миллиметровок. Орудия буксировались с передками непосредственно танками и при появлении БА-11 тут же разворачивались для отражения атак.

Первыми «на зуб» японцам попали 1-я и 2-я Монгольские кавдивизии, под покровом темноты вышедшие к Большой Песчаной высоте в тылу японцев с целью на рассвете внезапно атаковать. Эффект внезапности вышел прямо противоположный ожидаемому. В течение нескольких часов конница 2-го Монгольского бронекавалерийского корпуса была уничтожена практически полностью. Уцелели считанные десятки цириков. И то, только благодаря тому, что подоспевшая 6-я бронебригада, в свою очередь, атаковала широко расползшихся, увлечённых преследованием, японских танкистов. Впрочем, для экипажей БА-11 новая тактика врага стала неприятным сюрпризом и они, понеся чувствительные потери, причинив, при этом, мало вреда противнику, вынуждены были отойти. Японские пушки на плоской равнине, где негде было укрыться, открывали огонь с полутора-двух километров и имели куда большую скорострельность, чем башенные орудия. Хоть 6-я и навострилась на плацдарме бить врага издалека, но с места и из-за укрытия. Здесь же тот, кто останавливался, сразу превращался в лёгкую мишень. К тому же, понимание, что выбивать, в первую очередь, надо артиллерию, а не танки, пришло не сразу. В результате получился размен не в нашу пользу, восемь танков на два десятка бронеавтомобилей.

Именно в это время в штабе армейской группы стали паниковать. Во всяком случае, я получил приказ организовать в забитом ранеными Тамцак-Булаке, круговую оборону, используя все оказавшиеся под рукой тыловые части. Было понятно, что с утра 26-го Огису, обеспечив фланг и сосредоточив против 245-го полка всю 1-ю дивизию, нанесёт удар по Хамар-Даба, до которой было всего около десятка километров, выйдет в тыл нашему плацдарму и перережет не только южную, но и центральную переправы. На севере, тем временем, 1-й бронекавалерийский корпус с приданными частями, только заканчивал полное уничтожение японцев, которые, чтобы не отступать и связать русских как можно дольше, взорвали у себя за спиной переправу, и находился в растрёпанном состоянии почти без боеприпасов. В трёх бронебригадах, действующих у Баин-Цагана, вместо штатных шестисот, осталось едва две сотни броневиков. Четыре стрелково-пулемётных батальона впору было сводить в роты. Монгольские кавдивизии превратились в полки, а десантные бригады с пяти батальонов сократились до трёх.

Чтобы не допустить катастрофы, Фекленко был вынужден вывести из боя 57-ю танковую бригаду, перебросить её на левый берег и подпереть 245-й полк. Жуков же потребовал от Смушкевича, если не уничтожить, то хотя бы задержать ударную группировку врага. Между тем, возможности у командующего авиацией были весьма небольшие. От 22-го и 70-го ИАП после тяжёлых боёв осталось по эскадрилье, а бомбардировщики израсходовали практически

все боеприпасы. У самураев, правда, дела в воздухе обстояли ничуть не лучше. Их авиачасти «сточились» почти полностью и весь день 25-го июня в небе не появлялись. Это позволило направить для удара по танковой бригаде противника эскадрилью Р-5 с последними пятьюдесятью «экспериментальными» парашютными бомбами. Она, хоть и нанесла потери противнику, но остановить его не могла и сама недосчиталась четырёх бомбардировщиков от интенсивного пулемётного огня. Более успешно действовала группа испытателей, в которой все машины успели отремонтировать и ввести в строй. И-19 с установленной на нём мотор-пушкой АМ-38 и забронированной кабиной пилота, потерял свою исключительную дальность и 600-километровую скорость, зато приобрёл рекордную огневую мощь. Его основное оружие, дополненное двумя пристрелочными ШКАСами, било секундными очередями по полсотни 14,5-миллиметровых пуль, а боезапас в триста патронов позволял, в теории, сделать шесть заходов на цель. На практике в одной атаке, особенно поначалу, отстреливалось по 2—3 очереди, что позволяло привозить из каждого вылета пару-тройку сожжённых танков. Восстанавливать и ремонтировать самураям там было уже нечего. Тонкая противопульная броня выламывалась градом одновременных попаданий целыми кусками, внутренние механизмы сразу превращались в металлолом, практически всегда воспламенялись или взрывались боеприпасы. Понятно, что выжить экипаж мог где угодно, но только не внутри машины. Как ни странно, даже увидев в небе самолёт с характерным распухшим носом, танкисты упорно оставались под бронёй, пытаясь сорвать атаки маневром, и несли тяжёлые потери. Но единственный И-19, даже выполнивший за день целых восемь вылетов и разваливший два десятка танков, радикально на обстановку повлиять не мог. Кунгчулингская танковая бригада, всё ещё имевшая более шестидесяти бронемашин, заменяла их в качестве пушечных тягачей простыми грузовиками и продолжала медленно теснить 6-ю бронебригаду, искавшую способ борьбы с танково-артиллерийским «симбиозом». Экипажи БА-11, с дальней дистанции, стали вести огонь по развернувшимся пушкам осколочно-фугасными боеприпасами, установив взрыватели на большое замедление. Снаряды, рикошетируя от земли, взрывались в воздухе, компенсируя, в некоторой мере, ошибки в прицеливании и выкашивая расчёты. Японцы ответили тем, что стали прятать пушки за бортами танков и, благодаря наличию в бригаде большого количества пехоты, сразу же укреплять огневые мешками с песком. 6-я бронебригада, в свою очередь, стала окапывать и маскировать машины, поджидая японцев в засадах. Те ответили, применяя тяжёлую артиллерию, из-за которой капониры приходилось бросать. Нам противопоставить было нечего, в артполку было всего по паре выстрелов на гаубицу, оставалось только как можно медленнее отступать.

26-е июня стало кульминацией битвы на Халхин-Голе. Японцы предприняли общее наступление на позиции 57-го корпуса, сосредоточив главные усилия на западном берегу в направлении Хамар-Даба. К удивлению обеих сторон, 245-й полк, который уже стали обходить и обстреливать в правый фланг через болото японские танкисты, удержался. «Добровольцы» 82-й дивизии, не умевшие даже толком стрелять, не говоря уже обо всём остальном, почти не имевшие никакой поддержки советской артиллерии, тем не менее, проявили лучшие качества русского солдата. Они проигрывали перестрелки на дальних дистанциях, позволяя японцам сосредотачиваться перед фронтом, но всякий раз, когда те бросались в атаку, из перепаханных снарядами окопов поднимались полуоглохшие, засыпанные песком бойцы и встречали врага пулей, штыком и гранатой. Едва самураям удавалось зацепиться за наш передний край, как их тут же выбивали бесхитростными конратаками в полный рост и под крики «Ура!». В ближнем бою, несмотря на численное превосходство противника, победа всякий раз оставалась за уральцами, которые и в самом деле просто не умели отступать. Неизвестно, как повернулось бы дело, не будь вчерашнего боя с передовыми японскими отрядами, но сейчас, поняв, что азиатов можно бить и как это делать, полк держался за свою полосу обороны мёртвой хваткой, не смотря ни на какие жертвы. Не менее яростные атаки велись противником и на осталь-

ном протяжении обороны 57-го корпуса. Самураи бились как волны в скалу и их генералам самое время было вспомнить Порт-Артур, в ходе обороны которого каждый русский сразился с четырьмя японцами и двух из них убил.

Жуков, видя что Кунгчулингская бригада обходит 245-й полк, ставя его в исключительно тяжёлое положение, бросил против неё в бой 57-ю танковую бригаду, в которой ещё оставалось шесть десятков и исправных машин, и 6-ю бронебригаду с сотней бронеавтомобилей, приказав атаковать до тех пор, пока не раздавят врага в буквальном смысле. Лавина советской бронетехники, развернувшись на широком фронте, покатилась вперёд с северного и западного направлений. Более быстрые БА-11, разогнавшись до 80 километров в час, неслись по степи навстречу вспышкам, отчаянно маневрируя под огнём и наобум поливая перед собой из пулемётов и пушек со слабой надеждой на попадания, лишь бы не молчать в ответ. За считанные минуты сократив дистанцию, они, как стадо носорогов, вломились на огневые противника, навалились на его правый фланг, ведя огонь в упор, тараня танки и пушки, и сами горя от выстрелов с пистолетной дистанции и бутылок с зажигательной смесью. Следом за ними до японской бригады дорвались и наши танки, принявшись перемалывать самурайское железо и кости, накручивая солдат на свои гусеницы. В таком бою, которым невозможно управлять, когда враги и спереди, и сзади, и вообще, со всех сторон, когда всё кругом горит и взрывается, а между пылающими остовами и раздавленными пушками мечутся, вступая в скоротечные схватки, японские солдаты, экипажи подбитых машин и танкодесантники, противник не выдержал и получаса. Пехота в ужасе от топчущих её бронированных монстров, не имея укрытий, побежала, несмотря на приказы и пример офицеров, которые, как и экипажи японских танков, предпочли не отступать и погибнуть, не замарав своей чести. Две наших бригады, загнав остатки личного состава бронесил противника в болото южнее озера Сумбурин-Цаган-Нур, сами попали под огонь артиллерии 1-й дивизии и отошли, потеряв для такого боя удивительно мало. В строю осталось сорок два танка и полсотни БА, правда, с малым боезапасом.

Разгром Кунгчулингской бригады заставил 1-ю дивизию беспокоиться о своём степном фланге. После двух часов дня атаки на 245-й полк ослабли, а под вечер и полностью прекратились. 1-й Монгольский бронекавалерийский корпус, тем временем, оставив для наблюдения за северным флангом советской группировки 5-ю бронебригаду и десантников, совершил марш на Тамцак-Булак, где принялся приводить себя в порядок, пополняя запасы топлива и боеприпасов из подошедших с запада караванов. По приказу Жукова мне пришлось отдать роту лейтенанта Максимова, которая была обращена на восполнение потерь стрелково-пулемётных батальонов. Из кавалерии же в корпусе остался только сводный полк. Этими силами Потапову предстояло на следующий день атаковать Большую Песчаную высоту, обороняемую, по данным разведки, маньчжурскими войсками, и уничтожить японскую переправу.

Но, командующий 6-й армией Огису, не стал дожидаться визита русских. Командование Квантунской армии просчиталось. Оно не ожидало общего нападения русских так скоро. Ведь разведка доносила, что Транссибирская магистраль забита войсками и до окончательного их сосредоточения ещё есть достаточно времени. Замысел, разгромить войска Жукова в районе «горячего» конфликта и высвободить свои силы, потерпел крах. Наступление не удалось, а на Хайларском направлении Забайкальский фронт под командованием Штерна за четыре дня прорвал японскую оборону и угрожал ударом мотомехчастей в тыл 6-й армии. Всю ночь на 28-е грохотала канонада. Японская тяжёлая артиллерия свирепствовала, обстреливая район переправ и позиции РККА. Жуков ожидал после такой подготовки нового наступления, но с утра советские бойцы не обнаружили перед собой противника. Поднятые в воздух на разведку СБ обнаружили его на линии госграницы, отходящим форсированным маршем в сторону станции Хандагай. Из всего состава армейской группы, официально переименованной в 8-ю армию, лишь один 1-й Монгольский бронекавалерийский корпус был брошен в параллельное преследование по южному флангу с задачей выйти к этой железнодорожной станции, где были

сосредоточены склады врага, быстрее японцев. Эту задачу Потапову выполнить не удалось. До Хандагая от японских позиций было всего 60—80 километров, а в армии Огису имелось довольно много автомашин. Японский командующий не остановился перед тем, чтобы разгрузить транспорт, оставив имевших возможность сражаться раненых в качестве арьегарда на пути своего отступления. Зато, когда Потапов вышел к железке, там уже успела окопаться японская пехота. Своей же у комдива, считай, что и не было. Как и обозов из которых можно было бы пополнить боекомплект. Сражение на Халхин-Голе закончилось. Армии разбились одна об другую.

Эпизод 20.

В два часа дня 28-го июня в Тамцак-Булаке приземлился самолёт. Вполне рядовое событие, если бы это был какой-нибудь АНТ-9 или даже АНТ-14. Но прилетел новенький «Дуглас» и из него в сопровождении свиты чекистов вышел комиссар ГБ третьего ранга Меркулов, как следовало из приказа мне, недавно назначенный начальником Главного управления государственной безопасности. С точки зрения карьеры перемещение с должности начальника Главного экономического управления НКВД на этот пост было немалым повышением и признанием заслуг. Он уже успел добраться до штаба тыла 35-й САД, в которую была преобразована авиагруппа Смушкевича, когда мне сообщили о прибытии начальства и я поспешил навстречу Всеволоду Николаевичу. В ответ на оттараторeный мной стандартный доклад Меркулов со скучающим видом скомандовал:

– Вольно! – и задал риторический вопрос, – Навоевался?

– Здесь глубокий тыл, товарищ комиссар госбезопасности третьего ранга! – всё же отозвался я на него. Даже, с некоторым вызовом, бравадой нюхнувшего пороха человека перед новичком.

– Знакомься, старший лейтенант Ползунов, – представил, не обратив внимания на ответ, начальник стоящего рядом с ним чекиста, – Сдашь ему дела по 35-й САД. А наши вопросы мы вечером обсудим, – на слове «наши» Всеволод Николаевич сделал особое ударение и я понял, что про слишком много знающего японца старлею сообщать не след. – Можно здесь у вас где-нибудь поесть? И через два часа организуй мне самолёт до штаба 8-й армии.

– Есть! Столовая неподалёку, прошу за мной, – пригласил я Меркулова на обед к лётчикам. Оставив там его и ещё два с половиной десятка сотрудников НКВД, которые и должны были составить особый отдел дивизии, я связался со штабом и договорился о самолёте. Через час Меркулов улетел на «стрекозе» из корректировочной эскадрильи и вернулся только поздним вечером, почти к закату, явно не в духе.

– Булыга совсем мышей не ловит, – поняв мой долгий взгляд как вопрос, пробурчал Всеволод Николаевич, входя в мою юрту. – Полюбуйся, что там наши журналисты нафотографировали, – бросил он мне пачку карточек, на верхней из которых наш БА-11, с вывернутой набок простреленной башней, воткнулся своим острым носом в борт японского танка, пробив его чуть ли не навылет и оторвав себе передний мост. – Вот это они хотят в «Правде» печатать, как доказательства героизма наших бойцов! Головой же думать надо! Беременная и родить может до срока, как эти ужасы увидит. А он это всё пропустил! Хорошо, что мне решили похвастаться, как вы здесь японцев бьёте. Иначе бы проскочило. Сдал дела? – последним вопросом он резко сменил тему.

– Сдал. Что там сдавать-то? Ввёл в курс дела, – ответил я беспечно, но начальник опять и ухом не повёл, проигнорировав «вольности».

– Пойдём-ка прогуляемся, – предложил Меркулов, – стенки тонкие.

Мы вышли под звёзды и предложил прогуляться в сторону лётного поля. И место открытое, не подслушают, и внутри постов. Отойдя метров на двести по податливому, прокалённому

солнцем песку, прикрытому клочками жухлой травы, комиссар госбезопасности очень тихо сказал:

– Ну, давай. С начала и подробно.

Как ни старался я не упустить деталей, как ни расписывал виды на «засланца», а на всё про всё ушло всего десять минут.

– Ясно… – в раздумье проговорил Меркулов и сказал, как отрезал. – Японца надо ликвидировать.

– Поздно, – возразил я. – Он лежал в госпитале с другими пленными, мог и разболтать. Не будем же мы уничтожать всех? Да и зачем? Любая свара в Японии между армейцами и моряками нам на руку!

– Мы наступаем. И наступать будем до победы на наших условиях, иначе не стоило и начинать, – ответил комиссар 3-го ранга. – Обменять его до конца войны – нет перспектив. А после того, как всё закончится, нам в Японии нужен стабильный кабинет министров с которым можно твёрдо договориться и, может быть, вести дела.

– Это ваше личное мнение, или мнение Совнаркома, товарищ комиссар государственной безопасности 3-го ранга? – осведомился я осторожно.

– Я уполномочен решить вопрос на месте! – отрезал Меркулов, но потом, снова понизив голос, стал объяснять. – Правительство Коноэ, который, кстати, моряк, нацелилось на Китай, война с нами не входила в его планы. Тут ему свинью генералы подложили, возомнившие о собственной непобедимости. Мы же лишь воспользовались сложившейся ситуацией. Ты думаешь, почему я сейчас перешёл в ГУГБ? Помнишь, ты Косову идею подкинул организовать станции техобслуживания «Туров» за рубежом? Вот он с ней пришёл ко мне, а потом мы, ГЭУ совместно с 7-м отделом ГУГБ, провели операцию «Автосервис». Сеть раскинули на всю Европу и пытаемся пролезть в Америку. Кстати, думаю, тебе будет небезынтересно узнать, что в Берлине дело раскручивала некая Анна от «смежников» из разведки РККФ? – в неверном свете звёзд, я скорее почувствовал, чем увидел, что чекист улыбнулся. – Умная женщина и, что греха таить, коммерческую жилку имеет. У неё при СТО даже целый, мягко говоря, дом свиданий содержится. Умудрилась впарить «Тур» -купе с гоночным движком командующему немецкой авиацией Герингу. Правда, красить его пришлось в розовый цвет и лакировать прямо в Германии. Недорабатывает наша автомобильная промышленность, не учитывая извращённые вкусы разлагающейся буржуазии. Либо чёрный кузов, либо белый. Но Геринг, конечно, исключение. «Туры» так же внушительно выглядят, как «Майбах» или «Роллс-Ройс», но стоят подешевле. Потому их и берут люди попроще, так сказать средней руки и чуточку выше. Зато с такими, и с их прислугой, нам работать попроще, особенно не техникой, а агентурой. Выходит, я перед тобой в долгу. Но это лирика. Проза в том, что «Автосервис» принёс сведения, что Гитлер соблюдать договор с Японией в случае начала войны не будет. Англия именно на таких условиях тайно согласилась закрыть глаза на Судетский вопрос и придержать Францию. В Британии возобладало мнение, что проучить японцев, вздумавших строить суперлинкоры, и связать СССР, как они считают, бесперспективной войной, предпочтительнее совместного нападения на Советский Союз с запада и востока одновременно. Сцепимся на Дальнем востоке, японцам уж не до линкоров будет, а как Советскому Союзу удобно на Тихом океане воевать – с 1905 года все знают. В итоге, во вторник 21-июня Гитлер предъявил ультиматум Бенешу с требованием демобилизовать армию, освободить политических заключённых-немцев и провести в Судетской области плебисцит на предмет того, в каком государстве они желают жить. Представители Англии и Франции в Лиге наций в тот же день заявили, что этот акт нельзя рассматривать как агрессию, поскольку речь идёт о свободном самоопределении. Президент Чехословакии, оставшись без союзников, струсил, принял германские условия и назначил дату голосования на 31-е июля. Ну, а 22-го, как ты знаешь, мы объявили войну Маньчжоу-Го, наша дальняя авиация безнаказанно нанесла японскому императору визит, завалив его резиденцию листовками

с пожеланиями долгих мирных лет и перечня грузов, которые она может доставить в любую точку его страны с просьбой указывать при нужде конкретный адрес. Показательно, что ни на море, ни на Сахалине боевые действия до сих пор не ведутся, хотя Кожанов, объединивший под своим общим командованием ТОФ, Амурскую флотилию и корпус морской пехоты из двух бригад, который как раз и держит островной фронт с приданной стрелковой дивизией, принял, на всякий случай, некоторые меры. Все, кроме Чехословакии и Японии, получили, чего хотели. Вот только британцы ошибаются, недооценив нас. Товарищ Ворошилов уверен, что на суше РККА быстро разгромит противника, отвадив его от наших границ раз и навсегда. И мнение это подтверждается делом. Забайкальский Фронт Штерна прорвал фронт и движется на Хайлар и далее к Большому Хингану, куда японское командование стягивает резервы из Харбина. Его мехкорпус повернул на юг на помощь Жукову. Конев на Амурском фронте форсировал с помощью Зее-Бурейского отряда флотилии реку, разбил первый эшелон и ввёл в прорыв мехкорпус, который наткнулся на рубеже Малого Хингана на второй эшелон противника и сейчас успешно ломает его оборону. Рокоссовский из Приморья также идёт по КВЖД навстречу Штерну, а на Сунгари наносит вспомогательный удар. Мы везде наступаем. Японской армии нечего нам противопоставить, все их лучшие части, бывшие в первом эшелоне, уже, считай, разбиты. Шесть тысяч танков! Сила! И Будённый – это вам не Куропаткин!

– Не говори гоп… У нас железка одна и идёт вдоль границы. Перережут её японцы где-нибудь на амурском участке или разбомбят и о наступлении из Приморья можно забыть.

– Перерезалка не выросла. У них к нашей границе, если представлять её упрощённо как окружность, радиальные железнодорожные линии ведут. А у нас получается – рокада. На каком бы участке не захотели бы войска для удара сосредоточить, перебрасывая их через центр, мы по кратчайшему расстоянию быстрее! А бомбить? Чем, во-первых? Вы здесь их лучшие воздушные силы выбили, остался один антиквариат. А во вторых, чтоб разбомбить всерьёз и надолго, нацеливаться надо на станции, а они зенитными бронепоездами прикрыты. Говорят, всё же пробовали, умылись и теперь одиночными самолётами изредка бомбят перегоны, что на пропускную способность почти не влияет. Так то, стратег! До конца лета разнесём их в пух и прах, вот увидишь!

– А дальше-то что? Бомбить острова? Флота-то всё равно нет!

– Товарищ Сталин сказал – воюем за мир. А не как ты думаешь, до последней крайности. Проучить, но не убивать. Нам война на годы, как хотят британцы, не нужна. Тут главное, вовремя предложить приемлемые условия, от которых нельзя или очень дорого отказываться. Но это уже не нашего с тобой ума дело. Наш вопрос другой. Кончится война, вернётся твой японец к своим. А что его там ждёт? Правительство, несомненно, сменится. Японцы это любят – чуть что, правительство менять. Понятно, что армейская группировка после разгрома свои позиции растеряет и на власть претендовать не сможет. Значит, верх возьмут моряки. И тут, пожалуйста, сюрприз, адмиралы-предатели! Чем там свара может кончиться – неизвестно. А нам дела вести нужно с кем-то. Договариваться. Нам стабильность в Японии после войны нужна, а не хаос. Вот и получается, что места ему в послевоенном раскладе нет. А раз так, изолировать и ликвидировать придётся всех, кто мог знать. И это на твоей совести. Не говоря уж о том, что под некоторым углом вся история может выглядеть как разглашение гостайны ради собственного спасения.

В последних словах Меркулова явно проскочила угроза. Да, повернуть всё так он мог. И доказать легко. Это вам не прежние «зацепки», которыми меня пытались прижать. И намёк, прозрачнее некуда. Буду упорствовать – даст ход.

– К тому же, возвращение японца с информацией добытой нашей разведкой, якобы, у англичан, ставит под удар нашу агентуру в Британии, – привёл Меркулов свой решающий аргумент.

– Допустим, – не спешил я соглашаться. – Но что, если посмотреть на это с другой стороны? Если поднять ставки и вывести игру на более высокий уровень? Гитлер предал Японию явно, это в доказательствах не нуждается. Если раскрыть японцам английскую роль в этих событиях? Тогда новое правительство Японии будет поставлено перед фактом, что ни с кем нельзя надёжно договариваться, кроме СССР. А нашу британскую агентуру прикрыть тем, что самим, через военного атташе в Москве, сообщить англичанам о том, что японцы от нас знают, что британцы знают о «Ямато». Во-первых, это сделает их в будущем более сговорчивыми в отношении оплаты наших сведений. Во-вторых, они, чтобы не потерять лицо, вынуждены будут как-то реагировать на постройку суперлинкоров на Тихом океане. Мы спровоцируем новую гонку военно-морских вооружений, вытягивая ресурсы буржуазного мира на безопасное для нас направление. Линкорами-то СССР не победить, тут танки нужны. А каждый линкор в сто тысяч тонн, чтобы наверняка переплюнуть «Ямато», это четыре тысячи современных танков только по весу. В любом случае, считаю, что ликвидировать японца и тем самым сужать себе возможность маневра, по крайней мере, преждевременно. Раз не можем всё равно обменять, надо просто изолировать его и всех причастных. Может, события будут развиваться так, что они пригодятся.

– Если в таком разрезе… – сперва задумался Меркулов, но потом сказал со злостью. – Да пойми ты! Наверху уже всё решили, что японец или бесполезен или вреден! О том, чтобы что-то из этой истории разворачивать, даже речи не шло! Я на месте должен только детали уточнить и проконтролировать, чтобы ты ещё чего не учудил! Тебя в Москве, между прочим, выговор за самодеятельность ждёт!

– А вы, товарищ Меркулов, стало быть свою работу на посту начальника ГУГБ начнёте с того, что обрубите себе открывшиеся потенциально перспективные ходы. Не посоветовавшись с товарищами. Так, видимо, в рапорте на имя наркома и придётся написать. Скрывать и терять мне нечего, всё равно за разглашение гостайны отвечать. Запрут меня, если не в расход, то в мой же собственный отдел на нары. А игра с британским посольством в рамках операции «Кукушка» медным тазом накроется. Хорошенький почин у вас, товарищ Меркулов, получается! Вреда больше, чем пользы.

– С утра вылетаем в центр! – резко оборвал меня бериевский выдвиженец, развернулся и ушёл в сторону палаток, оставив меня наедине со своими невесёлыми мыслями. У Берии сейчас в руках реальный крючок, на котором он может меня держать, если японца, которому я, между прочим, слово дал, ликвидируют. Боюсь, что это соображение в глазах наркома может легко перевесить все остальные. Вопрос в том, ушла ли вообще вся эта история за пределы НКВД. Если Лаврентий решил всё самостоятельно, то есть ещё шанс побарахтаться и повернуть всё в свою пользу.

Внутренне уже настроившись на склоку с чекистами, я провёл очень тревожную ночь. Но на утро с удивлением увидел, что пассажирами «Дугласа» были не только мы с Меркуловым, но и мой японец в сопровождении пятнадцати пленных лётчиков под охраной четырёх бойцов. Новый начальник ГУГБ всё-таки решил не рубить с плеча и осмотреться. Что ж, в будущем ему это наверняка зачтётся.

После четырёхдневного перелёта, прямо с Центрального аэродрома меня привезли на Лубянку пред светлые очи Лаврентия Павловича, который принял меня сразу же после Меркулова. И первый вопрос, который он мне задал, был вовсе не о хитрых политических комбинациях:

– Где алмазы?

Я молча достал из нагрудного кармана кисет и подвинул его по столу к начальнику.

– На Вилюе организуется «Алмазстрой», который возглавит майор Саджая. Вы отстраняетесь от этой работы.

– Что, через мою голову прыгнул? – почувствовав обиду, спросил я, нарушая правила субординации.

– Конечно. Ведь вы, товарищ капитан, изволили отправиться воевать, наплевав на порученную вам работу! Поисковые группы нашли к настоящему моменту уже четыре трубки коренных месторождений, об этом надо было доложить. Так что, товарищ Саджая поступил совершенно правильно. Совнарком уже выпустил постановление о начале, со следующего года, промышленного освоения в рамках нашего наркомата. У майора Саджая опыт, он товарищ надёжный, в отличие от вас, любителя погусарствовать, ему и карты в руки.

– Товарищ нарком, обстоятельства сложились так… – начал было я оправдываться, но Берия меня резко оборвал:

– Обстоятельства сложились так, что ваш вопрос будут разбирать в ЦК. Поэтому вы сейчас же сядете и письменно подробно всё изложите ещё раз. Начиная с того, как получилось, что вы отправились на Халхин-Гол. И советую вам, товарищ капитан, в ближайшее время вести себя тише воды. Может быть, тогда нам удастся прикрыть вашу самодеятельность. Как вы вообще посмели влезать в международные вопросы?!

– Обстоятельства, товарищ нарком…

– Это я уже слышал! Идите!

Вечером, удержавшись от острого желания напиться, вызванного ощущением полной беспомощности, я решил для себя, что сколько бы времени у меня ни осталось, я проведу его с семьёй. И следующие три дня, когда я не притрагивался даже к газетам, стали для детей и Полины, взявшей по такому случаю отгулы, настоящим праздником. Мы все вместе бездельничали, валяясь на пляже, смотрели кино и театральные постановки, ездили за покупками, на которые, в том числе и бесполезные, я истратил уйму денег, гуляли в парке Горького. Впервые за много лет мне вдруг удалось расслабиться и выбросить из головы все железки, войны, интриги, но всё хорошее имеет свойство быстро заканчиваться. На четвёртый день меня с утра вызвали в наркомат, где Берия действительно объявил мне выговор «за действия, не согласованные с наркоматом» и, одновременно, вручил сразу «Трудовое красное знамя» за открытие алмазных месторождений и «Красную звезду» за Халхин-Гольские похождения.

– Мы знаем, что вы, товарищ капитан, предпочитаете деньгами, но в этот раз награда такая. Никаких отчислений от добычи алмазов участникам поиска решили не давать. Только единовременная премия, снятие судимости и правительственные награды в зависимости от вклада. А боевые заслуги и вовсе рублём не измерить.

– А как же самураи? – спросил я у Берии, имея в виду пленных, привезённых в Москву.

– Передали с рук на руки японскому послу. ЦК принял соломоново решение, – улыбнулся нарком, правильно поняв мой вопрос. – Гадить надо, пока не поздно. Если вообще поверят. Барана не пустили на мясо, но и стричь с него лишнего не стали. Шерсти мало, мороки много.

– У нас в Москве до сих пор японские дипломаты работают? – удивился я.

– Мы воюем только с Пу-и. И Микадо это полностью устраивает. Он не обстреливает линейным флотом с моря наши города, а мы не топим его торговые суда и не мешаем перебрасывать подкрепления в Маньчжурию. Перевозки на Тихом океане, правда, пришлось прекратить.

Я промолчал, переваривая услышанное. Уж больно непривычны были для моего сознания, упёршегося в войну до победного конца, происходящие события.

– А вы, товарищ Любимов, спокойно работайте, – подойдя ко мне, он ободряюще хлопнул меня по плечу, истолковав, видно, моё молчание по-своему. – Работайте. Занимайтесь своим делом, – повторил он и подчеркнул. – Своим!

Так закончилась для меня эпопея, в ходе которой я и в геологии отметился и в авиации, с натяжкой, послужил.

Большие мелочи.

Эпизод 1.

От тайги до Британских морей Красная армия всех сильней. Не знаю, как насчёт Европы, а вот там, где тайга, на конец августа 1938 года всё верно. Начальник оперативного управления Генштаба Триандафиллов сейчас в фаворе. Всё по его теории, как по рельсам идёт. Ну, почти. Не без ошибок, но учинила РККА таки в Маньчжурии глубокую операцию, да не одну. Японские генералы и морально, и технически, и в стратегическом и тактическом отношении, готовились к «прошедшей» войне, за что и поплатились. Для них неприятным сюрпризом оказалось буквально всё, начиная от численности РККА на дальневосточном театре. Прикрывшись слабым заслоном на Амуре, они построили свой план войны на демонстрации у Владивостока и главном ударе в Забайкалье, который перерезал бы Транссиб. С фланга на фланг по КВЖД они могли войска перебросить быстрее нас. Но им не обломилось нигде, ни у Хасана, где господствующие высоты в ещё самом начале оказались заняты двумя батальонами ветеранов-морпехов Кожанова, которые кроме миномётов имели подвижную батарею береговых «стотридцаток» и сразу накрывали любое скопление японцев на левом берегу Туманной, ни на Халхин-Голе, где в сражение с армией Жукова они ввели и потеряли лучшие свои авиачасти, все имеющиеся в Квантунской армии танки, тяжёлую и дальнобойную артиллерию.

РККА напротив, показала неплохие результаты. Что с того, что наши бойцы, большей частью, второй день в армии и стрелять не умеют? На той стороне две трети дивизий такие же. Зато в ответ на каждый японский снаряд в ответ летит десять. И из этого десятка две трети превышает калибр лёгких полевых гаубиц, мощнее которых у противника и нет. Вплоть до 180-миллиметровых Бр-21 и железнодорожной артиллерии. Зато в РККА танков – стада! Причём на направлениях ударов – новейшие модели. А всё, чем их можно было подбить – на Халхин-Голе сгинуло. Именно танками, тяжёлыми «неубиваемыми» КВ и огнемётными ОТ-126, у которых вместо десантного отсека бак с огнесмесью, проламывал японский фронт в Забайкалье Штерн. Артподготовка атаки у него вышла мощная, громкая, но не слишком-то эффективная. Лупили по площадям. Тем не менее, танки всё почистили. Да так, что те из японцев, кто лишь издали видел их действия, бежали без оглядки, позабыв про своё самурайское самомнение. Превращаться в вонючий комок обугленного мяса никому не охота. Даже то, что командующий Забайкальским фронтом комкор Штерн явно ошибся, бросив свой мехкорпус на юг, в надежде зайти в тыл 6-й японской армии на Халхин-Голе, а не сразу вдоль КВЖД на прорыв через Большой Хинган, не слишком повлияло на общую картину сражения. Бои с выдвинутыми из глубины Маньчжурии вражескими резервами на рубеже этой горной гряды растянулись на неделю. И то только из-за сложного рельефа местности.

На Амуре Конев тоже опирался на броню, только речную. В тех местах плотная оборона у японцев была построена лишь вблизи подходящих к границе железных дорог, запирая проторённые пути вглубь Маньчжурии. БКА Зее-Бурейского отряда, большого, «амурского» проекта, несли в качестве главного калибра, в отличие от аналогов «эталонной истории», всего одну пушку на баке. Зато 107-мм в башне КВ с облегчённым до 30 миллиметров бронированием. В качестве зенитного вооружения должны были выступать 25-миллиметровая шестиствольная на корме да «крупняк» ДК последней модели с ленточным питанием в ограждении командирской рубки. Но поскольку дизель-гатлинги были дефицитом и распределялись, в основном, на морские корабли, из дюжины БКА только два несли полный комплект средств ПВО. На остальных десяти вместо шестиствольных смонтировали пусковые на 16 снарядов РС-28 каждая. Именно с залпа этих ста шестидесяти стокилограммовых снарядов, выпущенных почти в упор всего за восемь секунд, началось советское наступление от Благовещенска на Цицикар. РСы летели от нашего берега реки вдоль моста, перепахивая грунт у железно-

дорожных путей, уничтожая охрану, разрывая провода подрывных зарядов. Одновременно с этим два «зенитных» БКА выбросили и поддержали огнём штурмовые группы пограничников, захвативших и окончательно зачистивших переправу, по которой сразу же по двум путям простучал штурмовой бронепоезд и стали переходить, под прикрытием мощной артиллерийской канонады стрелковые и танковые части, вступившие в бой за Сахалян. Направление удара было очевидным и на стороне противника его ждали и готовились. Поэтому он забуксовал, упёршись в городскую застройку, где наши танки сопровождения пехоты атаковали смертники, вооружённые лишь бутылками с бензином. Корпус, идущий на острие наступления, завяз в подготовленной японской обороне, которую противник усиливал подтягивая с флангов резервы. Понятно, что и в наших штабах изначально понимали, где у врага оборона плотнее всего. Прямой удар на Сахалян был отвлекающим. Главный удар Конев нанёс 26-го июня в двадцати пяти километрах выше по течению, дождавшись, когда к демонстративному плацдарму будут стянуты все японские части и на охране Амура останутся только местные маньчжурские войска императора Пу-и. После артподготовки всё те же бронекатера высадили на берег передовой отряд, который только издалека увидел драпающих без оглядки китайских вояк.

Понтонная переправа через Амур была наведена в рекордные сроки благодаря тому, что для неё использовали не армейские парки, а «раскладушки», наклёпанные в Николаевске для береговых батарей. По четыре на каждую 130-миллиметровую подвижную пушку. У артиллерии этой были свои заботы, вот кто-то и решил, что из легко соединяемых плавучих платформ, подвезённых по железной дороге, неплохой мост получится. С грузоподъёмностью, обеспечивающей переправу любых грузов, вплоть до 60-тонных «поездов» гаубиц-пушек БР-21. Вернулись, так сказать, к истокам парка ПМП, причём без малейших намёков с моей стороны. Справедливости ради, надо сказать, что артиллерийские понтоны начали приспосабливать для других нужд чуть ли не сразу, как только они появились. И плавучие причалы, и платформы под краны, и даже ВПП на Плещеевом озере для тренировки будущих «авианосников». Роль тормозов на этом «тренажёре» выполняли связки полузатопленных бочек, соединённых попарно тросами, натянутыми поперёк ВПП. Когда истребитель или торпедоносец садились, то цепляли их гаком, получались своеобразные водяные парашюты, которые вновь растаскивали после каждого цикла по сторонам гребными судами.

Японцы не ожидали от русских сапёров-понтонёров такой прыти и на следующий день попытались нанести по новому плацдарму контрудар силами второочередной дивизии, которую ещё с 22-го числа направили по железке, в числе прочих, на усиление Сахалянской группировке из Харбина. Но у Конева на южном берегу была уже целая ударная армия, из двух стрелковых корпусов и третий начинал переправляться. Попали самураи, как кур в ощип. Разметав резервистов, командующий Амурским фронтом развернул наступление на восток, во фланг и тыл основным силам врага, уже уступавшим по численности всем частям РККА на южном берегу. К середине дня 28-го он объединил свои силы и отбросил японцев далеко восточнее ЖД, тут же направив свой фронтовой мехкорпус вдоль путей через Малый Хинган.

В общем-то, на этом «домашние заготовки» у Конева кончились, настал черёд импровизаций. Железная дорога оказалась забита японскими войсками, части которых не посчастливилось быть пойманными на перегонах. Но кое-какие силы успели выгрузиться на станциях, заняв круговую оборону, и их пришлось обходить. Телеграфные провода наши танкисты рвали исправно, но, видимо, у окруженцев нашлась радиостанция и весть о русском наступлении полетела вглубь Маньчжурии. Врасплох, как было поначалу, застать уже никого не удавалось, а танкодоступной местности становилось всё меньше и меньше. Горы, пусть и пологие, но заросшие непроходимыми для машин лесами, стесняли маневр. Мехкорпус вынужден был всё чаще прокладывать себе дорогу силой, пока 2-го июля окончательно не завяз. Да, пусть ему противостояли резервисты, вооружённые как попало, но и наш мехкопус дальневосточного образца 1938 года до мобилизации был всего лишь бригадой из четырёх батальонов дизельных

танков БТ-5 с противопульной бронёй и стрелково-пулемётного. При развёртывании бригаду разделили на две, добавив только один стрелково-пулемётный батальон резервистов. А третью, механизированную бригаду корпуса, сформировали заново из «добровольцев» и призывников на основе переброшенного с запада батальона новых Т-34. Артполк из старых 122-мм гаубиц на полубронированных грузовиках из бригадного стал корпусным. Получилось на пять танковых шесть стрелково-пулемётных батальонов и два дивизиона самоходной артиллерии. 3-го июня командующий корпусом комбриг Яковлев потратил на перегруппировку, выдвигая вперёд мехбригаду, и разведку. А четвёртого, с помощью массированной авиаподдержки, всё-таки проломил окончательно оборону японцев и вышел на оперативный простор.

Из трёх советских фронтов, развёрнутых против Квантунской армии, Дальневосточный перешёл в наступление самым последним, с утра 25-го июня. Несмотря на понукания и из штаба командующего направлением, и из Москвы, Рокоссовский не стал торопиться. Во-первых, надо было завершить операцию по дезинформации противника, в ходе которой была разыграна переброска корпуса морской пехоты в составе двух бригад на Сахалин. На самом деле «птенцы гнезда Кожанова» готовились нанести удар совместно с Амурской флотилией вдоль русла Сунгари. Скрыть хоть как-то это намерение и заставить врага усилить войска на заведомо пассивном участке удалось, да так, что наш собственный НКВД был уверен, что морпехи ушли за Татарский пролив. Во-вторых, на Рокоссовского ещё с мая работали высотные фоторазведчики, ранее доставшие «портрет» «Ямато», помешать которым японцам было просто нечем, а с объявлением войны авиаразведка, благодаря пассивности ВВС противника, плотно велась уже со средних и малых высот. Кроме того, 24-го числа на главном, Владивостокском направлении, была проведена разведка боем. Как ни маскировались японцы, но их оборона была вскрыта на всю глубину почти полностью.

Время было потрачено не зря. Комкору Рокоссовскому, единственному из трёх командующих фронтами, удалось добиться реального взаимодействия родов войск. Его артиллеристы в ходе мощной артподготовки 25-го числа били не по площадям и не только по переднему краю, а по конкретным целям, огневым позициям, командным и наблюдательным пунктам, штабам. Управление и вся система обороны японцев сразу же оказалась подавлена на всю глубину и лишь тогда в атаку пошли танки в сопровождении пехоты. Над ними постоянно висела ударная и корректировочная авиация, бомбами и тяжёлыми снарядами сразу же пресекавшая все попытки создать хоть какие-то очаги сопротивления. Но не только за прорыв Рокоссовский заслужил оценку «отлично». Для развития успеха у него не только Амурская флотилия и фронтовой мехкорпус были наготове. Он заранее озаботился созданием подвижных ударных групп на основе корпусных танковых бригад, усилив каждую посаженным на автотранспорт стрелковым полком или кавдивизией и сконцентрировав их на главных направлениях. После того, как оборона врага была проломлена, вся эта стальная лавина устремилась вдоль КВЖД на запад, на Муданьцзян и Харбин. Поскольку большую часть своих резервов командование Квантунской армии уже успело направить против вступивших ранее в дело Штерна и Конева, то Рокоссовский, начав позже всех, уже утром 29-го июня ворвался в Муданьцзян, откуда развернул часть своих сил в сторону Кореи на Ванцин, в тыл Хасанской группировки врага. А четвёртого июля начались бои за Харбин, к которому днём позже вышла по Сунгари на острие второго удара ДВФ Амурская флотилия и корпус морской пехоты. Оттуда восьмого июля, действуя в оперативной пустоте, Рокоссовский направил фронтовой мехкорпус на Чанчунь, а оставшиеся три бригадные группы на Цицикар, на соединение с войсками Конева.

К началу августа, растратив топливо и материальные запасы, войска трёх советских фронтов выдохлись и остановились на линии Таобань-Чанчунь-Гирин-Тумынь. Наступая вдоль путей сообщения, они частью разгромили, частью оттеснили в бездорожную местность и окружили в четырёх котлах, из которых Хасанский даже успели ликвидировать, основные силы Квантунской армии. Опираясь на захваченную сеть рокадных железных дорог, РККА

принялась пополнять запасы и готовиться к следующим боям. Однако, из-за того, что всё накопленное в Забайкалье и Дальнем востоке до войны было израсходовано, а целое направление висело на единственной Транссибирской магистрали, процесс шёл медленно. Если в июне по ней ещё перебрасывали войска, то уже в июле из центра шли только цистерны с топливом, боеприпасы и продовольствие. Японское командование и радо было бы воспользоваться затруднениями русских, но и само было не в состоянии сосредоточить силы и средства для мощного ответного удара.

Таковы были дела в Маньчжурии. На морском направлении пока был мир. Япония приняла правила игры в рамках «ограниченной» войны и её флот пока соблюдал нейтралитет, не приближаясь к советским берегам. Если не считать одного эпизода. После визита советских дальних бомбардировщиков в Киото, чтобы не потерять лицо, надо было как-то отвечать и эта «честь» выпала Императорскому флоту. Нет, к советским базам не нагнали линкоров и крейсеров, а, не рискуя ценными кораблями, сосредоточили в Корее мощную группировку морской авиации. Удар японцы нанесли спустя три недели после начала войны по городу Владивосток, порту и расположенным вокруг аэродромам, предполагая, что именно там базируются обидчики императора. Благодаря тому, что в море были заблаговременно развёрнуты подводные лодки, сторожевые корабли и катера ТОФ, армаду обнаружили ещё на подходе, успели объявить воздушную тревогу, прогреть дизель-гатлинги на кораблях и зенитных бронепоездах. На следующий день японские газеты назвали этот налёт «Ударом тысячи самолётов». На самом деле в операции, по советским оценкам, участвовало до девятисот машин, треть из которых были истребителями. Всё барахло, что морская авиация противника сумела поднять в воздух. Палубные бипланы, пикировщики и торпедоносцы, нагруженные бомбами, базовые бомбардировщики, истребители И-96 с характерными обтекателями шасси, растянулись в воздухе из-за разнотипности машин, что, однако, лишь отчасти облегчило задачу нашим истребителям.

Так как советские «сухопутные» авиаторы успели перебазироваться вслед за наступающим фронтом, отражала налёт лишь авиация ВМФ в составе сводной ИАД из двух полков И-18 и, позже, когда стало ясно, что истребители не справляются, трёхполковой БАД на СБ-М. Первая волна японцев, насчитывающая свыше двухсот двухмоторных бомбардировщиков под прикрытием сотни И-96, обрушилась на все пять наших аэродромов у Владика как раз в тот момент, когда советское командование поднимало основные силы. Две дежурные эскадрильи И-18 сумели более-менее защитить «родные» базы, а вот бомбардировщикам, не успевшим выйти из под удара, досталось изрядно. СБ-М, стоявшие с подвешенными бомбами-пятисотками и торпедами в готовности к удару по кораблям, своим грузом нанесли ущерба едва ли не больше, чем японцы. Не более чем четырём десяткам машин из ста пятидесяти удалось уйти на север в район ожидания. Остальные сгорели и взорвались под бомбами на земле, либо были сбиты на взлёте. Потери в экипажах были тяжелейшие, ведь даже оказавшись в воздухе, наши лётчики не могли прыгать с парашютами из-за малой высоты.

Одёрнув истребителей, устроивших разборки и догонялки с «зачинщиками», командующий ВМБ направил их в сторону города и порта, на которые как раз навалилась вторая волна японцев, ударную силу которой составляли одномоторные палубные машины, приказав атаковать только не разгрузившиеся бомбардировщики. С земли по налётчикам стреляло всё, что могло задрать ствол, но эффективность огня была низкой. Имея, в основном, пушки образца 1931 года, наши зенитчики ставили лишь заградительный огонь. Считанные десятки многоствольных 37-ми и 25-ти миллиметровых автоматов, установленных на кораблях и бронепоезде, оказались на высоте, но, одновременно, и приоритетной целью, а противников было слишком уж много. К моменту, когда сотня наших И-18 пришла им на помощь, над городом бесчинствовали не менее пяти-шести сотен вражеских машин. Воздушный бой скоротечен. Три, четыре, пять атак и советские «ястребки», те, кому посчастливилось остаться в воздухе, расстреляли все боеприпасы. Но и без патронов, видя, что происходит на земле, они один

за другим шли на таран, лишь бы не дать прицельно отбомбиться японцам. Те тоже проявили достаточно мужества и упорства, чтобы добиваться поражения целей несмотря на потери из-за чего сражение стало небывалым по своему ожесточению. В конце боя подоспели СБ-М, по приказу избавившиеся от бомб и торпед и вступившие в бой как истребители. У них было всего два ШКАСА стреляющих вперёд и обширная практика пикирования. Особенностью двигателей Чаромского, было то, что в них нечему было «зависать», поэтому они снисходительно относились к значительному превышению рабочих оборотов. СБ-М и И-18 в своей обычной практике, чтобы не превысить допустимых скоростей пикирования, регулировали шаг так, что воздушные винты, законцовки которых выходили на сверхзвук с соответствующими акустическими эффектами, превращались в аэродинамические тормоза. Центробежный регулятор опережения впрыска на «перекрученном» моторе доходил до упора, поздняя подача топлива в цилиндры снижала мощность, что было заметно внешне по густому чёрному выхлопу. Зато на выходе из пикирования достаточно было лишь увеличить шаг, как движок выдавал полную тягу. Поэтому «огненные драконы», как прозвали их японцы, не ввязываясь в свалку на горизонталях, принялись «клевать» последних не отбомбившихся врагов с высоты.

Победу в этом сражении каждая из сторон приписала себе. Но, скорее, оба противника понесли поражение и тяжёлые потери. Японцы, лишившись двух третей своей морской авиации, причём экипажи либо погибли, либо попали в плен, разбомбили аэродромы, порт, склады, доки Морзавода со строящимися в них подлодками, вокзал, основательно разрушили и пожгли сам город, утопили пять крупных грузовых судов и оба эсминца, бывшие в строю ТОФ. Последнее обстоятельство особенно грело душу самураям, во всяком случае, газетчикам. Пусть оба корабля старые «Новики», но один из них – «Сталин»! Император отмщён! Наши потери в морской авиации также были тяжелейшие, но советские пилоты, выбросившиеся с парашютами, приземлялись на нашей территории. К тому же, уже через неделю, благодаря маневру силами, мы восстановили Владивостокскую группировку, а японцам свою морскую авиацию, фактически, надо было строить заново, она вышла из игры на неопределённый срок.

Спускать налёт японцам было нельзя. Поэтому, через два дня, советская дальняя авиация нанесла ответный визит в город и порт Дальний. Он, формально, лежал вне пределов государства Пу-и, но этим обстоятельством просто пренебрегли. Две дивизии ДБ-3 и полк ТБ-7, прикрытые истребителями И-19, отработали на славу. Тем более, что противодействия им не было оказано почти никакого. Важнейший транспортный узел, через который в Маньчжурию перебрасывались войска из Китая, был разрушен. На утопленных в порту и на рейде транспортных судах погибло, вместе с тяжёлым вооружением, немало успевших повоевать ветеранов. Этот «размен» заставил японцев переоценить дальние рейды авиации и больше попыток нанести удары по советским городам они не предпринимали. Да и нечем им уже было их совершать.

Подробности этих дел были мне известны из первых рук благодаря тому, что Берия, получив рапорта от моих «сменщиков» о характере действий капитана Любимова на посту уполномоченного при авиагруппе Смушкевича, прикомандировал меня временно, в качестве консультанта, к Управлению Особых отделов. В работе с личным составом мужики могли мне дать сто очков форы, а вот по «железу», как в случае с радиостанциями, их необходимо было направлять в нужное русло. Благодаря мне, внимание особых отделов в армии сосредоточилось не только на выявлении вражеских элементов и дисциплине, но и на тактике, снабжении войск, их техническом оснащении. Фактически, это была та же работа в направлении выявления и устранения недостатков в РККА, которую я по-тихому начал ещё с Испанских событий, собирая сведения от их участников. Наработки не пропали зря. Все они, а также вновь выявленные «косяки» докладывались начальником Управления наркому еженедельно, а Берия, в свою очередь, шёл с ними в ЦК. Армейцы сейчас в победителях, которых не судят, но и НКВД надо показывать свою работу.

Надо сказать, что наша деятельность имела последствия. Недостатки, под присмотром НКВД, устранялись максимально быстро, не в пример мирному времени. Шесть лет не могли принять на вооружение пулемёт на замену Максиму, а тут на тебе, пожалуйста, месяц на испытания и новый образец принят на вооружение. К моему великому сожалению, двуствольный ПШ последней модели, где был введён дополнительный замедлитель в спусковой механизм, обеспечивающий два режима огня, 1000 и 600 выстрелов в минуту, не прошёл, хотя испытания выдержал и был единственным, способным отстрелять 250 патронов одной очередью без перегрева. Два ствола на пулемёт посчитали роскошью в массовом производстве. На вооружение был принят пулемёт Мощевитина, использовавший ту же схему с выкатом ствола вперёд, но ствол у него был один единственный. Винтовка этого конструктора выставляемая ранее на конкурс, была самой лёгкой и второй по надёжности после СВШ, показала 1400 выстрелов в минуту автоматическим огнём при магазине в пять патронов. Фактически это был один короткий «залп» с соответствующей отдачей. В пулемёте Мощевитин «подсмотрел» у Шпагина газоотводный механизм отпирания и перезаряжания, вместо поворота ствола под действием врубающейся в нарезы пули, что снизило темп стрельбы, и применил вместо наствольной возвратной пружины, подверженной перегреву, спиральную на затворе-затыльнике, работающую на скручивание и связанную со стволом и питающим механизмом рычагами. От действия этих рычагов взводился и спусковой механизм, снабжённый замедлителем Шпагина. Для смены ствола было достаточно лишь открыть защёлку обоймы и движением вперёд-назад за специальную рукоятку снять его с газового поршня и вывести из неподвижного раструба-надульника на конце направляющей шины. Эти манипуляции были возможны и при установке оружия внутри бронемашины. Фактически, с моей точки зрения, это была всё та же «Рысь» РМБ, приспособленная к автоматической стрельбе. Благодаря двухэтапной подаче патрона, с раздельными циклами извлечения из металлической ленты и снижения на линию выстрела, пулемёт не страдал от демонтажа пуль из гильз и преждевременных выстрелов, чем грешил ближайший, после ПШ, конкурент – пулемёт Дегтярёва. В итоге у Мощевитина вышло чрезвычайно лёгкое оружие (само тело – всего семь килограммов) с темпом стрельбы 1000/600 выстрелов в минуту, которое хоть и не могло выпустить 250 пуль непрерывной очередью, но было простым по устройству, надёжным и дешёвым в серийном производстве. Подсмотренная у ПЛ и ПШ (а до этого мной у «Корда») система верхнего-нижнего станков, сделала новый пулемёт по-настоящему единым, позволяя использовать его в качестве ручного на уровне взвода-роты, станкового на уровне роты-батальона, и для вооружения танков.

Не отставали и танкостроители. Опыт боёв в Маньчжурии показал, что нижняя лобовая бронеплита Т-126, а также щиток мехвода, могут быть пробиты японской 75-мм пушкой и их, так же как и лоб конической башни, оперативно довели до 60-ти миллиметров. Новый бронекорпус с единой верхней бронеплитой и призменными приборами наблюдения водителя, успешно выдержал обстрел из трофейных орудий и пошёл в серию. В ходе ремонтов получали дополнительную броню и Т-28, не участвовавшие в боевых действиях. Не осталась без внимания и японская тактика танков-тягачей для пушек, показавшая, что и трёхдюймовки могут быть очень полезны. На ЗИЛе, после исчерпания запасов старых 122-мм гаубиц и 76-мм пушек образца 1933 года, совсем уж собрались сворачивать выпуск СУ-5, надеясь лишь сохранить в серии шасси хоть в виде БТР и спецмашин, но ГАУ дало «добро» на вооружение самоходок пушками 02/30 годов. Оборудованные подсказанным мной индивидуальными самоокапывателями по типу «эталнного» Т-72, при бое на больших дистанциях эти машины имели неплохие шансы на успех.

Но самое главное, что Особым отделам на оборонных заводах поставили задачу держать на контроле качество и комплектность продукции наравне с военной приёмкой. Двойной контроль резко осложнил жизнь тем, кто хотел добиться количества за счёт качества. И в промышленности и в НКО. Конечно, если случай был не такой тяжёлый, как с радиостанциями, кото-

рые выпускались в заведомо недостаточных количествах на одном единственном Московском радиозаводе. Но и здесь, после обсуждения вопроса в ЦК и Совнаркоме, сделали правильные выводы и постановили в течении двух-трёх лет увеличить мощности аж в пять раз. С гарантией.

Эпизод 2.

Всю вторую половину лета я начинал свой рабочий день с того, что в сопровождении двух «прикреплённых» направлялся на Лубянку в УОО ГУГБ и корпел там с бумагами до обеда, после чего возвращался к себе на остров, чтобы не запускать собственные дела. Ездил на подаренном мне заводчанами ЗИЛа после возвращения из Монголии «Москвиче». «Креатива» тяжёлому мотоциклу с коляской не хватало, разве что, в названии. В остальном, выкрашенный в ярко-красный цвет, лакированный байк с укреплённой на баке пластиной с дарственной надписью «за всё хорошее сразу», был полностью нашей, советской, оригинальной конструкцией, построенной вокруг малого 30-сильного мотора-любимчика. Новой красивой игрушке я, разумеется, рад был до безумия, но разговаривая со своим наркомом о нём, сказал, что летом надо готовить сани. То есть если уж мотор ставят в серию в Уфе с планом тридцать тысяч в год, что в наших, советских масштабах сущие крохи, то пустить их следует на снегоходы. Тем более, что опыт дальневосточных пограничников с этой техникой сугубо положительный, а зимы у нас всем известно какие. Одно дело не более двух пассажиров возить по дорогам, совсем другое – три-пять сотен килограмм груза по снежной целине. Да и обычный малолитражный автомобиль попрактичнее мотоцикла будет, благо мощности мотора хватает.

В четверг первого сентября, когда я было уж собрался выезжать на «остров», меня вызвал к себе сам Берия. Это было странно, потому, что отчитывался я перед непосредственным начальником о своей работе по понедельникам. Прикинув в уме, не накосячил ли я или кто то из моих подчинённых и ничего не надумав, явился в приёмную к наркому с заведомым ожиданием неприятных сюрпризов. Опять, наверное, какой-нибудь аврал и надо бросаться грудью на амбразуру. Когда я вошёл в кабинет, Лаврентий Павлович стоял у окна, казалось, что-то рассматривая на улице. Но это впечатление было обманчивым, ведь вид внутреннего двора вряд ли мог прельстить несостоявшегося архитектора, нарком просто думал. Обернувшись ко мне он не предложил, как обычно, сесть, а подошёл ко мне почти вплотную и тихо спросил без предисловий:

– На мотоцикле приехал?

– Да…

– Прекращай форсить. Сразу видно кто едет. И прикреплённые, в случае чего, не спасут.

– Что, британцы зашевелились?

– Да, но ты здесь, пока, не причём. Тем не менее, сюрпризов нам не нужно.

Разговор у нас получался какой-то пустой. Ну, допустим, опасается нарком, что я езжу на приметной технике, открытой всем ветрам. Так звонка достаточно, чтобы это прекратить. Зачем к себе вызывать? Наверное это моё недоумение отразилось на лице и Берия, сморщившись и решившись на что-то, выдал ЦУ.

– Завтра приедешь на «Туре» в полной парадной форме! – приказал он мне, внимательно глядя в глаза в ожидании моей реакции.

– Награждение? – обрадовавшись, высказал я робкую надежду.

– Зазнаешься, – улыбнулся в ответ нарком. – Поэтому награждать тебя пока не будем. Поработаешь на ниве дипломатии. Итак. Завтра на «Туре» и при полном параде явишься к девяти часам утра вот по этому адресу, – тут он отошёл к столу, взял с него записку и протянул мне. – Это в посёлке Сокол. Заедешь во двор. Там к тебе в машину сядут трое японцев. Привезёшь их к себе на остров.

– Японцы?! У меня в лагере?!! Да там же секретов, куда ни плюнь!!! – не на шутку испугался я. – Да и что им там, вернее, мне с ними делать?

– Не перебивай. Сегодня ночью к тебе придёт пароход «Революция», встанет в канале. В том, что без шлюза, к электростанции ведёт. Насколько я знаю, берега там достаточно высокие и ёлками обсажены?

– Точно! – подтвердил я заинтригованно.

– Вот на этот пароход японцев и доставишь. Потом, завтра же к полудню к тебе приедет колонна машин. Вот их список, – протянул Лаврентий Павлович очередной листок. – Всех, кто приедет, также переправишь на «Революцию». Машины останутся пока у тебя. Разместишь водителей. Охрана останется на пароходе. В гарнизоне усиленный вариант несения службы. Все увольнения отменить. За периметр никого не выпускать и не выпускать, даже командиров и членов их семей, включая детей. Вопросы есть?

– Конечно, товарищ комиссар государственной безопасности первого ранга!

– Задавайте.

– Надолго это? Дети только в школу первый день пошли. Специалистам, опять таки, выезжать надо, на остров материалы для работ завозить. В такой блокаде у меня все островные СКБ в чистых теоретиков превращаются!

– Потерпишь несколько дней. Максимум, неделю.

– Ещё вопрос можно, товарищ нарком? – плюнув на всё, я набрался наглости. Очень уж неприятно было играть «в тёмную».

– Слушаю.

– Что же это за игры такие с конспирацией, причём с иностранными гражданами государства, с которым мы ведём войну? Предупреждаю, что я не намерен участвовать ни в чём за спиной партии и правительства СССР! – жёстко обозначил я свою позицию.

– Вы думаете, что народный комиссар внутренних дел товарищ Берия может быть замешан в чём-то за спиной партии и правительства СССР? – с усмешкой задал мне встречный вопрос Лаврентий Павлович, позволив себе слегка меня передразнить, скопировав в конце мои слова и голос.

– Я ничего не думаю, не имею оснований! – ответил я резко. – Но я должен быть абсолютно уверен в том, что делаю. В противном случае, приказ, вызывающий у меня закономерные сомнения выполнять не собираюсь и считаю своей обязанностью доложить о нём наверх. Ходы и выходы у меня, вы знаете, есть.

Заявив вот так, в лоб, о неподчинении, я уже успел прикинуть в уме «плохие» варианты. Арестовывать меня Берия не будет. Научен, знает, чем это заканчивается. Немедленная ликвидация? Тоже без пристального внимания не останется. А расследование прямо накануне намечающейся тайной операции, связанной со мной очень тесно, неминуемо её сорвёт.

– Не доверяете? – ничуть не смутившись и не испугавшись, переспросил ещё раз нарком.

– Доверять или слепо верить – две большие разницы!

– Наверху, как вы выразились, мой приказ вам подтвердят, товарищ капитан, – с лица Берии разом пропали все эмоции, а голос стал официально-холодным. – Но мы не будем позорить наше ведомство пересудами в ЦК по совершенно секретным вопросам. С вас станется устроить излишнюю суету на ровном месте. Хотите быть в курсе дел? Отлично! Значит, примете на себя всю ответственность за планируемое мероприятие. Итак. В Москву прибыла тайная миссия адмирала Ёная Мацумаса, министра японского флота. По личному поручению императора Хирохито. Цель миссии – заключение мира между СССР и государством Маньчжоу-го. В японском правительстве цели миссии не знают, но о самом факте существования, разумеется, в курсе, поэтому, вероятно, догадываются. И, поскольку кабинет Коноэ, в целом, за продолжение войны, сделают всё, чтобы миссию сорвать. Знают, или, вероятно, будут знать в ближайшее время о присутствии миссии и правительства иных стран. Все они заинтересо-

ваны, чтобы мы с японцами воевали как можно дольше. Чтобы вам, товарищ капитан, была ясна вся серьёзность положения, скажу, что в японском посольстве на адмирала Ёная уже покушались. Вчера. В первый же день прибытия. Его пытались отравить и виновных пока не нашли. Нашему наркомату Советским правительством поставлена задача обеспечить тайну и безопасность переговоров. Японская делегация завтра с утра покинет посольство и на несколько дней исчезнет.

– Но почему я и мой остров? – немного растерявшись от осознания дел, в которые влип, брякнул я первое, что пришло на ум.

– Потому, что, во-первых, нашим противникам трудно будет предположить, что переговоры будут проходить именно там. Во-вторых, вокруг вашего лагеря у нас развёрнута плотная и неоднократно доказавшая свою эффективность сеть информаторов. Любые шевеления вблизи нам сразу же станут известны. В третьих, там можно разместить японскую делегацию с соответствующим её рангу комфортом. В четвёртых, нарком НКИД товарищ Молотов может и в автозаке на переговоры приехать под видом спецконтингента, как и низший технический персонал и охрана японцев. А высших же лиц миссии прилично везти на лимузине «Тур». Единственный лимузин, который не вызовет подозрений, принадлежит вам. И ещё. Мы, конечно, можем себе позволить воевать и дальше, но в свете текущей международной обстановки в Европе, нам крайне желателен мир. Постарайтесь оправдать оказанное вам доверие.

Я «завис» переваривая входящую информацию. Да, мир нужен. Резкий рост численности РККА отозвался частичной мобилизацией в Польше. Венгрия тоже восстановила свои вооружённые силы. Правда, пострадали от этого пока только чехи. Прецедент судетского плебесцита послужил поводом для поляков безнаказанно настоять на том же, но применительно к Тешинскому району. Венгры пока не предпринимали резких шагов, но присматривались к Закарпатью, где их соотечественники составляли значительную долю населения. Между Германией и Польшей, на почве общих целей, укрепилось и без того тесное взаимодействие и обе страны, причём, по инициативе поляков, опасающихся, что проголосуют «неправильно», повторно обвинили Чехословакию в репрессиях против национальных меньшинств и потребовали, чтобы плебесциты были проведены под охраной немецких и польских войск. Чехам, распустившим по домам армию, нечего было противопоставить агрессивным соседям и они смирились. Фактически, потеряв территории ещё до голосования, которое лишь узаконило свершившийся факт. У СССР были все основания опасаться, что намечающийся Германо-Польский союз обратит свои взоры на нашу страну. Конечно, воевать уже поздновато, осень на носу. Но бережёного Бог бережёт.

– От того, насколько хорошо вы справитесь, будет зависеть и то, с чего начался наш разговор, – после паузы завершил свою мысль Берия и выпроводил меня из кабинета.

Эпизод 3.

Точно в назначенное время мой чёрный «Тур» въехал в один из переулков посёлка Сокол. Ворота глухого забора с табличкой, на которой был выведен оговоренный номер дома, при приближении машины заранее распахнулись, видимо, предупредил внешний наблюдатель, и я сразу загнал лимузин во двор. Не успел «Тур» окончательно остановиться, как с крыльца стоящего в окружении садовых деревьев дома сбежал лейтенант-чекист, а за ним трое во фраках и цилиндрах с небольшими чемоданчиками в руках. Видя, что пассажиры с багажом, я вышел, чтобы открыть заднюю дверь. Тут произошла небольшая заминка. Японец, старше своих спутников на вид и опирающийся при ходьбе на явно очень дорогую трость, вместо того, чтобы поставить свои пожитки в багажник, протянул их мне. Вот ещё! Мне приказали поработать парадным извозчиком, а вовсе не прислуживать господам самураям! Я не постеснялся показать это всем своим видом, вздёрнув подбородок и выпятив грудь. Адмирал Ёнай, а это был именно

он, смерил меня таким взглядом, будто это он, а не я, был на целую голову выше. Ну, ну, меня этим не проймёшь. Не Сталин, чай, а какой-то там япошка, которого вижу в первый раз и, максимум через неделю, о нём забуду. Удерживая дверь открытой, жестом, максимально вежливым, улыбнувшись, показал самураю внутрь. Он молча повернулся ко мне полубоком, посмотрел ещё раз в лицо, хмыкнул и поставил-таки чемодан в багажник, после чего развернулся и, пройдя мимо лейтенанта, державшего открытой заднюю дверь, самостоятельно, с невероятно гордым видом, уселся вперёд. Младшие японцы предпочли меня просто не заметить, побросали вещи и заняли места на заднем сидении и тут же задёрнули внутренние шторки.

Я сел за руль и, прежде чем тронуться с места, отстегнул меч с ножнами, венчавший полный комплект моей «парадки», и пристроил его справа от себя, положив рукоятью на диван. Как ни как это ведь тоже награда, даже более дорогая мне, чем ордена. Министр японского флота сначала покосился на меня, стараясь делать это незаметно, но потом, когда я в упор на него посмотрел и он понял, что скрываться ему не к лицу, повернулся и стал беззастенчиво разглядывать оружие. Я же, потихоньку ведя машину по переулку, не менее откровенно принялся разглядывать самого японца. Чтобы не остаться в долгу. Да и, по совести говоря, любопытно, министров императорского флота я не каждый день встречаю.

Горделивая осанка, лицо, от которого, казалось, веяло мужественным спокойствием, совсем немного седины в аккуратно подстриженных жёстких даже на вид волосах. Ему можно было дать и сорок и семьдесят лет. Кто их, азиатов, разберёт? Кроме них самих же. Вместе с тем, мешки под глазами явно указывали на недосып и усталость от нервного напряжения, которую он скрывал.

– Простой невзрачный тесак, а ведёт себя будто меч Мурамаса за поясом, – на чистом русском, явно для меня, но напрямую не обращаясь ко мне, проговорил адмирал. Сзади послышалось одобрительное фырканье и хмыканье, будто его подчинённые оценили удачную шутку. Откуда мне знать, что их так позабавило? Я не спец по японской истории и культуре, только общее представление имею. Это потом, наведя справки, мне стала понятна суть услышанного. А тогда слова адмирала задели меня сильно. И даже не меня. Показалось, от сказанного адмиралом клинок мелодично «запел», подобно камертону.

– Греки называли это оружие «спата»! А мои предки просто мечом, выкованным из небесного металла руками кузнеца, говорившего со мной на одном языке, и рубили им лезущих через Дунай римских легионеров! Когда на ваших островах только-только появилось привозное железо, он уже впитал в себя частицы духа многих поколений воинов, им сражавшихся, и реки крови их врагов! – злые слова слетели с языка будто и вовсе без всякого участия моего разума и в то же время, я был абсолютно уверен, что они правдивы.

Проскочив по Песчаной и Таракановской, я выехал на Ленинградское шоссе. Адмирал Ёнай выпрямился и, глядя прямо перед собой, кивнул, сказав спокойно.

– У вас был свой Мурамаса. Самурайский дух – это хорошо.

Я подумал, что разглядывая мой меч, он просто прятал лицо, отвернувшись от окна, пока мы петляли в тесноте и прохожие вблизи могли его узнать, но оставлять за японцем последнее слово, даже если оно показалось мне примирительным, я не собирался.

– У нас всё было, есть и будет! И больше, чем у вас! – пробурчал я, тоже глядя на дорогу.

Ёнай Мацумаса помолчал с минуту, а потом, ехидно так ухмыльнувшись, заметил, попрежнему не глядя в мою сторону.

– У вас флота нет!

Вот зараза! Думает, уел меня. Хорошо, что не добавил, что это они его утопили. Я бы точно тогда с катушек слетел. Но и этого хватило, чтобы я выпалил:

– Не беда! У вас его тоже скоро не будет!

Тааак… Похоже мне тоже удалось японца зацепить! Он повернулся ко мне, вздёрнул нос, выпалил всего одно слово и сразу же плотно сжал губы:

– Почему?

– Потому, что тот, кто делает стратегические ошибки, неминуемо проигрывает. Тактические успехи могут лишь затянуть агонию, не более. Вы, наверное, до сих пор не понимаете, как вас подставили англичане, втянув в конфронтацию с Россией. Если бы вы уделили тогда больше времени изучению противника, то поняли бы, что Россия, в конечном итоге, побеждает всех, кто становится её врагом. Это факт. Мы можем проигрывать битвы и даже войны, но запас прочности таков, что спустя время всегда возвращаемся отдать должок с лихвой. Монголы прошлись по всем русским землям, кроме Новгородской и Полоцкой и больше двухсот лет брали с нас дань. И где они теперь? Последний осколок Орды, Крым, стал русским в конце восемнадцатого века. Османская империя наводила ужас на народы Европы. Чтобы сломать ей хребет нам потребовалось четыреста лет кровопролитных войн. Кто сейчас считает Турцию великой империей? Польша, как гиена нахапавшая русских земель после татарского побоища, захватившая ненадолго даже Москву, вообще на сто лет пропала с карты, лишь недавно восстановив свою государственность. Где могучая Швеция, владевшая почти всем побережьем Балтийского моря? Что приключилось с Наполеоном? И зная всё это, вы связались с русскими?

Сзади захрипели-зарычали по-японски, но адмирал коротко рявкнул в ответ и его спутники утихли.

– Каждый воин гордится землёй, на которой рождён. Мы тоже гордимся своей, – сказал он мне. – И мы тоже имеем упорство сражаться, пока наши враги не падут…

– Или пока не падёт последний японец, – подхватил я и закончил мысль адмирала. – Охотно верю. Но вы ведь не к этому стремитесь? И здесь кроется ваша вторая стратегическая ошибка. Вы не только историю России проигнорировали, но и Англии, на которую равняетесь. Ведь Англия пыталась удерживать и захватывать земли на континенте, но только когда прекратила эти безуспешные попытки и обернулась в сторону моря, стала великой державой. Вам не кажется нелогичным, что вложившись в третий в мире флот и имея весьма посредственную армию, вы ввязались в войну именно на суше, да ещё и сразу с двумя государствами, превосходящими вас по масштабу в разы? Если вы морская держава, лежащая на островах, то и успеха следует искать на море. Что мешало вам под каким-либо предлогом отвоевать у Португалии Тимор? Слишком мелко, недостойно самурая? Устроить какой-либо пограничный конфликт с голландцами? Отвоевать у этой беззубой колониальной империи её владения на островах тёплых морей, на которых можно было построить ещё две Японии? Кто мог вам помешать в прошлую Великую войну, когда Державы были заняты своими проблемами в Европе? Вы не смогли заглянуть даже на десять лет вперёд и зашевелились лишь тогда, когда вам, простите, стало попросту нечего жрать. Глядя на вас, создаётся впечатление, что вы являетесь не субъектом международной политики, а объектом, которым манипулируют, пользуясь неопытностью. Если бы вы думали своей головой, а не равнялись на «просвещённых европейцев» то никогда бы не подписали Вашингтонское морское соглашение. Если бы флоты развивались без ограничений, то Англия уже к началу тридцатых рухнула бы под тяжестью расходов, да и Североамериканские Штаты вряд ли сумели бы справиться с депрессией. Вам тоже пришлось бы затянуть пояса, зато колонии британцев и Филлипины сами упали бы к вам в руки. И сейчас ваша стратегия не выдерживает никакой критики. Вы выбрали себе в союзники Гитлера. Эта фигура заранее предназначена англосаксами, теми, кто привёл его к власти, на заклание. Как и Германия в целом, которой отводится в международном раскладе роль пушечного мяса. Вне зависимости от итогов новой русско-германской войны, которую Гитлер, несомненно, развяжет. И вы связались с заведомо обречённой стороной! Тем более, как показала практика, не отличающейся верностью союзническим обязательствам. Я буду очень удивлён, если Япония вообще сохранится как империя после завязывающейся прямо сейчас очередной Мировой войны, а не станет колонией каких-нибудь Североамериканских Штатов, как Филлипины.

Сказав это в запале, я выдохся и замолчал. Возникшая пауза охладила голову и в ней, наконец-то, возник вопрос. Не ляпнул ли я чего лишнего? Да и вообще, на кой мне сдался этот адмирал? По уму, рот надо держать на замке. Нет, разболтался, стал варианты «за Японию» просчитывать! Своей страны что ли нет?

– Ваши рассуждения не похожи на слова большевика, – заметил Ёнай.

– Если хочешь, чтобы собеседник тебя понял, общайся на его языке, – ответил я на автомате, как голливудский терминатор, выбрав за доли секунды один из подходящих вариантов.

– Вы считаете, что Япония обречена, – со стороны адмирала это был не вопрос, а констатация факта. – Но вы лукавите, ничего не говоря о том, что Япония может стать, с вашей точки зрения, колонией России. И это при том, что вами столько сказано, что русские всегда побеждают своих врагов.

– Маловероятно. Стоит нам начать наступление на острова, как к вам придут на помощь американцы или англичане. И эту помощь вы с радостью примете, потому, что страна ваша будет разрушена, а флот утоплен авиацией и подлодками. И вы впустите этих «помощников» к себе, сразу превратившись из империи в зависимого «младшего брата». Да и зачем нам это? Что у вас есть такого, что нам может понадобиться? Прорва голодных ртов, готовых с радостью умереть за императора? Свободного выхода в океан нам всё равно не видать по причинам, о которых сказал раньше. Ни Швеция, ни Турция, к примеру, не потеряли независимости, но быть великими державами перестали и последняя всё так же запирает проливы. В вашем случае, наиболее вероятен именно такой вариант. Выходит… нам выгодна сильная самостоятельная Японская империя. Нейтральная, а ещё лучше, союзная, – с удивлением от вывода, к которому пришёл, закончил я свою цепь рассуждений. – Во всяком случае, это много лучше для всех нас, чем американский плацдарм на месте вашего государства, утыканный военно-морскими и военно-воздушными базами, который в случае новой войны превратится в поле боя.

– Будем считать, что сказанное вами… товарищ Любимов, услышано, – сказал японец и отвернулся от меня, дав понять, что тема закрыта.

– Вы знаете меня?! – не смог сдержать я удивления. – Вас предупредили заранее, что я вас повезу?

– Нет. Не предупреждали. Но ваши заносчивые и назойливые попытки навязать свою позицию перед важными переговорами, заставили присмотреться. Тогда я вспомнил, где я вас видел и что о вас слышал. На что вы рассчитывали, пытаясь мной манипулировать, в чём, кстати, обвиняли англосаксов?

– Сдались вы мне, манипулировать вами! – фыркнул я в ответ. – Просто упражнение для ума, составить позитивную стратегию для Японии. Из уважения к её народу, близкому к нам по духу. Пусть вас успокоит то, что я бы, даже в виде игры не стал заниматься тем же в отношении Англии или любой другой страны Европы. Тем более, что это занятие неблагодарное и бесперспективное, западная буржуазия сама загоняет себя в очередную мировую бойню, которая её и погубит.

– Теория марксизма отвергает всяческое угнетение. И вы, будучи большевиком, пытаетесь подтолкнуть Японию к захвату колоний, которые, с вашей точки зрения, наоборот, должны быть освобождены? Вы явно отклонились от линии партии. Во что трудно поверить, учитывая ваше положение. Как видите, я тоже могу общаться на вашем языке. И тогда всё ваше хитрое лукавство выплывает наружу.

– Во-первых, теория марксизма в СССР эволюционирует. Мы теперь строим коммунизм исключительно внутри наших границ и для народа, который в вооружённой борьбе доказал своё право жить в обществе будущего. Благотворительностью не занимаемся и силком в Царствие Небесное никого не тащим. Во-вторых, какая нам разница, чьи будут колонии, англий-

ские, голландские, американские или японские? В третьих, мне вообще плевать. Хотите профукать свою империю, ни мешать, ни помогать не будем.

– Это позиция правительства Советской России? – очень чётко, медленно проговаривая каждое слово, спросил Ёнай.

– Это моя позиция. Что думают по этому поводу в Совнаркоме – понятия не имею!

– Жаль. Русские министерства флота и внутренних дел, партия Большевиков, чей лидер обязан вам жизнью, да и министерство лёгкой промышленности могли бы положить на чашу весов своё мнение для установления прочного стратегического мира между нашими странами, – как бы размышляя вслух, сказал адмирал.

– Зачем нам это? Насколько мне известно, ваше бестолковое, но яростное контрнаступление, которое началось два дня назад, не сдвинуло Красную Армию ни на миллиметр. Сейчас вы положите под наши пулемёты и артиллерию все свои войска, переброшенные из Китая и метрополии. И что сможет остановить нас, когда танкам подвезут достаточно топлива для того, чтобы вышвырнуть вас с континента? Тем более, что в Москве уже две недели сидит китайская делегация на предмет заключения антияпонского союза. Им пока не сказали ни «да», ни «нет», заявив, что ведём войну только с Маньчжоу-го, но соглашение очень и очень вероятно. Заперев вас на островах, мы защитимся от ваших агрессивных амбиций в отношении наших границ и достигнем поставленных целей. Вот тогда можно будет поговорить и о мире, – стал я рассуждать, в основном, чтобы не признаваться в том, что японец меня переоценивает.

– Тогда о мире говорить будет поздно. Тогда можно говорить лишь о затяжной войне. А вам скоро понадобятся все ваши армии в Европе, – недовольный моим ответом, ледяным тоном отчеканил адмирал, но потом, помедлив, чуть-чуть смягчился и перешёл на доверительный тон. – Буду с вами откровенен. Продолжая войну, безопасности ваших границ вы не добьётесь, но заимеете непримиримого врага. Может быть, вам удастся нас победить окончательно. Но это будет, как вы выяснили, Пиррова победа. А может быть у вас останется на востоке так мало сил, что мы всё своё вернём с лихвой. Единственное, что может гарантировать вам безопасность в Тихоокеанском регионе, это прочный мир между нашими странами прямо сейчас и, возможно, союз в будущем. Я, во всяком случае, приложу к этому все усилия, могу обещать. Императорский флот уже давно не рассматривает Россию в качестве противника. А в этом жестоком мире, это уже достаточный повод, чтобы искать дружбы. Будучи в Петербурге в 16-м году я уже пытался заключить союз между Россией и Японией, но тогда всё испортила ваша революция. Пришедшие к власти большевики, в числе прочего, поставили своей целью свержение императора, что автоматически сделало нас непримиримыми врагами. К счастью, вы, господин Любимов, не так давно произнесли знаменательную речь, которая повлекла кардинальное изменение вашей доктрины развития. Таким образом, препятствия к нормализации отношений с вашей стороны были устранены. В Японии же, после Мировой войны, в двадцатых годах, императорский флот, поддерживаемый дзайбацу, которых мы обеспечивали выгодными контрактами, завоевал огромное влияние. Армия не могла смириться с второстепенным положением. Именно поэтому была начата война в Китае. Но быстрой победы, как в Маньчжурии, которая нам была единственно нужна, не получилось. Вдобавок, Квантунская армия самостоятельно, без ведома и санкции правительства, развязала конфликт с СССР. Оборачивающийся, как видим, одними лишь поражениями. Кайрецу, потеряв половину Маньчжурии, несут огромные убытки. Перспектива ещё больших потерь заставляет их говорить во весь голос. На днях толпа закидала камнями дом начальника штаба Императорской армии. Это никакими высокопарными фразами, никакой лестью не скрыть, как ни кричи о мнимых победах. Император больше не доверяет правительству принца Коноэ. Его величество лично принял решение, чего не случалось никогда прежде, обратился ко мне через голову императорского тайного совета и кабинета министров, приказав приложить все усилия к заключению мира. Это уникальный шанс для наших стран, которого больше не будет. Пренебречь волей императора – нанести

каждому японцу тяжкое оскорбление. Именно сейчас генералов, дискредитировавших себя, удобно отстранить от власти и полностью подчинить флоту. Новое правительство, новый императорский тайный совет, которые мы сформируем, заинтересованное в союзе с СССР – вот единственная гарантия мира между нашими странами для совместного взаимного процветания, – высокопарно закончил свою длинную речь Ёнай.

– Сказка хороша, – сказал я усмехнувшись. – Самое главное, что опирается, оказывается, на то, что флот Японии не считает СССР достойным противником. Нечего сказать, прочная основа для сотрудничества. Однако, если сейчас войска и остановятся там, где они есть, советско-японская сухопутная граница не исчезнет. И на ней всё так же будут стоять ваши, а значит и наши дивизии. Зачем это вам, я понимаю. Учесть ошибки, собраться с силами и ударить. А нам это зачем?

– Вы не поняли. Если армию подчинить флоту, то никаких войн между нами больше не будет. Мы будем есть весь пирог, ни с кем не делясь. Императорский флот будет не третьим, а первым в мире. Армии ничего не останется.

– Как же! Вы всегда будете стремиться иметь хоть на одну дивизию больше, чем у нас. Лет через пять ваши генералы так восстановят свои позиции и всё начнётся с начала.

– Что же делать? Поверьте, я, как министр Императорского флота, искренне заинтересован в русско-японской дружбе. Объединив наши усилия, мы станем непобедимы. Ваша промышленность по многим показателям вышла на первое место в Европе. Наша – первая в Азии. Кто сможет бросить нам вызов? Мы будем достаточно сильны, чтобы угрожать и вашему извечному врагу – Англии, которая, в противном случае, всегда будет оставаться для вас неуязвимой.

– Вы под этим соусом можете лишь захватить английские азиатские колонии, но никак не можете помочь нам в случае войны в Европе. А десант через Ла-Манш мы сможем высадить и без вас, – заметил я. – Но могу вам посоветовать предложить товарищу Молотову сократить вашу армию на континенте до абсолютно необходимого минимума. И по численности, и по вооружению. Никаких танков, никаких тяжёлых орудий, никаких бомбардировщиков. Пожалуй, эта мера позволит держать ваших генералов в узде.

– Это невозможно! Кроме СССР существует Китай, с которым мы ведём войну!

– Как знаете. Но это могло бы соблазнить СССР на мир. Что касается союза, то весьма сомнительно, чтобы мы пожали руку тем, кто изгадил свою честь Нанкинской резнёй, – хмыкнул я.

Сзади в два голоса зарычали с подвизгиванием, причём звуки эти, без сомнения, были угрожающими, а не связанными с японским языком.

– Вы оскорбили члена императорской фамилии! Наш дипломатический статус не позволяет вызвать вас на поединок, но когда наша миссия будет завершена…

Я заржал, заглушив голос адмирала и, отсмеявшись, ответил:

– Тоже с удовольствием укоротил бы вас троих, или сколько там найдётся обидчивых, на голову. Если б не ваш дипломатический статус. Но говоря по совести, мне кажется странным, что вы защищаете кого-то из вашей правящей династии, кто её опозорил. На месте вашего императора я повелел бы этому отморозку сделать харакири, или что там у вас прилично в таких случаях. Однако, вижу, что сколько волка не корми, он всё равно в лес смотрит. Какой, к чёрту, мир, если вы на нас в любой момент готовы броситься по малейшему поводу? Тем более – справедливому. Или вы считаете великим подвигом убийства и изнасилования десятков и сотен тысяч безоружных? Нечего сказать – герои. Ехали бы вы, господа дипломаты, рыть окопы вокруг Токио. Что время-то зря терять?

Как ни странно, на этот раз дипломаты, несмотря на стремление всегда оставить последнее слово за собой, промолчали. Чтобы не везти Ёная через центр, где мы могли встретить иностранцев и его мог кто-нибудь узнать, я поехал по Садовому и уже успел свернуть на Люси-

новскую. Был у меня и ещё один умысел. Так по пути попадалось больше перекрёстков на которых регулировщики ОРУДа РККМ всякий раз приветствовали мой «Тур» вскидывая ладонь к виску, частенько давая мне «зелёную улицу». Не так много в Москве лимузинов-вездеходов с номером, начинающимся на «МИ», что означает регион и индивидуальное владение, и все они «профессионалам» известны наперечёт. Пусть японцы восхитятся, коли уж они приписывают мне неимоверное влияние.

Дома мелькают за окном, а тягостная тишина как повисла, так и болтается. Ловлю себя на иррациональном чувстве, будто слышу, как скрипят шестерёнки в голове адмирала Ёная. Император ему поручил, как же! Я не я, если этот мореман все уши несчастному Тенно не прожужжал, своего добиваясь. Приказ выбил, в Москву приехал, от убийц увернувшись, а тут такой облом по всей морде! Это ж надо им было додуматься, меня на поединок вызывать! Кирдык всей хитрой дипломатии! Предвижу, что если у них действительно получится меня зарезать, то наши работяги всю эту азиатскую империю перетряхнут и наизнанку вывернут, пока не успокоятся. У нас и без того счёт к самураям ещё с цусимских времён.

А то ишь чего удумали, мир и союз под их честное слово! Да кто им, считающим неприкосновенными всяких моральных уродов, поверит? Вот! И я не верю. Тем более, что предложить им нам, кроме того, что будут сидеть на попе ровно, сейчас нечего. Нечего нам у них купить такого, что у нас нет. Не немцы, совсем не немцы.

– Я полагаю, теперь вы выступите против, по крайней мере, заключения мира? – отвернувшись в окно, когда мы сворачивали на Нагатинское шоссе, спросил адмирал.

– Ну почему же? Совсем не против, если вы предложите условия, исключающие нападение с вашей стороны «по техническим причинам», – пожал я плечами.

– Это возможно, если вы вернёте нам всю Маньчжурию. Тогда севернее линии КВЖД, в районе изолированном от территории Китая, мы готовы держать лишь силы, достаточные для поддержания внутреннего порядка, – заявил японец.

– С чего мы должны уступать вам завоёванную территорию? Разве это наша армия разбита? – удивился я наглости посланника императора.

– Только так можно удовлетворить выдвинутое вами требование на приемлемых для нас условиях!

– Отдавать просто так мы ничего не собираемся. Мы что, просто так воевали? Вы можете предложить на переговорах обменять северную Маньчжурию, например, на южный Сахалин. Но вряд ли на это согласятся в Совнаркоме. Величины несопоставимые. Придётся Курилами доплатить, – рассмеялся я.

– Империя Ямато никому не уступает своих территорий! – стал нервничать Ёнай, повышая голос.

– Ну, как знаете. Раз вы предпочитаете, чтобы мы отвоевали Сахалин силой, так же, как и оставшуюся часть Маньчжурии с Кореей, то так тому и быть. До середины мая следующего года у нас время есть. Раньше этого времени осложнений в Европе всё равно не будет.

– Когда они наступят, мы вцепимся вам в мошонку, как английский бульдог! – выпалил адмирал в ярости от того, что пасьянс не складывается.

– Цеплялка не выросла, – усмехнулся я в ответ. – Корею и Маньчжурию китайцам-коммунистам отдадим, у них пехоты много, чтоб советниками и вашим же оружием снабдить. С такой базой они и остальной Китай подомнут. Будет второе красное государство. И если мы в своих границах собираемся сидеть, то за них не отвечаем. Счёт же у китайцев к вам огромный. Оставим против вас немного авиации, а армию уведём на запад. И ничего вы сделать не сможете. Хоть лопните от злости. Будете в блокаде сидеть хуже, чем англичане в Мировую, пока с голоду не передохните. Нравится перспектива? Или лучше «нулевой вариант»?

– «Нулевой вариант»? – мрачно переспросил Ёнай, подавленный тяжёлыми раздумьями.

– Ну да, возвращаемся к ситуации первой японо-китайской войны. Когда Россия ещё не вмешалась в подведение её итогов. Возвращаемся на черту, когда наши отношения были вполне нормальными. Обнуляем все наши конфликты. А кто старое помянет, как у нас говорят, тому глаз вон.

– И вы поддержите такой исход переговоров?

– Я человек маленький. Не так уж много шансов у меня есть, чтобы что-то сказать тем, кто решает вопросы такого уровня. И ещё меньше шансов, что ко мне прислушаются. Но, зная товарищей, могу предположить, что предложенный вами «нулевой вариант», который мы здесь с вами нащупали, будут рассматривать всерьёз.

– А после того, как мы начнём историю наших отношений с начала, можно будет говорить и о союзе… – как бы размышляя вслух, завёл заново свою шарманку министр флота.

– Не раньше, чем вы, тем или иным показательным способом избавитесь от военных преступников. В том числе и тех из Квантунской армии, кто ставил садистские эксперименты над живыми людьми, готовясь к бактериологической войне, – закинул я наугад удочку, чтобы по реакции попытаться понять, угадал я с «послезнанием» или нет. – Кстати, должен вас, уважаемый адмирал Ёнай, предупредить. Любая эпидемия на нашей территории может быть расценена как агрессия с вашей стороны и обесценит мир, которого ещё только предстоит достичь.

Министр флота молча кивнул с непроницаемым лицом. Правда, из-за того, что по своей неопытности я свалил в одну кучу нанкинских «героев» и вивисекторов из-под Харбина, нельзя было понять, знает ли адмирал о баловстве армейцев или нет.

– Вот мы и приехали, – сказал я перед воротами внешнего периметра. Японцы хранили молчание и с интересом разглядывали, что происходит вокруг. Миновав шлюз через большой канал, мы проследовали к малому, будто вымершему острову. Его жителям, и вольным, и невольным, было строго-настрого запрещено болтаться на улице, так что на глазах оставался лишь караул. У трапа, перекинутого с берега на теплоход «Революция», новейший, построенный в Сормове как плавучий санаторий, уже стояло несколько автозаков и, в сопровождении небольшой свиты, гулял сам Берия. После того, как высадил пассажиров и они поднялись на борт судна, на котором я с удивлением увидел желтолицых солдат с винтовками, нарком сел на освободившееся переднее место.

– Давай к себе домой, – приказал он с трудом сдерживая возбуждение. – Как всё прошло?

– Это что, тоже японцы и при оружии? – от удивления я даже ткнул пальцем.

– Взвод морской пехоты. У них это называется морские специальные части. «Революцию» на время переговоров полностью передали той стороне, даже наш экипаж сняли. Адмирал Ёнай там только со своими людьми, включая всю охрану и обслугу. Надеюсь, кабели питания, перекинутые с берега они расплетать не будут, курочить чужое имущество не станут и наши «закладки» не найдут, – нервно улыбнулся мне нарком. – Трогай и рассказывай, не отвлекайся.

Я начал подробно докладывать, что и как было, но Берия, удивив меня ещё больше, приказал говорить кратко. Но, подъехав к моему забору, он не выпускал меня из машины ещё полминуты, пока не дослушал до конца. Потом только кивнул и сказал:

– Пошли.

Эпизод 4.

Открыв калитку, я опешил. Во дворе Власик, сняв гимнастёрку, но при оружии, учил Петьку колоть дрова, изображая из себя местного жителя, хлопочущего по хозяйству. Это могло значить только одно – внутри САМ! Но войдя в избу, я понял, что реальность превзошла мои ожидания. В сенях толпились порученцы, так, что было не протолкнуться. А в двух комнатах собралась едва ли не вся элита СССР. Товарищи постарше сидели кто где горазд, даже

на подоконниках, а более «молодые» по рангу и партийному стажу «стояли пешком». В главе стола восседал в строгом костюме Молотов, а Сталин, не доставая ногами до пола – на высокой кровати. На коленях у него возилась маленькая Вика и без всякого стеснения накручивала «дедушке» на пальчик усы. Полина суетилась, убирая со стола всякую недоеденную снедь и, буквально, выкидывая её через дверь в сени в руки порученцев, освобождая рабочее место.

Когда мы с Берией вошли, все обернулись к нам и я растерялся, не зная, что должен делать.

– Докладывайте, товарищ Любимов, – пришёл мне на помощь Сталин, не вставая со своего места, лишь мягко отведя ручку Вики от своего лица. – Расскажите нам как прошла ваша поездка с адмиралом Ёнаем Мацумаса.

Похоже, что Берия подставил меня под японцев с полного одобрения или по прямому приказу товарищей из ЦК. Гадать зачем это было сделано не было времени и я просто стал пересказывать всё с самого начала ещё раз. На этот раз никто меня не торопил и не перебивал вопросами, говорил я в полной тишине. Но когда закончил и товарищ Сталин спросил, какие будут мнения, помещение будто взорвалось. Все заголосили разом, стараясь перекричать друг друга. Видимо, товарищи, оказавшись вне привычной для себя обстановки, когда на совещаниях за столами высоких кабинетов все сидели в соответствии со своим «весом», посчитали возможным громко заявить о себе неважно по какому поводу, раз выпал такой шанс. Молотов, не имея ничего под рукой, скинул туфлю и замолотил каблуком по столешнице, стремясь прекратить бедлам. Тишина наступила столь внезапно, что мои слова, вырвавшиеся в удивлении, услышали все:

– Ну, чисто, как Хрущёв!

– Что вы сказали? – переспросил Сталин.

– Я сказал, что, мне кажется, товарищ Хрущёв поступил бы точно так же, чтоб прекратить беспорядок! – чётко ответил я. – И ещё Кузькину мать показать пообещал бы!

Раздался дружный смех.

– Хорошая шутка, – заметил глава Совнаркома. – Не будем расстраивать хозяйку дома. Будем вести себя прилично, даже в её отсутствие. Товарищ Молотов, что скажет НКИД?

– Товарищу Любимову удалось более чётко выяснить японскую позицию, вскрыть ряд аспектов, о которых мы не знали, – сказал нарком иностранных дел. – Например, факт личного вмешательства императора и то, что миром японцы в большей мере хотят решить свои внутриполитические проблемы. Устранить армейскую группировку от власти нам, безусловно, выгодно. Тем более, что она сейчас в значительной части потеряла влияние. То, что скандал с обвинениями в измене командующего объединённым флотом обернулся пшиком, достаточно показательно. Но «нулевой вариант» японцев совершенно не согласуется с выработанным ранее планом переговоров. Напомню, что мы собирались настаивать на независимости Маньчжоу-Го и выводе японских войск, минимум, в Корею. С последующим свержением Пу-и и формированием нового китайского правительства в Харбине на основе членов КПК. Только противовес в лице Китайской Красной Армии, надлежащим образом оснащённой и вооружённой, способен обезопасить наши дальневосточные рубежи на случай ожидающейся войны в Европе.

– Товарищ Ворошилов, каково ваше мнение? – спросил Сталин.

– Моё мнение неизменно, – буркнул маршал. – Давить до последнего и установить в Японии Советскую Власть! Они своих коммунистов за людей не считают, а мы мириться с ними должны? С какой стати? Тогда и всякая необходимость во всей этой хитрой дипломатии отпадёт за полной ненадобностью! Красная Армия сокрушит японскую даже не вспотев, только доставьте нас на их острова!

За японцев не скажу, но мою физиономию от похвальбы наркома перекорёжило, будто целый лимон разжевал. Не мне одному пришлись не по душе слова Ворошилова. Скромно стоявший в уголке Кузнецов мрачно предупредил:

– У нас нет на Тихом океане достаточного количества десантных средств.

– Вечно у нас флот в отстающих! – с нескрываемым превосходством заявил маршал.

– Особенно по финансам! – огрызнулся нарком ВМФ.

– На дело деньги надо пускать, – не сдавался Ворошилов. – А вы вместо того, чтоб баржи на Тихом океане строить, выпросили себе дополнительные лимиты и спустили их на этот… как его, гексогеновый завод! Уже, второй, кстати!

– Прекратите! – тихо, но твёрдо попросил раздражённый Сталин, которому такие пикировки слышать было явно не впервой. – Давайте послушаем других товарищей.

Один за другим стали говорить наркомы-хозяйственники. Все их речи можно было свести к одному – темпы развития советской экономики упали до уровня 34-35-го годов из-за оттока работников в армию и увеличения выпуска оборонной продукции. Все единодушно высказались за скорейший мир. Но мир прочный. Затем слово взял Берия и подтвердил, что война, маленькая и победоносная, мобилизовала и объединила народ СССР, отодвинув на задний план внутренние разногласия. На этом фоне прибытие некоторого количества первых иммигрантов прошло без эксцессов. Внутриполитичская ситуация в стране позволяет продолжать боевые действия.

– Товарищ Киров, а вы что скажете? – спросил Сталин своего ближайшего соратника.

– Скажу, что всё это мы уже слышали и не раз, – заметил Сергей Миронович. – И утвердили план переговоров с японцами и цели, которые хотим достичь. Вместе с тем, товарищ Любимов выдвинул новый, так называемый «нулевой вариант», который ранее не рассматривался. То, что это сугубо японская инициатива, я не верю. Товарищ Любимов лукавит, представляя свою беседу с японским посланником в таком свете. Вот пускай и расскажет нам, как он пришёл к такой позиции.

В это время в сенях забренчал телефонный звонок и Молотова срочно вызвали к аппарату. Из-за того, что играющий ключевую роль в процессе нарком НКИД вынужденно отвлёкся, я получил немного времени, чтобы разложить у себя в голове всё по полочкам.

– Ёнай Мацумаса звонил в НКИД, звонок, как и было условлено, перевели сюда на меня, – входя в дверь, сказал Молотов. – Предложил увеличить состав делегаций на одного человека с каждой стороны. И высказал пожелание, чтобы от нас это был товарищ Любимов.

Сев снова за стол, Вячеслав Михайлович уставился на меня тяжёлым взглядом. Да и остальные товарищи, особенно Ворошилов, глядели далеко не благожелательно.

– Что вы на меня так смотрите? – спросил я, выходя за рамки привычного «протокола». – Подумаешь, побеседовали в самурайском духе, чуть на дуэль друг друга не вызвали. Видимо, Ёнай считает, что мы близки по взглядам и со мной говорить проще, чем с товарищем Молотовым, который почти всегда говорит «нет».

– Ты, вообще, на чьей стороне? – подозрительно прищурился Ворошилов.

– Я на стороне СССР, товарищ маршал! А вот вы на стороне РККА. Что в данном конкретном случае не одно и то же! – отбил я нападение. – Победы, несущие вам славу, могут быть бесполезными и даже вредными для страны в целом.

– Думаешь, что говоришь? – вскинулся нарком обороны, вскочив с табурета.

– Очень хорошо думаю! И вам не мешало бы! – отрезал я, не отступая. – С запада надвигается гроза и поэтому нам нужен мир на востоке. С этим, думаю, никто, кроме вас, товарищ маршал, спорить не будет.

– Мы раздавим японцев! Это и будет мир! – закричал Ворошилов в запале.

– Неужели? И когда же нам салют заказывать? Лет через десять? Когда у нас на востоке вместо Японии американская колония будет и базы не третьего, а первого в мире флота? – подошёл я к Климу вплотную, взял его табурет и нагло на него уселся.

– Да что ты себе позволяешь!!! – маршал готов был броситься на меня с кулаками.

– Я в своём доме, – пожал плечами в ответ, – а ты в гостях. Непрошеный.

– Товарищи, товарищи, давайте по существу! – вмешался Киров, оттесняя опешившего наркома обороны. – Нам только нарушить партийную дисциплину здесь не хватало!

– Товарищ Шапошников, – подал голос Сталин. – Верно ли вы мне докладывали, что переброску основной части наших дальневосточных войск для того, чтобы они успели, в случае чего, принять участие в летней кампании на западе, надо начинать с середины января?

– Так точно, товарищ Сталин! – ответил НГШ.

– Что вы можете успеть сделать теми армиями, что у нас есть на Дальнем Востоке, к этому сроку? Ведь усилить их мы не можем по соображениям материального обеспечения по единственной магистрали.

– В связи с тем, что войска противника предприняли неподготовленное общее контрнаступление с целью сорвать намечающиеся переговоры с посланником императора и уже понесли катастрофические потери, мы можем начать вторую наступательную операцию с меньшими материальными запасами. Не через месяц, а недели через две. Погода в Маньчжурии осенью относительно благоприятна для действий войск. Наша операция по освобождению южной Маньчжурии имеет огромные шансы на успех и займёт месяц или полтора, после чего вновь потребуется пауза для пополнения запасов и приведения войск в порядок. До середины января мы можем успеть провести ещё одну операцию в Корее, уже вне рамок войны с Маньчжоу-го. Но к тому времени сопротивление японцев может значительно усилиться. Главное Разведуправление имеет сведения о закупках противником значительных количеств боевой техники, авиации, артиллерии и танков за рубежом. Об этом может более подробно доложить товарищ Артузов, – Шапошников подтолкнул вперёд начальника ГРУ.

– Наша агентура в Германии, Англии, Соединённых Штатах, Швеции и Франции докладывает о заключении значительных контрактов на поставку оружия с Японией, – начал говорить главный разведчик СССР. – Так точно установлено, что достигнуты договорённости на партии самолётов «Хок», «Харрикейн» и «Хейнкель-112». По две сотни экземпляров каждый. Причём, на немецкие «Хейнкели» ставятся английские моторы Роллс-Ройс «Мерлин», мощностью свыше тысячи лошадиных сил. Эти машины по боевым качествам примерно равны нашим истребителям и даже кое в чём превосходят. Хе-112, к примеру, вооружается автоматическими пушками. Англичане также уже начали отправку неизвестного количества бомбардировщиков «Блейнхейм», а американцы – палубные самолёты «ТБД». В середине сентября из Тулона будет отправлен первый транспорт с сотней французских танков, общий объём контракта неизвестен. Фирма «Бофорс» успела отгрузить по полсотни зенитных автоматов и трёхдюймовых полевых пушек.

– Мы полагаем, что эта техника появится на фронте в заметных количествах к началу зимы. Количественное превосходство по-прежнему останется за нами, но, возможно, будет достигнут качественный паритет в боевой технике и в стеснённых условиях Кореи мы можем лишиться этого козыря, – подвёл итог Шапошников.

– Вы можете гарантировать Маньчжурию и, возможно, Корею? – уточнил Сталин.

– Да, как мы ранее и докладывали, – развёл руками начальник Генерального Штаба. – Собственно, именно исходя из этой совокупности фактов и прогнозов, мы и выработали рекомендации по заключению мира.

– Вот видите, товарищ Любимов, – сказал Иосиф Виссарионович, закуривая, – у нас ещё есть тузы в рукаве. Хотя товарищ Ворошилов несколько преувеличивает.

– Конечно, японцы не в том положении, чтобы упираться и заключат мир на условиях независимости Маньчжурии, – согласился я. – Только просуществует он ровно до тех пор, пока мы не окажемся связанными на западе. Нам нужна война на два фронта?

– Её не будет, – откликнулся на мой вопрос Киров. – Пу-и будет низложен и вся власть в Маньчжурии перейдёт к Советам, возглавляемым коммунистами товарища Мао. Красная Маньчжурия и Китайская Красная Армия послужат преградой и противовесом для японской агрессии.

– Блажен, кто верует в боеспособность китайцев, – подпустил я иронии. – А с чего вы взяли, товарищ Киров, кто соратники Мао – наши друзья? С того, что они называют себя коммунистами? Не далее, как в конце июля именно коммунисты троцкисткого толка спровоцировали нападение войск республиканского правительства Испании на кадисцев Долорес Ибаррури, которые из-за ориентации на СССР показались им неправильными. К чему это привело – всем известно! Франко, не будь дурак, начал общее наступление на Республику, которое вдруг оказалось нечем отразить. Все резервы и запасы растратили на междуусобицу. В результате Мадридское правительство доживает последние дни. Буржуазные страны уже объявили последователей Долорес мятежниками и очень скоро признают Франко законным правительством Испании. Надо ли говорить, что Кадис долго удержаться не сможет? Что касается товарища Мао, то его последователи уже проявили себя в вопросе Восточного Туркестана, прежде всего как китайцы и уж только потом коммунисты. Нашу доктрину концентрации они не разделяют. И Синьцзян они нам даже формально, как Гоминьдан, от которого мы откупились оружием, не простили. Кто бы ни победил в будущей японо-краснокитайской войне, для нас это будет враг. И война на два фронта. Кроме того, Китайскую Красную Армию нам придётся вооружать, снабжать, учить. На свою голову. В то время, как нам все силы, все средства остро будут нужны на западе.

– Что же это, по-вашему, получается? – тут уже Сергей Миронович стал выходить из себя. – Китайским коммунистам верить нельзя, а японским империалистам, выходит, можно? Как вы после этого вообще можете называть себя большевиком?

– Могу. И совесть моя меня не гложет. Коммунист коммунисту рознь. Или, может, мы с Троцким стоим на одной платформе? Нет! Мы непримиримые враги! Он хотел бросить наше молодое советское государство как дрова, растопку в пожар мировой революции, то есть, фактически, уничтожить его ради весьма призрачных целей. По правде говоря, все мы понимаем, что истинной целью Троцкого было именно уничтожение СССР и не более. Мы же строим общество будущего, развиваем теорию и практику коммунизма. Мы пришли к концепции концентрации, в рамках которой можем свободно выстраивать отношения с зарубежными странами независимо от их социального строя. Всё, что на пользу СССР, работает на построение коммунизма в мировом масштабе. В конечном итоге. Что касается японских империалистов, то именно сейчас есть уникальный шанс заключить с ними мир. Навсегда. И говоря это, я оперирую не понятиями классовой близости, а прагматичными понятиями взаимной выгоды и взаимных интересов. А они у нас с японцами совпадают. Флотская группировка, вышедшая на нас и заручившаяся поддержкой их императора, точно так же как и мы кровно заинтересована в угнетении и устранении армейского клана от власти. Подчинив армию, флот не сможет допустить, сверх самого необходимого минимума, её восстановление и рост после разгрома, который мы учинили. Иначе вновь вынужден будет бороться за власть внутри страны. Нет армии – нет агрессии в сторону наших границ. Далее. Японии, крайне ограниченной в собственных ресурсах, нужна экспансия и направлена она будет в сторону моря. Там лежат колонии европейских и американских буржуазных стран. Выгодно ли нам это? Как ни странно, да! Мы, конечно, против всякого колониального угнетения. Но лучше уж пусть колонии, если не могут освободиться, принадлежат нейтральной или даже дружественной стране, чем нашим однозначным врагам. По крайней мере, с друзьями и нейтралами мы сможем выгодно торго-

вать и даже влиять на колониальную политику, облегчая участь угнетённых. А враги, несмотря на слова Владимира Ильича о готовности продать верёвку, то и дело блокируют наши закупки в Европе и Америке. Разве нашей экономике не нужен, например, натуральный каучук? И уж точно, пока западные буржуазии будут связаны борьбой с Японией, они не смогут полностью сосредоточиться на нас. Вот такие у меня аргументы в пользу ориентации на империалистов, а не коммунистов. Но для этого надо исхитриться заключить такой мир, чтобы он был почётным для всех сторон. Поэтому делать это надо прямо сейчас, не загоняя оппонентов в угол. И подвести прочную моральную основу под него.

– Товарищи, я не могу больше ждать, – перебил меня Молотов, – до назначенного времени переговоров десять минут.

– Езжайте, товарищ Молотов, потяните пока время, пусть понервничают, – «благословил» дипломата Сталин. – А мы с здесь пока подумаем и примем решение. Продолжайте, товарищ Любимов.

Несмотря на ободряющий тон Иосифа Виссарионовича, я сбился с мысли и так и не смог открыть рот, пока не услышал, как за окном завёлся и уехал мой «Тур». Как же, главе НКИД не пристало приходить пешком!

– Да что там говрить, товарищ Сталин! – махнул я рукой. – Проявив сдержанность и уважение к противнику, мы выиграем больше, чем сокрушив его. В противном случае, мы не ликвидируем опасность на востоке. Более того, влезем в китайские дела, от которых лучше держаться подальше. Не в том мы положении, чтоб разбрасываться на все направления. Отдав занятую часть Маньчжурии назад, мы отдаём китайское, а вернув Сахалин, забираем своё. И возвращаемся к границам 1895 года. Для всего мира это можно представить как провал британской, и не только, политики стравливания России и Японии, что ещё больше сблизит нас с нашими восточными соседями, обозначив общего противника. И одновременно так мы обозначим невмешательство в японо-китайское противостояние. Пусть англичане и американцы тратятся на поддержку китайцев, у нас своих проблем полно. То, что мы пожмём протянутую нам руку их Тенно, авторитет которого в Японии непререкаем, также укрепит до железобетонной крепости наш мирный договор. Любая собака, что тявкнет против СССР в Японии, становится врагом друзей императора, а следовательно, его врагом. А вот если отвергнем её – нанесём несмываемую ничем обиду. Японский флот, третий в мире, станет как бы и советским Тихоокеанским. Любой, кто вздумает напасть на нас с моря на Дальнем востоке, прежде всего, должен будет справиться с Японией. И ради чего мы от этого отказываемся? Ради китайцев? Мы достаточно сильны и богаты, чтобы позволить себе благотворительность? Ради того, чтобы РККА одержала ещё одну-две славных победы? Но тогда, боюсь, мы заработаем славу недальновидных дураков, Мы с японцами уже достаточно побили друг друга, чтобы убедиться в бесперспективности и вредности этого занятия. Пора бы уже попробовать жить добрыми соседями.

– Всем понятна суть «нулевого варианта» товарища Любимова? – громко спросил Сталин, обведя присутствующих глазами. – Может, у кого-то есть замечания, поправки? Нет? Тогда прошу членов ЦК и Совнаркома голосовать. Товарищ Киров, считайте. Кто за план «Красная Маньчжурия»? Кто за «нулевой вариант»? Кто воздержался?

Мне казалось, что я говорил доступно и красноречиво, но вопреки моим ожиданиям за меня проголосовал только нарком ВМФ Кузнецов и сам Сталин. Подавляющее большинство желали облагодетельствовать китайских коммунистов, но многие, в том числе и Киров, воздержались. Мной моментально овладело похоронное настроение. А как иначе описать ощущения, когда навсегда прощаешься с уникальным и неповторимым шансом обезопасить свою страну и насолить американцам с англичанами? А заодно и немцам. Не зря Сунь-Цзы говорил, что лучший способ победы – разрушить союзы врагов. А худший – осаждать крепости. И сейчас

всё шло к тому, что мы будем вынуждены вечно осаждать крепость под названием «Япония», чей гарнизон её бы ни занимал.

– Согласно Конституции Союза ССР, как Предсовнаркома, я осуществляю руководство внешней политикой СССР, – встав с кровати Сталин принял вызывающую позу, вытянувшись, чтобы казаться повыше и выпятив грудь. – Я под свою ответственность принимаю решение работать по «нулевому варианту»! Но, так как моя позиция идёт вразрез с мнением большинства в ЦК и Совете Народных Комиссаров, ставлю на голосование вопрос о доверии ко мне на посту Председателя. Прошу голосовать!

– Товарищ Сталин, да что же вы! Конечно, мы вам доверяем! – засуетился Каганович.

– Прошу голосовать! – упрямо и непреклонно настаивал глава правительства. – Кто за то, чтобы оставить товарища Сталина, Иосифа Виссарионовича, на посту Предсовнаркома?

– А ты куда руку тянешь!? – дёрнул меня за локоть Ворошилов, когда я неосознанно поднялся и, в шоке от такого развития событий, тоже проголосовал. – Не дорос ещё! Права не имеешь!

– Я такой же коммунист и гражданин СССР, как и вы, товарищ маршал! – вызверился я. – И мне не всё равно, кто будет у нас во главе! Я бы и тех спросил, что сейчас в сенях и вообще на острове! Враз бы вынесли отсюда шпорами вперёд того, кто не даёт за Сталина голосовать!

– Я не даю за Сталина голосовать?! Да я всей душой за Сталина!! Да что же это!!! – запаниковал Клим, неосознанно уловив мой намёк. Киров, глядя на это, не удержался и заржал. Да и остальные, глядя на растерявшегося наркома обороны, прятали усмешки.

– Товарищ Любимов, прекратите срывать голосование! – потребовал Иосиф Виссарионович, которому сейчас было совершенно не до шуток. – Товарищ Киров, считайте!

– Да что считать-то? Единогласно! – отозвался первый секретарь ВКП (б).

– Действуем по «нулевому варианту». Товарищ Любимов участвует в переговорах с завтрашнего дня. Товарищ Шапошников! Подготовьте к вечеру анализ, сколько японских войск мы можем позволить себе оставить в северной Маньчжурии. Также минимум японских войск на этой территории для поддержания внутреннего порядка. График вывода наших армий за нашу границу, сколько это займёт времени. Справку по Сахалину и Курилам. Какие острова нам остро необходимы, за какие можем поторговаться. Товарищу Кирову подготовить обоснование «нулевого варианта» с точки зрения теории коммунизма и стратегии концентрации. Всем наркоматам проанализировать «нулевой вариант» с профильной точки зрения, подготовить предложения и замечания в письменном виде, – чётко стал раздавать указания Сталин. – Встречаемся в Кремле в 22—00. Совещание объявляю закрытым.

– Мне тоже там быть? – подал я робкий голос.

– Нет, товарищ Любимов, вас введёт в курс дела товарищ Молотов завтра утром, – потеплел вождь лицом и улыбнулся в усы. – Успеете ещё не одну пару штанов просидеть.

Эпизод 5.

Следующие четыре дня стали одними из самых тяжёлых за всю мою жизнь. Каждое утро Молотов с двумя помощниками пересаживался из автозака в мой «Тур» и мы все вместе, с моим прикреплённым в качестве водителя, важно ехали аж двести метров до того места, где с борта «Революции» был переброшен на берег трап. Далее, следуя за провожатым-японцем, мы шли коридорами теплохода и, ровно в 9—00 заходили в подготовленный для переговоров салон. Одновременно с нами, с противоположной стороны, появлялся и Ёнай с тремя дипломатами низшего ранга, проходя вдоль стола ближе к левому борту. Наша сторона, по ходу движения парохода, была правой. Когда мы выстраивались друг против друга, следовали приветствия. После чего все садились и приступали к работе.

В первый день переговоров, пока я ещё не участвовал, стороны уже успели помериться у кого… руки длиннее и дури больше, обменялись всевозможными угрозами и расстались крайне недовольными друг другом. Всё это послужило причиной того, что на ночном совещании у Сталина вопрос «нулевого» варианта был поднят наркомом НКИД в моё отсутствие ещё раз и всё же утверждён. Теперь окончательно. Об этом мне рассказал с утра Молотов перед моим дебютом в официальной дипломатии, наказав помалкивать, сидеть с важным видом, все поступающие мне вопросы и предложения переадресовывать ему. Нечего сказать, ввёл в курс дела! Хотя, этого и следовало ожидать.

На второй день нарком НКИД, сразу же во время приветствия выразив надежду на достижение почётного для обеих сторон мира, направил диалог в конструктивное русло. Внимательно наблюдая в этот момент за Ёнаем Мацумото, я заметил, как тот незаметно с облегчением выдохнул. Если б он сейчас был наедине сам с собой, думаю, не смотря на возраст, пустился бы в пляс. Конечно, с японской стороны требование вывести РККА за Амур выглядело бы странно. А теперь Молотов сам предложил для предотвращения любых конфликтов между нашими странами развести войска так, чтобы они не могли друг до друга дотянуться. Как ни странно, принципиальные вопросы решались довольно-таки быстро. А вот «мелочи», бывшие крайне важными, выработка формулировок, торги по поводу границ, допустимого количества войск, не скрою, выносили мне мозг так, что после дня переговоров чувствовал себя измотанным, будто вагоны разгружал. Не ожидал, что дипломатическая работа такая тяжёлая. Сперва ещё и беспокоился из-за того, что не доверял наркому НКИД. Зная, что он противник «нулевого» варианта. Но Молотов оказался товарищем жёсткой партийной дисциплины и выполнял именно ту задачу, которую ему поставили, без попыток проявить личную, разумную или нет, инициативу. Хотя… кое в чём, что в «нулевом» варианте не оговаривалось, он пытался советско-японское сближение ограничить. Например, полтора часа спорили, приводя различные доводы, как мирный договор обозвать. Ведь наши страны, формально, не воюют. Молотов настаивал на формулировке «о взаимном нейтралитете», которая обрубала всякий путь к дальнейшему союзу, на который надеялся Ёнай. Ведь любое улучшение отношений это уже не нейтралитет и повод для пересмотра заключаемого договора. Сошлись, в конце концов, на «договоре о ненападении». Следом пошло государство Маньчжоу-го, с которым мы находимся в состоянии войны. Понятно, что её формально надо как-то прекратить. Но так, чтобы это было юридически верно. В результате сошлись на пункте, в котором император Японии, не являющейся стороной конфликта, велит своему вассалу прекратить неприязненные действия в отношении СССР. Примерно также была обставлена «компенсация» за северную Маньчжурию со стороны Японии. Сахалин и северные Курилы до Симушира включительно, император передавал в дар Советскому Союзу как залог добрососедских отношений. Причём, оборонительные сооружения и батареи передавались нам неповреждёнными, а взамен мы поставляли равнозначное количество пушек соответствующего класса. За территории Ёнай торговался отчаянно, но вынужден был признать, пока существуют точки соприкосновения армий на Сахалине и Шумшу, угроза конфликтов сохраняется. Буферная территория, названная Демилитаризованной зоной, имела южный рубеж, в целом, по КВЖД, лишь на востоке отклоняясь к Корее, а на западе к выступу монгольской границы у Халхин-гола. Таким образом, СССР граничил там только с японскими вассалами, Пу-и и князем Барги, будучи изолированным от, собственно, Китая. Об этом договорились в первый же день. И ещё три дня спорили о численности войск, пограничном режиме, коммунистической партии Японии, борьбе с браконьерством в советских водах, взаимной торговле и мореплавании. Молотов в подтверждение своих требований всякий раз зачитывал список соответствующих «прегрешений» японцев перед нами, что порой занимало не один час. В конце концов, всё, конечно, решили. В северной Маньчжурии армия Японии могла иметь одну моторизованную дивизию, но без бронетехники, и четыре маньчжурских кавалерийских бригады. В случае беспорядков могли быть

дополнительно введены до трёх дивизий, с немедленным выводом после того, как кризис будет преодолён. Примерно эти рамки, минимальные и максимальные, очертил Молотову наш Генштаб. В ДМЗ запрещалось любое оборонное строительство и полёты боевой авиации Японии. СССР получал право инспекций ДМЗ без предупреждения на предмет выполнения соглашений.. А вот Ёнаю советовать было некому, да и не нужна ему была сильная армия. Спорил из принципа, выторговав дополнительно те самые туземные кавбригады, подчинённые Пуи. Легализовать компартию японцы отказались наотрез, но согласились предоставлять выявленным и арестованным коммунистам, в присутствии советских дипломатов, право выбора. Либо выезд на территорию СССР, либо суд и срок, согласно законам империи. Положение распространялось и на уже брошенных в застенки членов КПЯ и сочувствующих им. Браконьеров, нарушителей территориальных вод сумевших уйти, но чья вина в нарушении границ была доказана, японцы обязались преследовать даже в своих портах, взимая крупные штрафы в пользу СССР, а советские военморы получали право останавливать «залётчиков», встретив их повторно, даже вне тервод. В случае, если при этом квитанция об оплате штрафа не предъявлялась, судно арестовывалось и отводилось в советский порт. Впрочем, те же правила устанавливались и для советских браконьеров. В вопросе военных преступников министру флота не удалось сделать практически ничего. Наши войска захватили исследовательскую базу, которую японцы успели сжечь перед бегством. Но, во первых, сгорело далеко не всё. В подземной тюрьме подопытные, в основном, задохнулись от дыма. Да и вивисекторы убежать смогли недалеко, угодив в плен к нашим танкистам. Надо ли говорить, какое впечатление произвёл объект 731? Молотов резко отказался считать изуверов, служивших на нём, военнопленными и заявил, что они будут преданы суду в Хабаровске. В единственном, в чём не было разногласий, так это в том, что стороны прекращают участие в любых соглашениях, направленных друг против друга, и обязуются не заключать таковых впредь.

Каждый вечер наша четвёрка, распрощавшись с оппонентами, ехала в Кремль на доклад, где подводились итоги и ставились задачи на следующий день. На этих совещаниях, кроме Сталина и Кирова, присутствовали только «силовики». Даже Берия был там только потому, что его ведомство устроило тайную аудиотрансляцию переговоров и вообще всего, что происходит на «Революции», в «онлайн» режиме, что давало нам некоторые преимущества. В целом, советское руководство ходом переговоров было довольно. Но мне, с подачи товарища Ворошилова, несколько раз высказывали, будто бы я потакаю японцам. Конечно, сидеть куклой я просто по своему характеру не мог и, когда Ёнай в особенно тяжёлых случаях, обращался именно ко мне, давал ответ, который бы мог максимально удовлетворить обе стороны, а не «нагнуть» японцев, как практически всегда это делал Молотов. Под конец переговоров, когда последний вопрос, касающийся порядка и сроков подписания и оглашения договора был решён, я вообще попал в двусмысленное положение. Ёнай Мацумаса проводил нас до трапа и в этот момент один из помощников поднёс ему длинный свёрток пурпурного шёлка.

– Господин Любимов, – сказал адмирал, – в качестве признания ваших исключительных заслуг в деле достижения взаимного мира, позвольте преподнести вам подарок.

Он сделал всего одно незаметное движение и ткань будто сама собой развернулась у него в руках, явив моему взгляду японский меч в лакированных чёрных ножнах.

– Это тати мастера Мурамаса, – сказал японец. – Его несравненные клинки были запрещены сёгуном Токугава из-за того, что в них заключены демоны, жаждущие крови. Владельцы были обязаны под страхом смерти сдать своё оружие. Молодой хозяин этого меча не был казнён и не сдал своего клинка людям сёгуна. Он бесследно исчез и род его прервался. Земли отошли во владение императора. Много столетий спустя, во время Великого землятрясения Канто, в древнем саду камней сдвинулся огромный валун. Под ним слуги обожаемого Тенно нашли этот великолепный клинок. Вручаю его вам, как человеку, имеющему довольно мудрости и воли не только обнажить меч, но и вложить в ножны.

Подарок был символичным, но не на это в тот момент я обратил внимание. Камень, меч, бесследное исчезновение. Эта цепочка сразу выстроилась у меня в мозгу, заставив без разговоров принять оружие, хотя от любого другого подарка я бы, скорее всего, отказался. Очень уж это было похоже на мою историю. Меч с демонами. Мой-то тоже, ох как не прост. Знаю, что даже просто держа его поблизости, становлюсь более резким, чем обычно.

– Благодарю, господин адмирал, – сказал я, принимая оружие и заворачивая его обратно в шёлк, – это очень ценно для меня.

А на подведении итогов я получил взбучку! Как же, Ёнай никому больше ничего не дарил, а тут такое внимание! Явно неспроста! Маршал Ворошилов исходил подозрениями, как змея ядом. Если бы не Берия, сожрал бы меня наверняка. Лаврентий Павлович спас, упрекнув Клима в том, что он мне просто-напросто завидует. «Трансляцию» они слушали все вместе и о мече знали. Вот только дарить его предполагалось японцами изначально именно наркому обороны, знавшему толк в шашках и саблях, чтобы да, подкупить его. Хоть немного. А тут Любимов подсуетился и перехватил!

– Да, товарищ Ворошилов, пока всех империалистов в капусту не порубит, шашку в ножны вкладывать не умеет, – пошутил Сталин, одновременно польстив Ворошилову. – Но вам, товарищ Любимов, надо быть скромнее. А то, создаётся впечатление, будто вокруг вас всё вертится. Будто нет ЦК, Совнаркома, РККА, всего советского народа. Коммунистам не к лицу принимать личные подарки от посланников японского императора. Можно, но только от лица всего народа СССР. А вы что? Это очень ценно для меня! – передразнил он мои слова в конце. – Отнимать у вас вашу сабельку не будем, но на будущее имейте в виду!

– Я не просто так принял этот подарок, – принялся я выкручиваться на ходу. – А с целью иметь повод подложить свинью нашим закадычным западным врагам и связать их в будущей войне Японией как можно дольше. Ведь на всякий дар прилично будет отдариться? Вот и хочу тоже вручить японцам меч. Если вы разрешите, конечно. Нам от этого, ни тепло, ни холодно, а вот хозяевам индокитайских колоний…

– Что вы имеете в виду? – насторожился Иосиф Виссарионович.

– На Плещеевом озере у товарища Кузнецова учебная база палубной авиации… – начал я объяснять свою задумку, которую можно было провернуть за те два дня отдыха, которые мы взяли, чтобы привести себя в порядок перед церемонией подписания. Я боялся, что мне будут возражать, но Сталин только кивнул, выслушав мои расклады, и разрешил действовать.

Эпизод 6.

Утором в субботу я, вооружившись подарком, на гребном баркасе подошёл к «Революции» и выразил желание пообщаться с адмиралом Ёнаем Мацумото. Поняв через переводчика, чего я хочу, японские морпехи засуетились и министр флота Страны Восходящего Солнца, свежий и при полном параде, в мундире, с регалиями и наградами вышел ко мне буквально через пятнадцать минут.

– Доброе утро господин адмирал! – приветствовал я его. – Не в наших обычаях оставаться в долгу. У меня тоже есть для вас подарок. Но, чтобы его вам получить, придётся совершить небольшой перелёт. Если желаете, можете взять с собой двух сопровождающих. Но предупреждаю, дело может занять целый день.

Ёнай раздумывал совсем не долго, но попросил дать ему время собраться.

– Не переживайте, господин адмирал, место, куда мы прилетим, достаточно далеко от любых посторонних глаз и вас там ждут именно как министра флота, – успокоил я его и сделал прозрачный комплимент. – Мундир и оружие вам исключительно к лицу.

– Хорошо, – ответил тот, – но мне всё равно надо сделать распоряжения. Это займёт пять минут.

– Готов ждать хоть полчаса! – улыбнулся я как можно более открыто. Хотя, с моей-то физиономией этого, пожалуй, делать не стоило. Тем не менее, через пятнадцать минут, выйдя из канала, мы вчетвером пересаживались с баркаса прямо в поплавковую «Стрекозу», присланную наркомом Кузнецовым. Разогнавшись по гидроаэродрому Кожуховского аэроклуба, АИР легко взмыл в воздух и взял курс на север. Мощные моторы легко несли небольшой самолёт сперва над московскими окраинами, застроенными заводами и рабочими посёлками, а потом над лесами, перемежавшимися ухоженными колхозными полями и пастбищами. Наш пилот, лейтенант во флотской форме, видимо заинструктированный до жути, молчал как рыба, поэтому развлекать иностранных гостей в полёте, отвечая на вопросы о том, что мы видели, пролетая на небольшой высоте, приходилось мне. Над Москвой было относительно просто. Слева ЗИЛ, прямо под нами АЗЛК, дальше авиазавод и так далее. А вот в сельской местности приходилось комментировать то, что люди снизу машут нам руками, то, как школьники на спортплощадке занимаются физкультурой и тому подобное. Но постепенно, Ёнай Мацумото, видимо посчитав, что соблюдён минимум приличий и интерес к расстилающейся внизу советской стране обозначен, стал затрагивать более серьёзные темы.

– Ваши просторы огромны, – заметил он, – но крайне редко заселены. На нашей Родине на этой площади проживало бы в десять раз больше населения.

И это про Подмосковье! Чтобы он сказал, полетав над тайгой, как я в мае?

– Вы сделали крайне ценное наблюдение, господин адмирал, – ответил я вежливо. – Нам есть, что осваивать внутри наших границ, не беспокоя своей назойливостью соседей. К сожалению, не многие иностранцы могут оценить это по достоинству. Всякий раз, видя лишь небольшую часть целого, впадают в опасную иллюзию, будто людей на нашей земле настолько мало, что они не смогут себя защитить. Но Россия действительно огромна. Даже то, что мы можем охватить взглядом с высоты птичьего полёта – всего лишь крупица по сравнению с горой. И закалённых бойцов у нас хватит, чтобы до смерти огорчить любого агрессора.

– Я донесу до императора ваше сожаление о том, что Япония в последнее время недостаточно верно понимала свои национальные интересы, ориентируясь на европейцев, – медленно и немного невпопад заявил адмирал. – Но и в одиночку трудно идти собственным путём среди множества врагов. Хорошо, что наши державы встали спина к спине. Но гораздо лучше бы было, если бы могли оказать помощь друг другу в рамках союза. Я знаю позицию СССР по данному вопросу. И если наказание военных преступников, которые, по счастливой случайности все являются представителями армии, единственное препятствие, то… – тут он многозначительно замолчал.

– Вашими основными противниками являются Североамериканские Штаты и, в меньшей степени, Англия. И война между вами начнётся вне зависимости от того, будете ли вы сидеть тихо, или попытаетесь расширить свои владения. Вся эта заваруха, которая завязывается сейчас в Европе, как раз и затевалась, чтобы кое-кто, не будем показывать пальцем, установил своё полное морское, а следовательно, и экономическое, господство над миром. У нас же на континенте хватает проблем с Германией. Крайне сомневаюсь, господин адмирал, что правительство СССР станет заведомо записываться во враги державам, обладающим сильнейшими в мире флотами. Во всяком случае, пока они прямо нам не угрожают. Поверьте, прочный мир между нами – не так уж и мало. К тому же, мне, например, было бы крайне неприятно, если планы людей, втягивающих человечество в чудовищную войну с вероятными жертвами, исчисляемыми десятками миллионов жизней, всего лишь ради жалких власти и денег, удались. И мнение моё разделяют более серьёзные люди. Именно поэтому мы и совершаем наш сегодняшний полёт. Наберитесь терпения, скоро вы сами всё увидите.

Ёнай Мацумаса кивнул и замолчал, удовлетворившись тем, что хоть с моей стороны и не было выказано никакого энтузиазма в отношении союза, но факт, что Советский Союз уже предпринимает какие-то конкретные шаги, явно направленные против врагов Японии, его

обнадёживал. Я же погрузился в свои мысли. Из «своего» времени я вынес подозрения о том, что Штаты, этот светоч всех благ, демократии, гуманизма, прогресса и прав человека, приложили руку к развязыванию ещё Первой Мировой войны. В начале Второй же их роль для меня была неоспорима. Они же стали, по сути, единственными выгодоприобретателями от этой бойни. И отнюдь не потому, что вовремя сориентировались и вели правильную с их точки зрения политику. Вовсе нет. Война была тщательно спланирована и принесла Штатам свои плоды. При этом, их замысел с самого начала предусматривал двойное предательство. Да, США, действуя совместно с Англией, взрастили Гитлера, вливая огромные средства сперва в его партию, а затем в восстановление германского боевого потенциала. Доказательств этому я уже в этом мире получил предостаточно. Советская разведка работала исправно и, хоть конечно не могла вскрыть все обстоятельства этого дела, но сам факт установила однозначно. Хоть я по роду своей деятельности был обязан знакомиться только с техническими зарубежными новинками, влияние демократий на рост немецкой военной промышленности просто бросалось в глаза. Вплоть до лицензий на авиадвигатели Пратт-Уитни. Всё это делалось в тайне и под предлогом совместной борьбы «цивилизованного» мира с большевизмом. Но это была всего лишь ложь, причём, только первого уровня. Антикоммунистический тайный союз был всего лишь иллюзией для Гитлера. Германия, после того, как она сделает грязную работу, точно также подлежала уничтожению в момент, когда она не сможет сопротивляться, истощившись в борьбе с Советами и уведя свои армии далеко на восток за Польшу. Но это тоже была ложь, только уровнем выше. Иначе, зачем Штаты вкладывались бы в индустриализацию СССР? К примеру, крупнейшие наши автозаводы – все заокеанского происхождения. Нет, быстрое и лёгкое уничтожение Германии США категорически не устраивало. Им нужна была большая и тяжёлая война. Война, в которую будет ещё в самом начале втянута Англия. Я почти уверен, что после встречи Гитлера и Гувера в марте этого года, для первого уже не составляет тайны, что британцы предназначили Рейх на заклание. Зачем же Штаты предали своих «кузенов» англичан? Да потому, что они-то как раз, с равным американскому флотом, и были их первыми и естественными врагами! Таким образом, втянув Британию в битву на континенте, США, не воюя с Альбионом напрямую, становились ему тем другом, с которым никаких врагов не надо. Чем закончилась Первая Мировая для Англии известно. Она потеряла неоспоримое господство на море. Вторая в моём мире была тем же процессом, после которого флот Британии даже в мыслях не мог для себя допустить соперничать с американским. Лондон уже в 1942 году вынужден был подписать Атлантическую хартию, впустив янки в свои колонии. При этом, все издержки колониальной империи в виде бунтов ложились на британцев, оставляя американцам только снимать сливки. Что же тут говорить про остальных владельцев колоний? США в ходе Второй Мировой войны ставили целью и завоевали абсолютное мировое господство на море. Из которого следовало и мировое экономическое господство. Имея его, можно угнетать, ломать любых противников, в том числе и СССР. Именно поэтому для Штатов уничтожение моей Родины в годы ВМВ и не было первоочередной задачей. Россия, рано или поздно, по их представлениям, всё равно упала бы им в руки как спелое яблочко.

Вообще, в моей «прошлой жизни» слова «мировое господство» всегда как-то были связаны с американцами. Уж очень они это словосочетание любили. Даже в их фильмах какой-нибудь злодей непременно хотел мирового господства, а очередной американский супергерой неизменно разрушал его планы. Ни одно государство мира, кроме США, не было так «повёрнуто» на этих двух словах. Что тут сказать, разве вспомнить поговорку «держи вора!»

Но была ещё и Япония. Связать и ослабить её континентальными проблемами в такой степени, чтобы её флот сам по себе, как английский, сошёл бы на нет, было мало шансов из-за малой свободы политического маневра в Восточной Азии. Японию американцам пришлось ломать открытой силой. И вот как раз здесь я мог подсыпать перцу под хвост заокеанским империалистам! Сломать их игру и хоть так наказать их за те миллионы жизней, которые СССР

будет вынужден принести на алтарь своей Победы, которая, по большому счёту, на данном историческом этапе была бы Выживанием. Янки решили, что смогут задавить силой, рассчитывая на количественное соотношение пять к трём с половиной? А как насчёт качества? Они и без того возились с самураями до тех пор, пока война в Европе не закончилась. А если японцам немного и аккуратно помочь? Затянуть Тихоокеанскую войну до тех пор, пока мы не только не разгромим немцев, но и приведём себя в порядок, а затем взять Микадо под защиту, лишив янки плодов победы? Политические предпосылки к такому исходу закладываются прямо сейчас. Для нас это было бы истинным выигрышем Второй Мировой, а не Выживанием. Я не зря столько трудов положил и всерьёз рассчитывал, что СССР сможет справиться со своей задачей на суше быстрее и меньшими жертвами, мог надеяться, что работы по атомному оружию у нас будут опережать таковые же у англосаксов. Поэтому шансы на сохранение морского противовеса янки оценивал оптимистично и именно этими соображениями поделился с «узким кругом», после чего получил «добро» на демонстрацию.

Эпизод 7.

«Стрекоза», развернувшись над гладью Плещеева озера, в котором отражалось голубое русское небо, плавно пошла вниз и коснулась воды своими поплавками, подняв брызги в которых тотчас же заискрилось всё ещё тёплое в самом начале осени солнце. Наш пилот, погасив скорость, аккуратно подвёл гидросамолёт к одинокому причалу, над которым был натянут тент, расставлены резные скамьи и возвышался стол. На нём блестел начищенной медью огромный самовар, курившийся ароматным берёзовым дымком. Тут же, борт к борту стояли два небольших буксира из той серии, что строилась последние годы с конверсионными газогенераторными моторами М-17. Берег вокруг был безлюден, но отнюдь не пуст. На большом протяжении, по правую руку от нас, из густого подлеска к воде были оборудованы пологие спуски, каждый из пары тонких брёвен. Тут же лежали носами на густой прибрежной траве шлюпки с уложенными внутрь вёслами.

Встречал нас незнакомый мне капитан второго ранга Профатилов, отрекомендовавшийся командиром учебного морского авиаполка. Невысокого росточка, но крепко сбитый летун, который, казалось от возбуждения не мог спокойно стоять на месте, взвалив на меня обязанность поить японцев чаем с баранками, спросил только, можно ли начинать и, получив утвердительный ответ, длинно засвистел в висевший до того на шнуре свисток. Тут же сонная тишина, которую нарушал лишь лёгкий ветерок да плеск о деревянные сваи причала небольших волн, была разорвана рокотом затарахтевших в лесу моторов и, кусты задвигались, открывая перед каждым спуском широкие проходы. По ним обычные трактора-сталиградцы с укреплёнными на них упорными брусьями, стали сталкивать в воду понтоны-раскладушки. Множество народу в белой морской форме, высыпавшего из леса, стало приводить их в рабочее положение и собирать вдоль берега в конструкцию длиной двести семьдесят и шириной пятнадцать метров. При этом в два ряда стыковалось восемь десятков «раскладушек» и ещё дюжина ушла на сборку шести паромов. Вся эта суета продолжалась меньше часа, во время которого я давал пояснения, рассказывая о конструкции «своего» изобретения и его характеристиках. Такая лента, если её использовать в качестве моста, позволяла параллельное движение двух колонн танков, массой до шестидесяти тонн каждый. Но сейчас она должна была послужить другой цели. Именно поэтому на ровной поверхности моста устанавливались дополнительные приспособления в виде проушин и вьющек.

Буксиры тем временем отошли от причала и, взяв конструкцию на буксир, повели её по воде к видевшимся на поверхности буйкам. Первый выполнил свою задачу быстро, поставив один конец моста на мёртвый якорь, а второй, прежде чем выбрать точку, где закрепить свою оконечность, развернул её по часовой стрелке строго вдоль направления ветра, ориенти-

руясь по поднятому на мачте вымпелу. Моряки забегали по стальной ленте, вылавливая пробковые буйки с привязанными к ним канатами промежуточных якорей. После этого шлюпки подтащили на канатах три пары связок полузатопленных бочек и соединили их с протянутыми поперёк моста тонкими стальными тросами. Эта конструкция тоже была не проста. Тросы, если их вытягивать посредине, были отмерены строго до середины второго от конца понтона. Дальше шёл обычный толстый пеньковый канат с узлом, который заведомо не мог бы пролезть в проушину и играл роль ограничителя. Ёнай Мацумото с интересом слушал мои пояснения к происходящему и сам догадался о том, что мы собирались изобразить.

– Это аэродром? – спросил он меня.

– Точно, точнее тренажёр для первичного обучения лётчиков советской палубной авиации, – немного поправил я его. – Отмечу, что тренировки на нём ни разу не привели к человеческим жертвам, хотя аварии из-за того, что такие взлёт и посадка непривычны для новичков, случались. Потому, что неудачники всегда улетали в воду, а утонуть не успевали, спасатели наготове.

– Интересно…

Тем временем из лесу стали выкатывать на руках пикировщики Сухого ПБ-М и палубные истребители И-18. Их моторы как раз успели прогреться, а складные крылья приводились в рабочее положение уже после погрузки на транспортный паром.

– Обратите внимание, господин адмирал, что постройка взлётно-посадочной полосы заняла чуть больше часа. И так долго это продолжалось лишь потому, что личный состав не тренирован. Он собирал ВПП до этого лишь однажды. Ещё весной. При должном упорстве время сборки можно сократить раза в два-три, – заметил я.

Тем временем первый паром с парой истребителей подошёл и пристыковался к взлётке. Тормозные шнуры опущены, И-18 заняли места на старте, выведя моторы на взлётный режим и удерживаясь на месте только башмаками под колёсами шасси да хвостовым стопором, и выпускающий, махнув пару раз флажком, одного за другим отправил их в воздух. В отличие от сборки полосы этот процесс у моряков бы отлажен до автоматизма. Паромы двигались с ритмичностью конвейера, спустя полчаса в воздухе находился уже весь смешанный учебный авиаполк в составе четырёх эскадрилий, поровну, истребителей и пикировщиков. За это время четыре из десяти шлюпок, оставив других дежурить у «водяных тормозов», отошли подальше в озеро и огородили на поверхности воды белыми пробковыми буйками на тросах периметр, очерчивающий контур корабля размером с эсминец. По нему-то и отбомбились, устроившие в небе «вертушку», бомбардировщики Сухого, поочерёдно падая в отвесное пикирование и бросая 250-килограммовые бетонные учебные авиабомбы, дававшие на воде хорошо заметный всплеск. Истребители же кружили выше и в противоположном направлении.

Палубная авиация в любом государстве, которое её имело, была элитой. И наши лётчики были курсантами только здесь, имея уже за плечами богатый опыт и большое число лётных часов с обычных аэродромов. Поэтому садился полк красиво, притирая машины на три точки в самом начале ВПП. Потом, на пробеге, самолёты захватывали выпущенными гаками два-три троса с «водяными парусами» и быстро останавливались. Аэродромная команда, снующая туда-сюда на шлюпках, освобождала и закрепляла посадочные крюки, подхватывала самолёты за крылья и хвосты, помогая рулить в конец полосы, и грузила их на паромы. Тем временем тормозные приспособления уже успевали вновь привести в рабочее состояние. Посадка полка заняла несколько больше времени из-за того, что с «выходного» конца ВПП до берега было раза в два дальше.

– Благодарю, было очень интересно увидеть упражнения ваших пилотов, – высказал мне удовольствие от шоу Ёнай Мацумото. – Для первичной полготовки палубной авиации это очень хорошее решение, позволяющее экономить на выходах в море настоящих авианосцев

и страхующее корабли от аварий новичков. К сожалению, использовать такой тренажёр возможно только в закрытых акваториях без больших волн.

– Совершенно верно, господин адмирал, – поддакнул я и стал продавливать своё. – Например, в лагунах тихоокеанских атоллов. Каждый такой складной понтон весит семь тонн. Все, что мы используем здесь – семьсот. Их легко примет в свои трюмы любой быстроходный транспорт с лёгким крановым оборудованием. И сможет их самостоятельно разгрузить прямо в воду. Разумеется, ещё потребуется танкер с авиатопливом, транспорт боеприпасов и плавучая ремонтная мастерская для починки повреждённых в боях самолётов. Такая плавучая авиабаза может за сутки пятнадцатиузловым ходом преодолеть 360 миль. А ещё количество понтонов можно увеличить и удлинить полосу для взлёта более тяжёлых самолётов, вплоть до четырёхмоторных бомбардировщиков, которые нечего и мечтать посадить на настоящий авианосец. К тому же, после выпуска самолётов полосу можно разобрать и спрятать под береговыми пальмами и собрать обратно к тому моменту, как самолёты вернутся. Но даже если её вражеский налёт и настигнет в собранном состоянии, то даже от прямых попаданий бомб будут страдать единичные понтоны, которые легко заменить. К тому же, утопить понтон не так-то просто. Внутри он большей частью заполнен мелкопористым материалом с закрытой ячейкой, недавно созданным нашими учёными. Да, такая мобильная авиабаза не может быть развёрнута в открытом море, как настоящий авианосец. Зато она абсолютно превосходит его в живучести, количестве и качестве базирующихся самолётов, дешевизне. А ещё в скрытности. Если сейчас морские страны ревниво следят друг за другом, не построил ли кто чуть больше кораблей, в том числе настоящих авианосцев, то на понтоны и транспорты никто не обратит внимания. Вы можете иметь всего пять настоящих авианосцев, действующих в открытом океане, но пятьдесят плавучих авиабаз, действующих в районах островов. С соответствующим количеством морской авиации. И никому это не бросится в глаза. Авиация же сейчас достигла такого технического уровня, что представляет смертельную угрозу для линейного флота. К примеру, наш бомбардировщик СБ-М несёт полезную нагрузку в одну тонну. Это может быть торпеда или бронебойная бомба, которую он точно сбросит в пикировании. Спросите сами у себя, есть ли у вас линкоры, палубы которых могут выдержать такой удар? Включая те, что вы только что заложили? Мой вам добрый совет, пока вы ещё не достроили «Ямато» выше ватерлинии, превратите его в авианосец. Корабль такого водоизмещения вполне может нести полторы сотни самолётов и куда проще, дешевле и быстрее линкора в постройке. Уделом же последних в будущей войне станет лишь обстрел берега. Или ваша авиация утопит противника раньше, чем линкоры успеют до него добраться, или враг своими самолётами перетопит ваш линейный флот, который не будет иметь даже шанса выстрелить в ответ из главного калибра. Вот так, господин адмирал, вы подарили мне меч, и я в ответ преподношу вам оружие, которое, правда, никто не видит. С ним ваш третий в мире флот, внезапно для всех врагов, вдруг становится первым в мире. И с большим отрывом.

– Спасибо, – не выказывая пока никакого энтузиазма, переваривая услышанное от меня, поблагодарил Ёнай и тут же спросил. – Вы предлагаете нам эти ваши понтоны купить?

– Ну зачем же? Это концепция и я, от лица СССР, делюсь ею с вами совершенно бесплатно. Разве за подарки деньги берут? Что касается понтонов, то, уверен, ваши инженеры ничуть не глупее наших. Но если вас интересует вот эта конкретная конструкция, то не вижу к продаже её никаких препятствий. Наши страны, с послезавтрашнего дня более не враги друг другу. Это значит, что вы можете купить у нас многое, что весьма ценно для вас.

– Знаете, господин Любимов, – воодушевился министр японского флота, – только ради этой поездки я отдал бы вам ту часть Маньчжурии, которую вы уже успели захватить.

– Благодарю покорно, – улыбнулся я в ответ. – Возитесь с китайцами сами, нам чужого не нужно.

Про себя же я злорадно подумал, что если события на Тихом океане будут развиваться в том же русле, что и в «эталонном» мире, но японская морская авиация будет строить свои аэродромы всего за час, то первое наступление самураев остановится только тогда, когда будут захвачены все острова Океании и Австралия. А может, и Новая Зеландия с Гавайями. Отбивать это, отталкиваясь от своего континента, американцам будет куда как сложнее. И дольше.

На этом деловая часть нашей совместной поездки закончилась и началась официальная. Ёнай Мацумаса побывал на построении учебного авиаполка, пообщался с лётчиками, осмотрел вблизи советские самолёты и пообедал в лётной столовой. После чего мы, сытые и довольные друг другом, вернулись в Москву.

– Если вы вдруг решите посетить Японию, – сказал Ёнай, поднимаясь на борт «Революции», – будете моим желанным гостем. Я покажу вам настоящую чайную церемонию. И познакомлю с мастерами кен-до, – добавил он покосившись на свой подарок.

Эпизод 8.

С конца августа в Москве не упало ни капли дождя. Бабье лето, вступив в свои права, не спешило уступать место дождливой осени. Целыми днями солнце жарило нещадно и температура, порой, поднималась до тридцати градусов, зато ночи были не по-сентябрьски тихими и тёплыми. Урожай зерновых в этом году, собранный в идеальных условиях, обещал быть богатым. Москвичи, помнившие голодные двадцатые, радовались этому, так же, как и безмятежности выходного воскресного дня, вальсам и танго, доносившимся с танцплощадки парка Горького, на которой отплясывала молодёжь. Люди постарше гуляли по дорожкам и сидели на скамеечках, обдуваемые лёгким ветерком, разгонявшим злых осенних комаров. Лица их излучали оптимизм, невиданный в моём «эталонном» мире, и лишь постная физиономия Файербрейса, сидевшего рядом, портила всю благостную картину.

– Вам не кажется странным, господин Любимов, что русская армия, захватив половину Маньчжурии, вдруг остановилась, а потом и вовсе был заключён мир, который не даёт вам ничего? Ведь нельзя же считать размен занятой территории на какую-то половину Сахалина и несколько мелких островков адекватным? – задал он мне встречный вопрос, когда я поинтересовался, зачем он вызвал меня письмом с условной фразой так срочно. Мир подписали только позавчера. В максимально торжественной обстановке. «Революцию» подняли по реке до моста окружной железной дороги, под которым этот волжский «круизный лайнер» не смог бы пройти и пригласили туда на церемонию свидетелей – послов США, Англии, Франции, Германии, Китая и Нидерландов. Я, конечно, рылом не вышел, чтобы там присутствовать, но и с берега были хорошо слышны гимны, а под конец с территории завода ЗИЛ даже ударил салют.

– Если вы, полковник, будете говорить прямо, мы сэкономим время, – не слишком-то учтиво отозвался я, уйдя от ответа.

– Обратите внимание, стороны должны были прекратить огонь с ноля часов вчерашнего дня, но Квантунская армия всё также продолжает наступать, – пропустив мимо ушей моё замечание, Файребрейс стал дальше гнуть своё. Намёки и наводящие рассуждения его понятны, вот только это полуправда, что хуже, чем прямая ложь. Действительно, стрельба на фронте не прекратилась, но бои вели, бросаясь, в прямом смысле слова, в самоубийственные атаки, лишь отдельные части, пусть и многочисленные, а не организованная Квантунская армия, как единый боевой организм. Причины этого тоже лежали на поверхности. Как только в Японии узнали о подписании договора, сразу же, в субботу 9-го числа в Токио вспыхнул мятеж армейских частей. Но, благодаря тому, что основную массу восставших, кроме зачинщиков, генералов и офицеров, составляли недавно мобилизованные и кое-как вооружённые обыватели, отнюдь не горевшие желанием оказаться на русском фронте, он был быстро подавлен забла-

говременно стянутыми в столицу частями морской пехоты. Главные действующие лица, взятые с поличным, были сразу же казнены, а аресты продолжались до сих пор. Не дожидаясь, когда за ними придут, многие высшие командующие японских сухопутных сил сводили счёты с жизнью и бои в Маньчжурии были лишь отголоском этих событий. Умереть в бою, возглавив очередную безумную атаку, некоторые посчитали более достойным, чем вспороть себе живот.

– Это лишь отдельные эксцессы, – отмахнулся я от навязываемой мне мысли. А про себя подумал, что если бы это было не так, Хирохито, под предлогом неудавшегося заговора, не удалил бы всех «сухопутчиков» из императорского совета, о чём по секрету сообщил мне Берия на инструктаже перед встречей с Файербрейсом, сам узнавший об этом только утром. Также, как и о том, что правительство Коноэ уйдёт в отставку, как только Ёнай Мацумаса, новый премьер, доберётся до Токио.

– А если нет? – сказав это, он долго выжидал, глядя на меня, но вскоре не выдержал. – Ладно, давайте начнём по-другому. Вы инженер, но служите в тайной полиции. Не желаете получить признание коллег, далёких от ваших изобретений, за счёт вскрытия японской агентуры в Москве? Показать себя в лучшем свете именно в плане контрразведки?

– Вы готовы передать мне известные вам сведения? – ответил я вопросом на вопрос, всем видом изобразив заинтересованность.

– Не совсем, – наконец скучное выражение лица англичанина разнообразилось скупой улыбкой. – Японские амбиции нас беспокоят, но не настолько, чтобы мы помогали вам бесплатно.

– И чего же вы хотите взамен?

– Сущие пустяки. В ваших газетах писали об открытии алмазов в Сибири и о том, что вы имеете к этому некоторое отношение. Заинтересованные люди в Лондоне хотели бы знать о масштабах месторождений и только.

Берия, инструктируя меня, настаивал, чтобы я ни в коем случае не горячился, вытягивая из контакта как можно больше. В крайнем случае, если ситуация станет слишком сложной, просил отсрочки «на подумать». Но сейчас и без того не вызывающий у меня симпатий британец взбесил. Понятно, что это они так засуетились. До того, что даже письмо мне не отправили по почте, а послали гонца, который на такси подрулил прямо к КПП и там бросил его в ящик. Русско-японский мир им как серпом по одному месту. Рассчитывали связать нас друг с другом, ослабить враждой, создав для себя и своих «цепных псов» более выгодные условия, да ещё и заработать на этом, продавая оружие и военные материалы. А тут такой облом. Палец на отсечение даю, что в той дезе, которую он мне хочет впарить, значатся фамилии людей, которые причастны, точнее, по их мнению, могли быть причастны, к подписанию мирного договора. Зато теперь я точно знаю, что среди тех, кто был в гостях у меня дома, прямых британских агентов нет. Иначе не пытались бы действовать через меня. А так – расчёт прост. «Моральный лидер неформальной оппозиции», отличающийся буйным и неуживчивым характером, заполучив такие сведения, просто обязан орать на каждом углу, что нас предали и весь этот мир – ложь, обман и провокация, что надо в отместку показать узкоглазым кузькину мать и драться с ними до победного конца. Поднять недовольных миром не только в Японии, но, симметрично, и в СССР! Но каков ухарь! Не просто всучить фуфло хочет, но и гешефт поиметь в виде государственной тайны!

– Я так похож на идиота? – не стал скрывать я раздражения. – Если вы вздумали избавиться от меня, рассчитывая, что я предам в обмен на какую-то ерунду, то вынужден вас огорчить! Если вы сдаёте японских агентов, то, что помешает вам точно также сдать меня? Думаете, что я так просто попадусь вам на крючок, а потом под давлением шантажа буду выполнять любые ваши приказы? Любой человек, даже имей вы безупречную репутацию, чего по развитию наших с вами, дорогой полковник, отношений, никак не скажешь, не стал бы ставить на одну доску карьерный рост и высшую меру социальной защиты! Заинтересованным людям

в Лондоне следует иметь в виду, что я торгую только чужими секретами и не делать мне больше подобных предложений! И быть пооборотистее! Скупой, как известно, платит дважды! Сколько было препон к покупке лицензии на «Мерлин»? И что я вижу? Вы продали японцам моторы без проволочек, а наши азиатские соседи грешат талантом копировать всё и вся, что попадёт к ним в руки. Вы понимаете, что ваша неуступчивость не могла оказаться безнаказанной? Теперь японцы знают, что вы знаете об их строящихся линкорах больше, чем им хотелось бы! Всего вам доброго! Приходите, когда действительно будете готовы к сотрудничеству! На равных!

Я встал со скамейки и быстрым шагом пошёл в сторону Большой Калужской, будущего Ленинского проспекта, где оставил мою машину, оставив англичанина в полном смятении чувств. Ещё бы! Мало того, что план возобновления затухшей было войны трещал по швам, так теперь британцам нет иного пути, как только дать адекватный ответ на «Ямато». И выдержать, при этом, очередную ликорную гонку с США, которые непременно в неё включатся. Иначе можно распрощаться со статусом одного из двух мощнейших в мире флотов. А вместе с ним и с огромной колониальной империей.

Эпизод 9.

После столь неудачных для англичан тайных переговоров я закономерно опасался разноса со стороны собственного наркома, но Берия, выслушав в тот же вечер мой доклад, только устало вздохнул и принялся меня чуть ли не утешать:

– Да, интересно было бы взглянуть, что там британцы насочиняли. Может и удалось бы оттуда что-нибудь полезное для нас выловить. Но, конечно, на таких условиях на сотрудничество соглашаться не следовало. Кажется, они запаниковали и впопыхах сделали необдуманное предложение. Что ж, пусть поразмыслят теперь, как с нами дела вести.

– Согласен, товарищ нарком, – поддакнул я, поддерживая выгодный мне ход рассуждений. – Считаю, что пока рано нам разговаривать. Мир между СССР и Японией для них неприятность, но не катастрофическая. Вот дела в Европе когда пойдут не по их сценарию, тогда можно и поговорить.

– Что вам известно? – усталость накопленная пусть и за воскресный, но всё же рабочий для наркома внутренних дел день, слетела с Лаврентия Павловича как по мановению волшебной палочки. Он резко напрягся и насторожился, вперившись в меня глазами.

– Что вы имеете в виду? – удивился я столь резкой перемене и, выигрывая время, чтобы сообразить, как себя вести в изменившейся атмосфере, ответил вопросом на вопрос.

– То, что Антанта толкает Германию на восток – видят все, – нарком констатировал очевидный факт. – Почему вы уверены, что эта политика провалится? Имеете какие-то сведения на этот счёт?

– Общие рассуждения, не более того, – принялся я отнекиваться, но, видно, чутьё на прямую ложь у наркома внутренних дел было профессионально обострено, и я сразу почувствовал в его взгляде недоверие. Да, он не мог знать про мой опыт «прошлой жизни», но явно что-то почувствовал. Стараясь как-то исправить положение, я пустился в разглагольствования:

– Геополитика в СССР считается лженаукой, но признаётся в буржуазных странах. Их руководители рассуждают именно в её русле и чтобы понять их действия, надо вникнуть в их логику. По итогам Мировой войны Суша оказалась разгромлена, но не уничтожена. Не хватило запала на то, чтобы занять все берега и фрагментировать Сушу на мелкие, не способные сопротивляться тотальному диктату Моря осколки. Суша даже умудрилась переродиться и консолидироваться в мощную державу – СССР. Вместе с тем, наряду со старой державой Моря, Англией, вернее, Антантой, выросли новые, потенциально способные бросить вызов гегемону, Соединённые Штаты и Япония. Возникла ситуация, когда абсолютное мировое морское гос-

подство, означающее экономическое господство, не принадлежит никому. Борьба за первое место в ходе новой мировой войны абсолютно неизбежна. Но, создаётся такое впечатление, что Англия этого не видит, действуя в логике «добивания» Суши. Думаю, что здесь имеет место инертность мышления. Английский бульдог вцепился в жертву и не отпустит её, пока сам не сдохнет. Именно для этого Британия всячески способствовала возрождению Германии, которая, как сухопутная держава является естественным конкурентом СССР за господство над континентом. Способ старый и проверенный. Стравить две державы, добиваясь, чтобы одна победила другую так, что сама осталась без сил. А потом добить и победителя. Или же Англия тщетно надеется быстро решить континентальную проблему и этим упрочить свои позиции в борьбе за морское господство. Ведь в качестве «Острова» Соединённые Штаты, обладающие большой территорией, населением, ресурсами и не имеющие под боком враждебного «континента», более удобны и безопасны. Избавиться от «континентальной» проблемы с Европой, поставив её под свой контроль, для Англии значит сохранение своих лидирующих позиций на море. Итак, целью Антанты следует считать полностью подконтрольную Европу без «русской» проблемы. Но лорды очевидно просчитались. Во-первых янки, с виду идущие в фарватере политики на разрушение Суши, явно ведут свою игру. Да, они немало вложили в Германию, но и в СССР они вкладывают тоже! Первые наши крупные автозаводы – все американского происхождения. А вот англичане, почему то, нам автозаводов не продают. Главной целью Штатов в будущей войне является именно мировое морское господство. Воевать за него открытой силой можно лишь с более слабой Японией. А вот с Англией – слишком велик риск. Поэтому «континентальный английский проект» должен стать гибельным для Британской империи. Она должна быть втянута непосредственно в долгую изматывающую войну на суше и надорваться. Прямая война с СССР не является для Англии убийственной, нам нечем им по крупному угрожать. А вот Германия… Полагаю, что янки сделают всё, чтобы Гитлер вышел из под английского контроля и попытался установить свою собственную гегемонию в Европе, категорически неприемлемую для британцев. Очень уж они хорошо помнят Мировую войну и во что она им обошлась. Но США вовсе не нужна единая Европа-конкурент, обладающая гигантскими совокупными судостроительными мощностями, ни под британским, ни под германским господством. Именно поэтому они помогли нам провести индустриализацию. Чтобы после того, как Германия, как инструмент, выполнит свою работу, уничтожить её. А уж потом, консолидировав всю мощь Моря в одних руках, задушить и Советский Союз. Расчёт их прост. Морской транспорт – самый выгодный, обладающий наибольшей пропускной способностью. Поэтому, пользуясь биологическими аналогиями, кровь в жилах империалистической экономики будет циркулировать быстрее, метаболизм будет выше, что даст буржуазным странам преимущество в развитии, несмотря на все недостатки их строя. Вот так я представляю сценарий новой мировой войны, опираясь на вражескую геополитическую логику. И она подтверждается событиями и сведениями, которые мне известны. Думаю, антибританский поворот в политике Германии произойдёт в ближайшее время.

Берия довольно долго молчал, оценивая услышанное и понемногу успокаиваясь. Подозреваю, что я не сделал для него никакого открытия, разве что взглянул на ситуацию с позиции противника. Никаких фактов, секретных контактов наших с немцами, абсолютно ничего. А ведь наверняка, в рамках «Кукушки», в той её части, куда мне нет хода, такие контакты имеют место быть. Ведь не лопухи же, в конце-то концов, товарищи из ЦК, понимают, возможно лучше меня, куда ветер дует.

– Интересно, – заключил Лаврентий Павлович. – А какие цели в новой Мировой войне, исходя из логики врага, должен ставить перед собой СССР?

– Вы имеете в виду, что от нас ждут противники или те реальные результаты, которые были бы для нас желательны?

– Хороший вопрос! – рассмеялся нарком. – И то и другое! Но сначала первое.

– Подозреваю, что нас вовсе не расценивают как игрока. Мы либо медведь, которого надо убить и поделить шкуру, либо, как и Германия, инструмент для опустошения Европы, чтобы туда могли войти и обосноваться американцы. Но, возможно, эта оценка изменится. Наш отказ от территориальной экспансии на идеологическом уровне путает американцам карты. СССР вовсе, оказывается, не желает нести свет учения Маркса соседним народам на своих штыках. Мы уже помирились с Японией, избавив её от «русской» проблемы, чем усложнили достижение морского господства в бассейне Тихого океана. Но этого слишком мало, чтобы радикально поменять направление развития событий. Полагаю, что Германия неминуемо нападёт на нас, но не раньше, чем Англия сдастся США. Это может быть вовсе не капитуляция, а какой-нибудь союзнический договор, открывающий доступ американцам в британские колонии. А следом и во все иные, принадлежащие более слабым странам. Что касается СССР, то победы Германии Штаты допустить не могут, значит, будут нашими союзниками до тех пор, пока не возникнет угроза захвата Европы уже с нашей стороны. Считаю, что несмотря на любые наши действия, противники будут добиваться выполнения своих планов по первоначальному сценарию. Мы для них всего лишь объект манипуляций, не более.

– Ну а то, что касается нас? – подстегнул меня Берия.

– Программа минимум – выжить. Для этого нам достаточно следовать «американскому плану». И, желательно, не понести при этом катастрофических потерь. Но это уж зависит от того, как хорошо мы подготовимся к войне с Германией. Если же мы всё ещё будем достаточно сильны, то надо пытаться опровергнуть американский план достижения абсолютного морского господства. Сохранить Японию как дружественную морскую державу и не допустить американцев в Европу. Понятно, что это приведёт к прямому столкновению с крупнейшей промышленной державой и надо очень хорошо подумать, прежде чем идти на такое. Желательно, в решительный момент, уже иметь атомное оружие. При отсутствии его у противников. Пока же ситуация развивается, следует неявными методами, подобно советско-японскому договору, максимально затруднить американцам выполнение их планов.

– Хорошо, – сказал Берия. – Поскольку этот вопрос непосредственно затрагивает государственную безопасность СССР, изложите ваши выводы в письменном виде. Я поставлю задачу товарищу Меркулову предоставить вам фактический материал для их подкрепления. Надеюсь, недели вам на эту работу хватит? Ваш доклад мы, от имени наркомата, представим для рассмотрения в ЦК и Совнаркоме, поэтому постарайтесь.

Эпизод 10.

Доклад, начинающийся с мантр о том, что хорошо бы не было войны, но она неизбежна, я в назначенный срок написал. С цифрами и фактами, с объёмами экономик, характеристиками вооружённых сил и военно-промышленных комплексов и их перспективами, движением средств, тайными и явными политическими шагами, уже сделанными и вероятными. Сухо, чётко, по существу. Страна, характеристика, цели и задачи, возможные пути их достижения. Читая его сам, я, кажется, видел более явную картину, нежели та, которую я держал в своей голове при написании. В нынешней реальности такой неприкрыто откровенный документ, не содержащий никакой идеологической «воды», оставляющий стойкое впечатление, что всё написанное верно при любом социальном строе у нас, имел в дальнейшем важные последствия. После того, как Берия выступил с ним в Совнаркоме и перед членами ЦК ВКП (б), текст постановили засекретить, но, при этом, распространить, в усечённом виде, без раздела о максимальных задачах СССР, среди важных ответственных работников, в частности, среди высшего командования РККА.

Результат не заставил себя ждать. Уже месяц спустя от комбрига Власова, только что отозванного из Китая по причине урегулирования советско-японских отношений, поступило

сообщение в органы госбезопасности о контакте. Засветилась, опять таки, британская разведка, попытавшаяся сделать из военного советника, вовлечённого в восточные дела, фигуру влияния. Цель ясна – вновь поссорить нас с японцами. Это для НКГБ не новость, следовало ожидать. Не выгорело с Любимовым, переключились на что попроще. Другое дело, что советские высшие командиры вдруг стали сообщать о таких попытках вербовок в три раза чаще и всякий раз «сдавали» тех, чьи следы вели в страны, обозначенные в докладе как заведомо проигравшие.

В «эталонном мире» я слышал множество рассуждений о предательстве генералов в 41-м году, возможно и была в них сермяжная правда. Вот только сейчас, когда прочитан доклад, в котором уже «назначены победители», в котором показано, что СССР выйдет из войны победителем, кто будет связываться с «неудачниками», даже если слаб совестью? Только дураки, которым сейчас командование даже полком не доверят. Такие ещё могут обмануться тактикой, техникой. Но ведь всегда, в долгосрочной перспективе, выигрывает тот, у кого верная стратегия. С течением времени все технические и тактические огрехи нивелируются, отражаясь лишь в виде более высоких человеческих и материальных потерь. Но на конечный результат это повлиять не может. Всего одна честная и предельно откровенная бумага, зато теперь можно быть уверенным, что накануне войны, к примеру, артиллерию не изымут из войск и не отправят на полигоны, никто не будет снимать вооружение с самолётов и перекапывать аэродромы, вообще не будет никакой подрывной деятельности высшего командования РККА в германских и английских интересах.

Для меня же лично дело обернулось повышением по службе. 19 сентября, в понедельник, как раз после чтения доклада в ЦК, нарком внутренних дел сделал мне телефонный звонок. Поблагодарил за проделанную работу и приказал явиться следующим утром при полном параде. Сказано – сделано. Войдя в кабинет к наркому я поразился его довольному и торжественному, как никогда, виду.

– Капитан государственной безопасности Любимов, за заслуги в деле укрепления Советской Власти, за образцовое выполнение вами служебных обязанностей по борьбе с врагами нашего Советского государства, вам присваивается звание майора государственной безопасности. Приказ подписан мною сегодня, двадцатого сентября 1938 года. Поздравляю!

– Служу трудовому народу, товарищ комиссар государственной безопасности первого ранга! – ответил я по уставу, немало удивившись. Ведь сказано мне было Мехлисом, что есть потолок, выше которого не прыгнешь! Я уже как-то даже привык к мысли, что буду капитаном до самой пенсии.

– Рад за тебя! Молодец! – прямо таки ликовал Берия. И что это на него нашло? Это мне положено из штанов выпрыгивать, а и половины наркомовского задора нет! Давно ли Лаврентий Павлович пытался от меня всеми способами избавиться? Пара-тройка лет прошла. А теперь радуется, будто это его сынок стал олимпийским чемпионом сразу во всех видах спорта, да Нобелевскую премию вдобавок получил. Или я плохо знаю собственного наркома? Может, именно сейчас я вижу его открыто, без «брони»? Может он действительно принял меня как своего?

– Вот новые петлицы, полчаса тебе привести форму в порядок и к 13 часам езжай в Кремль. Будут представлять тебя твоим новым подчинённым, – прервал мои копания Берия. – Можешь в мою комнату отдыха пройти. Иголка с ниткой, надеюсь при себе? Отлично!

Я только кивал в ответ, переваривая свалившиеся на меня новости. Новые подчинённые? В Кремле? Но… Как же наркомат? Как же мой отдел? И вообще, вся, ставшая уже такой привычной жизнь?

– Мандражируешь?

– Волнуюсь по поводу того кому достанется мой отдел, – представил я дело так, что вовсе не робею перед перспективой более обширного дела.

– А вот от должности и обязанностей в структуре НКВД тебя не освободят, не надейся, – с непонятной мне удовлетворённостью ухмыльнулся нарком. – Будешь совмещать.

– Хоть куда назначают то? – не выдержал я, наконец.

– В Совнарком! Маршал Ворошилов до сих пор зубами скрипит. Но куда конкретно – не скажу. Пусть будет для тебя сюрпризом. Место важное, особенно сейчас. И помни, что болеть надо за «Динамо»!

Ну да, как же без этого. Продвигая «своих» всё выше и шире, Берия укреплял свои собственные позиции, набирал вес. А сейчас, получается, умудрился прыгнуть выше головы, выйдя за рамки собственного наркомата. Да, пожалуй для его уровня, это оглушительный успех.

Спустя час я был уже в секретариате Сталина, где Поскрёбышев зачитал мне решение советского правительства «О создании Военно-промышленной комиссии при СНК СССР и назначении майора государственной безопасности товарища Любимова С. П. председателем Военно-промышленной комиссии при СНК СССР» и предложил немного подождать, пока Иосиф Виссарионович меня не примет. Я тихо сел в уголок и первая моя мысль была о том, что не было ничего, да вдруг алтын. Внезапно, даже, кажется, незаслуженно, я вдруг добился важнейшей своей «промежуточной» цели – занять ключевой пост, с высоты которого я смогу прямо влиять на вопросы обороны страны! Конечно, Сталин сейчас введёт меня в курс дела, обозначит обязанности и полномочия, но уже, исходя из названия нового органа, можно предположить, что под моим контролем окажется полностью весь ВПК СССР! Значит, я просто по должности буду знать о нём всё. А кто знает – тот может и направлять. Ох, хорошо бы и прямо приказывать! И, как только я в своих мечтах дошёл до этой мысли, как тут же ощутил даже не страх, а ужас. От осознания ответственности. Теперь вся подготовка к войне с точки зрения обеспечения армии и флота вооружением, боеприпасами, снаряжением, транспортом, будет зависеть только от меня. И если вдруг чего-то будет не хватать, то оправдаться, даже перед самим собой, будет невозможно. Цена ошибок мне известна очень хорошо.

– Товарищ Любимов, вы можете зайти, – пригласил меня Поскрёбышев, хотя за всё это время из кабинета вождя никто не выходил.

– Здравствуйте, товарищ Любимов, присаживайтесь, – приветствовал меня Сталин. – Как ваше здоровье?

– Спасибо, не жалуюсь.

– Как дети? Не болеют? Учатся хорошо?

– И здесь у меня полный порядок.

– А жена? Со всем успевает?

– Тут, товарищ Сталин, трудно. Работы у неё много. В этом году в химлабораториях под её руководством и арамидные волокна промышленным способом научились получать, и пенополиуретаны. А сейчас открыли новое направление по моторным маслам и топливам. Пытаются выручить нас, моторостроителей. Как вы, наверняка, знаете, у товарища Чаромского проблема. Его новый высокофорсированный мотор плохо работает, образовывается нагар из-за высокой температуры, что ведёт к недопустимому сокращению ресурса. Жаровые стальные накладки и кольца на алюминиевых поршнях решают проблему не полностью. То же самое касается и одноблочных моторов Воронежского завода. Прежние наши дизель-моторы не имели такого напряжённого теплового режима в цилиндре. А тут с блока снимается целых 250 лошадиных сил, а со всего двигателя – полторы тысячи. Всё усугубляется ещё и тем, что в массовых количествах пошло топливо из поволжской нефти с высоким содержанием серы. Необходимо создать рецептуры масел, устойчивых к высоким температурам и обладающих моющими свойствами. Полина, фактически, приходит домой только чтобы поспать.

– К сожалению, товарищ Любимов, время сейчас такое, что каждый должен работать с полной отдачей и даже более того. И это даже хорошо, что жена не будет вас отвлекать

от работы. Её и у вас будет много. СНК СССР руководит жизнью целой страны, но в свете складывающейся политической обстановки в мире, мы постановили создать орган не отвлекающийся ни на что, кроме подготовки промышленности страны к войне. Военно-промышленная комиссия при Совнаркоме, которую вы возглавите, в первую очередь, возьмёт на себя контроль по выполнению планов по поставке вооружения, снаряжения и техники в РККА и ВМФ. Вы сосредоточите в одних руках сведения, стекающиеся и от военных представителей НКО и от особых отделов НКГБ при оборонных заводах. Далее, вы будете обязаны готовить для СНК документы по распределению текущих военных заявок и заданий и представлять их для утверждения. Так же вам, в кратчайшие сроки придётся составить план мобилизации всей советской промышленности на военные нужды и контролировать, после его утверждения, предварительные мероприятия по нему, включая госрезерв. Что вы так нахмурились?

– Объём велик, товарищ Сталин… – сказал я откровенно.

– Велик? Это только малая часть! Вы займётесь также организацией и контролем передовых разработок, будете отслеживать зарубежные, чтобы наше оружие было не хуже. Военно-техническое международное взаимодействие тоже ляжет на ваши плечи. Будете определять, какие виды оружия мы можем позволить себе продать, а какие нам необходимо купить. Это не просто купить пушку! Это найти или построить завод на котором мы эту пушку сами сделаем! Вы должны взять на себя подготовку вообще всех решений СНК, связанных с оборонной промышленностью.

Ага, думаю про себя, взять на себя всю текущую работу с ВПК и подготовку к мобилизации на войну всей промышленности, разгрузив Предсовнаркома товарища Сталина для решения политических вопросов. Причём, без права прямого приказа. Решать окончательно, что и как делать, Иосиф Виссарионович будет сам. Сбылась мечта идиота – угодил в военные советники вождя. Вот только советами тут не обойдёшься, придётся засучить рукава и работать по двадцать пять часов в сутки, сочиняя планы и готовя документы. Хотя… Комиссия она на то и есть, чтобы в ней было много комиссаров. Мне, как председателю, надо только правильно распределить работу между ними и на стратегическом уровне определять приоритеты. Очень похоже на работу в моём спецотделе, только уровнем повыше.

– Вы, товарищ Любимов, сколько я вас помню, постоянно твердили о грядущей войне и необходимости к ней готовиться. Вам и карты в руки. Надеюсь, товарищи в вас не ошиблись.

– Я справлюсь, товарищ Сталин. Не имею права не справиться, – ответил я серьёзно. – Но не хотелось бы отвлекаться на бесполезные споры и склоки. Поэтому мне важно, кто кроме меня войдёт в военно-промышленную комиссию.

– В целом, мы считаем, что комиссию целесообразно разделить по направлениям. Артиллерийскому, танковому, авиационному и прочим. Каждое направление будут представлять два человека, один от вооружённых сил, другой от промышленности. Вместе в председателем комиссии, они могут принимать решения в своей узкой области. А при возникновении смежных вопросов – в расширенном составе двух и более направлений. Штат комиссии ещё не утверждён, потому, что некоторые товарищи ещё не приехали или не дали своего согласия на эту работу. Некоторых вы знаете. Это товарищ Бойко, который сейчас на пути из Испании. Он, вместе с товарищем Кошкиным из Харьковского танкового КБ, будет работать по авто- и бронетехнике. От авиапромышленности в комиссию войдёт тоже ваш знакомый, товарищ Яковлев, а в пару к нему мы поставим товарища Смушкевича, который в Монголии показал, что хорошо разбирается в технических вопросах и может на их основе менять боевую практику. Артиллерию от промышленности будет представлять товарищ Устинов, а от РККА товарищ Одинцов. Товарищ Кузнецов подобрал себе более молодого начальника Главного морского штаба, так что на морском направлении у вас будет стоять товарищ Галлер, в компании с товарищем Носенко из Ленинграда. Это основные ваши помощники, с которыми вы будете

работать. Надо поставить дело так, чтобы помочь товарищам Кагановичу и Орджоникидзе организовать по-боевому работу наркоматов оборонной и тяжёлой промышленности.

– Товарищ Сталин, но ведь мне только сегодня присвоили звание майора НКВД, это уровень армейского комбрига. Как же я буду командовать товарищем Бойко, который, как я знаю, за бои в Испании уже дорос до звания комдива? Не говоря уж о комкоре Смушкевиче и флагмане флота второго ранга Галлере?

– Товарищ Любимов, а товарищ Сталин разве имеет высокое воинское звание? – с едва заметной издёвкой задал вопрос Иосиф Виссарионович и тут же сам ответил. – Никакого! Как же он тогда руководит работой наркома обороны маршала Ворошилова?

– Вы – это другое дело! Вы занимаете должность Предсовнаркома и вообще, ваш авторитет не подлежит никакому сомнению…

– Отчего же другое дело? Разве вас не выдвигают на руководящую должность в системе Совнаркома точно так же, как товарища Сталина?

– Да, но…

– Никаких но! Мы рассмотрели много кандидатур для этой сложной работы и сочли вашу наиболее достойной. И авторитетной. Вы в своей прошлой работе приложили руку не просто во многих, а почти во всех областях оборонной промышленности. Самозарядная винтовка – Любимов, патроны к ней – опять Любимов, миномёты и мины к ним, гранаты, показ Ф-22 хорошо помню, двигатели для танков, самолётов, катеров и кораблей флота! Даже понтоны! И именно вы, судя по концепции концентрации коммунизма и стратегическому докладу НКВД, видите картину будущей войны в полном объёме, от подмёток солдатских сапог до высших политических решений. Вам и настраивать промышленность на военный лад так, чтобы не получилось перекосов. Потому и товарищей в военно-промышленную комиссию подобрали вам под стать. Каждый из них характеризуется технической подкованностью и организационными способностями. А военные, в большинстве, уже проявили себя в бою и точно знают, каким должно быть оружие. Вам дали лучшие кадры среднего звена, какие у нас есть. Это надо ценить, а не воротить нос и не кивать на звания, которые, если будете хорошо справляться с работой, вас успеют ещё догнать. Как только соберутся товарищи, немедленно приступайте к делу без оглядок на эти мелочи! Ваша работа нам нужна уже сейчас! Известно вам, что происходит в Испании?

– Известно, товарищ Сталин! Буржуазные правительства, в отместку на заключение советско-японского мира, признали фашиста Франко законным правителем, а коммунистов товарища Долорес Ибаррури – бандитами и пиратами и вовсю готовятся к их ликвидации. Франко, захвативший большие трофеи у бывших республиканцев, отменно вооружился и уже теснит наших к Кадису.

– Да. И в добавок к этому, товарищ Ибаррури, с помощью перешедшего под её начало республиканского флота, захватила Канарские острова в дополнение к Балеарским, как резервную базу в случае, если Кадис придётся оставить. Теперь против неё действует международная морская блокада и мы ничем помочь не можем. Падение Кадисской республики – вопрос недолгого времени. Но и бросить их на произвол судьбы тоже нельзя! Надо всех, кого возможно, эвакуировать и спасти от расправы франкистов. Мы провели переговоры с правительством Японии и оно готово, как сторона нейтральная и незаинтересованная в Испанском конфликте, предоставить свои транспортные суда для такой эвакуации, но за это надо чем-то платить.

– Я думаю, что товарищ Галлер и товарищ Кузнецов на меня не обидятся, если я предложу расплатиться нашими новейшими кислородными торпедами с турбинами, работающими на забортной воде, – сказал я чуть подумав. – Они сейчас, несомненно, являются лучшими в мире, в калибре 533 миллиметра имеют дальность хода восемнадцать с половиной километров на пятидесяти узлах. Кислородные торпеды японцы делают и сами, а вот то, что можно подобрать параметры парогаза, такие, чтобы твёрдые частицы из морской воды не откладыва-

лись в турбине, не знают и даже наверняка не думают в этом направлении. Всем же известно, что выпарив морскую воду получим соль, которая сломает двигатель! Для нас продажа торпед малочувствительна, флот Японии и без того нас намного превосходит. Да и воевать между собой мы больше не собираемся. А вот японцам это очень важно.

– Отлично. Подготовьте соответствующий документ от лица председателя военно-промышленной комиссии и мы его рассмотрим на Совнаркоме. Завтра. Идите и работайте. Желаю успехов.

Так Иосиф Виссарионович задал темп существующей пока ещё только на бумаге Военно-промышленной комиссии. И, надо сказать, почин вышел у меня отличный. Японцы с радостью согласились принять в оплату эвакуации испанских коммунистов технологию кислородных торпедных силовых установок на забортной воде. В конце сентября представитель СССР в Лиге наций, поймав на слове англичанина, настаивающего на прекращении кровопролития на Пиренейском полуострове, сумел предложить своё решение проблемы. Конечно, буржуазные правительства, добиваясь своего, имели в виду полное уничтожение коммунистического анклава, но на этом пути имелись некоторые сложности. Бригады Ибаррури сражались отчаянно, а армии Франко к концу летней кампании почти совершенно выдохлись. Ликвидация коммунистов даже на материке обещала быть кровавой и трудной. Поэтому предложение СССР установить временное перемирие и до конца года вывезти из «коммунистической зоны», включая и острова, на территорию Союза всех, кто не желает признавать власть Франко, было принято. Испанская гражданская война фактически закончилась. А Советский Союз, не заплатив ни копейки, пополнился тремястами с лишним тысячами новых граждан самых разных национальностей и даже бывших белогвардейцев, треть из которых имела свежий боевой опыт, и остатками испанского флота, включая даже один, пусть маленький и слабый, линкор, переименованный в «Кадис». В морской пехоте СССР вместо двух бригад стало пять. Добавились Балеарская, Кадисская и Канарская. А команданте Алехандро Кальдерон, бывший портовый разнорабочий и главнокомандующий на Балеарских островах, возглавил до осени следующего года главную базу Черноморского флота.

Эпизод 11.

Октябрь 1938 года преподнёс немало сюрпризов. С момента присоединения Судет к Германии в западной прессе, сперва понемногу, а потом всё более и более, нарастал вал всевозможных публикаций о «динамизме» Рейха исключительно в восточном направлении. Договорились до того, что некоторые французские газеты прямо призывали Гитлера присоединить к своей империи Украину, где немцы могли найти всё, что угодно, плодородные земли, полезные ископаемые, тёплое море для развития своей державы. И вот пришло время действий. В понедельник 10 октября словацкий сейм провозгласил независимость. Чуть позже стало известно, что то же самое сделал закарпатский анклав русинов, официально принявший название Карпатская Украина. На следующий день президент Чехии Гаха и лидеры «сепаратистов» оказались в Берлине, где лидер бывшей единой страны, подписал соглашение о вхождении её последнего осколка, Чехии, в Рейх под именем протектората Богемии и Моравии. Словаков же, как и украинца Августина Волошина, попросили подождать. Правительства Антанты, имевшие оборонные договора с Чехословакией, и на этот раз не усмотрели в этом поглощении никакой агрессии. Чемберлен выступил с речью, где разъяснил, что поскольку военного вторжения не произошло, Германия в своём праве и признал присоединение новых территорий. Тем временем 12-го числа в Закарпатском городке Хусте, куда, в основном с польских территорий, съехались до полутора десятков тысяч украинских националистов, получивших «по наследству» оружие, включая и десяток танков, от распущенных местных частей чехословацкого ополчения, произошли неожиданные для политиков Антанты события. Туда, предъ-

явив миру жалобы местного населения на бесчинства заезжих бандитов, вторглась венгерская армия численностью 150 тысяч человек. Так как военная мощь Венгрии, которую Хорти начал восстанавливать лишь с весны, была в младенческом состоянии, бои, несмотря на подавляющее численное превосходство, затянулись. И тут 13-го октября в тыл украинским «сичевикам» ударили поляки. Упускать момент, когда все бунтовщики, угрожавшие юго-восточным воеводствам, собрались в одном месте, было никак нельзя! Карпатская Украина просуществовала менее четырёх суток. Боевиков УПА, бросившихся бежать в сторону румынской границы и прятаться по лесам, задерживали пограничники, вылавливали с помощью местного населения и передавали полякам, которые расстреливали повстанцев без суда, следствия и промедления. Делу «украинства» был нанесён сокрушающий удар, а территория «независимого украинского государства» присоединена к Венгрии.

Германский Рейх, казалось, нимало не обеспокоен тем, что на землях его предполагаемых вассалов развернулись такие кровавые события. Более того, в эти несколько дней он предъявил ультиматум Литве, требуя вернуть Мемель, принадлежность которого к прибалтийской республике была гарантирована странами Антанты. И Британия, и Франция, промолчали, сделав вид, что не заметили ничего. Президент Литвы вынужден был принять условия немцев. Зато после того, как до западных демократий дошли вести о разгроме «сичевиков», тон их заявлений резко изменился. О прежнем «умиротворении» можно было забыть. Теперь, всего через несколько дней после одобрения присоединения Чехии, Гитлер внезапно был назван агрессором в ответ на предоставление протектората Словакии. Дальше всех пошли США, отозвав из Берлина своего посла. Что, впрочем, совсем не избавило янки от подозрений британцев, которым, закономерно, уже стал известен текст «доклада НКВД», тайного, но распространённого до комбригов включительно. Зверь, вскармливаемый и натравливаемый против СССР, вышел из под контроля и вздумал вести свою игру, отказавшись стать властителем маленькой-маленькой, но Украины с украинцами, а вместе с тем и от повода освобождать своих «подзащитных» до самого Ростова-на-Дону. И получил с запада грозный окрик.

Но я знал, что слов здесь маловато. Чтобы укротить его, нужна увесистая дубина из десятков тысяч танков, пушек, бомбардировщиков. И только показать её – мало. Надо пустить в ход. Да, англичанам сейчас явно не до меня. Они даже промолчали в ответ на то, что конгресс США экстренно одобрил строительство в 1939 году вместо серии из четырёх «договорных» линкоров в 45 тысяч тонн, двух по 80 тысяч тонн, вооружённых, пока ещё, двенадцатью шестнадцатидюймовками каждый. Японцы же мигом отозвались на это, опубликовав фотографию ствола гигантской 457-миллиметровки с выстроившимися на нём десятками людей, заявив, что следом за первой парой суперлинкоров, характеристики которых они, слегка, конечно, приврав, опубликовали открыто, заложат вторую. Очередная гонка линкоров началась. И если в первой участвовали даже Испания и Греция, то теперь круг участников сузился до минимума.

Эпизод 12.

У меня теперь собственный кабинет в Кремле, пусть в полуподвале. Зато никаких проблем с выходом хоть на Сталина, хоть на Ворошилова, хоть на наркомов оборонной и тяжёлой промышленности Кагановича и Орджоникидзе. Всё в рабочем порядке. Вот только мобзаявку на 39-й год мне из Генштаба спустили такую, что показываться на глаза никому неохота. Если война вдруг начнётся в следующем году, то РККА, не считая потребностей ВМФ, нуждается в поставках в течение первых 12 месяцев 20 тысяч танков, 6 тысяч броневиков, 50 тысяч орудий и миномётов. Но эти запросы теоретически можно как-то удовлетворить, «распихав» по гражданским заводам, в чём и заключается весь смысл мобилизации промышленности. Но что делать с годовой потребностью в 18 миллиардов патронов к стрелковому оружию? При том, что годовая производительность пяти наших основных патронных заводов в режиме воен-

ного времени, в котором они уже работают полгода, всего 3 миллиарда патронов. Ведь это сугубо военное производство, такое специфичное, что никакому другому заводу его не поручишь, только точно такому же патронному! А резервов у СССР в этом плане – ноль. Есть ещё два небольших заводика в Москве, да мой отдел в Нагатино со своим собственным специальным станочным парком и электростанцией. Капля в море. Конечно, раз мобилизовать гражданские предприятия на выпуск патронов невозможно, значит это вовсе не моя головная боль, эта проблема должна решаться внутри НКОП Кагановичем, но гипертрофированная ответственность, усугублённая недавним назначением на пост и стремлением показать себя с самого начала, заставила меня предпринять кое-какие шаги.

– Три года! Три года работы и где результат?! Или вам, гражданин Перегудов, у меня здесь нравится? Может быть вам режим изменить? Может вам свидания с родственниками работать мешают? – принялся я распекать начальника станкостроительного КБ спецотдела НКВД, со всеми удобствами для работы окопавшегося у меня на острове и, надо признать, успевшего сделать немало. Множество вариантов копировальных станков, прессов, продольно-прокатных станов вышли отсюда и уже успешно работали в промышленности, тиражируя в неимоверных количествах детали, в том числе и весьма сложной формы, как арочные шестерни и даже затворные рамы для СВШ, обслуживаясь при этом малоквалифицированной рабочей силой при весьма незначительной доле «профессионалов», настройщиков и мастеров-контролёров. Вот только с главным призом, автоматической роторной патронной линией, пока не ладилось.

– Гражданин майор, вы же знаете, что мы не баклуши бьём. Есть объективные причины. Патронные линии для всех используемых калибров и даже двух неиспользуемых, в целом, нами отработаны и изготовлены в металле, собраны у нас на острове. Это вы и сами прекрасно знаете. Да, мы не можем справиться с качественным нанесением антикоррозионного покрытия, но здесь хоть круглосуточно паши, пока не откроешь способ, который, по моему опыту, часто бывает до обидного простым, вперёд не продвинуться. Я же вам ежедневно докладываю о работе. Пока ни томпак, ни лак не дали удовлетворительных результатов. За что же вдруг вы нас хотите наказать?

– За то, что война на носу а РККА патронов не хватит! – чуть не заорал я и вдруг осёкся, подумав, что 18-тью миллиардами пуль, наверное, можно всё человечество перебить. Кое-какие цифры, самые основные, касающиеся Великой Отечественной, я помнил. Всего за войну у нас было мобилизовано 36 миллионов человек. За четыре года войны. А численность РККА колебалась вокруг шести миллионов. Получается, что на такую армию Генштаб хочет иметь по 3 тысячи патронов на каждого бойца в год? Включая писарей, обозников и самих генштабистов? И в этот момент меня осенило.

– Сделаем мы с вами, гражданин Перегудов, следующее. Какие потребуются доработки, чтобы запустить линию без нанесения на гильзы и пули защитного покрытия?

– Никаких. Просто будут две машины в линии крутиться в холостую и всё. Только такие патроны долго хранить будет нельзя даже. В ящиках может год-другой пролежат, а если вскрыть – сразу надо пускать в дело.

– На то и война, гражданин Перегудов, чтоб патроны сразу в дело пускать. Готовьте линию под ТТ с тяжёлой остроконечной пулей. Этот патрон самый маленький, но в то же время все элементы, стальной сердечник, гильза без закраины в нём есть. Будем запускать опытным порядком производство в таком виде.

– Гражданин майор, линию-то мы подготовим, считай, что уже подготовили, только расходных материалов у нас на полчаса работы, не более. И их специально заказывать надо. Вы ведь сами настояли, чтоб сердечники, оболочки пуль и гильзы вытягивались из прутка, а не из листа, чтоб отходов было меньше. Дадите проволоку, порох и прочее, можем хоть завтра запускать. Тогда, если всё пойдёт как мы рассчитываем, к концу года можем и сдавать работу.

– Торопитесь, гражданин Перегудов. Работу сдадите тогда, когда сможете покрытие наносить. Пока подготовьте мне справку, где мы заказывали комплектующие к линии, что изготавливали сами, сколько заняло времени выполнение наших заказов смежниками, какие импортные комплектующие использовали. Мне надо понять, в каких количествах автоматические линии СССР сможет выпускать серийно. И ещё, моё задание на СВШ под «средние» патроны готово?

Эпизод 13.

На следующий день, к обеду, я был в кабинете Сталина, выциганив у Поскрёбышева пятнадцать минут рабочего времени Предсовнаркома прямо с момента, когда тот только прибыл на службу. Иосиф Виссарионович сегодня явно встал не с той ноги и был не в духе, но всё же, ставя дело на первое место, был готов меня выслушать по вопросу патронов.

– Товарищ Сталин, – начал я. – НКО спустил нам мобзаявку на 39-й год на 18 миллиардов патронов. ВПК, строго говоря, не обязана этим заниматься, так как патронное производство сугубо военное, относится к группе «А». Гражданскую промышленность для него не мобилизуешь. Но, зная о мощностях наших патронных заводов, обязан доложить, что НКОП с удовлетворением заявки по этому показателю заведомо не справится. И на много. В шесть раз. Путь, если не решения, то снижения остроты проблемы есть. Это разработанные в спецотделе НКВД автоматические патронные линии. Их производительность от ста для крупнокалиберных, до двухсот для пистолетных, патронов в минуту. Цикл непрерывного действия по два с половиной часа и полчаса на контроль и замену рабочего инструмента, загрузку расходных материалов. То есть двадцать часов в сутки. Раз в неделю линию на сутки требуется останавливать для большого обслуживания. Одна такая цепочка роторных машин способна дать в год 34560000 крупнокалиберных, 51840000 винтовочных, 69120000 пистолетных или 62208000 новых промежуточных, калибром 6,5 миллиметров, разработанных также в спецотделе НКВД. Линии полностью автоматические и не требуют большого количества квалифицированного персонала для работы. Предполагаемый патронный цех из пяти таких линий обслуживается всего тремя десятками человек в смену. Три-четыре цеха, плюс инструментальный, для изготовления и ремонта штампов и иных нужд, составляют завод, имеющий производительность более трети от любого из существующих заводов, на котором работают всего пятьсот человек. Для сравнения, сейчас на любом из заводов работает по пять тысяч человек. Все компоненты патронных линий изготовлены на наших станкостроительных заводах из отечественных материалов. За исключением некоторой части измерительного инструмента для контроля гильз с проточкой. Если бы мы могли перевооружить наши патронные заводы такими линиями, то их годовая производительность составила бы не три, а десять миллиардов патронов в год, что намного ближе к количеству, указанному в заявке НКО. Есть и существенные минусы. Мы пока не можем в автоматическом режиме наносить на стальные оболочки пуль и стальные же гильзы антикоррозионное покрытие, поэтому хранить долго такие патроны нельзя. Как председатель ВПК считаю уместным строить новые «мобилизационные» патронные заводы восточнее линии Ленинград-Москва-Воронеж-Сталинград. Лучше всего на Урале с опорой на Магнитогорский металлургический комбинат. В мирное время они могут функционировать в минимальном режиме для поддержания оборудования в рабочем состоянии. Скоропортящиеся патроны, при этом, будут расходоваться на боевую подготовку. Уже существующие же заводы в мирное время будут работать на склад. И ещё одно. В спецотделе НКВД разработан новый патрон в «японском» калибре 6,5 миллиметров с пулей, геометрически подобной винтовочно-пулемётной ЛПС, в 7 грамм и гильзой длиной 39 миллиметров. Сохраняет убойную силу по людям до одного километра. Он весит всего 17 грамм, а не 22, как наш винтовочный, что в ходе крупномасштабной войны позволяет экономить 25 процентов сырья для патро-

нов. Кроме того, автоматический карабин под такой патрон, созданный нами на основе СВШ способен вести эффективный огонь очередями, что в решающий момент даст нашей пехоте преимущество над противником. Предлагаю строить новые заводы именно для выпуска таких патронов. Но чтобы приступить к этому делу, автоматическую линию надо испытать в полном объёме, для чего нужно 75 тонн сырья для изготовления опытных партий патронов ППШ в штатном режиме на протяжении, минимум, месяца. В том числе и в виде 8-миллиметровой проволоки трёх сортов для сердечников, гильз и пульных оболочек.

– Что вы конкретно хотите? Вы выходили уже на товарищей из наркоматов обороны, оборонной промышленности, тяжёлого машиностроения? Или сразу пришли ко мне? – хмуро спросил меня Сталин.

– С утра проехался по наркоматам и, как и следовало ожидать, везде получил отрицательные ответы. НКО не нужны быстропортящиеся патроны и перевооружение на новый калибр. В НКОП нет сырья для испытательного пуска линии, им бы план на своих заводах обеспечить, и кадров для производств на Урале. НКТП не видит возможности выпуска автоматических патронных линий, так как организовывать его пришлось бы на мощностях, которые сейчас выпускают станки для топливной аппаратуры дизелей и не справляются с потребностями. Даже в проволоке мне отказали, так как завод «Серп и Молот» может её дать, только если сорвёт план по арматуре для постройки Дворца Советов.

– И вам потребовался авторитет товарища Сталина, чтобы надавить на наркомов и пропихнуть свои недоделанные патроны и автоматический карабин. Накануне войны?

– Я считал, товарищ Сталин, что ВПК для того и создана, чтобы «расшивать» узкие места. Если предложенное мною решение патронной проблемы неудовлетворительно, то где другое решение? Его попросту нет. Патроны нельзя будет долго хранить? А это важно во время мировой войны? Или всё таки важна их бесперебойная поставка на фронт? В НКО боятся перевооружения, говорят, что с автоматическими карабинами расход патронов ещё более возрастёт? Ещё неизвестно, с какого потолка они взяли цифру 18 миллиардов! К тому же, главное в том, чтобы в решительный момент наша пехота имела бы огневое превосходство. А такой решительный момент – это наше наступление, или отражение наступления противника. Сейчас войска при ударе по врагу движутся вслед за огнём артиллерии, подавляющей оборону противника, максимально прижимаясь к разрывам снарядов. Для пехоты это около четырёхсот метров дистанции. 6,5-миллиметровый автоматический карабин имеет как раз такую дальность прямого выстрела по грудной фигуре на постоянном прицеле и не брыкается, как СВШ. Один, максимум два магазина по 30 патронов, и в ход уже идут гранаты, если до этого атака не отбита. Пистолеты-пулемёты имеют эффективную дальность в два раза меньше, следовательно и расстреляют при отражении атаки патронов в два раза меньше. И целей поразят. А в периоды затишья на большие расстояния стрелять – дело снайперов. И вообще, линейных пехотинцев и кавалеристов в армии, тех, кто этими автоматическими карабинами воевать будет, едва десятая часть. Остальные – пулемётчики, артиллеристы, обозники, вплоть до наркома обороны, другими делами заняты. Особенно же важны автоматы для десантников, вынужденных полагаться на лёгкое вооружение. Что касается товарищей Кагановича и Орджоникидзе, вернее их заместителей, с которыми я общался, то они держатся плана аки слепой стены. В НКОП, наверное, не понимают, что временное незначительное снижение выпуска патронов в мирном четвёртом квартале 38-го года может обернуться увеличением выпуска в разы в, не дай Бог, военном 40-м или 41-м году. И вообще, наркомат для того и существует, чтобы, в числе прочих, кадровые проблемы решать. А в НКТП вообще не озабочены вопросом патронов. Им бы топливную аппаратуру для дизелей дать по плану, остальное их не касается. Между тем, станки для выпуска ТНВД можно хоть как-то получить из иных источников, даже закупить за рубежом. Автоматические роторные патронные линии же за рубежом не закупишь. Их там попросту нет. И, надеюсь, не будет. НКТП мог бы, к тому же, более решительно маневрировать мощ-

ностями по моторам. Да, сейчас в два раза упал выпуск грузовиков на ЗИЛе до всего 60 тысяч в год. Из-за того, что новые Д-100 идут на замену на машины, выпущенные до 35-го года. Но, во первых, есть же ещё БАЗ, завод-дублёр, который выпускает бензинового близнеца ЗИЛ-5. Кроме того, мне известно, что в СпецКБ ЗИЛ создано шасси под лёгкую самоходку с двигателем БАЗ. И даже с более просторным боевым отделением. Если нельзя нарастить выпуск дизельмоторов, то почему не сосредоточить усилия на бензиновых 8-цилиндровых «К» в Брянске? Избыток двигателей оттуда можно было бы поставлять в Москву.

– Вы, товарищ Любимов, сейчас как вольный художник рассуждаете, или имеете на руках конкретные предложения на бумаге? Рассуждать легко. Искать изъяны в работе СНК, критиковать. Мне, как Предсовнаркома документы нужны! С конкретными цифрами! Только тогда вопрос можно ставить и решать. Опираясь на факты, а не на рассуждения, – ворчал Сталин, видимо, принимая сказанное мной в адрес наркомов и на свой счёт.

– Вот смотрите, товарищ Сталин, что получается. Бумаги со всеми выкладками, кроме записок по патронным линиям и по автомату, у меня нет. Да и откуда им взяться? Ведь ВПК это не Госплан и даже не проектный институт. Вроде бы, подразумевалось, что исходные данные для наших сводных документов будут готовить наркоматы, в которых соответствующие кадры, получающие зарплату, есть. Но наркоматы поставили на вопросе табу, потому как своя рубашка ближе к телу. И даже военные, подозреваю, запросили неимоверное количество патронов, чтобы в случае чего, свалить собственные неудачи на промышленность. Все при деле, совесть у всех чиста, а патронов в армии нет! И ВПК не может координировать действия наркоматов, пока этих самых действий нет. Разорвать этот замкнутый круг можете только вы, как Предсовнаркома. Для начала, распорядившись выделить все необходимые материалы для испытания автоматических роторных патронных линий. Если Дворец Советов построят годом позже – большой беды не будет. Она случится, если армия противника дойдёт до Ленинграда, Сталинграда и Москвы!

– Вы, товарищ Любимов, сгущаете краски. Уверен, что НКО не ищет себе каких-то оправданий, а думает о том, как быстрее разгромить агрессора, – пробурчал Сталин, то ли польщённый моей оценкой его значимости, то ли недовольный моим выпадом в сторону Дворца Советов, или тем, что Советское правительство, во многом, работает в «ручном» режиме и без вождя распадается на группы, малоспособные к совместным действиям. – Вы получите всё необходимое, можете идти.

Не прошло и четырёх часов, как один за другим мне позвонили замнаркома вооружения Ванников и замнаркома тяжёлой промышленности Пятаков, запросив данные по патронным линиям. А маршал Ворошилов не погнушался спуститься в полуподвал, который занимала ВПК, лично. Я как раз собирался возвращаться к себе на остров и достал АК, «презентация» которого «самому» так и не состоялась. Автомат практически ничем не отличающийся, кроме калибра, от своего прародителя из «прошлого будущего», попал маршалу на глаза, а потом и в загребущие руки. Высказав мне всё, что думает о вредителях, вздумавших накануне войны переходить на новый калибр и услышав в ответ разницу в 30—40 тысяч тонн стали, цветмета и пороха, фактически, тяжёлый крейсер типа «Кронштадт» или полторы-две тысячи танков Т-126, экономию в том случае, если половину винтпатронов из заявки НКО без ущерба для дела заменить на промежуточные, замолчал, но АК умыкнул, написав расписку. И ещё задание дал на дополнительные девять штук, которые спецотдел НКВД должен был дать своими силами для проведения всесторонних сравнительных испытаний, для которых, разумеется, требовались и боеприпасы.

Лёд тронулся и к концу года ВПК в лице товарищей Любимова, Устинова и Одинцова подбила сводный план выпуска стрелковых боеприпасов по НКОП и НКТП, предполагающий выпуск в 39 году на отечественных станкостроительных заводах сорока автоматических патронных линий и постройку на Урале и в Сибири пяти новых «мобилизационных» заводов

годовой производительностью в пятьсот двадцать миллионов винтовочных, миллиард двести пятьдесят миллионов промежуточных, сто четыре миллиона крупнокалиберных и четыреста двадцать пять миллионов пистолетных патронов. Пока шли испытания линии, получившие, в связи с повышенным к ним вниманием со стороны «небожителей», неимоверный прилив сил, энтузиазма и сообразительности ЗК-специалисты из КБ Перегудова, сумели наладить автоматическое плакирование гильз и пульных оболочек томпаком. Последнюю, четвёртую неделю месячных испытаний автоматическая роторная линия выдавала уже не «серебряные», а вполне кондиционные «жёлтенькие» патроны ППШ, отличавшиеся от пистолетных ТТ остроносой 7-граммовой пулей и уменьшенной её начальной скоростью.

НКО, который, как выяснилось, выдал заявку, ориентируясь не на статистические данные расхода патронов в боях, которых было предостаточно, а на ресурс заявленного на тот же период оружия, согласился умерить свои аппетиты примерно вдвое. Тем не менее, до стопроцентного удовлетворения потребности в боеприпасах к стрелковому оружию было ещё далеко. К моему несказанному удивлению, внезапно и необъяснимо для меня, на помощь пришли немцы. Они предоставили в конце ноября 1938 года Советскому Союзу кредит на закупку производственного оборудования сроком на пять лет. Процент был просто грабительский, но и за него пришлось поторговаться, сбивая его с уровня безбожного. Тем не менее, расстраиваться не стоило. Полагаю, заключая такой договор, товарищи, точно так же, как и я, считали, что отдавать долги не придётся. Зато множество станков, в том числе и дефицитных в СССР, например, для выпуска ТНВД и длинных артстволов среднего калибра, в течение ближайших лет окажутся на наших заводах. В том числе и двух новых патронных, которые могли дать вкупе ещё миллиард единиц продукции в год. Таким образом, годика через два три, отечественная промышленность по мобилизации сможет удовлетворить запросы НКО примерно на 75 процентов, что не так уж и плохо по сравнению с исходными 16-ю.

Что касается автомата под промежуточный патрон и родственного ему ручного пулемёта для вооружения стрелковых отделений, то баталии вокруг них велись всю зиму. Возражений была масса, от расширения номенклатуры стрелковых боеприпасов до «излишеств» именно в виде огня очередями. Но, в конце концов, он пробил себе дорогу благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, со складным прикладом он идеально подходил для десантников. С ним они могли совершать парашютные прыжки, чего не позволяла слишком длинная СВШ. При этом АК по огневой мощи давал сто очков вперёд «альтернативным» пистолетам-пулемётам. Во-вторых габариты оружия оказались ключевыми для мотопехоты. В тесном десантном отсеке танка Т-126 или сталинградского плавающего тягача с винтовкой было не развернуться, а с автоматом можно было удовлетворительно разместиться. В третьих, по технологии изготовления новое оружие практически не отличалось от освоенных самозарядных винтовок и, следовательно, смена модели не влияла на количество сдающихся армии стволов. Со скрипом, но АК сперва приняли на вооружение десантников и мотострелков «на броне», за которыми мигом, стараниями своего «шефа» Кожанова, подтянулась морская пехота. Следом оказалось, что надо бы подтянуть показатели огневой мощи относительно малочисленных кавалерийских частей. Процесс, как говорится, пошёл. Теперь в РККА стало три основных калибра, винтовочно-пулемётный «мосинский», промежуточный и ТТ с тяжёлой пулей, бесшумными ППШ под который вооружались разведчики. От мысли втиснуть для них ещё один патрон, 9х39, я отказался сам. Тяжёлая свинцовая пуля в 16 грамм была бы форменным расточительством, а суррогатная, со стальным сердечником, не гарантировала точности на увеличившейся дистанции огня. Попадать из бесшумного оружия в цель, размером с голову человека, что требовалось для снятия часовых, можно было не дальше ста метров и по этому показателю старые и «перспективные» бесшумки были равны.

Большая перемена.

Эпизод 1.

В новый, 1939 год Советский Союз вступал в сиянии трудовой и боевой славы, подтверждённой на всесоюзных стройках, заводах и на полях сражений, охваченный небывалым энтузиазмом трудового народа, успешно покоряющего новые высоты на пути своего движения к коммунизму. Во всяком случае, так сказал Сталин в своём предновогоднем радиообращении и не было причин ему не верить. Действительно, в 38-м году ввели в строй Медвежьегорский металлургический комбинат, опирающийся на карельскую руду и печорский уголь, построили тысячи заводов, электростанций, шахт, карьеров, нефтяных вышек и километров железных дорог. В том числе и такие ключевые предприятия, как Кольский никелевый завод, избавивший СССР окончательно от необходимости закупать этот металл за рубежом. Экономика страны, хоть и обременяемая всё больше и больше военными расходами, тем не менее, росла и развивалась много быстрее, чем конкуренты из буржуазного мира. Обладая ограниченными ресурсами, правительство СССР концентрировало их на важнейших направлениях, добиваясь вытягивания «локомотивными» отраслями промышленности остального народного хозяйства. И в этом его, не на митингах и партсобраниях, а на деле и не без собственной выгоды, поддерживал народ. Сравнение интенсивности и производительности труда с 13-м годом или с доступными зарубежными данными, а также процента брака, коэффициента использования оборудования и машин, стало коньком советской статистики, которую, гордясь показателями, порой даже без комментариев, печатали в газетах. Иную статистику, касающуюся ширпотреба, в газетах не публиковали, да и вообще, кажется, не вели, понимая, насколько мы уступаем в этом плане буржуазным странам. Тем не менее, и на этом направлении наметились некоторые подвижки. После долгих споров и обсуждений в Верховном совете монополия государства на средства производства дала трещину. Осенью прошлого года приняли «предварительный» закон по которому было введено понятие «собственности трудящихся». Теперь лица, трудоустроенные не менее девяти месяцев в году, могли кооперироваться и вкладывать свои сбережения в предприятия, на которых сами они не работали, получая, как и в заграничных акционерных обществах, дивиденды от прибыли. Но если вдруг пролетарий или колхозник вздумали бы возомнить себя рантье, то после трёх месяцев тунеядства все их права на долю в кооперативах без разговоров отчуждались в пользу государства. Кроме того, акционер должен был быть готов в любой момент подтвердить то, что вложенные деньги честно им заработаны и не являются нетрудовыми доходами. Передавать средства родственникам, кроме самых близких, для участия в кооперативах запрещалось. Свободные деньги, которые с трудом можно было реализовать в предметы ширпотреба, в народе имелись и, хотя зима не самое благоприятное время для строительства, процесс пошёл. В советской прессе появились специальные страницы, целиком отданные под объявления на сбор средств под конкретные цели и в областях даже стал выпускаться специальный журнал «Народная кооперация», в котором печатались еженедельные отчёты по общесоюзным и региональным проектам. Закон встретил полное понимание и одобрение народа, в руках которого теперь был инструмент собственного самообеспечения ширпотребом, а ещё способствовал дальнейшему снижению текучести кадров и отодвинул на задний план вопрос иммигрантов, который на проверку, оказался не таким уж и страшным.

До конца 38-го года в СССР прибыл почти миллион человек, претендующих на советское гражданство, включая испанцев. В основном это были бывшие эмигранты, покинувшие Россию после Гражданской, немцы-антифашисты, чехи, не желавшие жить под властью гитлеровцев, измученные безработицей французы и американцы, шведы и англичане. Такой приток рабочей силы во многом позволил снизить остроту кадрового голода в промышленности, обострившегося в связи с массовым призывом весны 38-го года. Хоть высококвалифицированных рабо-

чих среди приезжих было очень мало, но основная их масса, успевшая поработать на западных заводах, побатрачить на фермах, знала, как подойти к станку или водить паровоз, машину или трактор. Лица, получившие вид на жительство, распределялись сообразно их профессии и ещё служили важным источником технической информации. Так, благодаря французским рабочим, направленным в Запорожье, удалось подкорректировать технологию и значительно повысить надёжность моторов М-87, благодаря чехам для нас открылся способ получения металлического титана, а немцы способствовали развитию и удешевлению производства синтетических смол. Конечно, эти люди не приходили к главному технологу и не выкладывали перед ним весь процесс, но по крупицам, от каждого понемногу, удавалось получить достаточно полную картину. В общем, жить в СССР стало лучше и веселее, как в ином мире сказал товарищ Сталин, а ещё – интереснее.

А вот персонально у майора государственной безопасности Любимова дела идут, прямо скажем, не слишком-то хорошо. Со стороны этого не заметно, начальники не пеняют, но от чувства вины за то, что главную свою задачу ВПК просто физически, из-за её огромности, не может решить, не убежишь. И ведь не распишешься же в собственном бессилии. Тогда право и возможность влиять на военные вопросы может быть утрачена. Может быть – безвозвратно. А работа Военно-промышленной комиссией проделана огромная, нужная и она ещё далеко не закончена. Ради неё я, с одобрения наркома внутренних дел, почти до самого конца «усушил» свой технический спецотдел.

Освободились по амнистии, за создание двухорудийных 54-калиберных 356-миллиметровых и четырёхорудийных 130-миллиметровых башен, конструкоры спецКБ морской артиллерии. С первой установкой, предназначенной для второй серии из тяжёлых крейсеров типа «Кронштадт», которые должны стать ответом на французские «Дюнкерки» и немецкие «Шарнхорсты», они опередили конкурентов с «Большевика», которые разбросались сразу на три калибра 305, 356 и 406 миллиметров. За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. В результате, когда «моя» башня, собранная в Николаеве, стреляла на полигоне, у соперников был только опытный образец 16-ти дюймовой пушки, которую, после всеобщего раскрытия «Ямато», забраковали, как маломощную. 130-миллиметровые универсальные башни лидера «Преображение», имевшие две независимых пары установленных вертикально друг над другом в одной люльке стволов с полностью автоматическим заряжанием и скорострельностью 15 выстрелов в минуту каждый, произвели большое впечатление в НК ВМФ. Не превышая габаритов обычных двухорудийных башен эсминцев, весили они всего на 10 процентов больше, а огневая мощь возрастала в два с лишним раза.

Это обстоятельство дало путёвку на волю бывшим сотрудникам ЦКБС-1, у которых уже был готов проект эсминца с двумя такими башнями, одного из промежуточных вариантов лидера «Преображение». Конкурс на этот корабль, серия которых должна быть заложена после спуска корпусов пр.38, закончился, по сути, не начавшись. ЭМ пр.40 с восемью стотридцатками, несущий по четыре двухблочных 37-ми и 25-ти миллиметровых дизель-гатлингов Таубина, два четырёхтрубных ТА калибра 650 миллиметров, реактивные бомбомёты, обещал стать мощнейшим кораблём своего класса. Кораблестроителей удалось сохранить как единый коллектив и они принялись за крейсер «улучшенный Чапаев», а артиллеристы, в соответствии с темами, которыми занимались, распределились между заводами «Кировский» и «Большевик».

Вышли на свободу и слились со своими вольными соперниками сотрудники лодочного КБ в Сормово. Их лодка с четырьмя дополнительными торпедными аппаратами в надстройке построена и испытана, но не вполне удовлетворила НК ВМФ. Там уже видели близкую перспективу самонаводящихся торпед, поэтому отпадала необходимость мощного разового залпа. Тем не менее, в окончательном, эталонном для большой серии «С» -ок проекте, который сейчас находился в финальной стадии отработки, внешние ТА присутствовали. Но именно в том

виде, который был оправдан в новых условиях. Вместо четырёх аппаратов обычного 533-миллиметрового калибра в лёгком корпусе предусматривалось всего два, но 650-миллиметровых. Лодка приобрела силуэт, характерный для советских ракетоносцев конца 20-го века «эталонного» мира, заметно отличаясь от немецких «семёрок». Изменилось и торпедное вооружение в прочном корпусе. Носовые ТА остались без изменений, а вот кормовые похудели в калибре. Зато стрелять из них 45-сантиметровыми электроторпедами, всплывающими и циркулирующими, а в перспективе и самонаводящимися, можно было с большой глубины. Это было оружие самообороны. Артиллерия лодки ограничивалась новой 88-миллиметровкой перед рубкой и двумя ДК позади неё, хранящимися в подводном положении в специальных герметичных контейнерах.

Дыренков на заводе «Баррикады», окрылённый успехом Бр-21, был амнистирован за один бумажный проект самодвижущегося дуплекса калибром 210/305 миллиметров на базе купленной у чехов документации на Бр-17/18, которые были хороши всем, кроме мобильности. От родной системы у дуплекса остались лишь качающиеся части, всё остальное было новым и, в духе Дыренкова, оригинальным. В качестве базы и одного из походных тягачей он использовал танк КВ-2, чей усиленный внутренними подкреплениями корпус, разумеется – без рубки, строился не из броневой, а из конструкционной стали. В нём же был установлен генератор привода вспомогательных механизмов орудия и кран подачи снарядов. Вторым элементом была массивная 20-тонная станина с противооткатными устройствами без ствола и хвостовым сошником на штыре, вокруг которого она могла свободно вращаться. Лобовой частью в боевом положении станина опиралась на стыковочное устройство на крыше танкового шасси, с возможностью смещения по нему в пределах пяти градусов для точной горизонтальной наводки. Гусеницы танка при этом располагались поперёк направления стрельбы. В походном положении станина ставилась на гусеничную тележку и колёсный ход, точно такие же, какие использовалась в лафете гаубицы Б-4. Ствол орудия перевозился отдельно. На походе получалось два поезда около 40 тонн. Первый – танк-опора со ствольной повозкой. Второй – станина с тягачом «Ворошиловец». В боевом положении, чтобы быстро сменить направление стрельбы, танк-опора просто смещался в любую сторону, двигаясь вокруг хвостового сошника главной станины. На все 360 градусов. Лишь бы хватило размеров площадки на огневой позиции. Так как элементы механизированного лафета были во многом унифицированы с уже выпускающимися серийно образцами техники, то испытаний дуплекса с родными, чешскими стволами, можно было ждать уже весной.

Ушло, после сдачи корпусного 240-миллиметового миномёта, на вольные хлеба спецКБ сухопутной артиллерии под руководством бывшего начальника ГАУ Ефимова, осевшее на Новокраматорском заводе. Ушли химики, которых возглавляет моя любимая жена. Впрочем, поскольку ЗК среди них было изначально не слишком-то много, можно сказать, что они просто сменили подчинение. Точно так же, из технического спецотдела НКВД в гражданские наркоматы были переданы все коллективы, состоящие из добровольцев, пришедших со стороны, а не из ГУ лагерей НКВД. Станкостроители, последние, кто оставался в лагере на острове из специалистов, амнистированные, пока ещё гостили у меня, решив и дальше работать вместе. По весне для них в Коломенском планировали построить Инженерную улицу, чтобы не пришлось далеко добираться до работы. Фактически, в моём отделе остался только несчастный Курчевский, мучающий тему гранатомётов.

Военно-промышленная комиссия стала основным, но не единственным местом работы не только для меня. Ветеран войны в Испании, комдив Бойко, к примеру, отгуляв полностью заслуженный отпуск, учился на спецкурсе Академии Бронетанковых Войск, куда чохом определили его сослуживцев званием от майора и выше, причём, и тех, кто до эвакуации с Пиренеев не были гражданами СССР. Так на командном факультете оказались кроме пяти испанцев, немец, болгарин, два француза и чех. Инженер Кошкин, отличившийся тем, что

образцово организовал работу Харьковского танкового КБ, был вызван в Москву не только для того, чтобы участвовать в ВПК. В структуре СпецКБ ЗИЛ сложилась нездоровая конкуренция между «танкистами» и «самоходчиками», возглавляемыми, соответственно, Гинзбургом и Траяновым. Это мешало совместной работе по сопровождению и улучшению существующих конструкций. Гинзбург бредил тяжёлым танком, не хуже, чем КВ, но по схеме Т-126, сердцем которого должны были стать сразу два спаренных 100-4-х мотора, дававших вкупе те же 700 лошадиных сил. Траянов же критиковал его за отход от серийных автомобильных агрегатов и тянул в противоположную сторону, упирая на компактные, но, тем не менее, достаточно бронированные САУ. Понятно, что единого шасси, как раньше, для столь разных машин быть не могло и рядовые инженеры разрывались между двумя темами, не имеющими ничего общего. Нарком Орджоникидзе разрубил Гордиев узел одним ударом, назначив над двумя одинаково авторитетными лидерами начальника-управленца, который и должен не только определить приоритеты, согласовав их с требованиями НКО, но и наладить совместную продуктивную работу. Точно так же, каждый по своему профилю, были заняты и остальные, посвящая ВПК вечера и один-два рабочих дня в неделю.

Тем не менее, выступая в качестве советников Предсовнаркома и «экспертов», нам удалось успеть многое. Прежде всего была откорректирована и утверждена «малая» программа военного судостроения, рассчитанная до 42-го года. Она признавалась неснижаемой и не могла быть свёрнута даже в случае начала войны, но касалась только Европейской части страны и речных верфей. В её рамках в Николаеве достраивались два тяжёлых крейсера типа «Кронштадт» и закладывались, со сроком сдачи в 1942-м году, попарно на Балтике и на Чёрном море, ещё четыре проекта 69-бис с 356-мм артиллерией ГК, улучшенным зенитным вооружением и бронированием. Точно так же, на этих же театрах, строились восемь крейсеров типа «Чапаев», представлявших собой дальнейшее развитие проекта 26-бис с той же энергетической установкой, но большего размера. Скорость их снизилась до 34-х узлов, но вооружение выросло до 4-х 180-мм двухорудийных башен ГК и до восьми спаренных в одной люльке палубных 100-мм установок. Усилено было также и бронирование, главный пояс теперь имел 100 мм толщины вместо 75-ти. После спуска корпусов крейсеров первой серии планировалось заложить в 39-м-40-м годах уже 16 крейсеров проекта 68-бис, достроить которые также должны были до конца 1942 года. Эти корабли, сохранив корпус предшественника, несли абсолютно новое вооружение и для действий на океанских просторах. Вместо двухорудийных 180-мм башен устанавливались 152-мм, но четырёхорудийные и универсальные, по подобию башен ГК лидера «Преображение», а среднекалиберная зенитная артиллерия исключалась из проекта вообще. Экономия её веса шла на установку на крейсере восьми спаренных 650-мм ТА под перспективные самонаводящиеся торпеды, которые также ещё предстояло создать. В случае же, если новое вооружение не было бы готово к моменту закладки крейсеров, то большой беды из этого не было бы, просто строить пришлось бы по проверенному 68-му проекту. Также флот должен был на Европейских театрах ежегодно в течение ближайших двух лет получать по 24, а в течение двух следующих по 36 новых эсминцев. Все эти корабли планировалось строить в главных наших судостроительных центрах – Ленинграде и Николаеве. Все подводные лодки, включая и крейсерские, все сторожевые корабли, большие и малые охотники, торпедные и бронекатера, десантные баржи, четыре монитора, планировавшихся для Татарского пролива и нижнего течения Амура и находившихся в высокой степени готовности, сдавались по плану заводами, расположенными в глубине страны на внутренних реках. Не была забыта и «главная сила» флота. После долгих споров в Совнаркоме постановили-таки заложить хотя бы один линкор. Но самый-самый, тот, на который собирала средства ВКП (б). Определяющим обстоятельством при этом были соображения престижа страны. По сравнению с ними, все тактические, экономические и технические аргументы меркли. СССР не хуже других и должен доказать, что может создавать самые сложные творения рук человеческих и точка! Единственное,

что мне и другим противникам ЛК удалось сделать, сославшись на отсутствие вооружения, энергетики, да и проекта корабля в целом, не ломать работу ленинградских верфей и строить линкор на новом заводе в Молотовске. Который по плану вводился в эксплуатацию только в 40-м году. Там же строить и пару авианосцев, проект которых создавался на основе энергетики и корпуса ТКР «Кронштадт».

Признаюсь, что работая над программой, я постоянно оглядывался на «эталонный» мир и осторожничал, зная, что там ничего из крупных кораблей, кроме крейсеров типа «Киров» построить не удалось. Кроме того, надо было соблюсти баланс между минимальной и максимальной задачами СССР во Второй Мировой войне. Первая требовала все усилия направить на сухопутное направление, обеспечив гарантированное выживание страны. Вторая же столь же настоятельно требовала иметь достаточно мощный флот, имея ввиду возможное противостояние с американцами. И вот здесь, имея на руках статистику по работе советской промышленности, я убедился, что малая программа реализуема. Лучшим доказательством были два «ответа туркам», ТКР «Кронштадт» и «Севастополь», которые достраивались на плаву и летом-осенью должны были выйти на сдаточные испытания. Таким образом, от закладки до вступления в строй 35-тысячетонных кораблей должно было пройти около трёх лет. Крейсера советские заводы строили за два-два с половиной года, эсминцы за полтора-два, лодки за год-полтора, разброс зависел от сезона закладки. Здесь и сейчас у нас корабль, простоявший лишний день на заводе, залезал в карман к рабочему напрямую и затягивать, равно, как и строить небрежно, так, что строгая комиссия могла и не принять, никакого смысла не было. Директора заводов стеной стояли на пути внесения изменений в проект в ходе постройки. Что заказали в самом начале – то и получите. Не нравится – милости просим обратно на наш завод, но после сдачи заказа и после внесения в следующий план. Такой подход дисциплинировал и проектировщиков и, несмотря на худшие опасения, серьёзно, по-настоящему дефектных кораблей на флоте было ничтожно мало, в основном лодки «М» постройки первой половины 30-х.

Впрочем, ситуация была характерна для всей советской промышленности в целом. Её рост и в «эталонном» мире был взрывным, а здесь и подавно. Процесс, запущенный мной в начале тридцатых, шёл по нарастающей. Нацеленная на производство средств производства, промышленность развивалась невиданными темпами. К примеру, сокращение, благодаря применению мощной строительной техники, сроков постройки электростанций обернулось не только тем, что Волжская система уже, включая Волго-Дон, была введена в эксплуатацию. Электроэнергия, сэкономленные денежные средства, транспортный эффект, вылились в десятки «лишних» заводов, целый Северо-Западный промышленный район, не уступающий Уральскому. Строители ГЭС переходя с места на место прямо с избами, поставленными на сани, школами, больницами, клубами, шли дальше по рекам на Урал и в Сибирь. Аркадий Гайдар даже написал восторженный рассказ «Кочующий город». Каждая созданная в СССР машина, или купленная на добытое на Колыме золото за границей, воспроизводила десятки машин. Рост шёл в геометрической прогрессии. Всё это, да ещё то, что ещё при наркоме Кожанове за флотом были закреплены конкретные заводы от производителей вооружения до химиков, служило прочной основой малой программы и вселяло уверенность в успешное её выполнение в любых обстоятельствах.

Вторым важнейшим направлением работы ВПК стала авиация и авиационная промышленность. Как оказалось, её проблемы на настоящем этапе проистекали, прежде всего, из успешной деятельности наркомата народного просвещения. За годы советской власти успело вырасти первое поколение специалистов, многочисленное и желающее ухватить свой кусок пирога, оттеснив признанных мастеров «дореволюционных» времён. Рост мощностей авиапромышленности заметно отставал от темпов подготовки инженерных кадров. Соответственно, начались интриги, кое-кто пытался пользоваться «административным ресурсом»

сидевших на высоких постах близких и дальних родственников. И всё это негативно отражалось на модернизации старых и создании новых самолётов. Новые КБ появлялись, старые разделялись, возникло множество «И», «Б», «Ш» и «Р» с уже трёхзначными номерами, разобраться с которыми с ходу было просто невозможно. Поэтому первое, что мы рекомендовали сделать советскому правительству – ввести с 1-го января 39-го года обозначения новых машин по первым буквам фамилии главных конструкторов, присвоив истребителям нечётные, а всем прочим – чётные порядковые номера моделей. Это польстило авиастроителям и внесло ясность в картину. Сразу стало видно, кто и чем занимается. Кто вцепился в одну машину, а кто разбрасывается на многие. Кто истребительную сторону держит, а кто бомбардировочную, а кто мечется, не определившись. Точно также поступили с основой всей авиации – моторами. Разве что, выбрали инициалы главных конструкторов и оставили порядковые номера моделей движков без изменений.

В итоге, когда разложили всё по полочкам, получилось более-менее понятно. В стране имелось шесть крупных моторных заводов и «Русский Дизель», побочной продукцией которого также были авиамоторы. В первую очередь внимания потребовал Швецов, первым сделавший звезду «К» М-63. Движок был хорош, давал на форсаже 1100 сил, причём, с вводом впрыска в «холодный» цилиндр на этом режиме водно-спиртовой смеси, время его теперь ограничивалось ёмкостью бачка. С почти дизельной экономичностью, содержал в полтора-два, а по некоторым важнейшим позициям, таким как свечи зажигания, даже в три раза меньше деталей, чем предшественник М-62, но он уже не соответствовал перспективным требованиям. По объективным причинам, таким, как ресурсная база, СССР не мог себе позволить строить только цельнометаллические самолёты. Значит, наши моторы должны быть сильнее, чтобы вытягивать на мировой уровень более тяжёлые смешанные и даже цельнодеревянные конструкции. А с мотором АШ-65, однорядной пятилучевой звездой «К» с десятью спаренными цилиндрами, возникли проблемы. Если цилиндропоршневая группа, заимствованная полностью у М-63 была надёжной и нареканий не вызывала, то картер, прорезанный пятью огромными окнами и коленвал, доставшийся от предшественника, не выдерживали нагрузок. Всё-таки мощность на максимале достигла 1650, а на форсаже целых 1800 лошадиных сил. Конструкцию усиливали и масса мотора почти достигла 580 килограммов, но очередные испытания проваливались одно за другим. Швецов уже отчаялся и решил пойти другим путём, перейдя на двухрядные звёзды. Проект мотора АШ-73, бывший, по-сути, спаркой шестицилиндровых М-63, обещал до 2200 лошадиных сил на форсаже при массе 850—900 килограмм и не должен был вызвать никаких затруднений. Но в этом случае не только вдвое падал выпуск двигателей в Перми, но и обесценивались работы самолётостроительных КБ, в частности, Поликарпова, рассчитывавших машины под АШ-65. Это автоматически влекло за собой задержку с перевооружением на машины нового поколения примерно на год, а обстановка в мире заставляла торопиться. Нужно было принимать решение. Спорили отчаянно, особенно с Яковлевым, которому, как мне кажется, было выгодно «придержать» Поликарпова, чтобы вывести на первый план свой истребитель с мотором Климова. Но всё же, съездив в Пермь и посмотрев на дела своими глазами, я настоял на доводке именно АШ-65 в первую очередь. Насколько я помнил, в «эталонном» мире мощности АШ-82 нам хватило до конца войны, а вот количество выпускаемых моторов было существенным фактором. Однорядный АШ-65 можно было бы выпускать тем же темпом, что и М-62, а вот АШ-73 – в полтора-два раза меньше. Плюс сроки. В результате Совнарком выпустил постановление о доводке однорядной звезды без оглядки на удельные показатели масса/мощность, по которым мы имели значительную фору перед зарубежными конкурентами. К моему огромному облегчению, в конце февраля, АШ-65 отработал на стенде 50 часов без поломок, вес его при этом составил уже 625 кило. Движок тут же установили на И-165, который, фактически, внешне имел так мало общего с И-16, что был переименован в По-1. Как только позволила погода, Чкалов поднял «японца»,

прозванного им так за сходство с пропорциями истребителей Страны Восходящего Солнца и за отсутствие привычного гаргрота, в воздух. Если Поликарпов не потерял хватки и подтвердит свою репутацию «короля истребителей», то именно эта машина, имеющая высокую степень технологической преемственности с И-16, пойдёт в серию на Казанском авиазаводе.

На пятки Поликарпову в нише армейских фронтовых машин наступал Яковлев, сошедшийся с Климовым на почве мотора М-106, или, как его теперь обозначали ВК-106. На Рыбинском авиамоторном заводе, взявшись за схему «К» и проанализировав варианты, приняли к разработке более технологически сложный, но в то же время более прочный и сбалансированный, а значит, надёжный, к тому же имеющий минимальный «лоб» двигатель в виде рядной псевдошестёрки на основе мотора М-100. Конечно, сделать V-образную псевдошестёрку было быстрее, но Климов погнался за журавлём в небе, что задержало рождение мотора нового поколения примерно на полгода и вызвало некоторые проблемы в серийном производстве, потребовавшие модернизации станочного парка и технологии. В частности, пришлось создать станок для расточки одновременно всех 12-ти цилиндров, расположенных в два параллельных ряда и долго мучиться с качеством отливок больших блоков. Мотор запустили в серию, но пока шло слишком много брака. Тем не менее, дело того стоило. 500-киллограммовый ВК-106 развивал, работая на бензине с октановым числом 92, 1300 лошадиных сил и 1500 на форсаже, ещё имея резервы на модернизацию. Цельнодеревянный истребитель Як-1 с этим движком должен был намного превзойти своего близнеца из «эталонного» мира и, главное, раньше попасть в войска. Кроме того, выделившийся из КБ Туполева и обосновавшийся в Воронеже коллектив Архангельского, установив ВК-106 на СБ, получил рост бомбовой нагрузки до 1600 килограмм и занялся облагораживанием аэродинамики ради достижения лучших показателей скорости.

Третьей «фирмой» занимавшейся бензиновыми моторами для авиации, было КБ Назарова. Запорожцы, доводя М-87, работавший на 92-м бензине, до необходимого уровня надёжности, задержались с переходом на схему Кушуля и оказались в весьма интересной ситуации. С одной стороны, они со своим мотором уже проигрывали в экономичности М-63, поэтому на бомбардировщики ДБ-3 стали ставить именно его. Более того, делая новый «К» мотор по схеме АШ-73, они могли бы получить всего 1250—1300 лошадиных сил, что было много меньше, чем у конкурентов из Перми. Поэтому Назаров рискнул дважды. Во первых, он установил пары цилиндров нового мотора не поперёк, а вдоль потока, «горячий» впереди «холодного», воспользовавшись дополнительным этиленгликолевым охлаждением по бокам каждой пары. Это позволило сохранить все 14 цилиндров, но превратило мотор в полуторную звезду, где все шатуны опирались на одну шейку коленчатого вала. Такой двигатель, получивший обозначение М-77 был построен и испытан на стенде, показав мощность, без форсажа, систему которого на экспериментальный образец не устанавливали, 1450 лошадиных сил. Это было уже лучше, но всё равно недостаточно! АШ-65 обещал больше! И вот тут опять пришлось вмешаться ВПК. Хоть запорожский мотор и требовал доводки, прежде всего, усиления коленвала, но, во-первых, перенастройка завода на выпуск потомков «Циклона» займёт не меньше времени, а во-вторых, на бумаге Назаров нарисовал АН-90, 28-цилиндровую спарку полуторных звёзд, обещавшую порядка 3000 лошадиных сил, чего заведомо не могла дать схема Швецова! Ради этого стоило рискнуть! В целом, на мой взгляд, советское авиастроение на основе бензомоторов сейчас находилось на стадии, которой оно бы могло достичь в «эталонном» мире году эдак к 42-му или 43-му. Если б не было войны. И ускорение процесса здесь было достигнуто исключительно из-за хитрости со схемой Кушуля, благодаря которой отпала необходимость в высокооктановом топливе и кропотливом совершенствовании моторов повышением степени сжатия «в лоб».

Похожей, но всё же немного другой, была ситуация у «керосинщиков». В Харькове Чаромский, благодаря применению кованых алюминиевых поршней с жаровыми экранами, не нуждавшихся в масляном охлаждении, создал многообещающий мотор в полторы тысячи

лошадиных сил. По этой же цилиндропоршневой схеме в Воронеже стал выпускаться и 250-сильный дизель для малой авиации, в первую очередь, для самолётов У-2, УТ и корректировщиков «Стрекоза». Но за полгода выявились недостатки, которые сразу не бросились в глаза. В первую очередь, в этих моторах без негативных последствий можно было использовать только «Бакинское» или «Грозненское» топливо, но никак не «Поволжское». И масло приходилось менять чуть ли не каждый день полётов. Если с топливом вопрос был прост и решаем снабженцами, то над проблемой масла бились советские химики, в том числе и моя жена, и пока не слишком результативно. Пришлось принимать жёсткое решение о снятии с серии моторов АЧ-100-12А и восстановлении производства обычных АЧ-100-12, дававших с турбонагнетателями Люльки всего 1050 лошадиных сил. Но в конце февраля 1939 года произошло маленькое чудо, имевшее для всего советского дизелестроения огромные последствия.

Поступление на флот новых катеров, тральщиков, сторожевиков, ПЛ и эсминцев опережало рост ремонтных мощностей по двигателям в базах. Поэтому НК ВМФ решил схитрить и отправил на МССЗ подарочек в виде БУ-шных моторов, которые требовалось отремонтировать и установить в корпуса восьми новых 50-тонных ТКа. Разве завод не занимается ремонтом моторов? Вон сколько М-17 речфлоту поставили! И никого не волнует, что новый топливный насос для дизеля на МССЗ сделать попросту не на чем. Удар был не в бровь, а в глаз, без моторов торпедные катера флоту не сдашь. Директор Белобородов немедленно прибежал с бутылкой ко мне, но я уже был плотно занят работой в ВПК, поэтому напрямую свёл его с Перегудовым. В декабре, пока шла работа над роторными линиями, тому было заниматься насосами недосуг, но после освобождения его коллектив, взглянув на проблему свежим взглядом, поразил всех. Да, на острове в принципе, были станки, чтобы выточить все части насоса, но додуматься применить здесь методы патронного производства? Два месяца ушло на подготовку инструмента, а потом… Помню, как с открытым ртом стоял перед продольно-прокатным станом, опытным образцом, на котором впервые сделали катаные бронебойные 25-миллиметровые снаряды, из которого буквально сыпались почти готовые плунжера со всеми каналами. На них надо было только снять лыски, азотировать поверхность и отполировать. Фактически, продольно-прокатный стан за 15 минут выполнял работу, которую на ЗИЛе делал целый цех из 150 прецизионных станков за смену. Точно таким же образом, но на стане для 45-миллиметровых болванок, формировались втулки, которые надо было ещё рассверлить, подвергнуть термообработке и отполировать. У меня аж дух захватило. Массовое производство плунжерных пар делало ненужными ухищрения в конструкциях прежних насосов, их можно было делать простыми рядными, что в два-четыре раза увеличивало ресурс, отпадала необходимость во множестве высокоточных станков, в том числе, закупаемых за границей, снимало ограничения на число выпускаемых моторов и отменяло «тройное правило» для керосиновых авиадизелей.

Я немедленно вызвал на место директоров ЗИЛа и Московского авиамоторного завода, разослал письма в Ленинград, Харьков и Мелитополь. Докладывая на следующий день Сталину, я добился, что Героя Соцтруда присвоили всем причастным к разработке поточной технологии поголовно, от главного конструктора до последнего техника. Ведь вся соль в ней была именно в инструменте, барабанах с твёрдой, идеально рассчитанной и изготовленной поверхностью.

После того, как у них были развязаны руки, Чаромский с Микулиным засели за АЧ-100-16, АМ-39, АМ-40 и АМ-41, «удлинённых» 8-16-цилиндровых модификаций испытанных моторов АЧ-100-12, АМ-36, АМ-37 и АМ-38. Работа заняла считанные недели, включая сборку двигателей. Истребители Бе-1 и Бе-3, цельнометаллический палубный и фронтовой, смешанной конструкции, прямые потомки И-18, после замены сердца с АЧ-100-12А на чуть более тяжёлый и длинный, на 100 лошадиных сил менее мощный, но проверенный и надёжный АЧ-100-16, тем не менее, сохранили все свои характеристики, кроме вооруже-

ния. Ради экономии веса один из трёх ШВАКов пришлось снять и заменить на ШКАС. Подобная же метаморфоза произошла с ПБ-М Сухого, переименованного в связи с установкой нового мотора в Су-2, но здесь даже вооружением жертвовать не стали. А вот с моторами Микулина было сложнее. Если замена АМ-36 на АМ-39 на бомбардировщике СБ была абсолютно естественной и несложной, несущей одни лишь плюсы, то с АМ-40-41 возникли проблемы. Мощность узкой и широкой, «пушечной», спарок скакнула с 1950—2100 до 2500—2800 лошадиных сил. С одной стороны это хорошо. Но с новыми моторами и ТБ-7 и И-19 переставали быть «антианглийскими»! Расход топлива уже не позволял достичь с советской территории Скапа-Флоу и вернуться обратно! Кроме того, АМ-41 не лез в уже готовый бронекорпус нового штурмовика Ильюшина и требовал большей площади радиатора, который и так, из-за моторпушки, засунули в плоский канал под кабиной пилотов. Фактически, штурмовик надо было делать заново. Но и тут открывались заманчивые перспективы в плане роста скорости, вооружения и, главное, защищённости. Я был против 16-цилиндровых моторов, но переубедить Сталина не удалось. Подозреваю, что с другой стороны ему в уши подпевал Микоян-старший, подыгрывая младшему, Артёму Ивановичу. Молодой конструктор, после того, как Поликарпова отправили вслед за И-165 в Казань, унаследовал от него тему И-19 и нового перехватчика И-20 с 14,5-мм 2000-сильной мотор-пушкой АМ-38. Установка же на И-20 АМ-41, имевшего, с ТК Люльки, до 2800 лошадиных сил до высоты в 9 с половиной километров, давала нам не только суперистребитель-перехватчик, равного которому, пожалуй, не было ни у кого и в конце ВМВ «эталонного» мира, но и вооружить его пушкой калибром в 23 миллиметра, устанавливать которую ранее опасались из-за отдачи. Девять килограмм секундный залп! Скорость – под восемьсот! Всё это поражало воображение, а Сталин любил рекорды. Истребителю МиГ-1 была дана «зелёная улица», это повлекло за собой превращение ТБ-7 в Ту-2, с уменьшившейся вдвое дальностью, но со скоростью свыше 600 километров в час и бомбовой нагрузкой в целых шесть тонн, а также полную переработку проекта Ил-2. Эти машины могли появиться в советских ВВС к концу 39-го или в 40-м году.

Нишу же дальних бомбардировщиков должен был занять оригинальный проект Калинина. Этот конструктор, стремясь переплюнуть Туполева, замахнулся на классический, не пикирующий «Америка-бомбер», скооперировавшись с Киреевым, который искал дополнительные «рынки сбыта», для своих дизелей. «Бочонок», выполненный из алюминиевых сплавов, сбросил вес до пяти тонн при мощности четырнадцать с половиной тысяч лошадиных сил. Из-за двухметрового диаметра этого двигателя его очень трудно было разместить классически, хоть в фюзеляже, хоть в мотогондоле, диаметр воздушного винта получался совсем неприличным. Киреев с Калининым извернулись, установив мотор в корпусе самолёта, валом поперёк направления движения. Поток мощности, проходя по валам внутри относительно тонких крыльев, поворачивался угловым редуктором на 90 градусов и реализовался в тягу через два, впервые применённых в отечественной самолётной практике, соосных винта диаметром четыре с половиной метра. Прототип К-14 не только был построен, но и успел, *как рекордный самолёт*, совершить беспосадочный вояж Мурманск-Вашингтон, где сбросил вымпел с приветом американскому народу, после чего правительство США сразу же запретило такого рода полёты.

Самое скромное производство авиадвигателей было у Акимова на «Русском Дизеле» в Ленинграде. Алюминиевые версии Д-160-2 в 620—720 лошадиных сил ставились на устаревшие машины, вроде АНТ-9 и ТБ-3, но на новых, из-за особенностей мотора, прежде всего, более чем полутораметровой ширины, не находили пока себе применения. Зато спарки Д-160, работавшие на общий редуктор, прижились на вертолётах Камова, которые вслед за буксируемыми десантными автожирами стали поступать на вооружение транспортных авиаполков.

Перспективы у советской авиации в будущей войне выглядели самыми радужными, даже если не принимать во внимание работы Бартини, Таирова, многих других талантливых кон-

структоров «второго плана», слово которых ещё впереди. *А также гражданского сектора, выпадавшего из нашего поля зрения. Там уже были или неплохие машины вроде СХ-1, с бесфорсажным М-63 являвшимся функциональной, да и фактической копией АН-2 «эталонного» мира, американский «Дуглас», лицензия на который была куплена «Аэрофлотом». Единственное, что было сделано нами в области «небоевой» авиации, так это то, что ВПК обратила внимание на отсутствие в СССР специального военно-транспортного самолёта с достаточной грузоподъёмностью и вместительным фюзеляжем с аппарелью, чтобы перебрасывать не только людей и грузы, но и технику.*

Пока же основой ВВС продолжали оставаться И-16, которые после выработки ресурса М-62 превращались в И-163 путём полной замены СУ, включая и моторные рамы, СБ, ПБ и, конечно же, ночные У-2. Любопытно, что к концу 38-го года численный состав ВВС КА составил почти 20 тысяч машин и четверть из них были именно ночниками на У-2 и Р-5. Благодаря, а может и вследствие этого, изменилась система подготовки лётчиков. Теперь прямо из аэроклубов или после первого курса училища молодые пилоты направлялись в ночные полки рядовыми или сержантами и только послужив там год могли пройти подготовку на истребитель или настоящий бомбардировщик, получить командирское звание. Это давало дисциплину, часы налёта, привычку быть в небе, а самое главное – неплохую огневую практику и штурманскую подготовку.

Если советская авиапромышленность бурлила, то в танковой стояла изумительная тишь да гладь. Благодаря Т-126 на автоагрегатах СССР мог удовлетворить фактически любые потребности танковых войск в бронетехнике. Лишь бы хватило брони и вооружения. Дошло до того, что башни из Москвы, с подбашенными листами, раскроенными под Т-34М, стали отправлять в Харьков, где строились «природные» танки. А на ЗИЛе все шасси пустили полностью под самоходки. Началось массовое перемещение устаревшей корпусной артиллерии на танковую базу. В первую очередь это коснулось 107-мм пушек образца 1910/30 годов, имевшихся в количестве шестисот штук. Программа была выполнена ЗИЛом всего за три зимних месяца, после чего принялись за шестидюймовые гаубицы. Все эти орудия должны были войти в состав танковых корпусов нового штата. Война в Маньчжурии, особенно Халхин-Гол, наглядно показали, что корпуса, состоящие из одной стрелково-пулемётной и двух танковых бригад, неполноценны, имеют мало пехоты и артиллерии, куцую разведку. В НКО это поняли, после разбора боевых действий, достаточно чётко и больших усилий ВПК для того, чтобы изменить оргштатную структуру, не потребовалось. Но тут надо было сделать всё так, чтобы не наломать дров, как в «эталонном» мире, когда НГШ Жуков так перемешал войска, что от прежних бригад, фактически, ничего не осталось.

Зимой 38-39-го годов реформа, с переходом на дивизионную структуру, пошла немного по другому пути. Управления, штабы, танковые бригады были полностью сохранены, а стрелково-пулемётные переформированы в полки. Для пополнения пехотой бралась готовая стрелковая дивизия, которую полностью пересаживали на автотранспорт. Из дивизии исключался один мотострелковый полк, а взамен добавлялась танковая бригада, стрелково-пулемётный батальон которой становился штурмовым. К оставшемуся стрелковому полку добавлялась танковая бригада, мотострелковый полк, сформированный из стреково-пулемётной бригады. Из ТК старой организации и одной СД получалось 2 новых ТД и управление корпуса. Третья танковая дивизия формировалась на базе семи сокращаемых корпусов, вооружённых танками БТ-5, все 3400 которых выводились из первой линии. Оттуда же брались управления для тех ТД, которым их не хватило при «слиянии».

Таким образом, танковых корпусов новой организации, по 600 танков Т-34 и Т-34М, оставалось всего четыре, по одному в Ленинградском, Белорусском, Киевском и новообразованном Одесском военных округах. *Плюс два кавкорпуса в КВО и БВО, имеющих по 1-й ТБр Т-34 на три кавдивизии. В Средней Азии, Восточном Туркестане и Монголии дислоцировались*

по одному бронекавалерийскому корпусу, вооружённому вместо танков БА-11. Система стала простой и логичной. В стрелковых войсках танковая бригада и, что очень важно, рембат, приходились на корпус. А в танковых – уже на дивизию, сохранявшую полный комплект артиллерии и специальных частей СД. Кавкорпус же был чуть сильнее, за счёт частей соответствующего уровня, танковой дивизии. Оставался кадровый резерв для формирования новых ТК по мере поступления из Харькова, где работали в военном режиме, новой техники.

Достаточно терпимой была ситуация в линейных стрелковых войсках. Корпусов там сейчас имелось ровно семьдесят разной степени укомплектованности в зависимости от удаления от границы. И каждый из них имел свою ТБр. Причём пятьдесят из них имели по 64 Т-28 и 50 Т-26М в трёх батальонах, а ещё двадцать – по 104 Т-126 в двух. Всего в первой линии РККА насчитывала к концу 38-го года *2800* Т-34-34М, 3200 Т-28, 2080 Т-126 и 2500 Т-26М. Отдельно шли три бригады РГК по 154 КВ и КВ-2 и, конечно, отдельный полк мастодонтов в три единицы «Маркс», «Энгельс» и «Ленин». Всего *11045* танков, в большинстве своём, за исключением Т-26М, не уступающих машинам Т-34 и КВ «эталонного» мира. Их были готовы поддержать 6000 самоходных 122-мм гаубиц на танковом и автомобильном шасси, 800 50-калиберных и, пока ещё 1200 40-калиберных 76-миллметовых САУ, 600 107-мм самоходок. 125 гаубичных самоходных полков, сейчас с избытком покрывающих потребности *подвижных* войск, 40 отдельных противотанковых самоходных бригад, двенадцать корпусных самоходных пушечных полков, *только шесть из которых входили в состав соединений.* В ближайший год на самоходные шасси планировалось переставить тысячу 152-мм гаубиц 09/30 и 10/37, три тысячи 76-мм пушек 02/30 года.

Далее мощности ЗИЛа, которому Кулик никак не разрешал ставить на шасси современные орудия, можно было сполна использовать для выпуска колёсных и гусеничных лёгких, на шасси СУ-5, а также штурмовых тяжёлых, на шасси Т-126, бронетранспортёров. Специально для них я инициировал через ВПК разработку установок с выносным расположением вооружения, подобных тем, что я в «эталонном» мире ставились на БТР-82. По крайней мере, это давало шанс с толком «утилизировать» множество пулемётов Максим, которые заменяются в войсках на машинки Мощевитина. Пока же, лёгкие плавающие БТР на 6 человек десанта выпускались только в Сталинграде. Они шли, в основном, в разведбаты и, как тягачи, в полковую и лёгкую дивизионную артиллерию танковых войск.

В отношении «Бога войны» в РККА дела обстояли также благополучно, но тем не менее, здесь также пришлось принимать ряд трудных решений. К примеру в Мотовилихе, после принятия на вооружение гаубицы М-40, родилось предложение перенести на этот лафет стволы МЛ-20. Понятно, что это вело к увеличению выпуска орудий, но в ГАУ упёрлись. МЛ-20 весила 7 с небольшим тонн и с ней справлялся и ЗИЛ-5Т и трёхосный грузовик ЯГ-10В, а М-40 была на две тонны больше и её без напряга мог таскать, из специальных, военных тягачей, только «Ворошиловец». Спорили, судили, время шло, а дело стояло на месте до тех пор, пока я не сорвался в Ленинград, чтобы посмотреть, как с этим самым «Ворошиловцем» обстоят дела, хватит ли их, вдобавок к РГК, на корпусную артиллерию. Оказалось, что вполне. «Большевик» по ходовой, моторам и трансмиссии легко мог выпускать в режиме военного времени до трёх тысяч танков в год, но сейчас ему попросту не давали столько брони. Мне ещё там попинали, что я им картину испортил, настояв в ВПК, чтоб каждая ТБр РГК имела по четыре БРЭМ, которые выполнили на шасси КВ-2. Целую танковую роту украл! Получалось, что тысячу тягачей «Ворошиловец-2», уже на агрегатах КВ, ленинградцы могли дать в год свободно, не напрягаясь. Это было примерно равно предполагаемому годовому выпуску М-40 с родной и новыми-старыми качающимися частями вариантов МЛ-20. Да, «Ворошиловцы» нужны в артиллерии РГК, в танковых войсках, даже в ПВО, но ведь и «Большевик» можно поднапрячь! К тому же, зачем в пехоте скорость? Ей и тракторов, челябинских «Сталинцев» за глаза хватит, которые по 40 тонн груза тянут или даже Харьковских СХТЗ, для которых 20 не проблема. Только Сов-

нарком вынес постановление о 130/152/203-мм М-40/М1/2, как в Перми выкатили М-40М4, которая была на тонну тяжелее. Удлинили ствол 203-мм гаубицы, поставив дульный тормоз. Дальность стрельбы увеличилась с 13 до 16 километров и чудесным образом исчезли все проблемы с жёсткой работой противооткатных устройств на больших углах возвышения. Стрелять теперь можно было вплоть до предела, до 75 градусов. В ГАУ поворчали, но делать было нечего, либо тяжёлая и полностью рабочая, либо лёгкий, всего лишь девятитонный недомерок, который выше 45 градусов не мог ствол задрать, принятый на вооружение из-за горячки войны в Маньчжурии. Пермяки ухмыльнулись и ждали только доставки из Германии заказанных станков для производства длинных стволов, которые перестал поставлять «Большевик» из-за нехватки 130-к для флота, чтобы реализовать примерно две тонны отвоёванного «резерва» в калибрах 152 и 130 миллиметров.

Ждали с нетерпением, поскольку Новокраматорский завод с системой М-10/М1/2 наступал на пятки. Последняя модификация их 152-мм гаубицы, также с удлинённым стволом и дульным тормозом, потяжелела на полтонны, до 4650 килограмм, но забросила снаряд на пятнадцать с половиной километров. Не дотянув до показателей МЛ-20 менее двух километров при более лёгком, теперь уже почти в два раза, весе. Кулик на радостях чуть было не приказал свернуть выпуск гаубиц-пушек на лафете М-40, чтобы вооружить корпусные полки вместо них М-10М2. К несчастью, объём производства в Новокраматорске не давал пока возможности даже полностью перевооружить дивизионную артиллерию. Дивизий у нас было более 240-ка и почти каждой из них требовалось по 8 152-мм гаубиц и 4 122-мм пушки. Пока же более половины дивизий всё ещё были вооружены старой матчастью из гаубиц 1909/30 года. Гораздо более благополучно дело обстояло с 107-миллиметровками Ф-22, которые Уралмаш в режиме военного времени штамповал на конвейере невиданными доселе темпами. К началу весны 39-го года каждая советская дивизия в составе тяжёлого артполка имела по два дивизиона современных гаубиц-пушек и начал формироваться мобрезерв для новых дивизий и восполнения возможных потерь.

Трудно было с меньшими калибрами. Сейчас я очень понимал тех, кто в «эталонном» мире поднял панику слухами о толстокожих вражеских танках и свернул производство противотанковых сорокапяток. Завод №7, который их делал и здесь, был единственным, кто работал с такими калибрами и он же выпускал зенитки, которые были ох как нужны. Выбор был прост – либо полковая артиллерия, либо зенитная. Надо было сосредоточиться на чём-то одном. После налёта на Владивосток ответ стал очевиден и лёгкие ПТП «зарезали». Причём не только 45-мм, но и батальонные 25-ки, которые вообще делались в Ижевске, и тульские ПТР. Все усилия были сосредоточены на зенитных автоматах. При этом, понимая, что «машинки» Таубина хороши, но дороги и имеют существенный недостаток в виде большого времени реакции из «холодного» состояния, в 37-м году продали шведам партию из 50 Т-26М и лицензию на него, получив взаимообразно 25-40-мм «Бофорс» и двухкамерный дульный тормоз «немецкого-шведского» типа. Обе стороны были довольны, Strv38, получив цементированную броню, торсионную подвеску и шведскую пушку, выдержал обстрел из их ПТП с 500 метров, а у нас, после переработки под наш калибр 25-мм автоматы пошли в конце 38-го в серию в Ижевске, а 37-мм в Калинине. Несмотря на опасения, основанные на прошлом «немецком» опыте, серийные автоматы были рабочими, но трудоёмкими, несмотря на то, что заводские КБ практически сразу взялись за упрощение технологии изготовления, быстрого насыщения армии и флота не получалось.

Были на заводе №7 и собственные разработки, навеянные пулемётчиками. Двуствольная схема не пошла, и, как здесь частенько бывало, никто не мог точно сказать почему, зато монструозный четырёхствольный автомат с чудовищной для калибра 37-мм скорострельностью 1000 выстрелов в минуту, работал безотказно. Его идея родилась из двуствольной схемы Гаста и дизель-гатлингов Таубина. В отличие от автоматов последнего, стволы здесь не вращались и имели каждый собственный затвор. Просто между ними, расположенными по окружности,

был установлен вал с косыми шайбами, связывающий всё воедино. При выстреле, каждый из стволов шёл в короткий откат, воздействуя закреплёнными на нём роликами на шайбу, которая проворачивала вал, приводивший в движение механизмы других стволов. Задняя шайба с увеличенным наклоном при этом, работая как ускоритель, открывала продольно-скользящий затвор, отводила затворную раму в крайнее положение. Получалось подобие аксиального двигателя, в котором источником энергии был выстрел. Взведение – с помощью «кривого стартера» с казны. Питание – из четырёх отдельных горизонтальных конвейеров, вмещавших по 4 пятипатронных обоймы. Весила машинка как новая 88-миллиметровка и устанавливалась на её же лафет, поэтому, по мнению ГАУ, для дивизионной зенитной артиллерии не годилась, только для корпусной. Зато автомат понравился морякам. Огневой производительностью он немногим уступал двухблочной 37-мм системе Таубина, а весил гораздо меньше и мог устанавливаться даже на больших охотниках.

К сожалению, подобная 25-мм система, построенная несколько по-иному, оказалась непригодной. В ней, благодаря меньшей отдаче, чем у 37-миллиметровок, также были четыре ствола и центральный приводной вал, только шайбы на нём устанавливались разнонаправленно и применялся газовый двигатель. Как в классической газоотводной системе, газы воздействовали на поршень и толкали затворную раму назад. Та, в свою очередь, через вал, сдвигала ствол вперёд. Ходы автоматики получались короткими, скорострельность просто бешеной, до шести тысяч. Но, во-первых, оказалось что её не выдерживали стволы, а во вторых, не удалось сделать систему питания из ленты всех четырёх стволов, а с магазинами игра не стоила свеч.

Примерно с теми же проблемами столкнулись и в летающей артиллерии. На вооружении состояли ШКАС и 12,7мм ШВАК. Оба этих образца уже не удовлетворяли запросам ВВС. Первый имел малый калибр, а второй – большой вес и спецпатрон. К тому же, тут подложил свинью Шпитальному Таубин, создав 14,5-мм 3-ствольную мотор-пушку со скорострельностью 900 выстрелов на ствол. Из-за мощного патрона стволы этого оружия быстро выходили из строя и у Таубина просто не было иного выхода, как увеличить калибр. 23-мм мотор-пушка с 200-граммовыми снарядами показала хорошую живучесть стволов и была принята на вооружение. Но принятый на вооружение патрон 23х114, намного превосходя 20х108, который пытался протолкнуть Шпитальный, не имел ранта и не подходил для системы автоматики последнего! ВВС же настаивало именно на 23-мм пушках. ШВАК-20 так и остался опытным.

Началась авиационная пулемётная и пушечная гонка. Было представлено множество образцов, характеристики которых поражали воображение. 12,7 и 14,5-мм пулемёты Юрченко с кривошипной автоматикой давали 2000 и 1500 выстрелов в минуту. Савин и Норов, Силин и Слостин представили три очень похожих системы калибра 12,7-мм. Все они были двуствольными с выкатом стволов на половину длины патрона вперёд, а затворов, соответственно, назад, газоотводной автоматикой. Темп стрельбы всех трёх также был близок, 2500—3000 выстрелов в минуту. Как и следовало ожидать, стволы перечисленных образцов убивались очень быстро и конструкторам было предложено переделать систему под патрон 23х114. Работа пошла, но было понятно, что то, что получится на выходе, нельзя будет использовать на оборонительных турелях из-за габаритов и веса без применения силовых приводов. Поэтому, на вооружение приняли, как и в «эталонном» мире, скромный УБ. Который, тем не менее, был, пожалуй, лучшим в мире.

Кроме него для истребителей с М-106 и АЧ-100-16 Таубин создал синхронный шестиствольный 12,7-мм пулемёт, приводимый от вала двигателя и стреляющий сквозь плоскость вращения трёхлопастного воздушного винта в темпе 5400 выстрелов в минуту и 23-мм трёхствольную пушку для штурмовиков с АМ-41 под новый патрон 23х152. На земле же царствовал ДКМ, выпускавшийся в гораздо больших количествах, чем в эталонном мире, благодаря «разбегу» на ПТР. А вот наземный 14,5-мм пулемёт, лёгкий и с хорошей практической скорострельностью создать пока так и не удалось.

Главным производителем среднекалиберной зенитной артиллерии был всё тот же завод №7, перешедший со второй половины 38-го года на выпуск 88-мм зениток на новой повозке путём наложения 50-калиберного «морского» ствола на качающуюся часть пушки образца 1931 года. Помогал ему только Кировский завод с КБ Маханова, выпускавший всё те же 88-миллиметровки в морском варианте и, главное, 100-мм пушки. «Сотками» Маханов занимался уже более трёх лет и все вопросы с баллистикой, автоматикой, противооткатными и вспомогательными устройствами в этих системах были давно решены. Системы, одноствольная и двуствольная в единой люльке, развивались в направлении введения силовых приводов наведения и заряжания, сопряжения орудий и приборов центральной наводки. Если «Киров» имел спаренные палубные установки с ручными приводами, то последние крейсера проекта 26-бис уже имели электрический привод. Наводчики, правда, при этом всё так же совмещали стрелки по указаниям директора. Но на крейсерах 68-го проекта уже были заложены принятые на вооружение установки с автоматическим наведением с центрального поста бортовой батареи. Шли работы в направлении стабилизации и автоматизирования заряжания. Кроме того, в работе была полноценная башня по мотивам ГК лидера «Преображение» с четырьмя стволами. В целом, производственные возможности Кировского завода превышали потребности ВМФ, где «сотки» применялись только на сторожевиках и крейсерах. Избыток мощных зенитных орудий стали ставить в береговую оборону ВМБ, на бронепоезда, делая для любого врага проблематичными налёты по «компасу Кагановича», а также, с начала 39-го года, на буксируемые установки. Одноствольная пушка на четырёхосной повозке весила шестнадцать тонн, двуствольная – уже двадцать. Тем не менее, именно «двустволки» объединяемые в батареи по 8 орудий, стали поставляться в войска ПВО страны. Огневая мощь одной такой батареи, имеющей 16 стволов, стреляющей по данным собственного ПУАЗО, превосходила огневую мощь целого полка пушек 1931 года, которые высвобождались и направлялись в ПВО сухопутных войск как корпусные зенитные орудия. Также, как и большинство новых пушек образца 1938 года.

Поскольку выпуск сорокапяток, а вместе с ними и полковушек на их лафете свернули, грабинская Ф-24 вернулась к истокам. На мой взгляд, большого смысла в неразборной пушке с коротким стволом горной под патрон орудия обр. 1927 года не было, она получилась немногим легче конной с 30-калиберным стволом и более мощным патроном дивизионки, но Кулик настаивал, что для полковой пушки дульный тормоз, сильно демаскирующий позицию на прямой наводке – зло. Я не стал упираться, поскольку, во-первых, пушки завода №7 имелись в некотором количестве в мобзапасе, во-вторых число выпускаемых в Новом Сормово пушек не снижалось благодаря высокой унификации вариантов Ф-24. К тому же бронебойно-фугасным снарядом, который, наконец, оценили и приняли в РККА, возможности по борьбе с танками и у 30-калиберных и у 20-калиберных орудий были равны. А дефицитные 76-мм бронебойные почти полностью шли в бригады самоходных ПТП с 40-калиберными пушками 02/30 годов и в танковые части. Только при стрельбе из таких стволов они превосходили БФС, гарантированно бравших летом 60, а зимой 50 мм, по показателям пробития брони. Что касается, собственно, ПТП, то в серию пошла «короткая» 55-калиберная 57-миллиметровка на лафете Ф-24, как и прочие модели этого семейства весившая в боевом положении около тонны и пробивавшая 80 миллиметров по нормали. Конечно, для полковой артиллерии пушки были тяжеловаты, но от соревнования снаряд-броня никуда не денешься, в будущем орудия станут лишь прибавлять в характеристиках и, неминуемо, в весе. Тут уж впору о мехтяге задуматься. В целом, советская СД, после введения в неё вместо противотанкового дивизиона лёгкого артполка, имевшего 24 76-миллиметровые пушки, на которые возложили и задачи ПТО, имела по четыре 25-мм ПТП и две 76-мм БПК в каждом батальоне, включая разведбат, по шесть 45-мм и четыре 76-мм в полку, всего 114 орудий, не считая ПТР которым по уставу предписывалось отражать танковые атаки. Кроме них прямой наводкой могли

стрелять и 24 Ф-22, стволы которых «в девичестве» были пушечными. Не говоря уж о батарее сверхмощных по нынешним временам М-10М1. На этом фоне к 57-мм 55-калиберной ПТП на лафете Ф-24 отнеслись с прохладцей, но всё же приняли в расчете на пополнение мобрезерва и освоение в серии, имея ввиду, восполнение возможных потерь. 57-миллиметровка по сравнению с сорокапяткой была тяжёлой для полка, выпускалась малыми партиями, которые сразу же уходили на склад.

Насыщение частей и соединений РККА артиллерией шло невиданными темпами, намного перекрывая показатели армий вероятного противника. Ведь, кроме гаубиц и пушек, у нас были миномёты калибров от 120 до 240 миллиметров, 6 в полковой батарее и по 18 на дивизионном и корпусном уровнях. Да ещё РСЗО БМ-132 и БМ-28, по двенадцать машин или буксируемых установок соответственно. Всему этому вооружению нужна была тяга и транспорт, на котором подвозить на передовую прорву снарядов для множества стволов. И вот в этом отношении 1938 год, бывший для завода ЗИЛ провальным, обернулся для армии более чем полным удовлетворением её потребностей. Судовые, авиационные и даже новые вертикальные Д-100-4 для ЯГов имело прямой смысл капитально ремонтировать из-за блочной конструкции, а вот «примитивные» Д-100-2 проще было поставить новый, чем ковыряться, восстанавливая старые. Движки, между тем, что танковые, работавшие только во время учений, что обычные, работающие каждый будний день, убивались за три года. В последнее время заводчанам удалось добиться увеличения ресурса до четырёх лет и над проходной завода висел лозунг, который немало меня веселил: «Даёшь пятилетку без капремонта!». Но эффект от этих усилий мог только через эти четыре-пять лет и сказаться. А пока приходилось отправлять новые моторы на замену на шасси выпуска 34—35 годов. В 38-м ЗИЛ, несмотря на все усилия, из-за этого дал стране всего 60 тыс. машин. Вдвое меньше, чем в прошлом 37-м. Провала не получилось, помог БАЗ, компенсировав недостачу, но и роста не было. От всех этих коллизий выиграли именно армейцы. Во-первых, с перепугу от начала боёв на Дальнем Востоке напрягли ГАЗ и он, чтобы компенсировать нехватку 4-6-тонок, поставил в армию не только все запланированные вездеходы 40-й, 50-й и 60-й серий, что само по себе было невиданным делом, но и создал гусеничный тягач, названный «Курганцем» по месту выпуска по той же схеме, что и ЗИЛ-5Т. С бензиновым 87-сильным движком он мог с передком буксировать за собой все орудия дивизионной артиллерии и перевозить в кузове до полутора тонн. Во-вторых, Траянов воткнул брянский бензиновый мотор в СУ-5, поставив его справа параллельно КПП с поворотом потока мощности на 180 градусов, даже выиграв в размерах боевого отделения. На БАЗе были готовы, с помощью паровозостроительного завода, где уже много лет делали бронепоезда, приступить к выпуску самоходок с трёхдюймовками, но не оказалось резервов брони и дело заглохло. Зато БАЗ-5Т, бензиновый близнец московского тягача, ничуть не уступал старшему брату и пошёл в войска, став единственной военной продукцией предприятия, поскольку молодой завод не освоил, да пока и не планировал осваивать выпуск ШРУСов. Зато на ЗИЛе, а заодно и на ЯГАзе из-за внезапно образовавшегося перепроизводства компонентов трансмиссии, доля вездеходов в годовом выпуске возросла до 100% и все они, поскольку считались военными и на гражданку не поставлялись, попали в армию. Если раньше трёхосные ЗИЛ-6В были редкостью, то в 38-м году их собрали целых 25 тысяч, а на шасси ЯГ-10В укомплектовали и отправили в БВО и КВО по одному полному комплекту собственных армейских, а не занятых на время у речных флотилий, понтонных парков-раскладушек. Даже уникальный четырёхосный ЯГ-12, трансмиссия которого была переработана под применение ШРУС, дождался, наконец, малой серии и был поставлен в войска в количестве трёх десятков штук в виде шасси под автобусы фронтовых управлений. В общем, как в пословице, не было бы счастья, да несчастье помогло. В целом, на весну 1939 года, обеспеченность РККА тягачами и автотранспортом можно было назвать хорошей. Даже некоторые ЛАП стрелковых дивизий, вооружённые «конными» пушками, были переведены на мехтягу, как в танковых войсках и кавалерии.

На фоне такого отрадного положения с грубым железом, ситуация со средствами управления выглядела плачевно. Фактически, в среднем, радиостанциями в РККА был обеспечен только каждый пятый танк и каждый четвёртый самолёт. Если же принять во внимание то, что машины разведки в сухопутных войсках или тяжёлые бомбардировщики и истребители их эскорта обеспечивались связью на 100%, то ситуация в линейных частях получалась ещё хуже. В Маньчжурии удалось выкрутиться за счёт того, что станции демонтировали с танков и самолётов в Европейской части и авиатранспортом перебросили на восток. А если большая война? Если надо применять ВСЕ танки и ВСЕ самолёты, которые есть?

По полковым, дивизионным и армейским радиосредствам положение было удовлетворительным. Положенное по штату, в основном, имелось, но никакого мобрезерва не было.

В ВПК отсутствовала соответствующая группа, отвечающей за радиопромышленность, тем не менее, с каким бы вопросом я ни шёл к Предсовнаркома, обязательно затрагивал эту тему, подобно Катону, к месту и не к месту утверждавшему, что Карфаген должен быть разрушен. Если долго долбить в одну точку, то неминуемо добьёшься… неудовольствия тех, кого долбишь. Однажды, вызвав меня по совершенно иному поводу, Сталин, прежде чем дать очередное задание целых двадцать минут своего драгоценного времени посвятил тому, что в подробностях отчитался передо мной о текущем состоянии дел с радиосвязью в армии. Разумеется, это была всего лишь шутка, но с намёком не досаждать. Иосифа Виссарионовича можно было понять. За год, с тех пор когда проблема, не без моих усилий, вышла на высший уровень, ничего существенного для её решения сделать было невозможно. Да, раздали звиздюлей нерадивым, кто недосмотрел. Да, поставили в план постройку форсированными темпами новых радиозаводов. Но когда они дадут продукцию? А ведь часть оборудования для них, спешно заказывается за рубежом. Вот и приходится советским торгпредствам в буржуазных странах скупать любые радиолампы, какие есть, да Совнаркому принимать постановления об изъятии радиоприёмников у частных лиц ради их разбора на запчасти. Суеты много, результата мало. Что толку, если за полгода степень радиофицированности сумели поднять до каждого четвёртого танка и третьего самолёта? Всё равно войсками нельзя управлять так, как это было в Маньчжурии! Годика два-три надо как-то перетерпеть, пока положение не изменится к лучшему.

На этом безрадостном фоне наукоёмкие разработки в областях гидроакустики, радиолокации и инфракрасной техники выглядели маленьким, но светлым пятном. Хорошо то, что они просто есть. И не в теории, а в образцах, опытных и даже серийных. Отечественные ГАС и ШПС, говорят, не хуже буржуйских и, что-то там, слышат дальше, пеленгуют точнее и при большей скорости носителя. Может и врут акустики, нам новейшие забугорные достижения не известны. Но важно то, что серийные приборы ставятся на эсминцы, сторожевики, охотники и подлодки. А кроме них ГСН торпед с локацией по кильватерному следу в опытных образцах, чего ни у кого в мире нет.

Отечественная радиолокация «на мировом уровне». То есть, она появилась. Из-за того, что ещё два года назад я «зарубил» станции непрерывного излучения, РУС-1 был рождён импульсным локатором с двумя антеннами. Схема с синхронно вращающимися кабинами умерла ещё на стадии чертежей после инициированных мной соревнований на выносливость радистов на карусели. Для командиров РККА что РЛС, что обычная радиостанция – было едино. Мероприятие провели втайне от разработчиков РУС-1 и результаты показали, что уже через 15 минут вращения в закрытой кабине у подавляющего большинства были ошибки в приёме и передаче радиограмм. Заключение было единодушным – так работать нельзя! Конструкторы РЛС, узнав о нём, пытались возражать, но сломались, признавшись, что попросту не могут сделать соединение неподвижной кабины и вращающейся по кругу антенны. Признавались в Кремле, поскольку внимание ко всему «радио…» зимой 38—39 годов было обострено, и товарищ Сталин, самостоятельно, без чьих-либо подсказок, изрёк мудрость, что нечего назад

смотреть, если враг впереди. Вот и вышел РУС-1 с одной кабиной на ЗИЛ-6В, где сидел весь расчёт, прицепом с дизель-генератором и двумя антеннами с обзором в секторе 270 градусов. Мачта излучающей антенны укладывалась на походе на прицеп, а в рабочем положении устанавливалась с помощью растяжек у его задней части. Принимающая же антенна со своей мачтой размещалась на тягаче, опираясь на А-образную конструкцию, смонтированную на его переднем бампере.

Второй комплект РЛС, помня мои ЦУ, смонтировали на дирижабле Л-26, впервые в СССР заполненном гелием. Капица так и не смог наладить промышленное сжижение воздуха к 1-му мая 1937 года и доблестным советским лётчикам снова пришлось разгонять тучи, посыпая их цементом, разоряя страну, вместо того, чтобы охлаждать жидким азотом. Понятно, что это не осталось незамеченным наверху и Капицу отстранили от руководства внедрением технологии сжижения газов с помощью турбодетандеров. Результат получился двояким. Через год под обычный ТБ-3 уже подвешивали специальные ВАП с жидким азотом и провели первую в СССР кислородную плавку в конвертере. А Капица, обидевшись на весь белый свет, занялся сжижением попутного нефтяного и природного газа, выделив из него относительно дешёвый гелий, за что получил государственную премию. Куда ж ещё было воткнуть РЛС, как не на первый советский не боящийся возгорания дирижабль? Эффект от того, что станцию подняли на 4—5 километров над землёй, проявился сразу. Если РУС-1 на автошасси имел дальность уверенного обнаружения высотных целей до 100 километров, то его брат-близнец видел вдвое дальше и мог обнаруживать на этом расстоянии цели, летящие на высоте всего 500 метров. Л-26 и РУС-1 успешно прошли «смотрины», в которых принимали участие Сталин, Ворошилов и Кузнецов, а также товарищи поскромнее рангом. Тогда я, слушая пояснения создателей станции вообще не понял, как они узнают дальность до цели. В аппаратной кабине начисто отсутствовал индикатор кругового обзора и вообще какие-либо экраны. Стрелочный указатель пеленга, осциллограф и на этом всё! Не пахло там и хотя бы приблизительным определением высоты. У меня в голове не укладывалось, как, не имея таких, показавшихся мне простыми вещей, можно понять воздушную обстановку, руководить действиями своих самолётов. Брякнул там ещё и про необходимость запросчика-ответчика свой-чужой и вскоре об этом пожалел. РУС-1, пусть несовершенный, но первый действующий советский радиолокатор, завернули на доработку и устранение выявленных мной «недостатков».

Зато в области инфракрасной техники, имея о ней самое общее представление, я наследил весьма удачно. Для меня стало открытием, что в СССР не только занимаются этим направлением, но и имеют весьма существенные результаты. После знакомства с флотскими теплопеленгаторами, а также опытами с наводимыми по ИК-лучу «воздушными торпедами», мне пришла в голову довольно оригинальная идея. По моей просьбе в январе месяце, в ясный морозный день, была произведена аэрофотосъёмка Москвы с помощью двух синхронных камер, одна из которых была заряжена обычной плёнкой, а вторая – «инфракрасной». Совмещение полученных слайдов чётко выявило все ТЭС и заводские котельные, металлургические производства, железнодорожные вокзалы, смотревшиеся сгустками на фоне россыпи точек обычных печных труб. Тут же ВПК послала запрос в НИМИСТ, курирующий инфракрасную тематику в ВМФ, и, спустя месяц, оттуда пришёл ответ, что да, теплопеленгатор, с приемлемой дальностью обнаружения крупных наземных теплоконтрастных объектов можно разместить на самолёте. С этим всем я пошёл к Сталину и тот дал ход началу разработки «тепловых» прицелов к дальним бомбардировщикам, оценив перспективу ночных бомбовых ударов именно по ключевым объектам, без которых промышленность противника не может функционировать.

На этом все более-менее позитивные моменты в работе ВПК для меня заканчивались и начиналась натуральная трагедия. Я приложил массу усилий, чтобы РККА и ВМФ СССР были насыщены высокоэффективным оружием и транспортом, но слишком мало уделял в этой

жизни внимания боеприпасам. Если со стрелковым оружием проблема мне была изначально ясна и понятна, что и привело к началу работ по роторным линиям, которые следовало пустить в ход прежде, чем перевооружать армию автоматами, то с артснарядами было плохо. Да, СССР в последние годы, с постройкой новых коксовых батарей в Медвежьегорске, с переходом на непрерывный метод производства тротила, нарастил выпуск взрывчатки более чем в полтора раза. Но два из трёх заводов, производящих это ВВ были ещё царскими и никто не почесался заложить резерв. Конечно, такой взрывной рост количества артстволов, в силу инерции мышления, трудно было предположить, но всё-таки. По инициативе НК ВМФ был уже построен один и достраивался второй завод по производству гексогена. Их мощность, после пуска, должна составить десятую часть от мощностей тротиловых производств. Изначально предполагалось, что её хватит, чтобы удовлетворить минимальные потребности флота, но с принятием на вооружение РККА бронебойно-фугасных снарядов картина резко изменилась. Их, учитывая количество танковых, полковых, лёгких дивизионных пушек и гаубиц-пушек, нужна была просто прорва, чтоб обеспечить хотя бы по 5—10 выстрелов на ствол. Это же обстоятельство поставило крест на штурмовых гекогеновых парашютных бомбах с готовыми осколками.

Примерно так же дело обстояло с порохами. С начала индустриализации в этой области была проделана огромная работа, в частности, осуществлён переход с хлопковой целлюлозы на древесную, так называемую ЦН, целлюлозу Неймана. Кроме ПТП, пироксилин-тротилового пороха, с началом массового применения миномётов, было развёрнуто масштабное производство НГП, нитроглицерин-тротилового пороха, не требующего длительного процесса сушки, но вредно влияющего на стволы. В настоящее время на заряды НГП уже переведены выстрелы всех миномётов и орудий с относительной длиной ствола до 30 калибров, а в случае 76-мм пушек и до 40 калибров, самой массовой советской артиллерии. Но, увы, с появлением РС, на которые тоже никто не рассчитывал, а также с ростом числа стволов, даже НГП стало не хватать.

Проблему недостатка взрывчатки и пороха можно было решить только расширением старых и строительством новых заводов, что требовало времени, хотя бы пары лет. Но и с металлом для снарядов, с которым в целом в СССР было достаточно хорошо, дело обстояло не очень. На изделия, лежащие в мирное время мёртвым грузом, а в военное улетающие в сторону противника с мизерным остатком вторсырья, выделять ресурсы, даже понимая всю важность дела, жадничали. Госплан постоянно урезал лимиты, старался заменить сталь более дешёвым чугуном. И без того все миномётные выстрелы, а также ОФ снаряды старых 122-мм гаубиц делались только чугунными. Вопрос о снарядах для новых 107-мм гаубиц в этом разрезе, несмотря на протесты ГАУ, поднимался постоянно и доля «бюджетных» чугунных гранат в общем объёме постоянно возрастала, как, впрочем, и для других калибров.

На всё это накладывалось обстоятельство, что выпуск большинства элементов выстрела в СССР являлся побочным для других металлургических и механических производств. Невыполнение планов по ним, из-за недостатка ли сырья, или из-за того, что в первую очередь станкочасы и плавки пускались на основную продукцию, практически не отражалось на общих показателях по заводу. Если, к примеру, тот же ЗИЛ выполнил план по автомобилям, то на то, что он недодал корпусов миномётных мин, не обращалось особого внимания. Специализированных же арсеналов было мало и все они, в первую очередь, занимались снаряжением и окончательной сборкой выстрелов.

Особенно напряжённой ситуация была со взрывателями, которые были нужны почти каждому самому мелкому снаряду и каждой авиабомбе. Изделия эти были достаточно трудоёмки, но требовались в огромных количествах. И без того уже все бронебойные снаряды от 45-мм и ниже в СССР выпускались только в виде сплошных болванок с запрессованным в камору трассером. Поговаривали и о том, чтобы распространить это правило и на снаряды 57-76-мм. Упрощённые взрыватели разгрузочного типа для штурмовых авиабомб, изготовлявшиеся пол-

ностью, за исключением пружины и троса, штамповкой или отливкой, были каплей в море. Тут тоже требовалось принимать авральные меры и именно поэтому Перегудов, в контакте с разработчиками взрывателей, с начала весны занялся именно этой проблемой.

Пока же, после Маньчжурской кампании, когда были буквально выметены не только все склады на востоке, но и основательно опустошены в центре, мобзапас артвыстрелов РККА ощутимо просел. Ох, лукавил товарищ Ворошилов, грозясь выкинуть японцев из Кореи. Тогда воевала только четвёртая часть РККА и расход снарядов был таков, что его с трудом покрывало производство мирного времени. На мобилизацию же промышленности, не по расчётам, а по прикидкам, которые опирались на предположения, требовалось не менее полугода.

В обязанности ВПК как раз и входило превратить эти прикидки не только в расчёты, но и в конкретный план, после выполнения которого потребности РККА и ВМФ удовлетворялись бы полностью. И не только по боеприпасам, но и по всей остальной военной продукции промышленности. Хорошо хоть, что продовольственный мобплан, завязанный на сельское хозяйство на нас не повесили. Как можно было осилить такой объём работы составом в два десятка человек, по два специалиста на направление, у меня не укладывалось в голове. Комдив Бойко, прямо, по военному, так и сказал после попыток разобраться в, между прочим, относительно простых танковых вопросах:

– Мне этого не победить! Тут целый штаб нужен, который в армии даже комбату положен! А тут, считай, уровень главнокомандующего танковой промышленностью и всё двумя головами, моей да товарища Кошкина.

Зато дядюшка Исидор, нарком лёгкой промышленности, вообще избавил меня от всяких волнений по её поводу.

– Ты в мои дела не лезь, как шинели и гимнастёрки шить вместо рабочих спецовок я сам разберусь. Мне от других ничего, кроме пуговиц, пряжек и гвоздей для сапог, не надо.

– На сапоги тебе ещё кирза нужна. Или её тоже в твоём ведомстве делают?

– Кирза? Эрзац-заменитель кожи что ли? Слышал о такой. До революции хороша была, да дорога. А сейчас дешёвая какая-то появилась. Говорят, что сапоги из неё – дрянь.

– Дрянь не дрянь, а их надо будет много. Кожи на них может не хватить. Вот и попинай тех, кто кирзой занимается, чтоб они свой материал пригодным для сапог сделали. И размеры, кстати, у тех сапог пусть будут от 34-го.

– Ты что же, детей собрался в армию призывать? – с усмешкой спросил дядя.

– А у дочерей твоих, красавиц на выданье, какой размер, а? Каково им в туфельках-то будет грязь месить?

– Ты думаешь?.. – оторопел Любимов-старший.

Нет, дорогой дядюшка Исидор, не думаю, знаю.

– Что бы там не говорили, а Мировых войн малой кровью не бывает. Каждый, кто может в атаки ходить, потребуется на фронте, а в тылу, в тех же прожекторных полках ПВО, и женщины справятся, – не стал я слишком уж пугать родственника образами санитарок, вытаскивающих раненых с поля боя. – Вот и думай, сколько тебе сапог надо запасать и каких.

Эпизод 2.

– Мы очень рассчитывали на вас, товарищ Любимов. Думали, что вы сможете наладить дело, – Сталин не ругал меня, говорил очень ровно, но мне от этого было не легче. – А сейчас, почти через полгода работы, вместо мобилизационного плана вы приносите мне проект разделения наркоматов?

– Да, товарищ Сталин. ВПК честно пыталась выполнить свою задачу, но при существующих наркоматах с их, ставшей из-за разросшегося хозяйства, тяжеловесной структурой, это было лишь покушением с негодными средствами. Зато у нас есть положительный пример нар-

комата лёгкой промышленности, который, благодаря узкой специализации, составил для себя мобплан в срок. Члены военно-промышленной комиссии считают, что этот опыт надо распространить на другие отрасли. В частности, НКОП оптимально разделить на четыре: Наркомат вооружения, Наркомат боеприпасов, Наркомат авиапромышленности и Наркомат судостроительной промышленности. Эти направления достаточно обособлены. Точно также следует разделить и НКТП, обязательно выделив из него Наркомат радиотехнической промышленности и Наркомат транспортного машиностроения, в котором сосредоточить все автотракторные предприятия, локомотивные и вагонные заводы, с переводом в разряд военных, а не гражданских наркоматов. Только путём оптимизации системы управления можно решить задачу составления мобплана и последующего перевода промышленности на военные рельсы в ходе войны. Сейчас же, когда нам по два-три месяца приходится ждать элементарных справок, что конкретно и в каких объёмах выпускает тот или иной завод, каковы его возможности, состав оборудования, квалификация и численность рабочих, составление мобплана невозможно. Пока мы возимся с бумажками ситуация уже успевает измениться и плановые показатели перестают соответствовать реальным возможностям или потребностям.

– Знаете, товарищ Любимов, товарищ Каганович этот вопрос ещё в декабре прошлого года ставил перед Советом народных комиссаров. Мы тогда не стали ломать и перекраивать. Понадеялись на Военно-промышленную комиссию и персонально на вас, товарищ Любимов. Мы считали, что с вашим собственным авторитетом и привычкой не пасовать перед авторитетами других товарищей, стоящих выше вас по служебной лестнице, вы сможете организовать работу существующих наркоматов так, чтобы они составили мобилизационные планы. Но вы вместо этого закопались в технике, а с главной задачей не справились. Сейчас конец марта, значит, мы потеряли три месяца, затянули с реорганизацией, которую могли провести ещё в январе. Теперь до мая будем налаживать работу. А если после весенней распутицы начнётся война? Вы об этом подумали, товарищ Любимов?

Слова Сталина, которые он произносил тихо, отдавались в моём сознании как набат. Нет, я не считал, что совершил какой-то проступок и не чувствовал за собой вины. Всё-таки я сам пришёл и честно признал, что на этот раз задача была мне не по плечу. Когда-нибудь это должно было случиться, как в анекдоте с японской бензопилой. Но не оправдать надежд Иосифа Виссарионовича было по-настоящему тяжело. Не стыдно, не страшно, а именно тяжело. И сразу как-то пусто стало на душе.

– Вряд ли, товарищ Сталин, найдутся дураки на нас сейчас нападать, – вяло промямлил я на автомате, лишь бы не молчать, – В Маньчжурии Красная Армия показала всем свою мощь.

– Идите, товарищ Любимов, вы свободны, – не обратив никакого внимания на мой ответ, отправил меня восвояси отец народов.

Через два дня Совнарком действительно принял решение о разделении наркоматов, причём, по плану ВПК, чем подсластил мне горькую пилюлю. Сама же Военно-промышленная комиссия этим же постановлением была упразднена. Вместо её создавался Комитет обороны на уровне наркомов.

– Что, браток, карьера не задалась? Прочувствовал, почём фунт лиха? – фонтанируя оптимизмом, со смехом подливал бывшему председателю ВПК бывший нарком ВМФ Кожанов. – Мы с тобой как те два брата-акробата под куполом цирка, взлетели, да не удержались.

– Не понимаю, чему ты так радуешься, – ответил я хмуро.

– А чему огорчаться? Тому, что ты легко отделался? Уж поверь мне, на этом мобплане не один чёрт ногу сломит, полетят наркомы и замнаркомы с должностей как миленькие. Хорошо ещё, если не в гости к твоему ненаглядному Лаврентию. Я, когда флотом заправлял, именно поэтому добился, чтоб заводы за ним свои закрепили. Чтоб путаницы с этой кооперацией, когда чуть ли не адмиральский катер полудюжиной управлений НКТП, с каждым из которых целая гора переписки, не считая их междусобойчиков, строили. А во всей промышлен-

ности этот клубок распутать – и пытаться нечего. Правильно ты поступил, что предложил разрубить по отраслям и направлениям. Месяца три назад сообразил бы – вообще был бы героем. Да чего уж теперь… Чем заняться думаешь? – Иван Кузьмич разливался соловьём, лишь бы поднять мне настроение.

– За державу обидно, товарищ. Шут с ними, с наркомами, дело-то не сделано. И никакого удовлетворения у меня от этого нет и быть не может. А займусь чем? Да какая уж разница… Вон у меня Курчевский ещё остался, помогу ему с гранатомётом реактивным, там всего и надо до идеала кумулятивную гранату добавить. Да и с бомбами штурмовыми не всё ещё закончено. Хочу не только осколочные, но и зажигательные, а заодно и объёмно-детонирующие стоит попробовать. Надо бы благоверную напрячь, пусть со своими химиками покумекает. Они как раз в нефтепродуктах закопались, присадки к маслам ищут.

– Ну, дело твоё, – вздохнул Кожанов. – Хотя мне кажется, что это для тебя мелковато. Как так, Любимов, и вдруг никаких гигантских скачков хоть в технике, хоть в политике? И не только внутренней, между прочим! А знаешь, я, как на Дальнем востоке откомандовал, тоже, как экскременты в проруби, без настоящего дела. Вот, в Японию посылают военно-морские контакты налаживать. Вроде, как для меня это дело привычное, бывал я там морским атташе. Может, айда со мной? Замолвлю за тебя словечко. Тем более, у тебя с их премьером Ёнаем контакт налажен, делу помощь. Будешь советником военно-морской миссии по технической части. Никуда твои бомбы от тебя не убегут, а на гейш посмотреть может шанса больше и не будет!

– Нашёл, чем сманивать! – выпученные глаза Ивана Кузьмича, когда он приводил мне свой последний самый весомый аргумент, вернули мне хорошее настроение. – Ты когда улетаешь?

– Ну, пока не ясно. Переговоры идут, состав делегации утрясается. Дело тонкое и не быстрое. Дипломатия! – поднял Кожанов указательный палец вверх. – Так что ещё успеешь своему Курчевскому эту самую кулятивную гранату впарить. А там месяц-два, как договоримся с японцами. В море будем выходить, засиделся я на берегу. Да что там море, целый океан! И корабли тоже – не чета нашим старикам. Эх, на «Нагато» бы побывать, посмотреть хоть на шестнадцать дюймов. Чтоб ты не говорил, а линкоры – сила. Одним видом внушает! Хотя, конечно, наши лётчики, катерники и подводники в случае чего их перетопят, – последнее, что сказал Кожанов, он произнёс не виде мантры о нашей непобедимости, а вполне себе уверенно.

– Ты, вижу, уже за меня всё решил? Посмотрим, что Полина на это скажет.

– Да не бойся, я её уговорю, – по сравнению с этим утверждением моряка померк даже тезис о неминуемом потоплении японских линкоров.

– Тоже, гейшами соблазнять будешь? – поддел я Ивана Кузьмича.

– Чур, меня! Жизнь дороже! – рассмеялся Кожанов. – Скажу как есть! Отвлечься тебе надо и развеяться. В Москве ты захиреешь. Хорошо хоть пить не начал.

– Да? А что это мы сейчас здесь делаем?

– Так помалу же и всего один только раз! Да под разговор приятный. Или ты что-то против имеешь? – отнёс Иван Кузьмич горлышко бутылки от моего, в очередной раз опустевшего стакана.

– Нет уж! Давай наливай! По одной и хватит! – сказал я уверенно, прикидывая, что как раз будет «норма», которую лучше не перебирать. – А насчёт Японии – согласен! Там я ещё не бывал, да и на место одно посмотреть захотелось. Но с Полиной сам будешь договариваться. Никто тебя за язык не тянул.

Эпизод 3.

Закончился март 39-го года, прошёл апрель и майские праздники. Несмотря на обусловленный природой весенний позитив всё это время настроение у меня было какое-то подавленное. Сдулся. Не было уже такого стремления совершать и преодолевать, как раньше. Думая об этом, я сравнивал своё состояние с кризисом среднего возраста, когда дети уже выросли, жизнь сложилась и стремиться дальше, вроде бы, некуда. Так и здесь. С самого своего появления в этом мире я стремился сделать Красную Армию могучей, такой, чтобы она могла отразить любое нападение. И вот сейчас, когда противников сравнимого веса на всём белом свете для РККА просто нет, даже Германии до нас ещё расти и расти по качеству, и особенно, количеству боевой техники в войсках, кто может бросить нам вызов? Всё, марафонец добежал до финиша и упал без сил. В моём случае – моральных. Работал на автомате потому, что привык, потому, что так надо, и вообще, чтоб было чем заняться.

Прототип кумулятивной гранаты сварганили быстро. Так как мне хотелось впоследствии использовать наработки по ней в трёхдюймовом снаряде, то калибр выбрали в 73 миллиметра. При этом никаких сложных расчётов и опытов я проводить не стал, понадеявшись на «красоту и пропорциональность». 60-градусная медная воронка, такой же 60-градусный хвостовой конус, да общая длина без носового обтекателя почти в три калибра из которых на цилиндрическую часть боеприпаса с воронкой приходилось два. Снаряжалась граната плавленым тротилом.

Для выбора оптимального расстояния подрыва от брони мы с Курчевским провели серию опытов, использовав в виде подопытного корпус тяжёлого танка Гинзбурга, натуральной советской «Меркавы», задумывавшегося, как мобилизационный «дублёр» КВ. В итоге «мобилизационного» в нём оказалось ровно два 350-сильных двигателя от Т-126/ЯГ и ничего более. Стандартная башня КВ, которую в Москве и Подольске самостоятельно делать не могли без освоения технологии ЭШС. Стандартный корпус Т-126, но сваренный из плит в 120 и 75 миллиметров также был непростой задачей для заводов, у которых на серийных танках стыки не превышали 45 миллиметров. Гидромеханическая трансмиссия, которая Гинзбургу показалась проще изготавливаемой в условиях ЗИЛа, чем механическая на 700 лошадиных сил, торсионная подвеска вместо рессор задних тележек тяжёлых грузовиков, даже экстремально широкие из-за небольшой длины танка гусеницы – всё было уникальным, не связанным с гражданским производством. Машина получилась интересной, мощной, легче КВ из-за совмещения по длине МТО и отделения управления, фактически, за габариты Т-126 немного выступал только кормовой свес башни, но, разумеется, в серию не пошла из-за невыполнения «мобилизационного» требования. Вот в её-то корпусе, над которым на Красноармейском полигоне уже успели поглумиться артиллеристы, мы и наделали новых дыр.

Лобовую броню по нормали удалось пробить только один раз, зато бортовую мы дырявили уверенно под разными углами при хорошем запреградном воздействии. От подрыва к подрыву граната немного совершенствовалась, появился центральный «тормоз детонации» напротив взрывателя, благодаря которому волна подходила к воронке белее равномерно, в заряд добавили порошкообразный алюминий, увеличивавший температуру взрыва. В итоге остановились на носовом конусе в те же 60 градусов, что дало Курчевскому повод порассуждать о «золотом сечении». С ним, определённая по бортам танка, гарантированная пробиваемость составила 100 миллиметров.

Чтобы не возникло проблем со взрывателем, мы выбрали самую простую инерционную конструкцию. Массивный ударник её мог прокатываться в огромных количествах на продольно-поперечных станках, корпус сворачивался из листового металла. Капсюль-детонатор, на этот раз мгновенного действия, без замедлителя, предохранительная пружина да поперечная чека с кольцом, больше в нём ничего не было. Менее удобно, из-за того, что перед стрельбой надо выдернуть чеку, зато просто и дёшево. Такая компоновка и конструкция взрывателя предопределила надкалиберную схему гранатомёта, в отличие от прежней, калиберной, при-

нятой Курчевским для оружия с фугасными гранатами и боеголовками с ударным ядром. Первые из них довольно успешно применялись в Маньчжурии против огневых точек, но большой заряд, потребный чтобы метнуть из открытой трубы 120-миллиметровую полуторакилограммовую дуру, приводил ГАУ в уныние и эти РПГ поступали на вооружение в сравнительно малых количествах, направляясь в бедные артиллерией десантные части. Новый же гранатомёт должен был дать ощутимую экономию пороха по сравнению со старым благодаря схеме и более лёгкому снаряду. Глядишь, через полгодика Курчевский и родит хороший РПГ, который можно будет выпускать в неимоверных количествах и на самом примитивном оборудовании.

Параллельно с гранатомётной темой продвигались и штурмовые авиабомбы. Достойного носителя для них пока не существовало, но это дело наживное, Ильюшин, и не только он, работает вовсю. Отталкиваясь от удачной конструкции осколочной бомбы, не составило труда изваять и зажигательную «жестянку». Горючий состав, перемешанный с паклей и заключённый в тонкостенный цилиндрический корпус, благодаря тому, что разрывной заряд был у носа бомбы заглублён, а у хвоста выходил наружу и имел больший диаметр, разбрасывался исключительно в стороны и вниз, поджигаясь при этом с внешней стороны. Что при подрыве на стандартной высоте полтора метра давало на земле лужу двадцатиметрового диаметра, горящую с окружности к центру. Подобной же была конструкция и объёмно-детонирующей или объёмно-зажигательной бомбы, начинкой для которых я озадачил свою любимую жену. С той лишь разницей, что груз-лидер основного взрывателя был превращён в самостоятельный боеприпас, срабатывающий с замедлением и инициирующий уже успевшее образоваться облако. С механической точки зрения всё получилось. Во всяком случае, начинённая обычной водой, бомба сработала как надо.

Так бы скучно и тянулась моя жизнь между опытным заводом на Острове и полигоном в Красноармейске, если бы меня не начали рвать. Это на взлёте можно было цапаться с наркомами, требовать их отставки, выдвигать смелые социальные теории, но стоило только споткнуться и поставить под сомнение доверие к свой персоне САМОГО, как гиены набросились со всех сторон.

Первый звоночек пришёл из Англии сразу после майских. На контакт вышел на этот раз военно-морской атташе капитан Клейнчи вместо Файербрейса, отношения с которым у меня совершенно не сложились. Отправляясь на встречу я ожидал, что коварные британцы изобретут какой-то новый ко мне подход, начнут интересную игру, которая разнообразит мою жизнь. Вместо этого мне прямо и грубо было предложено на них работать за только одно обещание безопасности и убежища «в случае чего». Разумеется, военно-морской атташе был отправлен по тому же адресу, что и его предшественник. Но ох как мне не понравилось, как он себя вёл. Нагло, уверенно, высокомерно, будто Британия вовсе и не проиграла уже заранее мировую геополитическую партию «Мировая война». Скорее, он ощущал себя среди игроков сорвавших куш. И отнюдь не изображал это ощущение, а действительно переживал его и очень глубоко.

Тут было над чем подумать. Британцы явно уверены в своей победе и от осеннего мандража не осталось и следа. Мы явно что-то упустили, и об этом я честно сказал на докладе у Берии. Лаврентий Павлович, который последнее время мной практически не интересовался, никак не стал комментировать мои сомнения, зато приказал через два дня явиться на партактив центрального аппарата, где будет разбираться моё дело. Вот уж что меня совершенно и уже давно не беспокоило, так это «партийная линия». У меня на острове коммунистов-то раз два и обчёлся, комсомольцы в основном, у которых свой междусобойчик. Так что партийная жизнь с регулярными собраниями, взносами, стала для меня формальностью. Собрались вдвоём-втроём на пять минут в курилке, а отметка о проведении поставлена. Конечно, учитывая повышенное внимание ко мне, я не сомневался, что об этом известно на Лубянке, но не придавал этому никакого значения.

Однако, когда пришёл срок, шпынять меня стали не за это. Формализм в партийной жизни был сущей мелочью по сравнении с тем, что больше года назад я связался с церковниками. Киреев, у которого на МеМЗе новенькие «бочёнки» отправлялись прямиком на склад, так как строительство кораблей под них сильно отставало от темпов выпуска моторов, да и устанавливались они, если не считать авианосцев, по два на единицу, попросил меня «пробить лёд» и протолкнуть полностью дизельный эсминец. Серия таких кораблей, по шесть движков, три крейсерских и три форсажных, очень бы его выручила. Флот стал сопротивляться. Ему не нравился малый ресурс и частый ремонт такой СУ, привычные турбины казались, несмотря на лучшие показатели размер-масса/мощность-экономичность дизелей, предпочтительнее. Поэтому советские эсминцы 38-го проекта имели компромиссную, комбинированную, СУ из двух турбинных гребных валов и одного дизельного, только ради того, чтобы впихнуть в их корпус три башни 130-мм пушек. Кроме них дизеля, по две штуки по 11 тысяч лошадиных сил, ставились только на сторожевики-тысячетонники.

Я нашёл выход. Начав с Коломенского я объехал с десяток действующих приходов в Москве и везде произносил не пламенные, но задушевные речи, склоняя святых отцов начать сбор средств на оборону и вложить их непременно в свой, особенный, «православный» корабль. Который, в этом случае, можно было бы заложить в обход госзаказа ВМФ. Доводы мои были просты. Церковь в силах справиться и пережить безбожников, язычников, прочих иноверцев, но ересь для неё смертельна, ибо уничтожает изнутри. СССР стоит на пороге войны, очередного вторжения из Европы, которые всегда, на протяжении всей нашей истории благословлялись римскими раскольниками. И не только благословлялись, но и подстрекались и прямо организовывались. Сейчас же, когда на Западе дошло и до ереси на ересь, а в России православным от безбожников не продохнуть, успешное вторжение будет гибельным для веры. Время отбросить обиды и всем миром взяться за укрепление рубежей! А между собой уж потом разберёмся, с Божьей помощью. Нельзя сказать, что я был неотразим, пару раз мне прямо заявляли, что всё в руцех Божьих, но абсолютное большинство прониклось и обещало помочь. Результат же превзошёл все ожидания и спустя уже полгода после начала сбора средств эсминец, из-за напиханного в проект вооружения превратившийся, фактически, в очень-очень лёгкий крейсер и окончательно классифицированный как лидер, был заложен. Как известно, кто платит, тот и заказывает музыку, поэтому корабль получил имя «Преображение Господне» в честь собственных именин и парусного линкора Черноморского флота, флагмана адмирала Ушакова. Разумеется, правоверные коммунисты сразу же подняли хай, но тогда, когда я ещё был на взлёте, их удалось усмирить, предложив самим не ударить в грязь лицом и совершить что-либо подобное, собрав деньги хоть на один боевой корабль.

И вот теперь, когда верхи потеряли ко мне всякий интерес и даже Берия уже смотрел как на захромавшую лошадь в упряжке, видно размышляя, пристрелить или просто гнать подальше, всё вернулось на круги своя. Компрометирующая связь, подрыв авторитета партии, поддержка буржуазных культов, договорились до предложений, что деньги надо конфисковать, а недостроенный корпус пустить на иголки, чтоб другим неповадно было. Следом мне припомнили абсолютно всё, что я в этом мире делал и всё это оказалось, разумеется, если не вредительством, то идущим вразрез с теорией марксизма. Выступающие сыпали цитатами из «Капитала» и трудов Ленина-Сталина почище святых отцов, которых они так не любили, на соборах. Видно было, что накипело, что готовились и уж сейчас-то, наконец, вжарят по полной! Вплоть до исключения из партии! Что мне было говорить, чем оправдываться, когда мне предоставили слово? Да и не до оправданий мне совсем стало, такая ярость закипела, что с трудом в руках себя держал.

– Вижу, вредитель Любимов всем здесь поперёк горла встал. Отправить на слом вредительский эсминец «Преображение Господне», над которым рабочие Севастопольского завода восемь месяцев трудились? Хорошее предложение от товарища Меркулова, который в своей

жизни даже болта не закрутил! Конфисковать средства со счёта добровольных пожертвований? Да! Это по-нашему, в душу людям нагадить так, что с них потом и гроша ломаного не добьёшься. Всё, казалось, вымели в стране подчистую. Ан нет, на «Преображение» добрым словом, а не кнутом, нашлось! И вообще, чего мелочиться? Раз хочется товарищу Любимову пакость сделать, так давайте вообще все его игрушки поломаем! Все эти вредительские танки, самолёты, миномёты, грузовики, катера с подводными лодками! Детский сад, штаны на лямках! Из партии меня выгнать?! Отличное решение! Я и сам теперь не горю желанием в вашей тёплой кампании оставаться! – с этими словами я подошёл к столу председателя, место которого занимал Берия и с размаху припечатал пятернёй свой партбилет к столешнице. – Счастливо оставаться!

Шагов пять я шёл к выходу в гробовой тишине а потом чей-то незнакомый голос растерянно произнёс:

– Таким вообще не место в наших рядах!

– Рапорт о моём увольнении завтра же будет лежать на столе у наркома! – бросил я в ответ не глядя и, выходя из зала, громко хлопнул тяжёлой дверью.

Эпизод 4.

Так уж вышло, что в тот вечер до дома мы добрались одновременно с Полей, которая, как обычно, задержалась на работе и забежала по дороге к Миловым забрать детей.

– Неприятности? – раскусила она меня с ходу, несмотря на то, что я с превеликой радостью, отнюдь не показной, подхватил на руки подбежавших малышей.

– Да, ерунда, из партии исключился, – несерьёзно ответил я, показывая, что всё в порядке. – И завтра с утра рапорт на увольнение написать придётся.

– Я, конечно, всегда за тебя, – подойдя ко мне вплотную и, положив руки на плечи, жена с тревогой заглянула мне в глаза, – Но о нас-то ты подумал.

– Не беспокойся, родная, – обняв её одной рукой, я другой сдвинул назад платок, гладя по голове, – Эти ухари видно решили, что пришёл удобный момент меня, буйного, в стойло поставить. Обхаять всем коллективом и строгий выговор влепить, чтоб неповадно было своевольничать впредь. Да не на того напали. Пусть вот теперь Лаврентий Иосифу объясняет, как он ему такой геморрой на пустом месте устроил.

– А если это Сталин приказал сделать или хотя бы просто одобрил?

– Ну, тогда… пойдём до конца, – замявшись немного, ответил я как можно уверенней. – Народ меня любит и с точки зрения слесаря Василия да колхозника Ивана я совсем ничего такого позорного не сделал, чтоб меня из партии гнать. Вот увидишь, и месяца не пройдёт, как назад примут. Если я вообще на это соглашусь. Сыт ими всеми по горло. Я им кто, Геракл при Еврисфее, чтоб постоянно какие-то подвиги совершать? Так дойти и до того может, что дадут мне наган с одним патроном да прикажут сокрушить гитлеровскую Германию в два дня. А если «не шмогла» – то из партии вон! Надоело. Всё, что надо было мне в этой жизни сделать – сделано. Своротить СССР, даже если буржуи мира всем кагалом полезут – пупок развяжется. Надо жизнь уже устраивать ровную, спокойную, без авралов, гонок и штурмов, детьми вот заняться, а то видимся только перед сном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.